

НОРТОН

АНДРЭ

АСТРА

АНДРЭ
НОРТОН

АСТРА

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Звёзды принадлежат нам!

Рождённые среди звёзд

романы

Издательство «Зеленоградская книга»
Издательство «Сигма-Пресс»
г. Москва

1994г.

**ББК 84.7 США
Н49**

Нортон Андрэ

Астра. Романы/Пер. с англ. — М.: Издательство «Зеленоградская книга», 1994 г. — 368 стр. Вып. 27.

На Земле после атомной катастрофы установилась диктатура, отвергающая любые знания. Последние уцелевшие ученые бегут с Земли и счастливо достигают планеты Астра. Там они обнаруживают, что новый мир недавно также пережил ужас всеобщей войны. И теперь здесь существуют две расы — бывшие властелины планеты и их рабы, искусственно выведенные дляувеселений. Чтобы выжить, колонии землян предстоит многое узнать, обрести союзников и даже открыть в себе новые свойства разума.

Н $\frac{470100000 - 11}{480(03) - 94}$ Без объявления

**ББК 84.7 США
ISBN 5—86314—037—2**

THE STARS ARE OURS

© 1954 by Andre Norton

STAR BURN

© 1957 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1994 г

© Пер. с англ. «Звезды принадлежат нам!» Д. Арсеньева, 1994 г

© Пер. с англ. «Рожденные среди звезд» Д. Арсеньева, 1994 г

© Художник Д. Аввакумов, 1994 г

**ЗВЁЗДЫ
ПРИНАДЛЕЖАТ
НАМ!**

Харлану Эллисону, ветерану галактических путешествий и опытному проводнику по просторам внешнего космоса.

Книга первая

ТЕРРА

Пролог

(Из Галактической энциклопедии)

Первая галактическая исследовательская и колониционная экспедиция явилась своеобразным следствием социополитической ситуации на планете Терра (Земля). В ходе ряда войн между различными национальными образованиями было создано атомное оружие. В страхе перед демоном, которого они выпустили на свободу, государства планеты завязли в так называемой «холодной войне», накапливая всё больше и больше страшного оружия и мобилизуя население в так называемые «армии».

Научные достижения стали цениться лишь в том случае, если помогали усовершенствовать оружие и одержать победу в войне. Какое-то время учёные и техники всех стран содержались буквально в рабстве при помощи всевозможных ограничений, связанных с «безопасностью», что послужило причиной организации тайного движения специалистов, постепенно приведшего к образованию групп «вольных учёных», которые предлагали свои услуги и правительству, и частным корпорациям. Поскольку в этих группах не обращали внимания на расовую принадлежность, а также на прошлые политические и религиозные взгляды своих членов, то вскоре они стали

подлинно интернациональными, учёные приобретали планетарное мышление, отказываясь от узконациональных интересов; такое положение вызвало ненависть и страх у нанимателей.

При поддержке движения «вольных учёных» люди осуществили первые межпланетные перелёты. Терра — третья планета в системе девяти планет, вращающихся вокруг своей звезды — Солнца (Сол 1). Имеет один спутник — Луну.

Исследовательские корабли совершили посадки на Луне и на двух ближайших планетах — Марсе и Венере. Ни одна из этих планет не годилась для обитания людей; для организации постоянных поселений требовалась огромные усилия, а планеты мало что могли дать взамен. Поэтому после первоначальной вспышки интереса космические полёты были заброшены, и соседние планеты посещали лишь немногие исследователи.

Зато были сооружены три «космические станции», которые служили искусственными спутниками Терры. Они предназначались для снабжения кораблей топливом, а также для астрономических и метеорологических наблюдений. Одна из станций и была использована националистами в войне против «вольных учёных».

Эту станцию захватили неизвестные вооружённые люди (позднейшие исследования позволяют предположить, что то были наёмники некоторых националистических сил). И вот эти люди — то ли по невежеству, то ли сознательно — обратили установки станции против Земли как оружие. Получены достаточно надёжные свидетельства, что захватчики сами не подозревали, какую страшную силу высвобождают, и что энергия орбитальных установок сразу вышла у них из-под контроля.

В результате большая часть некогда густонаселённой планеты была совершенно опустошена, и восстановить эти потери так и не удалось.

Среди немногих уцелевших был некий Артуро Ренци — единственный выживший в своей семье. Ренци был

человеком, способным оказывать на других сильное, буквально магнитическое влияние. Фанатично веривший в националистическую доктрину, а также, возможно, вследствие своих личных потерь он создал учение о злой сути любой науки. Первые проповеди этого учения подозрительно совпали с пропагандистской кампанией, очевидно, тщательно подготовленной заранее, по поводу того, что космическую станцию против Земли обратили сами вольные учёные. Ренци учил, что людям необходимо вернуться к простой жизни, чтобы спасти себя и Терру.

Выжившее население, испытавшее невероятный шок после чудовищной катастрофы, увидело в Ренци вождя, в котором так нуждалось, и вскоре его партия захватила власть на всей планете. Однако спустя некоторое время, несмотря на то, что взгляды Ренци были крайне ограниченными и фанатичными, некоторым его последователям даже они показались слишком либеральными.

Убийство Ренци, совершённое неизвестным, которого абсолютно бездоказательно приписали к вольным учёным, привело к кошмарной чистке, продолжавшейся три дня. К концу этого времени уцелела лишь горстка учёных и техников, которые вынуждены были скрываться, и все последующие годы за ними упорно охотились, когда случайность или человек их выдавали.

Саксон Борт, один из приближённых Ренци, захватил власть и установил жестокую диктатуру Общества Мира.

Любое знание, если им обладал непривилегированный «миротворец», становилось подозрительным. Общество состояло из трёх классов: дворянства, представленного «миротворцами» разных степеней, крестьянства, работавшего на земле, и рабов-рабочих, потомков людей, подозревавшихся в принадлежности к учёным и техникам.

Едва на планете установилась диктатура Общества Мира, воскресли старинные расовые и религиозные распри. Всякие исследования, изобретения и научные поиски были запрещены, и планета быстро погружалась в век

полной тьмы и бескультурья. И именно в это время состоялся первый в истории Земли галактический перелёт.

См. также:

Астра: Первая колония;

Вольные учёные;

Ренци, Артуро;

Терра: Космические полёты.

1. Облава

Дард Нордис на миг задержался под низко нависшими ветвями сосны, которые немного спасали от пронизывающего ветра. Западный край неба окрашивали пурпурные, золотые и красные тона, такие яркие, словно сейчас стоял август, а не конец ноября. Но несмотря на всё своё великолепие, цвета эти были холодны, а резкий ветер легко добирался до худого тела сквозь тонкую одежду.

Дард постарался поудобнее перехватить вязанку дров, которая превращала его в согбенного старика. За верёвку, служившую сму поясом, потянули.

— Дард... на нас смотрит зверь... вон там...

Дард застыл. Для Десси, с её странной тягой ко всем пушистым зверям, каждое животное — друг. Она могла говорить и о белке — и о волке! Дард взглянул на маленькую фигурку и облизал внезапно пересохшие губы.

— Большой? — тихо спросил он.

Руки, завёрнутые в мешковину и превратившиеся потому в бесформенные лапы, отмерили в воздухе расстояние чуть больше фута.

— Вот такой. Я думаю, это лиса. Она замёрзла. А можно... можно, мы возьмём её с собой? — глаза, занимающие почти четверть лица, печально глядели на него, полные необыкновенного, какого-то старческого терпения.

Дард покачал головой.

— У лис густая шерсть, им теплее, чем нам, милая. А у этой лисы, наверное, есть дом, и она сейчас туда идёт. Ты уверена, что сможешь дотащить эту вязанку до дороги?

Десси презрительно надула губы.

— Конечно. Я больше не ребёнок. Но ужасно холодно, правда, Дарди? Хорошо бы снова наступило лето.

Десси резко дёрнула верёвку из шкур, и кусок дерева, служивший санями, заскользил по снегу. На нём лежала груда сухих веток и несколько кусков коры. Не очень большая добыча, даже если объединить с его вязанкой. Но после утраты топора на большее они не могут рассчитывать.

Дард вслед за девочкой начал спускаться по склону, по следу, который они проложили два часа назад. Между чёрными бровями юноши появилась глубокая складка. Топор... ведь он не потерян... его украли. Кто украл? Человек, понимающий, какая это для них потеря, желающий им зла. Значит, Хью Фолли. Но ведь Хью уже несколько недель не появлялся на ферме. Или появлялся — тайком?

Если бы только Ларс понял, как опасен этот Фолли. Фолли служил старостой, что превратило его в фанатичного слугу Мира. Некогда независимые фермеры всегда верили в мир — подлинный мир, а не неподвижный застой, навязанный Миром; и поначалу они стали преданными последователями Ренци. Но потом, после смерти пророка, их упрямая независимость вызвала недовольство захвативших власть. Некоторые пытались сопротивляться — слишком поздно. И вот теперь старосты гордятся своим невежеством и цепляются за немногие полагающиеся им привилегии. И именно из их рядов набирают ненавистных миротворцев.

Фолли — ревностный служитель Мира. К тому же издавна жаждущий присоединить к своим владениям несколько жалких акров Нордисов. И если только он заподозрит их происхождение — что они прямые потом-

ки вольных учёных! — если догадается, чем занимается Ларс!..

— Дарди, почему мы так торопимся?

Дард пошёл медленнее. Дыхание всхлипываниями вырывалось из груди. Паника, заставившая юношу помчаться вниз по склону, никак не отпускала его. И так всегда, когда он хоть на час-другой уходит с фермы. Каждый раз он боится вернуться и увидеть... Дард решительно запретил себе думать о картинах, которые с такой готовностью поставляет воображение. И ради Десси он заставил себя улыбнуться.

— Теперь темнеет рано, Десси. Видишь те тучи?

— Снег, Дарди?

— Вероятно. Эти дрова нам ещё пригодятся.

— Надеюсь, лиса доберётся до своей берлоги ещё до снега. Доберётся, как ты думаешь?

— Конечно. И нам тоже нужно поторопиться. Побежали, Десси — по тропинке...

Десси с сомнением посмотрела на почти бесформенную обёртку своих ног.

— Мои ноги не очень-то хорошо бегают, Дарди. Наверное, слишком закутаны. И замёрзли...

«Только не обморожение!» — взмолился про себя юноша. До сих пор им везло. Конечно, им всегда холодно, а часто и голодно. Но ни несчастных случаев, ни серьёзных болезней пока не случалось.

— Побежали! — резко скомандовал он, и Десси перешла на рысь.

Но когда они добрались до кустов на краю северного поля, Десси остановилась, подчиняясь старому приказу. Дард сбросил вязанку, встал на четвереньки и прополз вперёд под кустами к полуразвалившейся каменной стene, чтобы осмотреть поле перед домом.

Какое-то время он внимательно разглядывал снег перед полуразрушенным домом. Вот следы, оставленные им и Десси. Но снежный покров между домом и главной дорогой был не тронут. После их ухода здесь никто не

проходил. Довольный — впрочем, не ослабляя привычной осторожности, — Дард вернулся назад и принялся собирать дрова.

— Всё в порядке? — Десси нетерпеливо переступила с одной озябшей ноги на другую.

— Да.

Девочка дёрнула сани и побрела вдоль стены, где снега было меньше. Из одного из окон сочился слабый свет. Ларс, должно быть, в кухне. Несколько минут спустя они отряхнули снег и вошли.

Ларс Нордис поднял голову, когда вошли *сначала его* дочь, потом брат. Приветливая улыбка появилась на его лице — кости плотно обтянуло кожей, — и Дард, внимательно посмотрев на брата, почувствовал привычный тайный страх. Они всегда голодны, но сегодня Ларс казался прямо-таки умирающим от голода.

— Хоршая добыча? — спросил Ларс, когда юноша принялся сбрасывать тряпки, служившие ему одеждой.

— Насколько можно без топора. Зато Десси принесла много шишек.

Ларс повернулся к дочери, которая подошла к слабому огню и принялась медленно разворачивать руки.

— Это хорошо! Видела что-нибудь интересное, Десси?

— он говорил с ней как со взрослой.

— Только лису, — серьёзно ответила девочка. — Она следила за нами — из-под дерева. Ей было холодно, но Дард сказал, что она идёт домой...

— Так и есть, милая, — заверил её Ларс. — Небольшая пещера или дупло в дереве.

— А я хотела привести её домой. Хорошо было бы иметь лису, белку... или ещё кого-нибудь. Чтобы они жили с нами, — Десси протянула маленькие грязные потрескавшиеся руки к огню.

— Может, когда-нибудь... — Ларс замолчал. Мимо головы Десси он смотрел на огонь.

Дард повесил на крючок груду тряпок, служившую ему пальто, и направился к шкафу. Взял невзрачный

кусок солёного мяса, и в это время снова заговорил его брат.

— Как с припасами?

Дард напрягся. В вопросе прозвучало не простое любопытство. Он внимательно взглянул на их жалкие запасы на полках.

— На сколько? — спросил он, не в силах сдержать нотку отчаяния в голосе.

— Дня на два — если сможешь всё сложить в пакет.

Дард быстро измерял и оценивал взглядом.

— Если это действительно необходимо... — он не смог сдержать свой протест. Они систематически опустошают свои жалкие запасы — и ради чего? Если бы только Ларс объяснил! Но он заранее знал ответ Ларса: в наши дни чем меньше знаешь, тем лучше. Так даже в семье. Ну, хорошо, он сложит еду в пакет и оставит на столе, а утром она исчезнет — перейдёт к кому-то, кого он не знает и никогда не увидит. А через неделю, может, через месяц, всё повторится...

— Сегодня? — юноша спросил только это, отрезая кусок жёсткого, как дерево, мяса.

— Не знаю.

Услышав ответ брата, Дард опустил тупой нож и посмотрел Ларсу в лицо. Глаза брата прямо-таки горели, сияя радостью, какой в нём не было уже два года, с того самого времени, как умерла мать Десси.

— Ты закончил, — медленно проговорил Дард, не веря, что это может быть правдой, что наконец-то они свободны.

— Закончил. Об этом передадут, и за нами пришлют.

— Милая, — позвал Дард Десси. — Принеси сосновых шишек. Разожжём большой огонь.

Девочка заторопилась под навес, а Дард сообщил:

— Дороги замело, Ларс.

— Да? — сидевший за столом человек не казался встревоженным. — Ну, раньше снег никогда их не останавливал, — он говорил спокойно и уверенно.

Дард помолчал, но глаза его устремились к предметам, прислоненным к стене за плечами Ларса. Они никогда не говорили об этих костылях. Но ведь снег такой глубокий! Ларс никогда не выходит зимой, он просто не может! Как они смогут уйти? Разве что у загадочных пришельцев окажутся лошади? Может, так оно и есть. Самый большой его недостаток — он слишком беспокоится о будущем, заранее тревожится, как будто мало им тревог сейчас.

Десси вернулась и одну за другой подкладывала шишки в огонь. Дард настругал мяса в котел и добавил нарезанной картошки. Потом безрассудно снял крышку с кувшина и добавил в воду его драгоценное содержимое. Если им предстоит уходить, нет смысла беречь продукты. всё равно они всё с собой не унесут.

— День рождения? — Десси следила за ним широко раскрытыми глазами. — Но мой день рождения летом, папин был в прошлом месяце, а твой, — она принялась считать на пальцах, — твой ещё не скоро, Дарди.

— Не день рождения. Просто праздник. Бери ложку, Десси, мешай получше.

— Праздник... — Девочка задумалась. — Мне нравятся праздники. Ты завариваешь чай, Дарди? Это точно похоже на день рождения!

Дард высыпал на ладонь засохшие листья. Ощутил их слабый аромат. Мята, зелёная и прохладная под солнцем. Он чувствовал, что отличается от Ларса: для него цвета, запахи, звуки означают гораздо больше. А Десси особенная по-своему, с её умением дружить с птицами и животными. Прошлым летом он не раз видел, как девочка исподвижно сидит на стене, на плечах у неё две птицы, а белка тычется ей в руку.

Но и Ларс обладает определёнными талантами. Только он научился их использовать. Дард бросил последний высушенный лист в котелок и в тысячный раз подумал, каково было жить в прошлом, когда вольные учёные имели право исследовать и экспериментировать. Вероятно, мир был совсем другим, тот мир, что существовал до

Большого Пожара, до того, как Ренци создал свой Великий Мир.

Но юноша из своего раннего детства помнил только смутное ощущение счастья. Чистка произошла, когда ему было восемь лет, а Ларсу двадцать пять, и после этого их дела шли всё хуже и хуже. Конечно, им ещё повезло, что они вообще пережили чистку. Ведь они из семьи учёных. Но пока Дард вместе с Ларсом и Катей добрались сюда, брат за время их бегства стал калекой. Зато Катя была другой, она всё быстро забыла и была счастлива. А когда пять месяцев спустя родилась Десси, у них словно стало двое детей. Катя была послушна и мила, но жила в своём особом мире снов, и они даже не старались извлечь её оттуда. И вот они уже семь или восемь лет живут здесь. Однако за всё это время Дард ни разу не посмел подумать, что они в безопасности. Он всегда жил в страхе. Возможно, Катя действительно была самой счастливой из них.

Он принял мешать похлёбку, а Десси села за стол, достала три деревянных ложки, побитую глиняную миску, единственную супную тарелку, две оловянные кружки и красивую фарфоровую чашку: эту чашку ей подарили на прошлый день рождения Дард; сам он нашёл её на чердаке.

— Замечательно пахнет, Дард. Ты хороший повар, малыш, — похвалил его Ларс.

Десси согласно кивнула, и две её косички дёрнулись на худых плечах, а выступающие лопатки стали похожи на крылья.

— Я люблю праздники! — объявила она. — А будем сегодня играть в слова?

— Обязательно! — пообещал Ларс.

Дард не преставал мешать, внимательно вслушиваясь в голос брата. Показалось ему, или действительно последнее слово прозвучало как-то по-особому? И почему ему самому стало так тревожно? Словно они сидят в безопасном логове, но снаружи бродит кто-то страшный.

— У меня есть новая игра, — продолжала Десси. — Вот как она звучит...

Она положила руки на стол по обе стороны от тарелки и в такт словам застучала сломанными ноготками:

— Исси, Осси, Икси, Энн,
Фулсон, Фолсон, Орсон, Кенн.

Дард сделал усилие, чтобы изгнать этот ритм из сознания — не время искать «рисунки». Почему он всегда видит слова, словно расположенные по восходящим и нисходящим линиям? Это такая же его часть, как умение радоваться цвету, текстуре, зрению и звукам. А в последнее время Ларс подбадривает его, заставляет работать, стараться находить новые образы в строчках старых стихотворений.

— Да, это знаки, Десси, — согласился на этот раз Ларс.

— Я слышал, как ты напевала это утром. И есть причина, почему Дард должен сделать для нас рисунок... — он неожиданно замолчал, и Дард даже не пытался расспрашивать его.

Они молча быстро поели, подбиравая ложками горячую похлебку, наклоняя миски, чтобы выпить последние капли. Зато душистый мяный чай все тянули неторопливо, чувствуя, как тепло проникает в измученные иззябшие тела. Огонь давал слабый свет; лицо Ларса лишь время от времени освещалось, а в углах комнаты лежали густые тени. Дард и не пытался зажечь покрытые жиром прутья, которые торчали в железной пестле над столом. Он слишком устал для этого. Но Десси обогнула стол и прижалась к искалеченному плечу Ларса.

— Ты обещал поиграть в слова, — напомнила она.

— Да, игра...

Со вздохом Дард наклонился и взял из очага уголёк. Юноша почувствовал сдержанное возбуждение в голосе брата. С обгоревшим деревом в качестве карандаша и столешницей вместо бумаги он ждал.

— Ну, попробуем твои стихи, Десси, — предложил Ларс. — Повтори их медленно, чтобы Дард смог выработать рисунок.

Палочка Дарда двинулась — несколько линий вверх, вниз, снова вверх. Получился рисунок, и достаточно ясный. Десси подошла, посмотрела и рассмеялась.

— Пинающиеся ноги, папа. Из моих стихов получились пинающиеся ноги!

Дард тоже рассматривал свой рисунок. Десси была права: это пинающиеся ноги, причем одна сильнее другой. Он улыбнулся и вздрогнул: Ларс встал и без помощи костылей пробрался вдоль стола. Он сосредоточенно посмотрел на изгибающиеся линии, потом достал из грудного кармана заплатанной рубашки кусочек коры, какую они используют вместо бумаги. Брат держал кору в ладони так, чтобы не было видно, что на ней написано. Взяв у Дарда палочку, он начал писать сам, но не слова, а только цифры.

Время от времени Ларс стирал написанное ладонью и снова начинал лихорадочно водить по коре угольком, наконец он быстро кивнул, удовлетворившись, и перенёс последнюю комбинацию под рисунок, который увидел Дард в стишке Десси.

— Слушайте оба, это очень важно, — голос его прозвучал резко, как нетерпеливый приказ. — И рисунок, который ты увидел в стихах Десси... и эти слова, — и он медленно произнёс, подчёркивая каждое слово:

— Семь, четыре, девять, пять,
Двадцать, сорок, пять опять.

Дард смотрел на рисунок углём на крышке стола, пока не убедился, что запомнил его навсегда.

Когда он кивнул, Ларс повернулся и бросил кусок коры в огонь. А потом посмотрел прямо в глаза брату над склонённой головой маленькой девочки.

— Ты должен всё это запомнить, Дард...

Но не успел младший Нордис сказать: «Я помню», — как неожиданно вмешалась Десси.

— Семь, четыре, девять, пять, двадцать, сорок, пять опять. Да ведь это стихи, как мои, правда, папа?

— Да. А теперь — спать, — Ларс опустился на свой стул. — Уже темно. Тебе тоже лучше лечь, Дард.

Это приказ. Значит, Ларс кого-то ждёт сегодня ночью. Дард достал из огня два кирпича и завернул в обожжённый обрывок одеяла. Потом открыл дверь на кривую лестницу, которая ведёт в комнату наверху. Там темно и очень холодно. Но сквозь незавешенное окно пробивалась луна; света было достаточно, чтобы увидеть груду соломы и тряпки у трубы очага, которая чуть грела от огня внизу. Дард уложил кирпичи, соорудил настояще гнездо в соломе и задвинул Десси поглубже. Потом немного постоял, глядя на освещённый луной снег.

Они живут довольно далеко от дороги, целая миля заносов обещает некоторую безопасность, к тому же он принял собственные меры предосторожности, чтобы патруль миротворцев не смог незаметно подобраться к ферме. Зато за полем стоит дом Фолли, вот откуда исходит опасность. Дальше горы, хоть и дикие, они обещают спасение. Если бы Ларс не был калекой, они давно ушли бы туда.

Когда они только попали на ферму, та показалась измученным беглецам вполне безопасным убежищем после двух лет преследований. После убийства Ренци и последовавшей чистки наступило временно смятение, миротворцы собирались с силами, и потому мелкой рыбёшке из оставшихся учёных и техников удалось уйти из первых сетей. Теперь патрули прочёсывают всех подряд, и рано или поздно один из них явится сюда, особенно если Фолли сообщит о своих подозрениях нужным людям. Фолли нужна их ферма, а Ларса и Дарда он ненавидит, потому что они особенные. А в эти дни быть особенным означает подписать собственный смертный приговор. И

сколько ещё времени сумеют они избегать внимания отрядов, занятых облавами?

Мрачные предчувствия охватили Дарда. Он обнаружил, что кусает стиснутые в кулак пальцы. Двумя быстрыми шагами юноша пересёк комнату и нашупал в темноте полку. Сердце его ёкнуло, когда пальцы коснулись рукояти ножа. Не очень-то хорошее оружие против парализующего ружья. Но теперь он по крайней мере не беззащитен.

Повинуясь неожиданному порыву, Дард сунул нож под одежду, по коже пробежали мурашки от прикосновения ледяного металла. Потом он заполз в соломенное гнездо.

— Хммм?.. — послышалось сонное бормотание Десси.

— Это Дарди, — успокоительно прошептал он. — Спи.

Прошли часы, а может, всего несколько минут, когда Дард неожиданно проснулся. Он напряжённо лежал и прислушивался. В старом доме стояла полная тишина, даже половицы не скрипели. Но Дард выполз на холод и подкрался к окну. Что-то разбудило его, и страх, в котором юноша постоянно жил, заставил его тут же насторожиться.

Он до рези в глазах всматривался во все детали чёрно-белого ландшафта. Между луной и снегом пробежала тень. Беззвучно опустился вертолёт, неслышно сев прямо перед домом. Из него выпрыгнули люди и рассыпались веером, окружая дом.

Дард подбежал к постели и вытащил Десси из тепла, зажав ей рукой рот. Её глаза, полные страха, широко раскрылись, и Дард коснулся губами её уха.

— Спускайся к папе, — приказал он. — Разбуди его.

— Миротворцы? — дрожа не только от холода, девочка устремилась к лестнице.

— Да. Они прилетели в вертолёте, — это было единственное, от чего он никак не мог защититься, — неожиданное нападение сверху. Ведь уластей осталось так мало вертолётов, сейчас же запрещено строить и ремонтировать машины. И зачем использовать вертолёт

для нападения на незначительную ферму, где скрываются калеска, маленькая девочка и подросток? Наверное, работа Ларса действительно важна, так важна, что враги не могут допустить, чтобы он ушёл в подполье.

Дард внимательно следил, как укрываются тёмные тени. Теперь они, вероятно, окружили дом со всех сторон. Обитатели дома им нужны живыми. Слишком много загнанных в угол учёных в прошлом обманывало их. Теперь они не торопятся, так медлят, что... Улыбка Дарда была не просто мрачной гримасой. У него в запасе оставалась ещё одна тайна, и она может спасти семью Нордисов.

Увидев, что последний прибывший укрылся, Дард бегом спустился в кухню. Огонь по-прежнему горел, перед ним скорчился Ларс.

— Они прилетели по воздуху. И теперь дом окружён, — вполне естественным голосом сообщил Дард. Теперь, когда худшее уже произошло, он был поразительно спокоен. — Но им ещё предстоит узнать, что полностью захлопнуть ловушку они не сумели.

Юноша протиснулся мимо Ларса и открыл дверцу шкафа. Десси стояла рядом с отцом, и Дард бросил ей мешок.

— Набей его продуктами, сколько сможешь, — приказал он. — Ларс, сюда!

Он сорвал с колышков запасную одежду.

— Одевайся, мы уходим.

Но брат покачал головой.

— Ты же знаешь, я не смогу, Дард.

Десси набивала мешок провизией.

— Я тебе помогу, папа, — пообещала она. — Сейчас, как только освобожусь.

Дард больше не обращал внимания на брата. Он побежал в дальний конец комнаты и поднял крышку погреба.

— Прошлым летом я обнаружил здесь проход за стеной, — объяснил он, возвращаясь за одеждой. — Он ведёт в амбар. Мы спрячемся там...

— Они знают, что мы здесь. И будут ожидать чего-нибудь подобного, — возразил Ларс.

— Не будут. Я запутаю след.

Он видел, что Ларс надевает рваное пальто. Десси была уже готова и помогала отцу не только одеться, но и проползти по полу к отверстию. Дард передал ей факел, а сам принялся за работу.

Он достал из шкафа небольшую бутылку и щедро полил сё драгоценным содержимым комнату. Потом отступил к лестнице в погреб и бросил второй горящий факел в ближайшую полоску жидкости. К потолку с рёвом взметнулся огонь, так что Дард сдва успел нырнуть в погреб и закрыть за собой крышку.

Раздвигая старые прогнившие лари, скрывавшие проход, он слышал над головой треск, сквозь щели начал пробиваться дым.

Немного спустя Десси поползла вперёд по проходу, Дард потащил за неё Ларса. А над их головами горел дом. Те, что снаружи, должны поверить, что они сгорели вместе с ним. И во всяком случае огонь даст им драгоценные минуты для отступления, а это означает разницу между жизнью и смертью.

2. Бегство

Прежде чем они добрались до выхода в амбаре, Дард остановил всех. Не было никакого смысла попадать прямо в руки рыщущих миротворцев. Лучше оставаться в укрытии, пока беглецы не поймут, обманул ли врага торевший дом.

Стены прохода, в котором скорчились три жертвы, были выложены грубыми камнями, и он был так узок, что плечи взрослых задевали за мокрые булыжники. Было промозгло, ледяной холод шёл от промёрзшей земли, проникал через плохо укутанные ноги в дрожащие тела. Дард не знал, долго ли они это выдержат. Беспокоясь, он даже прикусил губу и напряжённо вслушивался в звуки наверху.

Ответом на ожидание послужил сильный взрыв, по проходу от дома до них докатился удар звука и сотрясение почвы. И тут же чуть ли не истерически засмеялся Ларс.

— Что случилось? — начал было Дард и сразу сам ответил на собственный вопрос: — Лаборатория!

— Да, лаборатория, — подтвердил Ларс, прислонившись к стене. Вся его поза и голос показывали полное спокойствие. — Теперь им придётся разбираться в каше обломков.

— Тем лучше! — выпалил Дард. — Это подкормит огонь?

— Подкормит? Да лаборатория легко поднимет на воздух всё здание. После взрыва невозможно будет понять, что там находилось внутри.

— Или кто! — впервые Дард ощущил подлинную надежду. Миротворцы не могут знать об этом проходе, они, вероятно, поверят, что обитатели дома погибли при взрыве. Бегство семьи Нордис останется необнаруженным, теперь у них появились прекрасные шансы.

Но Дард продолжал терпеливо ждать, вернее, заставил Ларса и Десси ждать в проходе, а сам пробрался к амбару, поднялся по лестнице, которую оставил здесь как раз на такой случай, и осторожно прополз по прогнившему полу ко входу без двери.

Одна стена фермы обвалилась, и языки пламени ярко освещали открывшуюся картину. Двое в чёрно-белых мундирах миротворцев оттаскивали третью от места катастрофы. Кругом раздавались крики. Дард прислушался и убедился: преследователи считали, что их добыча погибла вместе с домом. Вместе с ними погибли два офицера, которые во время взрыва взламывали дверь. Ещё трое было ранено. И теперь отряд, участвовавший в облаве, торопливо отступал, опасаясь новых взрывов. Миротворцы, гордящиеся отсутвием научных знаний, легко поддаются подобным страхам..

Дард приподнялся. Последний солдат, держа наготове

парализующее ружьё, обходил горящий дом, держась подальше от химически яркого пламени; он брёл по глубокому снегу. Немного погодя Дард увидел поднимающийся вертолёт. Тот сделал круг над фермой и направился на запад. Дард облегчённо вздохнул и вернулся в проход.

— Всё в порядке, — доложил он Ларсу, поддерживая калеску и помогая ему подняться по лестнице. — Они решили, что мы погибли при взрыве, и опасались новых взрывов, поэтому поспешили уйти...

Ларс снова рассмеялся.

— И назад торопиться не будут.

— Дард, если наш дом сгорел, где же мы будем теперь жить? — Десси маленькой тенью двигалась в темноте.

— Какая у меня практическая дочь, — одобрительно сказал Ларс. — Найдём какое-нибудь другое место...

Дард вспомнил.

— Вестник, которого ты ожидал. Он может увидеть с холмов зарево и вообще не прийти.

— Поэтому тебе придётся оставить для него знак, Дард, что мы по-прежнему в мире живых. Но Десси заметила, что у нас нет крыши над головой, и чем скорее мы отсюда уйдём, тем лучше. Наши последние посетители считают, что мы мертвы. Поэтому нам с Десси не опасно оставаться здесь, а ты отправишься за помощью. Иди вдоль стены на верхнем красном пастибище до угла, где начинается старая лесная дорога. Примерно в четверти мили оттуда найдёшь большое дерево с дуплом. Положи это в дупло, — Ларс достал из-под одежды свёрток, — и возвращайся. Это приведёт сюда нашего человека, даже если он видел взрыв. Он поймёт, что мы спаслись и ждём в укрытии контакта. Если до утра он не появится, мы попытаемся перебраться поближе к дереву.

Дард понял. Его брат не решается пробираться через снег и заросли ночью. Но завтра они соорудят из обломков что-нибудь вроде саней и перетащат Ларса в безопасный лес. А тем временем необходимо оставить

знак. Предупредив об осторожности, Дар выбрался из амбара.

Инстинктивно он держался тени деревьев и кустов, которые наступали на некогда плодородные поля. Снег у строений фермы был истоптан множеством следов, оставленных миротворцами, и Дард с их помощью маскировал собственный след. Он сам не мог бы объяснить, зачем ему эти предосторожности, но бдительность и постоянная настороженность давно уже стали неотъемлемыми чертами его жизни. С другой стороны, теперь, когда набег, которого они так долго ждали, всё-таки произошёл, он чувствовал, что с него свалилась огромная тяжесть.

Он уходил от огня, и ночь становилась всё тише и холоднее. Снежная сова скользнула на фоне неба, в лесу завыл волк или одичавшая хищная собака. Дард легко нашёл дерево, указанное Ларсом, и уложил свёрток в тёмное дупло.

Холод грыз сго, и юноша заторопился назад. Может, они сумеют разжечь небольшой костёр и продержаться до утра. Перебираясь через покрытую снегом стену, он прикинул, скоро ли рассвет. Постель... сон... тепло... Он так устал, так устал...

И тут ночную тишину разорвал звук. Выстрел! Лица Дарда исказилось, рука легла на ручку ножа. Выстрел! А у Ларса нет оружия! Миротворцы! Но ведь они ушли!

Неуклюже скользя, стараясь удержать равновесие в глубоких сугробах, Дард побежал. Через несколько минут он опомнился и нырнул в укрытие. Теперь он подбирался к амбару так, чтобы его не мог подстрелить укрывшийся там снайпер. Десси, Ларс, они там одни и совсем беззащитны!

Дард был уже рядом с амбарам, когда услышал крик Десси. И тут же забыл об осторожности. Сжав нож в руке, он бросился по двору к амбару. Но бежал он абсолютно беззвучно.

— Вот тебе, сатанинское отродье!

Дард бежал, сжимая в руке нож. Ему продолжало везти: в этот момент в горящем доме вспыхнул яркий язык пламени и осветил сцену в амбаре.

Десси билась, на этот раз молча, с яростью маленького загнанного зверька, в руках Хью Фолли. Кулак мужчины нацелился ей в лицо, и в это мгновение Дард метнул нож.

Сказались долгие месяцы тренировок с оружием. Десси отлетела в сторону и на четвереньках быстро отползла в темноту. Хью повернулся и наклонился, словно хотел дотянуться до лежавшего у его ног ружья. Но тут же закашлялся и упал. Дард схватил ружьё. И только когда оно оказалось у него в руках, юноша повернулся к кашлявшему мужчине. Он засцепил Фолли за плечо и пересвернул его. Маленькие чёрные глазки смотрели на него с ненавистью.

— Достал... грязного... вонючку... — пробормотал Фолли и снова закашлялся. Губы его покрывала кровь. — Он... думал... сумест... спрятаться... убить... убить... — остальное заглушил поток крови. Фолли попытался приподняться, но не смог. Дард мрачно следил за ним, пока всё не кончилось, потом, подавляя тошноту, вырвал свой нож.

Прошло несколько часов, которые Дарду не хотелось вспоминать. Когда они с Десси вышли из амбара, солнце ещё не всходило. С серого неба падали белые хлопья. Дард смотрел на них вначале непонимающе, потом с тупым облегчением. Снежная буря многое скроет. Вряд ли кто-нибудь найдёт искалеченное тело Ларса, надёжно спрятанное в проходе. А людей Фолли буря задержит, они не сразу начнут поиски. Старосту не любили, он был жесток и груб, и поэтому вряд ли удастся сколотить большую поисковую группу.

— Куда мы идём, Дарди? — голос Десси прозвучал монотонным шумом. Она не плакала, но непрерывно дрожала и смотрела на мир с ужасом в глазах. Надевая мешок с припасами, Дард прижал к себе девочку.

— В лес, Десси. Придётся пожить как звери — немногого. Есть хочешь?

Она, не глядя на него, покачала головой. И не двигалась, пока Дард не подтолкнул её. Снег дико плясал вокруг в порывах ветра, покрывая дымившиеся остатки дома. Непрерывно подталкивая Десси перед собой, Дард двинулся по своему следу, оставленному ночью, к дереву с дуплом и к месту встречи. Теперь их единственный шанс — встретиться с вестником Ларса.

Под деревьями буря ощущалась слабее, но снег обледил тела, лежал на ресницах, садился на прядь волос, которую Десси постоянно механически отбрасывала со лба. Еда, тепло, убежище — Дард цеплялся за эти слова, стараясь забыть о событиях прошлой ночи. Десси так долго не выдержит. Да и его силы подходили к концу. Теперь он использовал ружьё как посох.

Ружьё, три патрона... Это всё, что у него было. Но оружие юноша собирался использовать только в самом крайнем случае. Звук выстрела разносится слишком далеко. В округе осталось всего несколько ружей, и все они в руках тех, кому доверяют миротворцы. Звук выстрела привлечёт тех, кто ищет Фолли. И если заподозрят, что они сбежали... Дард вздрогнул, но не от холода.

Подгоняя Десси, он упорно направлялся к дереву с дуплом. О следах можно было не беспокоиться, снег заметал их за несколько минут. Но они должны были оказаться поблизости, чтобы вестник Ларса нашёл их.

Дард заставил Десси ходить взад и вперёд по снегу. Так она не только отгоняла незаметно подкрадывавшееся оцепенение, но и утрамбовывала площадку для убежища, которое он строил. Дард использовал упавшее дерево, сделав из ветвей крышу и засыпав её снегом.

Из своего логова им хорошо было видно дупло в дереве, и Дард велел девочке непрерывно смотреть, не подойдёт ли кто к нему.

Они поели солёного мяса и снега. Десси пожаловалась, что хочет спать, и Дард наконец забился в убежище,

держа девочку на руках, положив рядом ружьё и борясь с собственной сонливостью.

Наконец он поставил ружьё меж ног, так что ствол оказался у него под подбородком: теперь, если он уснёт, прикосновение холодного металла его сразу разбудит. Юношу тревожил вопрос, сколько времени придётся им провести здесь. А что если вестник не придёт ни сегодня, ни завтра? В горах есть пещера, он обнаружил её прошлым летом, но...

От удара подбородком о ружьё в глазах навернулись слёзы. Снег прекратился. Ветви под тяжестью снега склонились до самой земли; но воздух был чист. Дард откинул капюшон и взглянул на худое измученное лицо Десси. Она спала, но всё время вздрагивала и однажды негромко застонала. Он изменил позу, чтобы размять затёкшие ноги, и девочка на мгновение проснулась.

Но не успела она сказать «Дарди?», как тут же послышался новый звук. Дард рукой прикрыл Десси рот. Кто-то шёл по лесной тропе, напевая.

Вестник?

Но надежды Дарда сразу рассеялись. Не успел он заметить за кустом блеск красного, как тут же обладатель красной шапки вышел на прогалину. Дард неслышно зарычал...

Лотта Фолли!

Десси забилась в его руках, и юноша отпустил её; девочка отползла к стене тесного убежища. Но хоть Дард и взял в руки ружьё, прицелиться не смог. Хью Фолли, предатель и убийца, — да. Но его дочь... пусть она той же мерзкой породы, пусть он отказывается от свободы и жизни, убить её он не мог.

Крепкая маленькая фигурка девушки, в тёплой домотканой одежде и вязаной шапочке, тяжело дыша, остановилась у того самого дерева, за которым он наблюдал. Если она поднимет голову, если она так же привыкла к лесу, как и он — а Дард в этом не сомневался...

Лотта Фолли подняла голову и посмотрела прямо в

лицо Дарда. Он не шевелился, надеясь, что девушка его не заметит. Ведь он всё-таки в тени, если он сыграет «мёртвого» или зверя, она не поймёт.

Но глаза Лотты расширились, полный рот беззвучно произнёс удивлённое восклицание. Дард с болью ожидал её крика.

Однако она не закричала. После первоначального удивления лицо Лотты приняло обычное туповатое, чуть мрачное выражение. Не глядя на него, девушка стряхнула снег с одежды, и когда заговорила самым своим обычным хрипловатым голосом, можно было подумать, что она обращается к соседнему дереву.

— Миротворцы охотятся.

Дард не ответил. Лотта надула губы и добавила:

— Они охотятся за тобой.

Юноша продолжал молчать. Она перестала отряхивать одежду, глаза её устремились в сторону старой дороги.

— Они знают, что твой брат вонючка...

«Вонючка» — оскорбительная кличка учёного. Дард продолжал молчать. Но следующий вопрос Лотты удивил его.

— Десси... с ней всё в порядке?

Он не успел перехватить девочку, та выскользнула из убежища и серьёзно посмотрела на Лотту Фолли.

Лотта порылась на груди и извлекла пакет, завёрнутый в грязную тряпку. Она не попыталась отдать его Десси, а просто положила на пень перед собой.

— Это тебе, — сказала она девочке. Потом повернулась к Дарду. — Вам лучше уходить отсюда. Па рассказывал миротворцам о тебе, — Лотта помолчала. — Па не вернулся ночью...

Дард перевёл дыхание. Этот её взгляд... неужели она что-то знает? Но если Лотта знает, что её отец лежит в амбаре, почему она не зовёт на помощь, не указывает дорогу преследователям? Лотта Фолли... Она ему никогда не доставляла особой радости. Вначале, когда они только поселились на ферме, она приходила к ним довольно

часто и с каким-то тупым интересом наблюдала за Катей и Десси. Говорила она мало, а то, что говорила, свидетельствовало, что она умственно недоразвита. Дард презирал её, хотя никогда этого не показывал.

— Па не вернулся прошлой ночью... — повторила Лотта, и юноша понял, что она знает — или подозревает. Как же она поступит? Он не мог выстрелить в неё, просто не мог...

И тут он понял, что девушка увидела ружьё, увидела и узнала. А он никак не сможет объяснить, как оно оказалось у него. Ружьё Фолли — это сокровище, в руках другого оно не может оказаться, особенно в руках врага Фолли — пока сам Фолли жив.

Она говорила в прошедшем времени. Знает! Что же делать?

— Па многое ненавидел, — девушка перевела взгляд на Десси. — Ему нравилось делать больно.

Говорила она без эмоций, своим обычным тупым томом.

— Он хотел причинить боль Десси. Хочел отправить её в рабочий лагерь. Сказал, что сделает это. Лучше отдаи мне ружьё, Дард. Если его найдут рядом с папой, не будут никого искать.

— Почему? — удивлённо спросил юноша.

— Никто не отправит Десси в рабочий лагерь, — твёрдо заявила Лотта. — Десси, она особенная. И мама её тоже была особенная. Однажды она сделала для меня куклу. Па, он её нашёл и сжёг. Ты... ты сможешь позаботиться о Десси, ты должен о ней позаботиться! — и девушка повелительно посмотрела ему в глаза. — Ты уведёшь Десси туда, где до неё не доберётся никакой миротворец. Дай мне ружьё па, и я вас прикрою.

Доведённый до пределов выносливости, Дард сказал правду:

— Мы пока не можем уходить...

Она прервала его.

— Кто-то к вам должен прийти? Значит, па был прав: твой брат — вонючка!

Дард обнаружил, что кивает.

— Ну, хорошо, — Лотта пожала плечами. — Я дам вам знать, если они придут снова. Но помни: ты должен заботиться о Десси!

— Я позабочусь о Десси, — он протянул ружьё, и девушка взяла его, а потом снова указала на пакет.

— Дай ей это. Я постараюсь принести ещё, может, сегодня ночью. Если они решат, что вы бежали, то приведут из города собак. И если так... — она нерешительно переступила с ноги на ногу в снегу. Потом прислонила ружьё к стволу дерева и развязала свой пакет. Неуклюжие в перчатках руки развернули новый вязаный шарф. Лотта бросила его девочке.

— Надень это, — приказала она тоном матери или старшей сестры. — Я бы отдала своё пальто, но это могут заметить, — она снова взяла ружьё. — А теперь я отнесу это на место; может, тогда вас не станут искать.

Дард, лишившись речи, смотрел, как девушка уходит по тропе. Он по-прежнему не понимал причины её поступка. Неужели она действительно вернёт ружьё в амбар? Как она может, зная правду?.. И почему?

Юноша наклонился, заматывая шарфом голову и плечи Десси. Почему-то дочь Фолли захотела помочь им, а он уже начал понимать, что очень нуждается в помощи. В пакете, который оставила Лотта, оказалась еда, такая, какую Дард уже несколько лет не видел: настоящий хлеб, толстые ломти хлеба с маслом, и большой кусок жирной свинины. Десси не станет есть, если он тоже не поест, и юноша наслаждался едой, разительно отличавшейся от их обычной жалкой пищи. Покончив с трапезой, он задал вопрос, который преследовал его с самого начала поразительных поступков Лотты.

— Ты хорошо знаешь Лотту, Десси?

Девочка облизала жирные губы, подобрала крошки.

— Лотта часто приходила.

— Но я не видел её с... — Дард замолчал: ему не хотелось вспоминать о смерти Кати.

— Она приходила ко мне в поле, и мы разговаривали. Мне кажется, она боялась тебя — и папы. А мне всегда приносила что-нибудь вкусное. Говорила, что хочет подарить мне платье, розовое платье. Мне очень хочется иметь розовое платье, Дарди. А Лотта мне нравится. Она хорошая. Хорошая внутри.

Десси пригладила края своего нового шарфа.

— Она боится своего папы. Он злой. Однажды он пришёл, когда она была со мной, и очень, очень рассердился. Вырезал ножом палку и побил Лотту. Она велела мне быстрым убежать, и я послушалась. Он очень плохой человек, Дарди. Я его тоже боюсь. Он не придёт за нами?

— Нет!

Дард уговорил девочку снова поспать, а когда она проснулась, понял, что должен отдохнуть и сам — и немедленно. Он только велел Десси следить за деревом и разбудить его, если кто-то покажется. И сказал девочке, что от этого зависит их жизнь.

Солнце садилось, когда он очнулся от беспокойного, полного кошмаров сна. Десси тихо сидела рядом, её маленькое серьёзное лицо было обращено к тропе. Когда юноша шевельнулся, она оглянулась.

— Это только кролик, — и показала на след. — Никаких людей, Дард. А хлеба не осталось? Я есть хочу.

— Конечно, — он выполз из убежища, потянулся и развернул остатки подарка Лотты.

Несмотря на свои слова о голоде, Десси сла медленно, словно наслаждаясь каждой крошкой. Быстро темнело, хотя на небе ещё виднелись красные полосы. Сегодня они ещё должны оставаться здесь, но завтра? Если возвращение ружья в амбар не остановит поиски, завтра беглецам придётся уходить.

— Снова пойдёт снег, Дарди?

Он посмотрел на небо.

— Не думаю. Но хотелось бы.

— Почему? Когда снег глубокий, трудно идти.

Юноша попытался объяснить.

— Потому что когда идёт снег, на самом деле становится теплее. Ночью слишком холодно... — он не закончил предложение, обхватил Десси рукой и быстро втянул её в убежище. Она заворочалась, устраиваясь поудобнее, потом выпрямилась.

— Кто-то идёт, — сё шёпот коснулся щеки юноши тёплым дыханием.

Дард тоже услышал лёгкий скрип настя под ногами. И положил ладонь на рукоять ножа.

3. Обитатели ущелья

Пришелец выглядел довольно маленьким; Дард был выше его по крайней мере на четыре дюйма. Поэтому юноша успокоился и даже тихо выбрался из убежища, чтобы из-за дерева наблюдать, как к нему уверенно приближается незнакомец. Он словно точно знал, сколько шагов отделяет его от цели. Одежда у него, насколько позволяла разглядеть полутьма, была такая же рваная и заплатанная, как у самого Дарда. Это не староста и не разведчик миротворцев. Только человек, у которого нет «карточки доверия», может выходить в таком виде. Это означало, что он «ненадёжен», он вне закона, как любой техник или учёный.

Незнакомец неожиданно остановился перед деревом, однако на дупло он даже не посмотрел. Напротив, наклонившись, он принял разглядывать оставленные Лоттой следы. И только потом, пожав плечами, поднял руку к дуплу.

Дард шевельнулся, и незнакомец тут же, полуприсев, развернулся в его сторону. На его бородатом лице блеснули зубы, да и в руке тоже что-то сверкнуло — металл.

Но он не издал ни звука, и тишину нарушил Дард.

— Я Дард Нордис!

— Да? — одно-единственное слово повисло в воздухе.

Дард почувствовал, что перед ним опасный человек, гораздо более опасный, чем Хью Фолли и все подобные ему грубяны.

— Так что там у вас случилось? — спросил человек.

— Облава — прошлой ночью, — лаконично ответил Дард; первое облегчение при виде этого человека покинуло его. — Нам показалось, что мы хорошо спрятались. Я пришёл сюда, чтобы передать это вот послание Ларса, — и он показал на тряпку. — А когда вернулся, Ларс был мёртв. Его убил сосед. Он, наверное, и миротворцев вызывал. Поэтому мы с Десси пришли сюда и стали ждать вас.

— Миротворцы! — человек словно плонул. — А Ларс Нордис мёртв! Да, большое несчастье, очень большое, — он всё ещё не убирал своё оружие. Оно напоминало ручной станнер, но кое-какие особенности в его устройстве говорили, что это гораздо более смертоносное оружие.

— И что же мне теперь с вами делать? — человек сделал шаг-два в сторону Дарда.

Дард нервно облизал губы. Он не подумал о том, что без Ларса загадочное подполье может не пожелать обременять себя подростком и маленькой девочкой. В жизни людей, объявленных вне закона, царствует мрачная необходимость, и никому не нужны лишние рты. У него оставалась надежда только на одно...

Ларс так внимательно отнёсся к его рисунку и словам, так настойчиво просил запомнить их. Наверное, в этих рисунках и цифрах зашифровано какое-то важное открытие. И он должен добиться, чтобы незнакомец поверил в важность его сообщения. Возможно, это их пропуск в подполье.

— Ларс закончил свою работу, — Дард заставлял себя говорить небрежно. — Я думаю, вас интересуют результаты...

Голова человека вздрогнула. На этот раз он убрал своё странной формы оружие.

— Ты знаешь формулу?

Дард воспользовался возможностью и коснулся своего лба.

— Вот здесь. Я сообщу, когда меня отведут к нужным людям.

Посыльный пнул комок снега.

— Путь долгий — назад в горы. Припасы у тебя есть?

— Немного. Я буду говорить, когда мы окажемся в безопасности... когда Десси будет в безопасности...

— Не знаю... ребёнок... дорога очень трудная...

— Мы выдержим, — пообещал Дард, хотя сам уверенности не испытывал. — Но лучше выступать немедленно; возможно, за нами будет организована погоня.

Человек пожал плечами.

— Ну, хорошо. Пошли, вы оба.

Дард протянул ему мешок с припасами и взял Десси за руку. Ни слова не добавив, человек повернулся и зашагал назад тем же путём, каким пришёл; Дард и Десси пошли за ним, стараясь держаться прежнего следа.

Шли они всю ночь. Вначале Дард вёл Десси, потом понёс её на руках, пока после очередной остановки проводник не сделал ей знак и не поднял девочку на плечо, предоставив Дарду брести позади без груза. Они изредка отдыхали, но всякий раз Дард не успевал восстановить силы постепенно погружаясь в мрачное отчаяние. Посыльный казался ему неутомимой машиной, он шагал, как робот, пробираясь в предгорьях, следуя каким-то только ему ведомым ориентирам.

На рассвете они добрались до перевала. Дард с трудом, тяжело дыша, поднимался по крутым склонам; взобравшись наконец, он увидел, что проводник и Десси ждут его там. Мужчина пальцем показал на седловину между вершинами.

— Пещера... лагерь... — он сжато произнёс только два слова и опустил Десси. — Сможешь идти сама? — спросил он у неё.

— Да, — девочка взяла его за руку. — Я хорошо поднимаюсь.

Незнакомец слегка улыбнулся; казалось, мышцы этого плотно сжатого рта давно отвыкли улыбаться.

— Конечно, сестрёнка.

Пещера оказалась очень глубокой. Узкий вход не поз-

волял догадываться об обширности помещения, которое открывалось, когда протиснувшись внутрь. Проводник достал с карниза у входа переносной ящик, а оттуда фонарик. Луч осветил подземелье, и Дард понял, что это место часто используется в качестве лагеря подпольщиков. Он опустился на постель из листьев и смотрел, как их проводник поворачивает шкалу на чёрном ящичке. Через несколько секунд юноша ощутил исходящее от ящичка тепло. Это же оборудование вольных ученых — и самая страшная вещь сейчас. У Дарда сохранились смутные воспоминания о таких средствах комфорта, которые существовали до чистки.

Десси довольно вздохнула и свернулась поближе к этому чуду. Она сонными глазами смотрела, как владелец чуда раскрыл банку с супом и вылил её полузамёрзшее содержимое в кастрюлю. Кастрюлю он поставил на крышку нагревательного устройства. Потом порылся в мешке с припасами Дарда и хмыкнул при виде жалкого набора.

— У нас не было времени на сборы, — пояснил Дард, раздражённый невысказанным презрением незнакомца.

— А что их привело к вам? — спросил этот человек, сидя на корточках. Он снял своё странное оружие, проверил заряд и заглянул в ствол.

— Кто знает? Среди них был староста, он давно хотел получить нашу ферму. Это он застрелил Ларса.

— Гмм... — человек смотрел на закипавший суп. — Возможно, это был просто обычный рейд, вызванный общей злобой?

По его тону Дард понял, что незнакомца такое положение устроило бы больше. И вспомнил последний вечер на ферме, когда Ларс объявил, что добился успеха. Слишком уж всё хорошо совпало: словно кому-то понадобилось помешать передать открытые Ларса тем, кто может его использовать. Но над чем он работал? Почему его открытие так важно? И что он, Дард Нордис, вообще о нём знает?

— Как тебя зовут? — Десси разглядывала их спутника,

наливавшего ей суп. — Я тебя раньше никогда не видела...

Вторично на губах проводника появилась лёгкая улыбка.

— Да, ты меня никогда не видела, Десси. А я тебя видел... несколько раз. Можешь называть меня Сач.

— Сач, — повторила она. — Странное имя. А суп очень вкусный, Сач. У нас праздник?

Он удивился.

— Ничего не знаю о празднике, Десси. Мы весь день будем спать. Перед нами ещё долгая дорога. Ложись и закрываай глаза.

Дард уж клевал носом над своей тарелкой и вскоре получил такой же приказ.

Проснулся он неожиданно. Сач склонился над юношей, зажав ему рукой рот, и тряс за плечо. Увидев, что Дард проснулся, он опустился на колено и прошептал:

— Там кружит вертолёт, уже с полчаса. Либо нас выследили, либо они знают о пещере и следят за ней. Слушай внимательно. Для жителей Ущелья работа Ларса Нордиса важнее жизни. Мы так долго ждали результатов его последних опытов, — он помолчал и совсем другим голосом, словно какое-то заклинание, повторил слова, которые однажды Дард слышал от Ларса: — Ад астра! — и резким тоном приказа продолжил: — В Ущелье должны получить результаты, и как можно быстрее. Мы в пяти милях от Ущелья. Проведи прямую линию к вершине, которая видна от входа, и следуй строго по ней, Дай мне немного времени и следи. Если вертолёт пойдёт за мной, можете пробираться к вершине. Постарайтесь держаться укрытий. Только там, где пересечёте реку, вы попадёте на открытую местность.

— Но ты... — Дард пытался собрать разбегавшиеся после сна мысли.

— Я уйду по склону в противоположную сторону. Если они следят за пещерой, то могут увязаться за мной. А я играл уже в такие игры, правила знаю. Следи за мной из выхода — давай!

Дард последовал за ним к узкому отверстию; Сач задержался у выхода, прислушиваясь. Дард тоже услышал в прохладном полуденном воздухе слабое гудение мотора вертолёта. Постепенно оно усиливалось, прозвучало над самой головой, начало слабеть. Сач продолжал ждать. Потом коротко кивнул Дарду и растаял.

Юноша пробрался к самому краю скрывающего выход каменного навеса. Сач каким-то образом оказался на целых десять футов ниже по склону. Теперь наблюдателю трудно будет решить, откуда он появился. Сач быстро скользил вниз, стараясь в то же время создать впечатление, что он просто спешит миновать место, показавшееся ему опасным.

Вертолёт возвращался: либо он совершил обычный маршрут, либо в нём заметили тёмную фигуру Сача. Сач укрылся в тёмной сосновой роще, но не настолько быстро, чтобы его нельзя было проследить. Вертолёт начал спускаться. Послышался громкий треск, эхом отдавшийся от окружающих скал. По беглецу начали стрелять.

— Дарди!

— Всё в порядке, — ответил юноша через плечо. — Я сейчас вернусь.

Сач, по-видимому, спрятался на краю густого леса. Вертолёт сделал ещё один небольшой круг и спустился ниже, три человека выпрыгнули из него на снег. Прежде чем они восстановили равновесие, мелькнул зелёный свет, и узкий луч задел одного из них. Человек закричал и упал в сугроб. Остальные бросились на снег, но продолжали ползти к лесу, откуда исходил луч, а Вертолёт поливал молчаливые деревья смертельным ливнем. Сач не просто привлёк к себе внимание преследователей, он всеми силами уводил их за собой. Вертолёт удалялся от пещеры на запад. Двоих спрыгнувших с него исчезли в зарослях. Дард смотрел им вслед.

Скоро вечер. А восточный склон позволяет хорошо укрываться. Там достаточно скал, к которым не липнет снег. Глаза Дарда сузились: следы на снегу легко увидеть

с воздуха. Но сму на ум пришёл ещё один способ спуститься, который следов не оставит. Дард вернулся внутрь и включил свет, оставленный Сачем.

— Пора уходить, Дарди? — спросила Десси.

— Сначала поедим, — юноша заставил себя действовать исторопливо. Если информация Сача правдива, им предстоит долгий путь. И начинать его на пустой желудок нельзя. Он щедро использовал припасы, оставив ровно столько, чтобы хватило на день пути.

— Где Сач? — спросила Десси.

— Ему пришлось уйти. Мы пойдём отсюда одни. Съесь всё это, Десси.

— Я см, — чуть раздражённо отвстила она. — Но я хотела бы остаться здесь. От ящика тепло и уютно.

На мгновение и сам Дард испытал искушение оставаться. Уходить в неизвестность, в холод и снег, когда они могут оставаться здесь, казалось ему глупым и почти преступным, особенно потому, что с ним Десси. Но он не мог забыть, какой опасности подвергался Сач, чтобы увести от них преследователей. Если Сач верит, что их информация так важна... Что ж, они выполняют свою часть договора. И он всё время после появления вертолёта помнил, что пещеру могли заметить, что миротворцы знают об её существовании.

Было уже темно, когда они выбрались на холодный ночной воздух. Дард указал на ближайший каменный склон, уходивший вниз.

— Мы должны идти по его краю, чтобы не оставлять следов на снегу.

Десси кивнула.

— Но что мы будем делать, Дарди, когда скала кончится?

— Подожди и увидишь!

Они прошли по краю, и Дарду показалось, что от камня им стало вдвое холоднее. Но Десси пробежала вперёд и остановилась, покачиваясь, на самом краю. Он остановил девочку.

— Сейчас мы прыгнем. Вон в тот большой сугроб внизу.

Юноша собирался прыгнуть первым и напряг для этого мышцы, но Десси опередила его. Он не мог сказать, сознательно она прыгнула или просто потеряла равновесие. Но прежде чем он успел пошевелиться, девочка исчезла, и столб взметнувшегося снега обозначил место её падения. Дард неуверенно оставался на месте, пока не увидел, что она машет ему руками. Тогда он тоже прыгнул, рассчитывая приземлиться подальше от Десси. На мгновение он повис в морозном воздухе и тут же оказался в глубоком снегу, который залепил ему рот и глаза.

Когда они выбрались из сугроба, Дард посмотрел вверх. Теперь они находились в тени леса, и здесь их след невозможно будет заметить с вертолёта. Его уловка удалась!

Он повернулся на восток. Сач сказал — пять миль. Скорость их зависит теперь от сугробов и характера местности. Под защитой деревьев идти было нелегко. К счастью, лес здесь оказался не очень густой. А вершина и река послужат ориентирами. С их помощью они доберутся до цели.

Вначале путешествие проходило довольно просто, и Дард приободрился. Но вскоре задолго до утра ему начало казаться, что они попали в какой-то кошмар. Добравшись до берега реки, они обнаружили, что лёд слишком тонок, чтобы пройти по нему. Пробираясь вдоль берега, они время от времени проваливались в глубокий мелкий снег. Дард снова понёс Десси, так что мешок с припасами ему пришлось оставить. Он с замирающим сердцем чувствовал, что переходы между остановками становятся всё короче. Но не сдавался и лагерь не разбивал: настолько он был уверен, что, остановившись, не сможет снова встать.

Только утром они нашли место, где можно было пересечь реку. Ледяная арка, прикрытая снегом, образовала опасный мост, по которому они еле-еле, со страхом

поползли. Вершина отсюда казалась иглой на фоне неба. Юноша с горечью подумал, что она кажется гораздо ближе, чем в действительности.

Поначалу он старался оставаться под укрытием деревьев и кустов, но лучи солнца, отражённые от снега, мешали смотреть, и в конце концов он просто пошёл, каждый раз осторожно опуская ногу, утруюмо решив во что бы то ни стало оставаться на ногах и не думать об укрытии от вертолёта.

Десси мешком лежала у него на плече, полузакрыв глаза. Дард решил, что она без сознания или очень близка к этому. Девочка не возражала, когда он положил её на упавшее дерево и прислонился к другому лесному гиганту; дыхание ледяными ножами резало ему лёгкие. Какой-то инстинкт или удача удержали его на верном курсе: вершина по-прежнему возвышалась впереди. Теперь он видел, что она охраняет вход в узкое ущелье, к которому вела неприметная тропа. Но он понятия не имел, что таится за этим входом в ущелье и далеко ли он ещё будет от помощи, добравшись до входа.

Дард отдохнул, медленно считая до ста, потом снова поднял Десси и побрёл дальше, стараясь избежать шипов соседних кустов. В какой-то момент, выпрямившись с девочкой на руках, он подумал, что видит странный свет вблизи вершины. Солнце отражается от льда, тупо решил он и пошёл дальше.

Дард так никогда и не узнал, смог бы он добраться своими силами или нет. Потому что не успел он пройти и ста ярдов, как его одурманенный усталостью слух уловил зловещий звук мотора вертолёта. Не пытаясь определить источник звука, Дард вместе со своей ношей бросился в кусты и покатился по снегу, выдерживая удары ветвей.

Гул ротора машины ясно звучал в морозном воздухе. Несколько секунд спустя Дард увидел, как от соседнего ствола отлетели щепки. Таша за собой Десси, он ещё глубже забрался в заросли. Но юноша понимал, что

только оттягивает конец. Они знают, что он один, что с ним только ребёнок, и считают его безоружным. Им требовалось лишь высадить людей и схватить его.

Но хотя вертолёт летал взад и вперёд над зарослями, в которые углубился Дард, он не делал попытки приземлиться. Считая, что его сверху не видно, Дард, прижимая к себе Десси, сел и попытался обдумать своё положение.

Сач... Сач и зелёный луч, которым он свалил одного миротворца. Вот в чём дело. Они знают, что ружья у него нет, но боятся, что он вооружён более опасным оружием, таким, какое было у Сача. Десси заскулила и плотнее прижалась к нему: вертолёт пролетел у них над самыми головами, всего лишь в нескольких дюймах над ветвями, которые едва не задели за шасси.

Треск ружейного огня прорвался сквозь гудение двигателя. Снова полетели щепки, одна расцарапала Дарду щеку. Усилием воли он заставил себя оставаться неподвижным и продолжал прижимать к себе Десси, её маленькое тело вздрогивало при звуке каждого выстрела. Сверху явно не видели добычу, иначе не стали бы так беспорядочно тратить пули. Выстрелами они только пытались заставить его выйти из укрытия.

И хуже всего было то, что они вполне могли это сделать! Дард знал, что продолжающийся смертоносный поток, прочёсывающий заросли, либо убьёт их, либо заставит выдать себя движением.

Юноша мигнул и принял решение. Он снял с головы и плеч Десси шарф Лотты и быстро закрепил ткань в колючих ветвях. Потом опустил Десси в снег на колени и оттолкнул подальше от колючего куста. Она послушно поползла, а Дард, держа в руках конец шарфа, — за ней. К счастью, вертолёт в это время кружил по периметру зарослей, и на одну-две минуты стрельба прекратилась. Дард полз, пока шарф не натянулся. Он держал его за самый кончик в вытянутой руке и ждал.

Вертолёт продолжал кружить, и в стрельбе теперь участвовало несколько снайперов. Дард прикусил ни-

жнюю губу. Пора! Судя по звуку, вертолёт завис в нужном положении. Дард дважды дёрнул за шарф, и ему тут же ответил оглушительный залп выстрелов. Дард дико закричал, и Десси, испуганная и встревоженная, подхватила его крик. Дард последний раз дёрнул за шарф и тут же на четвереньках побежал в сторону, толкая перед собой Десси. Если бы они только поверили, что попали в него и Десси! Тогда они сядут, чтобы пробраться к месту, где он закрепил шарф. И тогда у беглецов появится слабый, очень слабый шанс уйти.

Дард весь съёжился: сверху без всякой жалости продолжали поливать огнём кусты. Слепая ненависть, столь ярко вспыхнувшая во время чистки, продолжала тлеть в тех, кто преследовал его сейчас. Он всегда знал, что человеку с кровью настоящих учёных не уцелеть, если его выследят миротворцы. А теперь и последняя надежда на милосердие исчезла.

Таша за собой Десси, он добрался до опушки зарослей, в которых они нашли убежище. И опять по слепой удаче они вышли к стороне, обращённой к вершине. Однако впереди лежала совершенно открытая местность, её невозможно будет пересечь незаметно. Дард мрачно смотрел вперёд. Яркий солнечный свет делал почему-то этот последний удар ещё сильнее.

Но тут, когда отчаяние совсем ослабило его, юноша снова заметил на вершине какие-то вспышки. Они мигали слишком регулярно, чтобы быть просто отражением солнца. И пока он смотрел, над ними пронеслась тень. Вертолёт приземлился на нетронутый снег прямо перед ними. Дард сжал Десси и осел. Девочка вскрикнула от боли. Это конец, бежать больше некуда.

Миротворцы не торопились покидать вертолёт. Похоже, они опасались приближаться к зарослям. Что такого сделал Сач, что они проявляют такую осторожность?

Двое выбрались из-за хвоста машины, и Дард заметил, что установленный на крыше вертолёта пулемёт медленно повернулся, прикрывая их. Солдаты медленно поползли

по снегу. Но не успели они проползти мимо вертолёта, как мигание света на вершине превратилось в устойчивый луч. Дард отвёл взгляд, посмотрев на миротворцев, и потому не видел, как пришло спасение.

Послышался звон, словно от разбитого стекла. Зелёная дымка окутала машину, того же смертельного зелёного цвета, что и луч Сача на склоне.

Не понимая, почему, Дард упал лицом вниз, потащив за собой Десси, когда ключья тумана медленно потянулись к зарослям. Должно быть, это был газ, и миротворцы теперь судорожно бились в нём. Тут мир почернел, и Дард начал падать в глубокую пропасть, и Десси уносило от него.

4. Ad astra

Дард лежал на спине, глядя вверх, в незнакомое пустое серое пространство. Но тут над ним появилось розоватое пятно, и юноша сосредоточился на нём. Заняли своё место глаза, нос, открывающийся и закрывающийся рот.

— Как дела, приятель?

Дард обдумал вопрос. Он лежал лицом вниз в снегу, к нему ползли миротворцы, а Десси — Десси! Дард попытался сесть, и лицо и фигура над ним шевельнулись.

— С маленькой девочкой всё в порядке. С вами обоими всё нормально. Вы ведь дети Нордиса?

Дард кивнул.

— А где это? — медленно сформулировал он вопрос.

Лицо над ним сморщилось в смехе.

— Ну, по крайней мере вариант древнего «где я?» Ты в Ущелье, парень. Мы заметили тебя, когда ты перебирался через реку, а вертолёт шёл за тобой. Ты умудрился задержать их настолько, что мы сумели пустить туман. И взяли вас. А ещё вертолёт и разные припасы, так что вступительную плату ты уплатил более чем сполна, даже если бы и не был родственником Ларса Нордиса.

— А как вы узнали, кто мы? — спросил Дард.

Карие глаза подмигнули.

— У нас есть свои способы узнавать нужное. Это безболезненный процесс. Пока ты спал.

— Я говорил во сне? Но я же не говорю.

— Может, в обычных обстоятельствах и не говоришь. Но тобой занялся наш врач, и ты заговорил. Ты много перенёс, парень.

Дард приподнялся на локтях, а собеседник поддержал его. Теперь Дард видел, что он лежит на узкой койке в комнате, которая показалась ему частью пещеры, потому что три её стены представляли собой сплошную скалу, и только в четвёртой — гладкой серой поверхности — он заметил створку двери. Окон не было, а мягкий свет испускали две трубки, укреплённые в каменном потолке. Посетитель сидел на складном стуле, другой мебели в комнате, похожей на кочеру, не было.

А сам он был укрыт одеялом, таких он не видел уже несколько лет, его вымытое тело облегал чистый цельный комбинезон. Дард ласково погладил одеяло.

— Где это — и что это? — расширил он свой первый вопрос.

— Это Ущелье — насколько нам известно, последняя крепость свободных людей, — посетитель встал и потянулся. Это был высокий человек с тонкой талией, со смуглой коричневой кожей, на которой резким контрастом выделялись крепкие зубы и фарфорово-яркие белки глаз. Коротко подстриженные чёрные волосы слегка курчавились на круглой голове, а подбородок щетинился еле заметной бородкой.

— Это врата к Ad astra... — он помолчал, словно ожидая, какой эффект на Дарда произведут его последние слова.

— Ad astra, — повторил Дард. — Ларс как-то говорил об этом.

— Ad astra означает «к звёздам». И это место старта.

Дард нахмурился. К звёздам! Не просто межпланетный перелёт... галактический! Но это же невозможно!

— Я думал, Марс и Венера... — начал было он с сомнением.

— Кто говорит о Марсе и Венере, парень? Конечно, жизнь на них невозможна. Потребуются все ресурсы Терры, чтобы основать колонию на одной из этих планет. Кто знает об этом лучше меня? Нет, полёт не межпланетный — межзвёздный. Мы полетим выбирать себе планету, о которой земные ползуны и не мечтают. Вот что мы собираемся сделать! *Ad asira!*

Галактический перелёт! Его первая дикая догадка оказалась правильной.

— Здесь спрятан звёздный корабль! — вопреки своему желанию, Дард почувствовал сильное возбуждение. В старину, до Пожара и чистки, люди высаживались на Марсе и Венере и обнаружили, что условия на обеих планетах не годятся для человека; жизнь там можно поддерживать только ценой огромных затрат, а Терра была не способна на это. И, конечно, Мир запретил все космические полёты как часть программы научных экспериментов. Но вёздный корабль — разорвать узы Солнечной системы и лететь к другим звёздам, к другим планетам. Похоже на дикий сон, но он не сомневался в искренности человека, который рассказал об этом.

— Но какое отношение к этому имел Ларс? — вслух удивился Дард. Специальность Ларса — химия, а не астрономия и не небесная механика. Дард сомневался, чтобы его брат сумел бы отличить одно созвездие от другого.

— Он играл очень важную роль. Мы как раз ждём твоего сообщения об его последних результатах.

— Но я думал, вы все у меня узнали, пока я был без сознания.

— Да, узнали, что ты лично делал в последние несколько дней. Но ведь ты несёшь сообщение Ларса, верно? — впервые беспечность покинула темнокожего человека.

Дард пригладил одеяло, нервно потянул его пальцами.

— Не знаю. Надеюсь...

Посетитель провёл руками по курчавым волосам.

— Давай пригласим Таса. Он всё равно ждёт, когда ты придёшь в себя, — он пересёк комнату и нажал кнопку в стене.

— Кстати, — бросил он через плечо, — я забыл представиться. Меня зовут Симба Кимбер, пилот-астрогатор Симба Кимбер, — повторил он. Ясно было, что это звание имеет для него большое значение. — А Тас — это наш главный специалист, наш первый учёный Тас Кордов, из биологической секции. Наша организация здесь создана из уцелевших вольных учёных множества групп, а также просто из людей, которым не нравится Мир. А, входи, Тас.

Вошёл человек, низкорослый, почти такой же толщины, как и роста. Но плечи его и столбообразные ноги и руки бугрились сплетениями крепких мышц без капли жира. Он носил поблекший мундир вольного ученого с пламенеющим мечом на груди — знаком первого ранга. По раскосым глазам и широким скулам татарских очертаний Дард решил, что этот человек не уроженец мест, в которых сейчас живёт.

— Итак, ты проснулся? — пришедший улыбнулся Дарду. — Мы все с нетерпением ждали, когда ты откроешь глаза — и рот, молодой человек. Какое сообщение ты принёс нам от Ларса Нордиса?

Дард больше не мог скрывать правду.

— Не знаю, имеет ли это значение. В ту ночь, когда нас захватила облава, Ларс закончил свою работу...

— Отлично! — Тас Кордов на самом деле захлопал в ладоши.

— Но когда мы пытались уйти, он не захватил с собой никаких бумаг...

Лицо Кордова оживилось, он словно силой готов был извлекать сведения из Дарда.

— Но ведь он передал с тобой сообщение? Какое-то сообщение должно быть!

— Только одно. И я не знаю, насколько оно важно. Мне нужна бумага, иначе я не смогу написать и объяснить.

— И это всё? — Кордов достал из кармана брюк блокнот, раскрыл его на чистой странице и протянул Дарду вместе с ручкой, пишущей без чернил. Вооружившись этими инструментами, Дард начал объяснения, которым, возможно, никто не повсрит.

— Вот в чём дело. Ларс знал, что я представляю себе слова как рисунки. Когда я слышу стихотворение, я представляю себе рисунок... — он помолчал, стараясь по выражению их лиц догадаться, поняли ли они. Ему самому собственные слова казались лишёнными смысла.

Кордов пальцами оттянул нижнюю губу и отпустил, она негромко шёпнула.

— Гммм... семантика — не моя область. Но мне кажется, я понимаю смысл. Покажи!

Чувствуя себя чертовски глупо, Дард повторил стишок Десси, одновременно рисуя на листке блокнота.

— Иssi, Оssi, Икси, Энн;
Фулсон, Фолсон, Орсон, Кенн.

Он подчёркивал, проводил линии, обводил, как в тот вечер на ферме, и снова на листочке появился рисунок, который Десси назвала «пинающимися ногами».

— Ларс увидел, что я делаю. Он пришёл в сильное возбуждение. И дал мне ещё две строчки, которые для меня образовали другой рисунок. Однако он настоял, чтобы я совместил эти два рисунка.

— А что это за строчки? — спросил Тас.

Дард повторял вслух, одновременно рисуя:

— Семь, четыре, девять, пять,
Двадцать, сорок, пять опять.

Он тщательно проводил линии, потом написал цифры и протянул получившееся Кордову. Для него это не

имело никакого смысла. Если и для первого учёного тоже, значит, никакой драгоценной тайны Ларса Нордиса вообще не существует. Тас продолжал сосредоточенно смотреть на листок, и Дард утратил последние остатки надежды.

— Изобретательно, — пробормотал Кимбер, глядя через плечо первого учёного. — Вероятно, шифр.

— Да, — Тас направился к двери. — Мне нужно изучить это. И сравнить с другими данными. Я должен...

С этими словами он исчез. Дард вздохнул.

— Вероятно, это вообще ничего не значит, — устало сказал он. — А что это должно было быть?

— Формула «холодного сна», — ответил Кимбер.

— Холодного сна?

— Мы все будем спать во время полёта, иначе корабль прилетит к цели с экипажем из праха. Даже со всеми усовершенствованиями и с новым двигателем наш малыш проведёт в пути больше времени, чем продолжительность человеческой жизни, даже несколько жизней! — говоря, Кимбер расхаживал взад-вперёд, поворачиваясь в углах комнаты. — В сущности, у нас не было никаких шансов, мы уже думали о высадке на Марсе, но тут кто-то из наших обнаружил, что жив Ларс Нордис. До чистки он опубликовал работу относительно системы кровообращения лестучих мышей; он изучал, как падает температура их тела во время зимней спячки. Не спрашивай меня об этом, я всего лишь пилот-астрогатор, а не Большой Мозг! Но он вышел на что-то, что, по мнению, Кордова, можно будет осуществить: заморозить тело человека, и он останется жив и будет спать неопределённо долгое время. Мы связались с Ларсом, и с тех пор он сообщал нам все свои данные.

— Но почему? — почему, если Ларс так тесно сотрудничал с этой группой, он не присоединился к ней? Почему они жили на ферме, умирали с голоду, испытывали постоянный страх перед облавами?

— Почему он не пришёл сюда? — Кимбер словно

прочёл мысли Дарда. — Он говорил, что не знает, выдер-
жит ли путешествие. Ведь он стал калекой. Он не хотел
уходить до самого последнего момента, когда будет уже
всё равно, даже если его и заметят или выследят. Он
считал, что за ним постоянно наблюдает какой-то недруг,
и что в тот момент, как он или кто-то из вас сделает что-
то необычное, сразу появятся миротворцы. Может, ещё
до того, как он получит ответ на наш вопрос. Поэтому
вам и пришлось жить в опасности.

— Да, в опасности, — горько согласился Дард. В
словах Кимбера была своя логика. Если Фолли шпионил
за ними — а он следил, иначе не появился бы в амбаре,
— он бы сразу что-то заподозрил, если бы кто-нибудь из
них не появился бы рядом с домом, как обычно. Ларс
никогда не проделал бы быстро такое путешествие, как
они. Да, теперь он понимал, почему брат ждал, пока для
него не стало уже слишком поздно.

— Но есть и кое-что ещё, — Кимбер снова сел на стул,
опёрся локтями о колени и положил подбородок на руки.

— Что ты знаешь о храме Голоса?

Дард, по-прежнему размышлявший над проблемой
холодного сна, удивился. К чему Кимберу знать о самом
сердце местной организации Мира?

«Голос» — это гигантский компьютер, в который пред-
ставители Мира непрерывно вводят данные; компьютер
перерабатывает их и отдаёт распоряжения, которые по-
могают держать в узде тысячи людей. Дард знал, что
такое «Голос», слышал рассказы о нём. Но сомневался,
чтобы кто-нибудь из учёных или их помощников осме-
лился сейчас приблизиться к храму.

— Это центр Мира, — начал он, но пилот сразу
прервал его.

— Я хочу сказать: можешь ли ты описать это место?

Дард застыл. Он только надеялся, что его страх не
появился очень открыто. Откуда они знают, что он
побывал в храме? Неужели узнали с помощью своих
загадочных приспособлений во время его сна?

— Ты там был — два года назад, — беспыжестно продолжал Кимбер.

— Да, был. Когда Катя заболела. Единственной возможностью пригласить врача было показать «карточку доверия». Я совершил семидневное паломничество, но когда предстал перед Кругом и передал своё прошениe, мне задали слишком много вопросов. А карточку так и не дали.

Кимбер кивнул.

— Всё в порядке, парень. Я не считаю, что ты подослан Миром. Если бы ты был подослан, мы бы уже знали. Но мне очень нужно знать о храме Голоса. Расскажи всё, что сможешь вспомнить, любую подробность.

И Дард начал. И снова обнаружил, что у него необыкновенно яркая память. Он вспомнил даже число ступенек, ведущих во внутренний двор, вспомнил, что говорил в своей проповеди на седьмой день «Увенчанный Лаврами». Закончив, юноша заметил во взгляде Кимбера смесь удивления и восхищения.

— Боже, парень, как ты это всё запомнил? И за один лишь короткий визит?

Дард засмеялся, чуть дрожа.

— И что ещё хуже, я ничего не могу забыть. Могу рассказать все подробности любого дня, который прожил после чистки. А вот всё, что случилось до этого, — он поднёс руку к голове, — почему-то не вспоминается отчётливо.

— Многие из нас не хотели бы вспоминать, что произошло после этого. Фанатики захватили управление, Ренци взял власть в муравейнике этой планеты, и всё стало рушиться. Мы организовали это побеги, чтобы спастись. Но для остальной части человечества мы ничего не можем сделать, нас всего горстка объявленных вне закона и живущих в глухомань. К тому же за голову каждого из Ущелья обещана большая награда. Весь мир хочет уничтожить нас. Но мы собираемся уйти. Поэтому нам и нужна помощь Голоса.

— Голоса?

Кимбер не пожелал даже выслушать возможное возражение Дарда.

— Ты ведь знаешь, что такое Голос? Компьютер, механический мозг, так это называли раньше. В него вводят данные, он перебирает числа и выдаёт решение любой проблемы, которая потребовала бы месяцы и годы человеческой жизни. Мы не в состоянии сами рассчитать курс к ближайшей подходящей звезде, похожей на Солнце, и с планетами. У нас есть данные, есть собственные расчёты, но всё это должен подтвердить Голос!

Дард поражённо смотрел на этого сумасшедшего. Никто, кроме миротворцев, имевших высший статус «Увенчанных Лаврами», не осмеливается входить во внутреннее помещение, где размещается Голос. Немыслимо, чтобы Кимбер собрался туда пробраться и запустить машину.

Кимбер больше ничего не рассказал, а Дард не стал спрашивать. Он вообще совершенно забыл об этом разговоре в последующие часы, когда его провели по необыкновенной крепости, вырубленной в скале и служившей последним оплотом вольных учёных. По узким коридорам его водил опять-таки Кимбер, он же рассказывал и показывал гидропонные оранжереи, необычные лаборатории, а однажды — издали — и сам звёздный корабль.

— Не очень-то большой, правда? — заметил пилот, глядя на длинную серебряную стрелу. — Но это лучшее, что мы смогли сделать. В основе это экспериментальная модель, создававшаяся для полёта к внешним планетам перед самой чисткой. В первые дни волнений её сумели переправить сюда, вернес, самые важные части, и с тех пор мы строим этот корабль.

Да, корабль был невелик. Дард откровенно не понимал, как в нём поместятся все многочисленные обитатели Ущелья, пусть даже в замороженном состоянии. Но вслух он об этом не говорил. Напротив, сказал:

— Не понимаю, как вы смогли так долго скрываться.

Кимбер недобро усмехнулся.

— У нас есть свои возможности. Что бы ты подумал про это? — он достал руку из кармана брюк. На тёмной ладони лежал плоский брускок блестящего металла.

— Это, мой мальчик, золото! В последние столетия его стало очень мало, правительства припрятали запасы и никому их не показывали. Но своего волшебства оно не утратило. В этих горах мы нашли много металлов. Золото для наших целей бесполезно, но там оно по-прежнему имеет ценность, — и он указал за вершину, охраняющую вход в Ущелье. — У нас есть посредники, и в нужных местах мы находим помочь. К тому же всё Ущелье хорошо замаскировано. Если пролетишь над горами в вертолёте, увидишь только то, что захотят показать наши техники. Не спрашивай меня, как они это делают. Для меня это слишком сложно, — он пожал плечами. — Я всего лишь пилот, ожидающий работы.

— Но если вы можете успешно скрываться, чему служит план «Ad astra»?

Кимбер пальцем потёр подбородок.

— Тому есть несколько причин. За последние годы Мир прочно завладел властью, и миротворцы стараются уничтожить последние очаги сопротивления. Мы получаем постоянные предупреждения от своих посредников и подкупленных людей. Отряды, проводящие облавы, объединяются, готовится большой рейд. Так что даже здесь мы в сомнительной безопасности, вроде кролика в яме, на краю которой принююхаются собаки. У нас нет другого выхода, кроме корабля и того будущего, что нас ждёт на далёкой планете. Лун Скорт — это наш врач, он интересуется историей — дал прогноз Миру от пятидесяти до ста лет правления. А Ущелье столько не продержится. Поэтому мы испробуем один шанс из миллиона. Мы можем не найти планету земного типа, можем даже не пережить пути. Ну, ты и сам можешь перечислить множество «если», «и» и «но».

Дард продолжал смотреть на корабль. Да, тысячи шансов на неудачу и один или два — на успех. Но какое приключение! И стать свободным, вырваться из мрачной трясины, от которой цепенеет мозг и которая доводит людей до сумасшествия из-за страха. Быть свободным среди звёзд!

Он услышал негромкий смех Кимбера.

— Тебя тоже это захватило, парень? Ну, скрести пальцы. Если состав твоего брата сработает, если Голос выдаст нам нужный курс, если новое горючес, созданное Тангом, поднимет корабль, что ж, мы улетим!

Кимбер казался таким уверенным, что Дард решился задать беспокоивший его вопрос.

— Корабль кажется таким небольшим. Как в нём поместятся все?

Впервые пилот не посмотрел ему в глаза. Он свирепо пнул ни в чём не повинный стол.

— Мы сможем поместить в корабль гораздо больше людей, чем ты поверишь, если процесс замораживания удастся.

— Но не всех, — настаивал Дард; его подгоняло желание узнать всё до конца.

— Не всех, — неохотно согласился Кимбер

Дард помигал, между его глазами и стройным серебряным кораблём словно появилась какая-то завеса. Больше он не хотел расспрашивать. Не было необходимости, да он и не желал услышать прямой ответ. Вместо этого он резко сменил тему.

— Когда вы собираетесь отправиться к Голосу?

— Как только скажет Тас...

— Что там должен сказать Тас? — послышался голос сзади. — Что ему удалось разобраться в этом наборе слов и «пинающих ногах», в этой фантастической головоломке, которую задал нам молодой человек? Если ты этого ждёшь, больше не жди, Сим. Загадка разгадана, и теперь, благодаря нашим вестникам, — большая рука Кордова легла на плечо Дарда, — мы можем подняться

в небо. Теперь мы ждём только завершения твоей части операции.

— Отлично! — Кимбер уже повернулся, когда Дард схватил его за руку.

— Послушай! Ты ведь никогда не был в храме Голоса?

— Конечно, нет, — вмешался Тас. — Он ещё не сошёл с ума. Разве кто-нибудь добровольно сунет руку в атомный котёл?

— Зато я там был! Может, я не могу делать расчёты, но провести и вывести смогу. И я достаточно знаю об их правилах, чтобы...

Кимбер раскрыл рот, явно собираясь отказать, но опять первый учёный опередил его.

— Это не лишено смысла, Сим. Если молодой Нордис там действительно побывал, то он знает больше, чем все остальные. А если вы переоденетесь, риск уменьшится.

Пилот нахмурился, и Дард приготовился услышать отказ. Но наконец Кимбер неохотно кивнул. Тас подтолкнул Дарда вслед пилоту.

— Ты пойдёшь с ним. И позаботься, чтобы он вернулся целым. Мы многое можем, но он — наш единственный космический пилот, единственный имеющий опыт астрогатора.

И Дард пошёл вслед за Кимбером по длинному коридору, сквозь паутину Ущелья, к лестнице, грубо вырубленной в камне. Ступеньки кончались в большом ангаре, в котором стоял вертолёт с символами корпуса миротворцев.

— Узнаёшь? Тот, с которым ты играл в пятнашки в долине. Теперь переодевайся и побыстрее!

Пилот достал из вертолёта связку одежды и часть протянул Дарду. Юноша надел чёрно-белый мундир миротворца и застегнул пояс со станнером. Костюм оказался великоват, но в вечерней полутьме сойдёт. Навсегда Голос они могут только ночью, если хотят получить хоть один шанс.

Дард плюхнулся в вертолёт рядом с пилотом. Над

головой со скрипом отъехала крыша, показались звёзды. Дард ухватился за край сидения, а Кимбер тронул приборы управления. Машина медленно по спирали начала подниматься в небо.

5. Ночь и Голос

Дард рассматривал местность, над которой лежал вертолёт. Потребовалось всего несколько минут, чтобы покрыть мили, которые с таким трудом преодолевали Дард с Десси. Юноша был уверен, что видит оставленные ими в снегу следы.

Машина скользнула над вершиной, скрывающей пещеру. И тут впервые за последние напряжённые часы Дард вспомнил о Саче. Именно по этому склону посыльный ушёл от них преследователей.

— Ты что-нибудь слышал о Саче? — с тревогой задал он вопрос о маленьком жилистом человеке.

Но Кимбер ответил не сразу. А когда ответил, Дард почувствовал сдержанность в его тоне.

— Пока никаких новостей. Он не связался ни с одним контактом. Что напоминает мне...

Под управлением пилота вертолёт повернул направо и начал удаляться от тропы, по которой Дард поднимался в горы. Юноша был рад, что им не придётся пролетать над обгоревшими останками их фермы.

Через короткое время они оказались над другой фермой, в гораздо лучшем состоянии, чем та, в которой жили Нордисы. В сущности дом выглядел процветающим, словно здесь жил староста, подчинённый Миру, и Дард удивился выбору Кимбера. Только человек, пользующийся поддержкой новой власти, посмеет жить в таком доме. Из трубы поднимался толстый столб дыма, говоря о неограниченном тепле и пище, об уровне жизни, которым может похвастать не каждый верный последователь Мира.

Но Кимбер без колебаний посадил вертолёт на пло-

щадке утрамбованного снега недалеко от дома. Хотя из машины выйти даже не попытался.

Раскрылась дверь дома, показался человек в тёплом домотканом костюме, пользующемся «одобрением» Мира, ещё один Фолли, судя по внешности. Он быстро пересёк двор. На какое-то мгновение Дард усомнился в сидящем рядом пилоте. Ещё тревожнее ему стало, когда староста наклонил своё круглое полное лицо к окну вертолёта.

Бледно-голубые глаза на обветренном лице оглядели их обоих, и Дард успел заметить, как они чуть расширились, когда перешли с лица Кимбера на его мундир. Староста повернулся и отогнал подбежавшую собаку, которая ворчала и скалила зубы.

— Время? — спросил спросил.

— Время, — ответил Кимбер. — Если можешь, перебирайся сегодня же, Хармон.

— Конечно, мы уже упаковались. Мальчишка расчистил дорогу...

Его голубые глаза остановились на Дарде.

— А кто этот молодой человек?

— Брат Нордиса. Он добрался к нам с дочерью Нордиса. А сам Ларс мёртв — облава.

— Да, я слышал об этом, об этой облаве. Будто бы все они погибли. Рад, что это не так. Ну, пока...

И, взмахнув рукой, он направился назад в дом. А Кимбер тут же поднял машину.

— Вот уж не думал... — начал было Дард. Кимбер засмеялся.

— Ты не думал, что такой человек, как Хармон, может быть одним из нас? У нас есть весьма странные контакты. Наши люди водят грузовики; некоторые из них до чистки были первоклассными учёными. С другой стороны, у нас есть, например, Санти, он служил в старой армии, умеет только читать и писать своё имя, но он великолепный специалист по оружию и для Ущелья так же важен, как Тас Кордов, один из крупнейших биологов мира. Мы спрашиваем у человека только одно: верит ли

он в подлинную свободу. А Хармон в будущем станет для нас ещё важнее. Мы умеем пользоваться гидропоникой, ты поел у нас и знаешь, что это такое. Но только настоящий фермер сможет по-настоящему организовать воспроизведение пищи. К тому же Хармон один из самых надёжных наших людей. Со своей женой, сыном и дочерьми-близняшками он уже больше пяти лет играет труднейшую роль, и делает это великолепно. Но я готов поверить, что моя новость ему понравилась. Вести двойную жизнь трудно. А теперь пора за работу.

Вертолёт развернулся и полетел прямо на запад, небо к этому времени чуть окрасилось заревом заката. В кабине было тепло, а такую одежду Дард не носил уже много лет. Он расслабился на мягкой обивке сидения, но внутри испытывал возбуждение, которое больше не сдерживалось страхом: уверенность Кимбера в себе, в успехе их предприятия успокаивала юношу.

Внизу бежала лента дороги; судя по почерневшему снегу, ею часто пользовались. Дард пытался узнать ориентиры. Но он никогда не видел местность сверху и потому только догадывался, что они летят вдоль той самой дороги, что соединяет имение Фолли и их полуразрушенную ферму с разросшейся деревней — ближайшим предместьем города, каким он был до чистки.

Ещё одна просёлочная дорога, изрытая и часто используемая, слилась с главной, и её изгиб показался Дарду знакомым. Это же дорога к ферме Фолли! И на ней уже после бури прошёл большой отряд. Дард вспомнил Лотту. Вернулась ли она к деревне с дуплом с обещанными продуктами для Десси? Десси!

Десси!

Надеясь, что он не откроет Кимбера свою тревогу, беспокойство, грызущее его с того момента, как он увидел звёздный корабль, Дард заметил:

— Я не видел в Ущелье детей.

Кимбер был занят управлением; ответил он чуть рассеянно.

— Их только двое. Дочери Карли Скорт три года, а мальчику Винсона почти четыре. Близняшкам Хармона по десять, но они не живут в Ущелье.

— Десси шесть лет, почти семь.

Кимбер улыбнулся.

— Умная девчонка. Сразу пошла к Карли — когда мы убедили её, что тебе нужно отдохнуть. Я слышал, что она теперь командует в детской. Карли удивляется её уму и благородству.

— Десси — большой человек, — медленно проговорил Дард. — Для своего возраста она очень взрослая. И у неё есть дар. Она умеет дружить с животными, не только с домашними, но и с дикими. Я видел, как они приходят к ней. Десси уверяет, что они умеют говорить.

Не сказал ли он слишком много? Может, Десси не впишется в общество корабля, для которого фермер считается очень важным? Но ведь будущее ребёнка стоит больше, чем взрослого. Десси должны взять, должны!

— Карли тоже считает её необычной, — последовал довольно уклончивый ответ. Но хоть он и не был знаком с Карли, её одобрение успокоило Дарда. Женщина, у которой есть собственная маленькая дочь, позаботится, чтобы другая девочка тоже получила возможность спастись. А что касается его самого — он решительно отказался думать о себе. И стал смотреть на дорогу и размышлять о предстоящем деле.

— Парк вертолётов расположен за храмом, а над зданием лететь нельзя. Никто не смеет пролетать над священной крышей.

— Значит обогнём. Рисковать нет смысла. Парк хорошо охраняется?

— Не знаю. Внутрь проходят только миротворцы. Но думаю, что в темноте и с этой машиной...

— Сможем приземлиться? Будем надеяться, что у нас не запросят опознавательные сигналы. Я попробую сесть в самой тёмной части и как можно ближе к краю. Если только у них есть прожекторы...

— Огни города! — прервал его Дард, заметив жёлтые искорки. — Храм вон на том холме к югу. Видишь?

Теперь его легко было рассмотреть. Выше и дальше слабых болезненно-жёлтых огней города в небо устремлялись столбы яркого синего и белого цвета, хорошо выделявшиеся на тёмном фоне земли. Кимбер повернулся.

Храм занимал примерно треть холма, выравненного и превращённого в широкую платформу. За самим зданием открылась освещённая площадка, на ней стояли ряды вертолётов.

— Их там всего десять, — сосчитал Кимбер; свете приборной панели подчёркивал морщины его лица. — А мы-то думали, что у них больше машин. Это же центр их управления, а по ночам они не летают. По крайней мере не летали в прошлом.

— Теперь летают. На нашу ферму они напали ночью.

— Ну, всё равно, чем меньше, тем лучше. Смотри, вон там хорошая длинная тень; один из прожекторов, должно быть, перегорел. Посмотрим, сумеем ли мы туда сесть.

Они быстро теряли скорость и теперь летели по инерции, словно плыли по воздуху, решил Дард. Огни снизу стремительно приближались, и секунду спустя шасси коснулось поверхности. Машина даже не подпрыгнула. Кимбер, поздравляя их с удачной посадкой, сам себе пожал руку.

— Теперь слушай, парень, — голос пилота звучал еле слышно. — У тебя на поясе станнер. Приходилось когда-нибудь пользоваться?

— Нет.

— Этому не нужно тренироваться, достаточно нажать его и нажать кнопку. Но сам ты не должен его использовать, только по моему слову, понял? У тебя только два заряда, у меня тоже, и мы не можем потратить их зря. Ничто, абсолютно ничто не должно помешать нашему разговору с Голосом! — в его словах звучала страстная уверенность в успехе. Это был приказ, адресованный не только Дарду, на самой Судьбе и Удаче. —

Потом, возможно, нам придётся прорываться. Хотя, надеюсь, что нет. И тогда нашей единственной надеждой будут станнеры. А вот чтобы пройти внутрь, попробуем использовать хитрость.

Поднимаясь по ступням вслед за Кимбером, Дард заметил, что хотя миротворцы и ценят технику, оставшуюся со времён до чистки, они не очень-то хорошо заботятся о ней. Несколько прожекторов не работали, а бетон под ботинками растрескался. Немного техников осталось в рабских лагерях храма. И скоро ни один вертолёт не сможет подняться и огонь не загорится. Думают ли об этом предводители Мира? Или им всё равно? Старые города, построенные техниками, превращаются в груды развалин, пригодных только для летучих мышей и птиц. Остаются деревни, всё больше погружающиеся в дикость, а необработанные поля всё ближе подступают к домам.

Пока им никто не встретился, но вот они приблизились к западным воротам храма, где стояли три стражника. Дард расправил плечи и задрал подбородок, пытаясь изобразить высокомерие миротворца, которое обычно облекает его, как тесный мундир. А Кимбер выглядел просто отлично. Он шагал вперёд с непоколебимой уверенностью «Увенчанного Лаврами». Дард изо всех сил старался подражать ему, но всё же не смог сдержать вздоха облегчения, когда стражники не попытались остановить их и они беспрепятственно миновали ворота.

Конечно, они всё ещё были далеко от святилища Голоса. А что за вторым двором, Дард не знал.

Кимбер остановился и коснулся рукава своего спутника. Они вместе скользнули с освещённой дороги и укрылись за столбом в тени.

Перед ними расстипался внутренний двор, где собираются верующие, чтобы услышать слова мудрости, слова священного писания Ренци, произносимые одним из «Увенчанных Лаврами». Сейчас двор был пуст. После темноты сюда не смест зайди никто из «приверженных

внутреннему Миру». А это делало их предприятие ещё более рискованным, потому что вскоре они окажутся одни среди миротворцев и могут выдать себя незнанием обычаев. Рука Дарда дёрнулась, но он удержал её подальше от станинера.

— Где Голос?

Дард указал на арку в дальнем конце внутреннего двора. То, что они искали, скрывалось за ней, но где именно, он не знал. Кимбер двинулся туда, переходя от столба к столбу, а Дард скользящей неслышной походкой лесного жителя следовал за ним. Дважды они застывали, когда показывались миротворцы. Вначале миротворцы, затем два «Увенчанных Лаврами» и, наконец, когда они уже приближались к арке, три раба, несущие ящик под присмотром стражника.

Кимбер укрылся за столбом и поманил Дарда к себе.

— Большое движение, — в его шёпоте звучал смех, Дард увидел, что пилот улыбается, в глазах его блестел огонь.

Они подождали, пока рабы со стражником не исчезли, потом смело вышли на открытое место и прошли под арку. И оказались в широком коридоре, не очень хорошо освещённом. В коридор выходило несколько открытых дверей, из которых вырывался свет, освещая проходящих. Кимбер уверенно зашагал по коридору с видом человека, имеющего полное право тут ходить. Он не пытался заглядывать в комнаты, как будто видел их содержимое тысячи раз.

Дард дивился его самообладанию. Где в этом лабиринте находится Голос? Юноша и не подозревал, как много скрывается за внутренним двором. Они подошли к концу коридора, и только тут Кимбер убавил шаг и стал посматривать по сторонам. С бесконечной осторожностью он попытался приоткрыть закрытую дверь в конце прохода. Та подалась, без малейшего скрипа отворилась и за ней они увидели ведущую вниз лестницу. Кимбер широко улыбнулся.

— Вниз! Туда... — прошептали его губы.

Вместе они прокрались к началу лестницы и посмотрели вниз, в огромную пещеру, освещённую гораздо лучше, чем остальные помещения храма. Пещера уходила глубоко, в самое сердце холма, на котором стоит храм. И далеко внизу, на полу — Голос, металлический ящик, безлицый, безъязыкий, но могучий.

У подножия лестницы стояли два стражника, всем своим видом выказывая уверенность, что уж чего-чего, а исполнять свои обязанности им здесь не придётся. На резной скамье перед широкой панелью со шкалами и ручками сидел третий человек в алом с золотом одежде «Увенчанного Лаврами» второго круга.

— Ночная смена, — шепнул Кимбер на ухо Дарду, потом осторожно сел на площадку и принял снимать ботинки. После недолгого колебания Дард последовал примеру пилота.

Кимбер, держа ботинки в одной руке, начал бесшумно спускаться, прижимаясь к стене. Но станнер с пояса не доставал, и Дард послушно не вынимал из кобуры собственное оружие.

В помещении отнюдь не стояла полная тишина. Откуда-то изнутри Голоса доносился монотонный гул, а огромное помещение подхватывало его и усиливало.

Кимбуру потребовалось довольно много времени, чтобы спуститься. А может, Дарду так только показалось. Когда они уже почти добрались до конца лестницы и замерли непосредственно над стражниками, пилот протянул длинную руку, привлек к себе юношу и прижался губами к его уху.

— Я рискну снять станнером того парня на скамье. А ты сразу прыгай на этих двоих и угости их каблуком...

Он показал на ботинки. Четыре ступеньки, пять... Они молча спускались. Наконец Кимбер достал станнер и выстрелил. Бесшумный заряд попал в цель. Человек на скамье повернулся, показав своё ужасно искажённое лицо, и упал на пол.

В то же мгновение Кимбер бросился вперёд и вниз. Послышался удивлённый возглас; Дард тоже прыгнул, столкнулся со стражником, и они покатились по полу. Уклонившись от удара, Дард, как дубиной, ударил ботинками по лицу противника. Он трижды опускал своё импровизированное оружие, прежде чем руки, вцепившиеся юноше в плечи, оторвали его от обмякшего стражника. Кимбер, с кровавой царапиной под глазом, тряс Дарда, приводя его в себя.

Дард взглянул на пилота, и боевое безумие и гнев покинули его. Они связали неподвижные тела поясами и шнурками, а потом Кимбер занял место перед Голосом.

Он достал из грудного кармана плотно исписанный листок бумаги и расправил на наклонной панели перед первым рядом кнопок. Дард нетерпеливо ёрзal на месте; ему казалось, что пилот не очень торопится.

Но у него хватило ума не мешать; Кимбер потёр руки, как будто стирал с них жидкость, потом поднял глаза и принял разглядывать ряды кнопок, обозначенных различными символами. Медленно и осторожно пилот нажал одну кнопку, потом другую, третью. Гул изменил тон, ритм усилился, большая машина ожидала.

Кимбер работал всё быстрее, время от времени он останавливался и заглядывал в листок. Пальцы его теперь просто-таки мелькали. Гул перешёл в громкое гудение, и Дард опасался, что его слышно теперь повсюду в храме.

Юноша отошёл к лестинце и поглядывал то на неё, то на Кимбера. Он извлёк станнер. Как и говорил Кимбер, механизм оказался по-детски простым: прицелиться и нажать кнопку будет очень легко. У него два заряда. Поглаживая металл, Дард посмотрел на Голос.

В здешнем ярком свете было хорошо видно, что лицо Кимбера покрылось потом; время от времени он проводил по глазам руками. Он ждал — его часть работы была завершена — ждал, пока Голос примет данные и начнёт решать проблему. Но с каждой минутой, которую они здесь проводили, опасность увеличивалась.

Один из пленников персвернулся на бок; глаза над кляпом, которым ему заткнули рот, с ненавистью устремились на Дарда. Шум Голоса сменился глухим бормотаньем. Больше в пещере ничего не было слышно. Дард подошёл и коснулся плеча Кимбера.

— Сколько ещё?.. — спросил он.

Кимбер пожал плечами, не отводя взгляда от экрана над кнопками. Этот светлый квадрат упрямо оставался пустым. Дард не мог устоять на месте. Часов у него не было, но юноша казалось, что они находятся здесь уж слишком долго. Наверное, скоро утро. А что, если появится утренняя смена стражников?

Его мысли прервал резкий требовательный звонок. Экран больше не был пустым. По нему медленно поползли формулы, фигуры, уравнения. Кимбер торопливо записывал их, проверяя и перепроверяя записанное. Наконец экран снова опустился, пилот чуть поколебался, потом нажал одну кнопку справа на доске. Мгновения ожидания, и на экране появилось пять чисел.

Кимбер со вздохом прочёл их. Потом тщательно упирал листки с расчётами, широко улыбаясь, наклонился вперёд и почти одновременно нажал множество кнопок, сколько смог достать. Не дожидалась ответа — Голос снова принял за работу, — он присоединился к Дарду.

— У них будет, о чём подумать, когда попробуют выяснить, зачем мы приходили, — объяснил он. — Прощать наши записи теперь невозможно. Но не думаю, чтобы у них хватило мозгов и воображения, чтобы догадаться о нашей цели. А теперь — быстрее! Пошли наверх, парень!

И Кимбер побежал по лестнице так, что Дард с трудом поспевал за ним. Только непосредственно перед дверью пилот остановился и прислушался.

— Будем надеяться, что все они ещё в постели и крепко спят, — прошептал он. — Сегодня нам везёт. Не хотелось бы, чтобы всезение кончилось.

Коридор был пуст, как и во время их первого перехода.

Лишь свет в некоторых комнатах пропал. Поэтому им предстояло пересечь только три опасных освещённых места. Два они преодолели без труда, но когда приближались к третьему, его пересекла чья-то тень. Из комнаты выходил человек. Ало-золотое платье, сплошь расшитое золотом — столько Дарду никогда съёс видеть не приходилось, — явно показывало, что перед ними представитель высшей иерархии. Он раздражённо и подозрительно посмотрел на них.

— Мир! — вряд ли это слово — начало разговора, в нём прозвучало слишком много властности. — Что вы здесь делаете, братья, во время ночной стражи?..

Кимбер отступил в тень, и человек бессознательно последовал за ним, выйдя в коридор.

— Что... — вновь начал было спрашивать он, и тут пилот перешёл к действиям. Его руки сомкнулись вокруг горла человека, перекрыв ему голос и дыхание.

Дард схватил руки, пытавшиеся вырваться, и они вместе вытащили пленника под арку и на слабо освещённый внутренний двор.

— Либо пойдёшь тихо, — просвистел миротворцу в ухо Кимбер, — либо не пойдёшь совсем. Выбирай быстрее.

Борьба прекратилась, и Кимбер потащил пленника за собой.

— Зачем он нам? — тихо спросил Дард.

Улыбка Кимбера больше не была приятной, скорее она напоминала волчий оскол.

— Страховка, — ответил он. — Мы ещё не выбрались. А теперь пошли! — он сильно дёрнул пленника, держа одну руку у него на шее, и они втроём направились к внешним воротам и свободе.

6. Пять дней и сорок пять минут

Решётка из стальных прутьев и металлической проволоки надёжно перегораживала выход во внешний двор. Когда они подошли к ней, пленник рассмеялся. Он уже

полностью пришёл в себя от неожиданности, и хотя всё
ещё оставался абсолютно беспомощным в руках Кимбе-
ра, голос, которым он задал вопрос, прозвучал вполне
уверенно.

— Ну, и как вы собираетесь пройти здесь?

Пилот беспечно ответил:

— Я полагаю, ворота оборудованы реле времени?

Увенчанный Лаврами не отозвался на его вопрос,
наоборот, спросил сам:

— Кто вы?

— А если я скажу — повстанцы?

Реакция оказалась неожиданной. Губы человека изо-
гнулись в жестокой усмешке.

— Вот как... — теперь голос его обрёл зловещие нотки,
обещая страшные кары. — Лосслер всё-таки посмел?
Лосслер!

Но у Кимбера не было на это времени. Он передал
пленника в руки Дарда и прижал чёрный диск к замку
решётки. Послышался щелчок, полетели искры. Потом
Кимбер упёрся в преграду плечом, и та подалась. Прихва-
тив с собой пленника, они вышли в свободу ночи.

Город был погружен во тьму, её нарушали только
редкие уличные фонари. Стояла полная луна, и на снегу,
на крышах и во дворах лежали отчётливые чёрно-белые
тени.

— Вперёд! — Кимбер толкнул пленника перед собой в
направлении парка вертолётов. Дард шёл сзади, с напря-
жёнными нервами, не смея поверить, что им удалось.

Прежде чем они вышли на растрескавшийся бетон
взлётной площадки, Кимбер обратился к пленнику.

— Мы собираемся улететь в вертолёте, — объяснил он
скучающим тоном, словно обсуждал неинтересный до-
клад, — и как только вылетим, ты нам больше не
понадобишься, понял? Так что от тебя самого зависит, в
каком состоянии ты останешься...

— Можете передать от меня Лосслеру, — слова разда-
вались медленно, одно за другим, прорываясь сквозь
стиснутые зубы, — что уйти ему не удастся!

— Но мы-то ведь уйдём? А теперь иди направо, мы все друзья, на случай, если стражники заинтересуются. Ты нас проводишь, и мы больше тебя не побеспокоим.

— Но почему? — спросил пленник. — Что вам было здесь нужно?

— Что нам было нужно... Ну, это простая проблема, и у тебя будет вся ночь, чтобы решить её — если сможешь. Так где тут стража?

Когда пленник не ответил, рука Кимбер шевельнулась, и пленник резко ахнул от боли.

— Где... стража? — повторил пилот ледяным тоном, слова его зловещим свистом ворвались в уши.

— Три стражника... у ворот... и патруль... — послышался хриплый ответ.

— Прекрасно. В следующий раз отвечай побыстрее. Ты выведешь нас за ворота. Мы посланы тобой со специальным поручением.

Вскоре Дард увидел чёрно-белые мундиры у выхода. Прозвучала команда:

— Стой!

Кимбер послушно остановился.

— Кто идёт?

— Мир, брат.

Дард внимательно слушал, ожидая какого-нибудь предупреждения. Но Кимбер, должно быть, предпринял меры предосторожности, потому что голос Увенчанного Лаврами звучал вполне естественно.

— Увенчанный Лаврами Доусон со специальным поручением...

Стражник отсалютовал.

— Прошу, благородный Доусон!

Дард шёл по стопам Кимбера и Доусона со всей выдержкой, на какую мог рассчитывать. Он сохранял её, пока они не подошли к ряду вертолётов. Тут Кимбер обратился к товарищу:

— Возникает небольшой вопрос о горючем. Забирайся в эту малышку и посмотри, что показывает верхняя шкала в ряду прямо за рукостью управления. Если указа-

тель между сорока и шестьюдесятью, пропой мне. Если нет, попробуем следующий.

Дард забрался к кабину и нашёл указатель. Между... между сорока и шестьюдесятью! Побледневшие пальцы дрожали, юноша с трудом овладел ими.

— Пятьдесят три, — негромко произнёс он.

Дард так никогда и не узнал, что собирался Кимбер сделать с Доусоном. Увенчанный Лаврами неожиданно рванулся и бросился вниз, пытаясь увлечь за собой пилота. В то же время он отчаянно закричал, крик его разнёсся по всему полю, наверняка его услышали и в храме.

Дард бросился к дверце кабины. Не успел юноша выбраться, как увидел поднявшуюся и упавшую в смертельном ударе руку. Второй призыв о помощи прервался на полуслове, и пилот прыгнул в машину. Дард обнаружил, что лежит лицом вниз, а пилот через него рвётся к приборам. Вертолёт наклонился, открывая дверь застучала, пока Кимбер не смог её захлопнуть. Они поднялись в воздух, и вовремя: тут же послышался выстрел.

Юноша прижался к сидению, стараясь рассмотреть, что делается позади. Поднимается ли другой вертолёт? Или им удастся выиграть достаточно времени перед преследователями?

— Нельзя было надеяться, что всё пройдёт без сучка без задоринки, — сказал Кимбер. — Как там дела, парень? Поднялись они? Сейчас нам трудно будет увернуться.

В небе зловеще мигнуло что-то красное.

— Кто-то поднимается, видны сигнальные огни.

— Огни на крыльях? Ай-яй-яй, какие мы с тобой забывчивые, приятель, — Кимбер быстро переключил маленький рычажок.

Краем глаза Дард заметил, что их собственные сигнальные огни погасли. Но преследователь свои не выключал, ему было всё равно, видна ли его позиция.

— У меня только один вопрос, — обращаясь к самому себе, продолжал пилот. — Кто такой Лосслер, и почему

наш оставшийся друг ожидал от него неприятностей? Раскол в рядах Мира? Похоже на это. Плохо, что мы раньше не знали об этом Лосслере.

— Разве это как-то изменило бы ваши планы?

— Нет, но нам было бы гораздо веселее в последние месяцы. А игра в пользу одной группы и против другой могла бы оказаться полезной. Как сегодня: этот Лосслер может принять на себя нашу вину, и никто не будет рыскать возле Ущелья, когда мы стартуем. Что за чёрт!..

Кимбер неожиданно наклонился вперёд и внимательно посмотрел на шкалу перед собой. Потом протянул руку и постучал по тому самому индикатору, на который велел посмотреть Дарду, когда они захватывали вертолёт. Стрелка за потрескавшимся стеклом оставалась неподвижной, как будто была нарисована поверх цифр. На лбу Кимбера появилась морщина. Он снова постучал по стеклу, стараясь сдвинуть стрелку. Потом откинулся на сидении.

— Вот те на! — он словно обсуждал прелести ночи. — У нас, кажется, проблема. Сколько горючего? Полон бак, полупуст или совсем пуст? А мне-то показалось, что всё идёт слишком гладко. Теперь нам придётся...

Ровное гудение мотора сменилось кашлем, потом восстановилось. Но Кимбер покорно пожал плечами.

— Вопросов больше нет. Этот кашель означает, что нам придётся пройтись. Как там наш друг сзади?

— Идёт за нами, — вынужден был подтвердить Дард.

— Ситуация становится совсем весёлой. Мы могли бы обойтись и без этого проклятого лунного света! Несколько облаков совсем не помешали бы.

Мотор выбрал как раз этот момент, чтобы закашляться снова, и во второй раз нормальная работа не возобновлялась гораздо дольше.

— Осталось три-четыре капли. Лучше приземлиться сейчас, чтобы не пришлось садиться на брюхо. Где тут подходящая тень? Ага, деревья! И за нами только один вертолёт, ты уверен?

— Уверен, — прежде чем ответить, Дард ещё раз посмотрел назад.

— Придется добираться трудным путём. Приготовься, парень!

Вертолёт быстро снижался к полю вблизи дороги, вдоль которой они летели; вскоре он тяжело опустился в снежный сугроб. В стороне от дороги проходила невысокая каменная стена, за ней темнела группа деревьев. И — Дард был совершенно в этом уверен — он заметил неподалёку очертания дома.

Они выбрались из кабины, перебрались через стену и побежали по мягкому снегу к деревьям. Позади слышался звук мотора вертолёта. В нём, должно быть, заметили севшую машину, потому что безошибочно устремились прямо к ней.

— В той стороне дом, — Дард тяжело дышал, пробираясь по сугробам за Кимбером; тот упорно шёл к деревьям впереди.

— Мы можем найти там транспорт?

— У старост сейчас не бывает машин. Фолли имел статус двойное «А», но Лотта говорила, что его прошение о машине дважды отвергалось. Может, лошади.

Кимбер фыркнул.

— Лошади, однако! — обратился он к ночи. — Я не знаю, с какой стороны к ним подходить.

— Но верхом мы уйдём гораздо быстрее, — Дард поскользнулся на льду и упал в колючий куст. — Вероятно, за нами пустят собак: мы слишком близко от города.

Кимбер пошёл медленнее.

— Я забыл об этих прелестях цивилизации, — заметил он. — И часто они используют собак в преследовании?

— Зависит от того, насколько важны преследуемые.

— В списке их врагов мы теперь, скорее всего, идём первым номером. Да, нет ничего хуже собак, а у нас для них даже мяса нет. Ну, ладно, заглянем в дом и посмотрим, найдутся ли там лошади.

Но, дойдя до опушки рощи, они остановились. В

окнах дома горел свет, и его было достаточно, чтобы осветить севший у самого дома вертолёт. Кимбер невесело рассмеялся.

— Тот парень у машины не зря машет ружьём.

— Подожди! — Дард удержал пилота, который повернулся назад.

Да, он был прав: подходил ещё один вертолёт. Но юноша продолжал удерживать Кимбера.

— Если у них есть мозги, — прошептал пилот, — они возьмут нас в клещи. Надо убираться отсюда!

Но Дард упрямо стоял на месте.

— Ты идёшь в сторону дороги, — заметил он.

— Конечно! Мы не должны заблудиться, а дорога — наш единственный указатель пути назад. Или ты так хорошо знаешь местность, что выведёшь нас лесом?

Дард не отпускал его.

— Я кое-что знаю. Да, это здесь единственная дорога, ведущая в горы. Но мы не можем идти по ней. Если только...

Он выпустил руку Кимбера и отвернул край своей куртки, чёрной, отделанной белым. Онемевшими пальцами Дард расстегнул пуговицы и снял куртку, которая была ему велика. Он оказался прав! Под чёрным материалином скрывалась белая подкладка, сплошная, вплоть до манжетов и облегающего горло воротника. И у брюк тоже. С лихорадочной торопливостью юноша начал выворачивать рукава. Кимбер недоумевающе посмотрел на него, потом понял и стал снимать свою куртку. Белое на белом — если они поползут в канаве, если за ними не пустят собак, — у них появится шанс уйти.

Почти падая, они бросились в кювет, когда показался второй вертолёт. Дард насчитал шестерых, выбравшихся из него и рассыпавшихся веером. Они сразу двинулись в сторону рощи.

Беглецы не стали ждать дольше; они, пригибаясь, почти ползли по прошлогодней листве, заполнившей канаву, мимо неровных живых изгородей, ограждающих

поля. Дард невольно сжимался: каждое мгновение он ожидал почувствовать смертельное прикосновение пули к спине. Сегодня смерть была ближе к нему, чем даже пилот, который своими ботинками бросал снег на вспотевшее лицо юноши.

Немного погодя дорога свернула, и они решились выйти на открытое место. Теперь их донимал холод. В кабине вертолёта было тепло, а один мундир плохо защищал от ветра, бросавшего на них снег. Дард беспокойно посматривал на луну. Не было видно никаких облаков, ничто не мешало её яркому свету. Впрочем, тучи означали бы снежную бурю, а ему не хотелось бы попасть в буран в открытом поле.

Кимбер двигался быстрой уверенной походкой, но Дард легко держался за ним. Он не знал, далеко ли до Ущелья. И сколько времени займёт возвращение? Может, Кимбер всё-таки знает путь? Он ведь свернул с дороги. Сам Дард мог бы найти тропу, ведущую к ферме. Но где же ферма?

— Далеко ли ваша ферма от города?

— Около десяти миль. Но с этим снегом... — дыхание кружилось белым облачком вокруг головы Дарда.

— Да, снег. А потом его может стать ещё больше. Слушай, парень, это очень важно. У нас мало времени...

— Ну, может, они подождут утра. И если приведут собак....

— Я не об этом! — Дарду показалось, что Кимбер отбросил мысль о преследовании, как что-то совсем не стоящее внимания. — Вот что важно. Курс, который наметил для нас Голос. Я спросил, на какой срок рассчитанный курс сохранит пригодность. Ответ: пять дней и два часа. Теперь, по-моему, осталось пять дней и сорок пять минут. Мы должны либо стартовать в это время, либо придётся нанести второй визит Голосу. Откровенно говоря, я считаю второе безнадёжным.

— Пять дней и сорок пять минут, — эхом повторил Дард. — Но даже если нам повезёт, потребуется два-три

дня, чтобы добраться до Ущелья. К тому же мы без припасов...

— Будем надеяться, Кордов там готовится, — ответил Кимбер. — А пока мы здесь ждём, теряется время. Пойшли.

Дважды за последующие часы им приходилось укрываться, когда над головой пролетали вертолёты. Машины с гневной решимостью описывали круги над дорогой, и казалось невозможным остаться незамеченными. Но, может, одежда помогала им укрываться.

Солнце уже взошло, когда Дард наконец увидел старый столб, торчащий из снега, и отходящую от него тропу.

— Тропа на нашу ферму, — он говорил кратко, чуть покачиваясь на ногах. Как далеко они всё-таки ушли. Должно быть, вертолёт отлетел гораздо дальше от города, чем он считал.

— Ты уверен, что там ваш дом?

Дард кивнул, не тратя силы на слова.

— Гмм... — Кимбер изучал нетронутую белизну. — Тут следы будут заметны, как чернила. Однако, ничего не поделаешь.

— А нужно ли? Там всё сгорело, никаких припасов.

— У тебя есть лучшее предложение? — лицо Кимбера осунулось и похудело.

— Ферма Фолли.

— Но я думал...

— Фолли умер. На ферме онправлялся с помощью трёх рабов. Сын его месяц назад ушёл в миротворцы. Мы можем смело зайти туда. Скажем, что наш вертолёт сломался в холмах, и мы ждём помощи...

Кимбер оживился.

— А такое сейчас часто случается. Сколько человек может быть на ферме?

— Вторая жена Фолли, его дочь, рабы. Не думаю, чтобы он нанял надсмотрщика после ухода сына.

— И они будут рады помочь миротворцам. Но они же знают тебя...

— Жену Фолли я никогда не видел, наши семьи избегали друг друга. А Лотта — ну, она и раньше мне помогала. Всё равно это лучше, чем просто уходить отсюда в горы.

Теперь они двинулись открыто. А в конце тропы, подходя к ферме, снова вывернули одежду и стряхнули снег. Конечно, выглядели они неважно, но оправданием тому должна будет послужить авария вертолёта.

— И вообще миротворцы не дают объяснений старостам, — указал Кимбер, когда они приближались по небольшому подъёму к уродливому зданию фермы. — Будет только правдоподобнее, если мы ограничимся одними вопросами без всяких объяснений. Всё зависит от того, слышали ли они о преследовании...

Из трубы поднимался дым, и Дард успел заметить, как дёрнулась занавеска на окне. Их заметили. Лотта — теперь всё будет зависеть от Лотты. Он бросил взгляд на Кимбера. С тёмного лица исчезли последние следы доброты и юмора. Крутой, очень крутой парень, типичный миротворец, который не потерпит никаких вольностей со стороны старости.

Дверь распахнулась, прежде чем они поднялись по ступенькам крыльца. Их ждала женщина, руки она сунула под передник, выпачканный пищей, неуверенная улыбка приоткрыла тёмный провал отсутствующего зуба.

— Мир, благородные господа, мир, — голос её был таким же жирным и маслянистым, как тело, и казался увереннее выражения лица.

Кимбер небрежно ответил официальным салютом и бросил ответное: «Мир. Где мы?..»

Она неуклюже поклонилась.

— Это ферма Хью Фолли, благородный сэр.

— Так где этот Фолли? — спросил Кимбер, как будто ожидал, что отсутствующий староста тут же возникнет перед ним.

— Он умер, сэр. Убит преступниками. Я решила, что поэтому вы... Но входите же, благородные господа, вхо-

дите... — она отступила на шаг, пропуская их на кухню.

От запахов пищи у Дарда свело горло, на секунду его затошило. На столе громоздились грязные тарелки, хлеб, чашка травяного чая — остатки позднего завтрака.

Не отвечая женщине, Кимбер сел на ближайший стул и отодвинул от себя грязные тарелки. Дард сел напротив пилота, благодарный поддержке, которую деревянное сидение оказалось его дрожавшему телу.

— У тебя есть еда, женщина? — спросил Кимбер. — Давай сюда. Мы часами брали по этим проклятым лесам. Можно послать вестника в город? Наш вертолёт вышел из строя, и нам нужны ремонтники.

Хозяйка возилась у печи, разбивала яйца, настоящие яйца, и выливала их на сковородку.

— Еда, да, благородные господа. Но вестник — после смерти мужа у меня остались только рабы, а они под замком. Посылать некого.

— У тебя нет сына? — Кимбер отрезал себе кусок хлеба.

Её нервная ухмылка перешла в улыбку.

— Да, благородный сэр, сын есть. Но только месяц назад он был избран Домом Оливковой Ветви. Теперь он готовится к вашей службе, благородный сэр.

Если она ожидала, что её сообщение смягчит посетителей, то была разочарована, потому что Кимбер только чуть поднял брови и продолжил:

— Мы не можем идти в город сами, женщина. Неужели тебе некого послать?

— Есть Лотта, — женщина подошла к двери и хрипло позвала девушку по имени. — Теперь, когда Хью нет, она смотрит за коровами. Но до города далеко, благородные господа.

— Тогда пусть едет верхом. Как вы добираетесь до города, женщина? — Кимбер положил себе на тарелку три яйца, а остальное пододвинул Дарду. Тот, несколько ошеломлённый таким изобилием пищи, поторопился взять еды себе, пока она не исчезла.

— У нас есть жеребёнок. Она может поехать верхом, — неохотно признала женщина.

— Тогда пусть едет. Я не намерен сидеть здесь целый день в ожидании помощи. Чем скорее она уедет, тем лучше.

— Я тебе нужна?

Дард узнал этот голос. Долго он не смел поднять голову. Наконец собрался и посмотрел прямо в глаза стоявшей в полуоткрытой двери девушке. Пальцы его сжимали вилку и чуть дрожали. Но выражение лица Лотты не изменилось, и он только надеялся, что его лицо оставалось таким же равнодушным.

— Я нужна? — повторила Лотта.

Женщина кивком указала на миротворцев.

— Эти джентльмены... их вертолёт сломался. Они хотят, чтобы ты отвезла их сообщение в город. Бери жеребца и поезжай.

— Хорошо, — девушка вышла и захлопнула за собой дверь.

7. Битва у баррикады

Дард механически жевал, не чувствуя вкуса пищи. Когда Кимбер наколол на вилку толстый кусок свинины, юноша обратился к пилоту.

— Можно, я дам девушке инструкции, сэр?

Кимбер проглотил еду.

— Хорошо. Позаботься, чтобы она всё поняла. Я не хочу ждать здесь днями. Пусть отыщет мастера по ремонту. Согревшись, мы вернёмся к вертолёту. А она пусть уезжает немедленно: чем скорее уедет, тем быстрее к нам придёт помощь.

Дард вышел во двор. Лотта седлала лошадь. Когда под его ботинками скрипнул снег, она подняла голову.

— Где Десси? Что ты с ней сделал?

— Она в безопасности.

Лотта посмотрела ему в лицо, потом кивнула.

— Ты говоришь правду. Тебе на самом деле нужно,

чтобы я ехала в город? Зачем? Ты ведь не миротворец...

— Нет. И чем ~~дольше~~ ты туда не попадёшь, тем лучше. Но, Лотта... — он должен был постараться как-то обезопасить девушку. Если миротворцы заподозрят, что она помогала беглецам, её ждут неприятности. — Когда доберёшься и доложишь в храме, скажи, что мы показались тебе подозрительными. К тому времени нас здесь уже не будет.

Она подбородком указала на дом.

— Не доверяй ей. Она мне ~~не~~ мама. И Фолли на самом деле ~~не~~ был моим отцом. Мой папа был его родственником, а Фолли хотел взять его землю, поэтому принял меня. А ей не доверяй, она ещё хуже Фолли. Я поеду медленно и скажу, как ты велишь, когда приеду. Слушай, Дард, ты уверен, что с Десси всё в порядке?

— Да, если я к ней вернусь. У неё появится шанс жить как следует...

Маленькие глаза на хорошенъком, как он понял теперь, лице проницательно смотрели на него.

— Ты обещаешь? Уйдёшь отсюда и возьмёшь её с собой? Я приготовлю для них хорошую историю, — Лотта неожиданно улыбнулась. — Я не такая уж глупая, какой кажусь, Дард Нордис, хотя и не из вашей породы.

Она неуклюже села в седло, щёлкнула уздой, и лошадь пошла рысью.

Дард вернулся в дом и сел за стол с лучшим аппетитом. Кимбер огромными кусками поедал яблочный пирог. Глотая, он обратился к своему младшему товарищу:

— Уже день. Попробуем сами взглянуть на наш автобус. Ты, женщина, — обратился он к хозяйке, — сможешь показать ремонтникам, куда идти?

Дард наступил Кимберу на ногу и получил в ответ понимающий кивок.

— А куда идти? — спросила хозяйка. Дарду показалось, что на мгновение она сняла маску. Неужели она начала подозревать, что в гостях у неё на самом деле не два хозяина нового мира?

— На север. Мы оставим след, нужно будет идти по нему. Приготовь ещё какой-нибудь еды, мы захватим с собой и днём поедим. И посыпай ремонтников сразу к нам.

— Хорошо, благородные господа.

Но ответила она неохотно и долго возилась, отрезая холодное мясо и хлеб. Или просто он слишком нервничает, или это ему кажется, подумал Дард.

Полчаса спустя они вышли из дома. Сначала они шли по аллее, потом свернули на север, пока роща не скрыла их от наблюдения. Только тут Кимбер посмотрел на запад.

— Куда теперь?

— Дальше есть тропа, ведущая в горы, — сообщил ему Дард. — Она перерезает старую лесную дорогу возле того дерева, где я встретился с Сачем.

— Хорошо. Ты будешь проводником. И пошли-ка побыстрее! Девушка может доехать быстро и...

— Она не будет торопиться. Она знает...

Кимбер беззвучно присвистнул.

— Если она работает на нас, это нам сильно поможет.

— Я сказал ей, что, помогая нам, она спасает Десси. А ей только Десси и дорога.

Тепло, хорошая еда и отдых в доме Фолли — всё это придало им сил для трудной дороги. После двух попыток Дард отыскал лесную дорогу. И увидел след, оставленный Лоттой.

Кимбер шагал неторопливо, зная, что впереди ещё долгие мили пути. Они отдохнули под грубым навесом у дерева с дуплом. Лес казался неестественно тихим, солнце отражалось от снега, заставляя щуриться.

От дерева беглецы пошли по следу, оставленному Дардом, Десси и Сачем в прошлый раз. К счастью, поздравил себя Дард, снег с тех пор не шёл, и находить дорогу оказалось нетрудно. Но оба устали и невольно замедлили шаг, поднимаясь к пещере. Там они смогут отдохнуть, мысленно обещал Дард своему ноющему телу.

Они ненадолго остановились, чтобы поесть и передохнуть, и двинулись дальше. Дард потерял всякое представление о времени и, как робот, шагал по следу в снегу.

Они уже преодолели нижнюю часть подъёма, который должен был привести их к пещере, когда юноша без сил привалился к дереву. На фоне сугроба он видел лицо Кимбера, осунувшееся, потерявшее всё своё добродушие от усталости.

И в этот момент тишины Дард уловил далёкий звук, очень слабый, принесённый случайным порывом ветра, — лай охотничих собак, бегущих по свежему следу. Голова Кимбера дрогнула. Дард провёл языком по пересохшим губам. Пещера с узким входом! Он не стал тратить времени на объяснения и упрямо принялся карабкаться вверх.

Но... что-то там было не так. Может, глаза... снежная слепота... Дард помотал головой, пытаясь прояснить зрение. Но местность по-прежнему выглядела как-то по-другому. Поэтому он почти не удивился зрелищу, которое увидел, добравшись до верха. Шатаясь от усталости, он смотрел на закрытый вход в пещеру, заваленный камнями вперемежку с чем-то ещё. Потом наклонился, и его наконец вырвало.

Он вытирая рот снегом, когда Кимбер присоединился к нему.

— Теперь мы знаем о Саче...

Дард поднял глаза. Рот пилота был жёстко сжат.

— Они оставили его здесь как угрозу и предупреждение, — сказал Кимбер. — Должно быть, поняли, что это один из наших регулярных постов.

— Но как они могли дойти до такого?

— Слушай, сынок, все начинают обычно с неплохой идеи, может, даже очень хорошей. Ренци не был мошенником, он вообще-то был порядочным человеком. Я слышал его ранние речи и готов признать, что во многом он прав. Но у него не было... мне кажется, лучшее

обозначение для этого — «милосердие». Он хотел силой навязать остальным свой образ мыслей — для их блага, разумеется. И так как он был по-своему велик и искренен, у него появилось множество последователей из числа честных людей. Они устали от войн, их привёл в ужас Большой Пожар, они легко поверили, что наука ведёт ко злу. Вольные учёные были слишком независимы, их группы были почти закрыты для доступа других. Что вылилось в разделение между мыслью и чувством. А чувство для нас легче мысли. И потому Ренци обратился к чувствам и победил. Ему помогла отчуждённость науки. Его поддержали другие фанатики и кроме них те, кто стремится к власти, независимо от того, какими путями её получает. К тому же всегда существуют люди, которым нравится такое состояние — как сейчас. Они хуже животных, потому что животные не пытают ради удовольствия. Фанатики, люди, рвущиеся к власти, садисты — стоит им проникнуть в правительство, и места для приличий не остаётся. Теперь миру можно надеяться только на раскол в их рядах, на внутреннюю борьбу за власть.

Такая борьба против свободы мысли и терпимости происходила и раньше. Столетия назад именем религии прикрывалась инквизиция. А в двадцатом веке диктаторы делали то же самое в разных политических системах. Фанатичная вера в идею, убеждение в том, что идея или нация превыше индивидуума, — появляются снова и снова. Абсолютная власть над другими людьми меняет человека, разворачивает его. Когда мы научимся воспитывать людей, которые не хотят власти над другими, которые рады служить общей цели, тогда мы станем выше этого... — и пилот указал в сторону останков, которые теперь скрылись из виду. — Вольные учёные почти достигли такого состояния. Поэтому Ренци и его окружение боялись и ненавидели их. Но учёных было немного, капля в море. И они потерпели поражение, как и многие другие до них. Никто не может поступить с человеком хуже, чем он сам. И послушай...

Кимбер высоко поднял голову, он смотрел на вершину, охраняющую доступ в Ущелье. И медленно заговорил:

— Границы любого типа, умственные и физические, для нас — только вызов. Ничто не может остановить ищущего человека, даже другой человек. И если мы захотим, не только чудеса космоса, но и звёзды будут принадлежать нам!

— Звёзды будут принадлежать нам! — повторил Дард.

— Кто это сказал?

— Техник Видор Чант, один из мучеников. Он помогал перевозить сюда корабль, потом ушёл на поиски горючего и... Но слова его остались с нами.

Вот чему мы посвятили свою жизнь, мы, объявленные преступниками. Для нас неважно, кем был человек в прошлом: вольным учёным, техником, рабочим, фермером, солдатом; мы едины, потому что верим в свободу личности, в право человека расти и развиваться, уходить так далеко, как он может. И мы ищем место, где смогли бы на практике осуществить эти идеи. Земля для нас закрыта, мы должны лететь к звёздам.

Кимбер начал спускаться. Дард вспомнил уловку, которую они использовали с Десси, она могла бы на время сбить с толку собак. Они нашли более высокий уступ и спрыгнули с него; Дард упал на ветви сосны и только оттуда свалился на землю, дыхание у него перехватило, и Кимбер помог ему прийти в себя.

К его удивлению, пилот больше не скрывался. Приближалась ночь, и они не могли дальше идти без отдыха. Но Кимбер шагал, не останавливаясь, пока они не вышли на открытое место у реки. Тут пилот достал тот самый плоский диск, с помощью которого они миновали решётку, выходя из храма, и бросил его вперёд.

Столб зелёного света устремился в ночь и простоял целых пять минут. В полутьме он был хорошо виден, и всё вокруг: снег и лица людей — позеленело.

— Подождём, — в голосе Кимбера прозвучал отголосок

сок прежней весёлости. — Парни с вершины подберут нас раньше, чем появятся миротворцы.

Но как же трудно ждать, когда каждая минута может означать разницу между жизнью и смертью. Они проглотили остатки пищи и прижались друг к другу за двумя упавшими деревьями на краю поляны. Столб света погас, но зелёное пламя будет видно ещё несколько часов, пояснил Кимбер.

Поднялся ветер. Но его вой в деревьях не мог уже заглушить лая собак. Дард коснулся своего станиера: два заряда у него, один у Кимбера. Маловато для встречи с теми, кто преследует их по тропе. А преследователи вооружены ружьями.

Кимбер зашевелился и на четвереньках выбрался из убежища. С ночного неба почти бесшумно опускалась тёмная тень — вертолёт. Пилот поманил Дарда за собой. Открылась дверца, и его втянули внутрь. И тут же машина поднялась в воздух. Дард обессиленно опустил голову на обивку, почти не слыша возбуждённых расспросов и ответов.

Когда юноша проснулся, приключения последних сорока восьми часов могли показаться сном, потому что он лежал на той же самой койке, на которой спал раньше. Но на этот раз Кимбера рядом не оказалось. Дард лежал, стараясь отличить сон от реальности. Но тут его привёл в себя громкий звонок — сигнал тревоги. Он неуклюже натянул одежду, грудой лежавшую на полу, открыл дверь и выглянул в коридор.

В дальнем конце прохода показались два человека с тележкой. Тележка за что-то зацепилась, и оба, бранясь, принялись торопливо высвобождать её. Дард устремился к ним на помощь, но пока юноша добирался до поворота, они успели исчезнуть. Юноша побежал за ними по рампе, ведущей в центр горы.

И оказался в большой пещере, где на первый взгляд царило абсолютное смятение. Дард остановился, стараясь разглядеть в толпе хоть одно знакомое лицо. Работали две

группы. Одни тащили и перекатывали ящики и контейнеры в сторону узкого ущелья, где находился звёздный корабль. Там женщины трудились наравне с мужчинами. Другая группа — к ней присоединились и двое с тележкой — состояла исключительно из мужчин; все они были вооружены.

— Эй, ты!

Дард понял, что его окликнул рослый человек с чёрной бородой, который ружьём, как жезлом, руководил движениями своей группы. Дард подошёл к нему, юноше сразу сунули в руки ружьё и поставили в ряд. Чуть погодя, отряд по команде отправился куда-то направо. Дард понял, что они выдвигаются к какому-то пункту обороны. Но ему так никто ничего и не объяснил.

Однако, совсем скоро он получил ответ, услышав треск выстрелов. Узкий проход в Ущелье был перегорожен обвалом из камней и земли, перемешанных со снегом, местами снег разрывали корни деревьев. За этой баррикадой залегли люди, держа самос разнообразнос оружие, от обычных ружей и станнерсов, до каких-то трубок и ящиков, совершенно не знакомых Дарду.

Он насчитал не менее десяти защитников, скрывающихся в углублениях между камнями у края баррикады. Время от времени они стреляли, и звуки их выстрелов в узком проходе звучали просто оглушительно. Дард взобрался по камням, осторожно проверяя, на что ступает, и подполз к ближайшему снайперу. Тот оглянулся, когда покатившийся камень выдал приближение юноши.

— Не поднимай головы, парень! — рявкнул он. — Они по-прежнему играют с вертолётами. Хотя должны были бы уже усвоить урок.

Дард ползком добрался до защитника и только тогда смог взглянуть на причудливое поле битвы. По обломкам он попытался определить, что здесь произошло за несколько часов после их возвращения с Кимбером.

Среди скал торчали два обгорелых остива вертолётов. От одного из них ещё поднимался дым. Неподалёку

валились четыре тела в чёрно-белых мундирах миротворцев. И насколько мог судить Дард, ничего живого внизу не было.

— Точно. Они все в укрытии. Стараются придумать, как подобраться к нам. Нужно немало времени, чтобы доставить в горы большие пушки. А времени у них нет. Прежде чем они нас отсюда выбьют, корабль стартует!

— Корабль стартует!

Так вот в чём дело! Он в арьергарде, ему суждено погибнуть, чтобы дать возможность кораблю улететь. Дард посмотрел на ружьё, которое держал в руках, но, казалось, не видел ни металла, ни дерева ложа.

Что ж, сурово сказал он себе, разве он заранее не знал, что так и будет? Знал с того самого момента, как Кимбер подтвердил, что не все находящиеся в Ущелье смогут улететь.

— Эй! — его схватили за локоть, и внимание Дарда вернулось к сцене боя. — Смотри, вон там, внизу...

Он взглянул туда, куда показывал грязный палец. Что-то шевельнулось среди обломков вертолёта, того, что подальше. Какая-то чёрная труба. Дард нахмурился, глядя на неё. Труба поворачивалась в сторону баррикады. Это не ружьё, слишком велико. И такого оружия он ещё не видел.

— Санти! Эй, Санти! — крикнул его сосед. — Они притащили метатель!

Показался чернобородый, оттолкнул Дарда, так что тот сильно ударился о корень сосны, и занял его место.

— Ты прав! Чёрт возьми! Я не думал, что такие у них остались! Что ж, будем держаться, сколько сможем. Я передам ребятам. Тем временем попробуйте рикошет. Может, выведем из строя кого-нибудь из расчёта этой красотки. Если повезёт. Но мне начинает казаться что наше везение закончилось.

Он выбрался из углубления, и Дард вернулся на своё место. Его сосед примял бугорок, на котором лежал ствол

ружья. Дард увидел, что он целится не в уродливый чёрный ствол, а в скалу за ним. Так вот что имел в виду Санти под рикошетом! Они выстрелят в камни в надежде, что пуля отскочит и попадёт в кого-нибудь из обслуживающих метатель. Хитроумно — если получится. Дард прицелился. Остальные сделали то же самое. Послышались выстрелы. И уловка сработала, потому что из-за вертолёта показался человек, вскрикнул и упал.

— А почему вы не используете зелёный газ? — спросил Дард, вспомнив, как впервые познакомился с методами войны обитателей Ущелья.

— А как, по-твоему, мы сбили эти вертолёты, парень? И так же ребята свалили щёк несколько машин у реки. Но когда мы попытались запечатать вход взрывом, что-то не сработало. И газовые пушки, а с ними несколько отличных ребят, оказались под обвалом.

Некоторое время метатель не двигался. Возможно, защитникам удалось вывести из строя весь расчёт. Но тут, когда Дард уже начинал надеяться на лучший исход, чёрный ствол медленно ушёл в укрытие. Сосед Дарда мрачно смотрел на этот мансард.

— Задумали что-то новое. Там у них есть парень с мозгами. И нас ничего хорошего не ждёт. Эй! — голос его прозвучал неожиданно резко.

Но Дард не нуждался в предупреждении. Он тоже увидел, как поднялся в воздух чёрный шар и будто бы неторопливо устремился к баррикаде.

— Голову вниз, парень! Голову...

Дард зарылся в нору, прижимаясь лицом к мёрзлой земле, закрывая голову руками. От взрыва дрогнула земля, послышались крики и стоны. Ошеломлённый, юноша стряхнул с себя землю и снег.

Слева от него в баррикаде зияла огромная брешь. И поперёк неё какая-то белая полоска — не снег, а рука погребённая в груде земли.

— Дэн... и Ред... и Лофтэн погибли. Неплохой улов для

Мира, — пробормотал сосед. — Просто удачный выстрел или они знают о нашем расположении?

Силы Мира знали. Второй взрыв снова обрушился точно на преграду из земли и камня. И прежде чем улеглись камни, кто-то грубо выдернул Дарда из укрытия.

— Если ты жив, парень, пошли! Санти передал приказ отступать до следующего поворота каньона. Поторопись. Мы устраиваем новый взрыв, и если окажешься по эту сторону, не сносить тебе головы.

Дард вслед за проводником скатился с барьера, лишь однажды упав и содрав кожу с локтя. Несколько секунд спустя восемь защитников, тяжело дыша, с измученными грязными лицами, собирались вокруг Санти и побежали дальше по каньону. Сам Санти вслух считал секунды. При счёте «десять» он прижал палец к небольшому чёрному ящичку.

Послышался глухой гул, шума было гораздо меньше, чем от разрывов чёрных шаров. Но Дард зачарованно смотрел, как вся стена каньона выдвинулась вперёд, прежде чем рухнуть и образовать второй, ещё более высокий барьер. Не успели камни и земля улечься, как Санти уже повёл свои силы вверх, чтобы закопаться в землю перед лицом врага. И снова Дард лежал с ружьём, на этот раз в одиночку.

Внизу мерно звучали взрывы, разрушая первую преграду. Но, помимо этого, никаких новых следов деятельности Мира не появлялось. Сколько времени пройдёт, прежде чем они выдвинут метатель вперёд? Что тогда? Оставшиеся защитники снова отступят и обрушат новую часть стены?

У руин что-то шевельнулось, послышались выстрелы защитников. А потом внизу, у первой баррикады, внезапно тоже прозвучал выстрел. Дард догадался, что происходит. Оставшийся позади раненый, один из защитников Ущелья, расстреливал последние патроны. Но эти выстрелы оказались лишь прелюдией к последующему кошмару: из-за барьера показался тупой ствол метателя.

8. Холодный сон

Не имея возможности увидеть расчёт метателя, защитники могли стрелять только по его стволу. Возможно, они сделали это, чтобы отвлечься; занятые непосредственной угрозой, они забывали о том, что корабль всех не возьмёт; когда он стартует, кто-то из защитников Ущелья останется.

Десси! Дард поёжился в норе, которую вырыл для себя. Конечно, Десси будет на борту. Детей так мало, женщин тоже, Десси обязательно возьмут!

Он пытался думать только о тени, которая, как ему показалось, шевельнулась в ущелье. Вернее, ему хотелось думать, что она шевельнулась. Дард выстрелил. Когда началось сражение, вернее, когда он принял в нём участие, было утро. Диём он немного поел, сухой пайк передали из лагеря, и сделал несколько глотков из фляжки. А теперь уже наступал вечер. Тени удлинились. Под покровом темноты миротворцы подтащат мстатель совсем близко и разрушат второй барьер. Тогда защитники вновь отступят, изо всех сил затягивая сопротивление.

Но, возможно, конец битвы наступит ещё до прихода ночи. Звук вращающихся роторов послужил предупреждением; вскоре бойцы увидели поднимавшийся из-за первой преграды вертолёт.

Дард безучастно смотрел на него; он даже не укрылся, когда из вертолёта начали бросать гранаты. Просто сидел неподвижно, глядя на набиравшую высоту машину. Взрывная волна настигла его спустя секунду. Ощущение было такое, будто невидимая рука с корнем вырвала его из укрытия и небрежно отшвырнула в сторону. Потом он с удивлением понял, что на четвереньках ползёт по странно тихому миру падающих камней и скользящей земли.

В нескольких футах от него другой человек пытался высвободить ноги из-под груды земли. Одной рукой он цеплялся за камень, другая, окровавленная, была вывернута под неестественным углом. Дард подполз к

заваленному и человек дико взглянул на него; он что-то говорил, но из-за гула в голове Дард не разобрал ни слова. Израненными пальцами юноша принялся раскачивать груду, удерживавшую человека.

Показалась щёк одна фигура, и Дарда оттолкнули в сторону. Огромный Санти горстями отбрасывал землю; наконец вдвоём они смогли вытащить раненого. Дард, у которого по-прежнему звонело в голове, помог оттащить обмякшее тело в глубину ущелья, поближе к звёздному кораблю. И вдруг даже непоколебимый Санти пошатнулся, и все трое упали. Дард рухнул на колени, повернул голову и увидел, что произошло позади.

Находившиеся в вертолёте не сумели, как собирались, разрушить второй барьер. Наоборот, гранаты попали в какие-то скрытые пустоты в горах и обрушили в ущелье новые тонны камня и земли. И теперь невозможно было поверить, что когда-то здесь существовал проход.

Из всех защитников баррикады в живых осталось только трое: он сам, Санти и раненый, которого они тащили с собой.

Дарду показалось, что из-за взрывов он овершенно оглох. Рёв в голове, который мешал сохранять равновесие, не имел ничего общего с обычными звуками. Дард не слышал, что говорил Санти. Он провёл ладонями по ноющим ребрам, пытаясь успокоить боль, не находя в себе сил сдвинуться с места.

Но враг не собирался оставлять их в покое. По склону пробежала цепочка фонтанчиков пыли. Дард секунду-две тупо смотрел на них, и тут кулак Санти бросил его на землю; только теперь Дард понял, что они попали в тупик, а снайперы из вертолёта расстреливают их. Конец. Но эта мысль почему-то не вызывала страха. Дард безучастно лежал и ждал смерти.

Но когда, надеясь унять гул в голове, юноша сжал уши руками, кто-то грубо рванул его за пояс и перевернулся. Дард широко раскрыл глаза и увидел, что Санти осматривает его станнер. Это же смешно! Два заряда не могут

сбить вертолёт. Дард почувствовал весь юмор их положения и молча рассмеялся. Станнер против вертолёта!

Санти привстал на коленях за скалой; откинув голову на мощной шее, он наблюдал за действиями вертолёта.

То, что произошло дальше, могло бы удивить Дарда, если бы он давно не утратил всякую способность удивляться. Вертолёт, заходя в широкий вираж, столкнулся в воздухе с невидимой преградой. Сумерки позволили увидеть, как он буквально отлетел назад, словно гигантская рука смахнула надоедливую муху. А потом, как раздавленное насекомое, рухнул на землю. Двое его пассажиров поспешили выпрыгнуть и поплыли в воздухе, поддерживаемые каким-то средством, которого Дард не рассмотрел. Санти встал и тщательно прицелился из станнера.

Он сбил ближайшего. Но вторым выстрелом промахнулся. И успел нырнуть за скалу как раз вовремя, чтобы избежать ответного огня противника. Ударившись о землю, миротворец тут же скрылся за фюзеляжем вертолёта. Почему он просто не подойдёт и не прикончит их, раздражённо подумал Дард. Зачем затягивать это дело? Становилось всё темнее и темнее. Он потрогал глаза. Неужели зренис, как и слух, отказывало ему?

Хотя нет, он по-прежнему видел Санти, который теперь ползком подбирался к вертолёту. Но как он собирается напасть на спрятавшегося там миротворца? С голыми руками и разряженным станнером против ружья?

Какое-то странное ощущение отчуждённости от событий не покидало юношу. Дард как бы со стороны наблюдал за происходящим. Желая увидеть, чем всё закончится, он приподнялся на локтях и смотрел вслед Санти. И когда ползущий исчез из поля зрения, Дард был изрядно раздосадован. Потом он задумался, как бы помочь Санти? Допустим, миротворец, скрывшийся за вертолётом, решит, что они пробуют уйти в глубь ущелья. В таком случае Санти может избежать его внимания.

Дард пошарил вокруг в поисках подходящего камня; несколько отбросил и наконец нашёл камень размером с

оба своих кулака. Ещё два таких камня положил рядом собой. Собрался с силами и бросил первый, самый большой камень вниз, в ущелье. Ему ответил залп огня.

С небольшими перерывами он бросил второй и третий камни. И каждый раз отмечал, откуда стреляют. Слух постепенно возвращался, он услышал слабое эхо последнего броска. Нашёл новые камни и продолжал бросать, чтобы создать иллюзию беспомощности. Но больше выстрелов в ответ не последовало. Может, Санти добрался до снайпера?

Юноша вытянулся за каменной стенкой и ждал, сам не зная чего. Возвращения Санти? Или старта корабля? Успели ли там закончить последние лихорадочные приготовления? Придётся ли сегодня Кимберу прокладывать курс, сообщённый Голосом, прежде чем он сам уснёт под действием средства, созданного Ларсом? Уснёт сном, от которого, возможно, не пробудится. И что их ждёт, когда беглецы проснутся? Дард перевёл дыхание и на мгновение забыл обо всём: о своём больном, измученном теле, о западне среди скал, в которую попал, об отсутствии будущего, — забыл обо всём, мечтая, что может скрываться за небом, на котором появились первые звёзды. Другая планета — другое солнце — начало новой жизни!

На юношу пала тень, закрывшая от него звёзды, которые он только что открыл. Жёсткие пальцы болезненно впились ему в плечи, его подняли на ноги. И вот, исключительно благодаря волне и физической силе Санти, они вновь подобрали раненого и побрали, пошатываясь, в глубь ущелья. Дард забыл о своём сне, ему потребовалась все силы, чтобы держаться на ногах, идти рядом с Санти.

Они обогнули большой камень и остановились, ослеплённые потоками света. Корабль был окружён ярким кольцом прожекторов. Сумасшедшая деятельность вокруг почти затихла. Дард не увидел ни одной женщины, большинство мужчин тоже исчезло. Немногие оставшиеся передавали ящики по рампе. Скоро и они скроются,

войдут в серебристый корабль. Люк закроется, и корабль поднимется на огненном столбе.

Всё ещё оглушённый болью в голове, Дард услышал низкий глубокий голос. Грузчики прекратили работу. Они смотрели на уцелевших в последней битве. Санти снова крикнул, группа распалась, и люди побежали к ним навстречу.

Дард буквально упал рядом с раненым, ноги ему отка-зали. Он отчуждённо смотрел на подбегающих. У одного рубашка была разорвана на плече. Неужели он и на другую планету высадится с этим оторванным куском? Проблема представляла некоторый интерес.

Юношу окружила стена ног, несколько комков снега попали ему в лицо. Его подняли, обняли за плечи, повели в корабль. Но ведь это неправильно, смутно соображал он. Кимбер сказал, что места не хватит... он должен остаться...

Но он не находил слов, чтобы спорить с теми, кто его вёл, даже когда его подтолкнули к рампе, ведущей в корабль. У входа в люк стоял Кордов, энергичными жестами подгонявший последних оставшихся. Потом Дард оказался в крошечной комнатке, к губам его поднесли чашку с молочного цвета жидкостью, прижали и держали до тех пор, пока он послушно не выпил содержимое до последней безвкусной капли. Тогда его уложили на койку, выдвинутую из металлической стены, и позволили обхватить голову руками.

— Да, силовое поле ещё держит...

— Могут они прорваться через последний завал?

— С тем, что у них сейчас есть, не смогут.

Слова, много слов, поток слов проходил мимо него. Иногда, на секунду-две, они приобретали смысл, потом снова теряли его.

— Ну, теперь можете тратить моё время... — это бас Санти?

Вмешался быстрый резкий голос:

— А что с парнем?

— С ним? Парень — настоящий боец. Правда последний взрыв его немного растряс, но он уцелел.

Кимбер! О нём спрашивал Кимбер. Но у Дарда не было сил, чтобы поднять голову и посмотреть на пилота

— Вначале залатаем Тремонта и погрузим его Вам двоим придётся обождать. Дай им супа и первый порошок, Луи...

Снова Дарду дали питьё, на этот раз горячий суп со вкусом настоящего мяса. А после велели проглотить капсулу.

Синяки и ушибы дали себя знать — чуть шевельнувшись, он испытывал боль во всём теле. Но Дард выпрямился и наконец-то заинтересовался окружающим. Напротив на такой же койке лежал Санти, рубашка его была изорвана в клочья, открывая мускулистые руки и плечи. Снаружи в коридоре постоянно ходили. До них доносились обрывки разговоров, большую часть которых Дард просто не понимал.

— Лучше тебе, парень? — спросил гигант

Дард ответил на этот невнятный вопрос кивком и тут же пожалел, что шевельнул головой.

— Мы лстим? — с трудом спросил он.

Борода Санти вздрогнула вверх, он затрясся от хохота.

— Хотел бы я посмотреть, как нас выбросят из корабля! А почему ты думал, что не полетишь парень?

— Нет места — Кимбер говорил.

Смех прекратился.

— Ну, теперь уже есть, парень. Но очень много хороших ребят погибло в ущелье, затыкая его, чтобы эти типы смогли пройти, только когда уже будет поздно. И так как искающее поле съё работает, по воздуху им тоже не подобраться к нам. Так что мы снаружи больше не нужны. И, может, хорошие бойцы съё понадобятся там куда направляется наша старушка. Поэтому мы летим, и нас уложат вместе с остальным грузом. Верно, док? —

закончил он вопросом, обращаясь к только что появившемуся высокому молодому человеку.

У вошедшего на голове торчал хохол светлых волос, изогнутый, как стебель груши, глаза его пылали энтузиазмом учёного.

— Ты ведь молодой Нордис? — спросил он у Дарда, не обращая внимания на Санти. — Хотел бы я знать твоего брата! Он... то, что он сделал!.. Я не поверил бы, что такие результаты возможны, если бы сам не увидел формулу¹ Гибернация и охлаждение... его формула подкрепляет биологические эксперименты Таса. Мы уже усыпили телят Хармона, какую теперь траву они будут есть перед смертью? И всё благодаря Ларсу Нордису!

Дард слишком устал, чтобы интересоваться этим. Ему хотелось уснуть, забыть обо всём и обо всех. «Уснуть! И видеть сны?»* — вспомнил он старинное высказывание. Только для него теперь лучше не видеть снов. Снятся ли сны в космосе? И какие странные сны приходят к людям, спящим в пространстве между планетами? Дард мысленно встряхнулся. Что-то очень важное он должен был спросить, прежде чем уснуть.

— Где Десси?

— Маленькая девочка Нордиса² Она с моей дочерью — и женой. Они уже подверглись

— Подверглись чему?

— Холодному сну. Большая часть уже спит Осталось лишь несколько человек. А потом останемся только мы с Кимбером и Кордовом. Будем бодрствовать, пока Кимбер не убедится, что мы на верном курсе. А все остальные..

— ...будут упакованы ещё до старта. Это спасёт от перегрузок при ускорении, — вмешался от дверей Кимбер. Он через плечо врача кивнул Дарду. — Рад видеть тебя на борту, парень. Обещаю. в этом полёте вынужденных посадок не будет. Тебя поместят в каюте экипажа

* Шекспир. Гамлет Пер. Б. Пастернака. — Прим. перев.

поэтому ты проснёшься раньше других и одним из первых увидишь чудеса нового мира, — с этими словами пилот исчез.

Может, начала действовать капсула, а может, просто Дард уже привык полностью доверять Кимберу, но он расслабился, ему стало тепло и приятно. Проснуться и увидеть новый мир!

Санти ушёл с Луи Скортом, и Дард остался один. Шум в коридоре стих. Наконец послышался предупредительный звонок. Но чуть погодя в коридоре раздался торопливый топот. Он говорил о неприятностях, и Дард, придерживаясь за стену, встал и выглянул. По спиральной лестнице в самом центре корабля быстро спускался Кимбер. В руке он держал такое же оружие с коротким стволом, какое было у Сача. Ни слова не говоря, он промчался мимо Дарда.

Держась за стену коридора, Дард побрёл за ним. Выглянув из люка, он увидел склонившегося над чем-то на рампе пилота. Стояла глубокая ночь. Большинство огней погасло.

Дард прислушался. Неподалёку слышались разрывы снарядов. Миротворцы продолжали упрямо атаковать барьер. Но кому собирался оказывать сопротивление Кимбер и почему? Может, в пещере осталось что-то важное? Дард споткнулся о край люка и увидел, как у выхода из туннеля вспыхнули огни. Оттуда выбежал человек и огромными прыжками взбежал по рампе. Это был Санти. Он миновал Кимбера, и Дард едва успел посторониться.

— Пошли! — гигант втащил юношу в коридор, Кимбер присоединился к ним. Он коснулся каких-то кнопок, и люк закрылся.

Санти, тяжело дыша, улыбнулся.

— Отличная работа, если можно похвалить самого себя, — сообщил он. — Искажающее поле снято, а взрыватель установлен на сорок минут с этого момента. Успеем стартовать до этого?

— Да. Вам обоим лучше уйти. Луи ждёт, а нам вовсе не хочется после ускорения стирать чьи-то останки с пола,
— ответил Кимбер.

С помощью спутников Дард поднялся по лестнице, миновал множество площадок с закрытыми дверями. Наконец в одном из люков показалось широкое лицо Кордова, он с тревогой взглянул на них. Именно он подхватил Дарда и пронёс последние три ступени. Кимбер покинул их, не оглядываясь и не прощаясь, через отверстие вверху он поднялся в рубку управления.

— Сюда... — Кордов втолкнул их в помещение перед собой.

Дард, увидев, что находится в каюте, испытал внезапное сильное отвращение. Эти ящики, сложенные рядами на металлических стеллажах, слишком напоминали гробы! И все стеллажи были заполнены, только в самом низу ждал ящик с открытой крышкой.

Кордов указал на него

— Это для тебя, Санти. Он специально был построен для рослого парня. Ты легче, Дард. Для тебя найдётся место вверху с противоположной стороны.

У противоположной стены возвышался съёд один стеллаж, и на нём ждали своей очереди четыре ящика. Дард вздрогнул, но это подействовало не воображение, не сигнал встревоженных нервов — в помещении действительно было холодно, холодный воздух шёл из открытых ящиков.

Кордов объяснил

— Всё просто. вы засыпаете, а потом замерзаете

Санти усмехнулся.

— Не забудь оттаить нас, Тас. Я не собираюсь остаток жизни проводить как сосулька, так что вы, большеголовые ребята, что-нибудь обязательно придумайте. Что теперь делать? Просто забираться в него?

— Сначала разденься, — приказал учёный. — А потом я сделаю тебе пару-тройку уколов.

Он подкатил небольшой столик на колёсах, на кото-

ром лежало несколько шприцев. Выбрал два, один с красновато-коричневой жидкостью, другой с бесцветной.

Дард съёх возился с застёжками своего изорванного мундира, когда Санти задал вопрос за них обоих.

— А как мы проснёмся, когда наступит время? У вас тут есть будильник?

— Вот эти три — Кордов указал на три нижних гроба на дальнем стеллаже, — снабжены особым оборудованием. Они разбудят нас Климбера, Луи и меня, — когда корабль подаст сигнал, что достиг места назначения, а это произойдёт, когда приборы отыщут звезду, похожую на Солнце, с планетами земного типа. Эту программу мы заложим в автоматы управления, как только окажемся в космосе. В пути корабль может отклоняться. Например, чтобы избежать встречи с метеоритом или по другим причинам. Но всегда будет возвращаться на заданный курс. Когда мы окажемся вблизи солнечной системы, — а Кимбер уверяет, что так и будет, мы разбудим остальных, тех, кто необходим, чтобы посадить корабль. Большинство же проснётся только после посадки. Для них здесь просто нет места

Кордов пожал плечами

— Кто знает⁹ Человек ведь ещё не выходил в галактику. Полёт может продолжаться несколько поколений.

Санти скатал сброшенную одежду в клубок, stoически перенёс уколы Кордова и, взмахнув большим кулаком, забрался в гроб, где и улёгся. Кордов тем временем настроил приборы. Потянуло ледяным воздухом. Санти закрыл глаза, и учёный закрыл ящик, предварительно установив три циферблата на боку крышки. Стрелки медленно поползли и остановились у противоположного конца шкала. Кордов задвинул ящик на стеллаж.

— Теперь твоя очередь, — повернулся он к Дарду.

Верхний ящик спускался со стеллажа на двух длинных рычагах. Дард неохотно сбросил одежду. Конечно, общую теорию он понял. Ведь её разработал его брат. Но в реальности лежать замороженным в ящике, беспо-

мощным, ничего не видящим улететь в космос и, может быть, никогда не проснуться! Стиснув зубы, юноша пытался подавить панику. И сражался так отчаянно, что укол оказался для него неожиданностью. Он вздрогнул, но Кордов схватил его стальной рукой и удержал на месте.

— Всё, ты готов, сынок. Увидимся в другом мире.

Кордов смеялся, но ответная улыбка Дарда вышла довольно кривой. Юноша, не испытывая никакого весселя, опустился в гроб. Кордов был совершенно прав. Крышка не торопясь опускалась, и у Дарда появилось безумное желание закричать, заявить, что он не хочет, чтобы его запирали, не хочет вообще участвовать в этом безумном проекте. Но крышка уже закрылась. Холодно... Дарду стало очень холодно и темно. Это к нему пришёл космос, каким всегда представлял его себе человек, холодный и тёмный, вечный холод и тьма — без конца.

Книга вторая

АСТРА

1. Пробуждение

Было тепло и светло, красноватый свет пробивался сквозь закрытые веки Дарда. Тепло — это хорошо, но хотелось отвернуть голову от требовательного света. Однако движение потребовало бы усилия, а у него пока ещё не было сил. Лучше соскользнуть назад в приятную тьму, уснуть...

Резкая боль вывела юношу из благодатного расплывающегося спокойствия. Дард сделал огромное усилие и поднял веки. Над ним метались туманные разноцветные пятна, иногда они изменяли своё положение или рывка-

ми вовсе исчезали из поля зрения. Но постепенно расплющчатые блики обрели форму, линии застывали, отвердевали, сближались. Появилось лицо, смутно знакомое, а мелькали руки, иногда попадавшие в поле зрения.

Дард с удивлением осознал, что именно эти руки прикасались к его телу, после чего следовали вспышки боли. И звуки, быстрые и резкие. Говорят... говорят... Дард попытался заставить себя открыть рот, шевельнуть языком. Но тело повиновалось ему мучительно медленно, как будто он давно, очень давно не совершал таких движений. Как давно? Давно?.. Он начинал вспоминать и пошарил рядом рукой, чтобы найти края гроба. Но не встретил преграды — он больше не в ящике!

— Выпей, парень...

Он глотнул жидкость из тюбика, который ему сунули в рот, и звуки превратились в связную речь. Напиток был горячий, тепло проникло внутрь, отгоняя холод, лишавший мышцы способности двигаться. Странно, ему опять захотелось спать, и на этот раз руки не пытаются помешать ему.

— Всё нормально. Спокойнее, позже увидимся...

Эта уверенность проникла даже в его сон. И сохранившись при втором пробуждении. На этот раз Дард сам приподнялся и осмотрелся. Он лежал на толстом мягкому матраце на полу самой странной комнаты, какую ему приходилось видеть. В мягком сидении с ремнями полулежал темноволосый человек и внимательно смотрел на широкий экран, установленный в стене перед ним.

Перед щитом управления стояли ещё два таких сидения. Кроме того Дард увидел рядом с собой три точно таких же матраца, как тот, на котором лежал сам, все с защитными ремнями и пряжками. Дард подобрал под себя ноги и сел, оглядываясь и сбираясь с мыслями и воспоминаниями.

Это рубка управления звёздного корабля. Он не спит, его разбудили... значит!.. Юноша невольно поднёс руку ко рту. Теперь ему требовалось увидеть экран, на который смотрел его спутник. Обязательно увидеть!

Но тело его двигалось так медленно. Суставы будто проржавели, мышцы ослабли и чуть ли не трещали! Глаза и руки сообщили, что он одет. Но ткань брюк и рубашки была гладкая и ровная, смешанного зелено-коричневого цвета, такой он никогда не носил. Дард встал на ноги в странных мягких башмаках, пошатнулся и ухватился за ближайшее крутящееся кресло.

Наблюдатель повернулся к нему и улыбнулся. Это же Кимбер, тот самый Кимбер, которого он видел на пути к этой рубке в ночь, когда начался полёт. Как давно это было?

— Приветствую! — пилот указал на кресло рядом с собой. — Садись, ты съёс привык к кораблю. Хорошо спалось?

Дард попытался пошевелить языком.

— Не помню, — теперь слова произносились легко, и голос наконец-то зазвучал нормально. — Где мы?

Кимбер усмехнулся.

— Космос знает. Но мы достаточно близко к цели, чтобы старушка разбудила Кордова и меня. Потом мы добавили к бодрствующему обществу тебя и, наверно, до посадки разбудим съёс нескольких. Видишь?

На тёмном стекле экрана мерцали три светлые точки.

— Это новая солнечная система, мой мальчик! Удача... Боже, удача не оставила нас в пути! Вот это, — Кимбер указал на самый крупный огонёк, — это жёлтая звезда, температура поверхности 7000 градусов, размером примерно с Солнце. Вообще, она могла бы быть близнецом Солнца. И мы надеемся, что одна из её трёх планет похожа на Землю и подойдёт для нас.

— Три планеты? Я вижу только две.

— Третья сейчас за Солнцем-Два. Мы съёс видели. Мы уже неделю изучаем систему, после того как приборы корабля разбудили нас. Ещё один день и мы сможем выбрать нужную нам планету и сесть.

Три планеты — и жёлтое солнце! Дард так хотел бы знать больше, чтобы его образование не представляло из

себя набор отрывочных сведений. На Земле под господством Мира нужно было совершить подвиг, чтобы научиться читать и писать. Он втайне гордился своей образованностью. Но теперь... он чувствовал, что вообще ничего не знает.

— Зачем вы меня разбудили? — спросил он. — Я же ничем не могу помочь в управлении кораблём. Ты говорил, что кроме вас с Кордовом... — он попытался вспомнить. Должен был проснуться кто-то ещё третий...

Кимбер снова смотрел на экран. Он быстро ответил:

— Ты был ближе всех и можешь помочь Кордову. Луи не проснулся.

Луи Скорт, молодой врач, который проявил такой энтузиазм, говоря о средствах Ларса! Он должен был стать третьим.

— Что... что случилось?

— Пока не можем сказать. Всё это: корабль, его курс, морозильные ящики — всё сооружалось только в надежде на лучший исход. У нас не было времени для настоящих испытаний. Корабль разбудил Кордова и меня. А Луи...

— И давно мы в глубоком космосе?

— Не меньше трёхсот лет. Может, и больше. Время в космосе отличается от планетного. Это один из пунктов, по которому учёные не пришли к согласию. Мы сейчас не можем сказать точно.

— А отказал только ящик Луи?

— Пока не приземлимся и не начнём будить всех, сказать невозможно. Ящики нельзя открывать, пока их обитатели не готовы к оживлению. А корабль слишком мал, чтобы делать это до посадки...

Гробы! Гробы — вот что они напоминали! И они действительно могут стать гробами для всего груза звёздного корабля! Может, только они тронут и выживут.

— Мы надеемся на высокий процент выживших, — продолжал Кимбер. — У ящика Луи были нестандартные приборы. Может, в этом причина отказа. Но из четырёх трое в порядке. Кордов...

— Да, и что же сделал Кордов? — послышался энергичный голос позади.

Могучий учёный протиснулся между двумя сидениями и выдал сидевшим круглые пластиковые пузыри, из которых торчали трубки. Такой же пузырь он оставил себе и сел в свободное кресло.

— Кордов, — ответил он на собственный вопрос, — продолжает заботиться о ваших хрупких телах, друзья мои. И вы должны радоваться его личной заинтересованности в вас. Сейчас вы выпьете то, что он вам дал, и будете премного благодарны! — он взял свою трубку в рот и начал энергично сосать.

Дард обнаружил, что ему предстоит выпить такую же горячую солоноватую жидкость, как и после первого пробуждения. И это его вполне удовлетворяло. Но он сделал лишь один глоток и спросил:

— Я слышал о Луи. А сколько может быть єщё?

Кордов тыльной стороной квадратной ладони вытер губы.

— Этого мы пока не можем сказать. Не смеем проветрять ящики, пока не сели. Да, мы все хотим получить ответ на этот вопрос, молодой человек. Сколько?.. Надеемся, что большинство проснётся. Я предлагаю открыть єщё два ящика с членами экипажа, с теми, чьи умения нам понадобятся. А что касается остальных... они будут спать, пока мы не сможем предложить им новый мир. А это также представляет проблему, — и он указал на экран. — Мы нашли подходящую звезду. Но вспомни: у Солнца девять планет, и только на одной мы могли жить. А здесь три планеты; возможно, аналоги Марса, Венеры и Меркурия, без Земли. С какой начнём, как ты считаешь, Сим?

Пилот сделал глоток, прежде чем ответить.

— Судя по рассчитанным орбитам, я бы начал со средней. Она ближе к Солнцу-Два, чем Земля — к Солнцу-Один, но её орбита наиболее похожа на земную.

— Я ничего не смыслю в астрономии, — сказал Дард.

— Вы ожидаете, что у этой звезды найдётся планета земного типа, потому что она «жёлтая». Но что, если одна из этих планет действительно окажется подобной Земле с собственной разумной жизнью? Разве одинаковые условия не могут произвести сходные формы жизни?

Кордов наклонился вперёд, нарушив непрочное равновесие своего раскачивающегося кресла.

— Разумная жизнь — возможно. Человекоподобные гуманоиды — гораздо менее вероятно. Если на одной планете господствующая форма жизни — приматы, на другой это могут быть насекомые или хищники.

— И не забудь это! — Кимбер протянул вперёд руку и сжал пальцы перед экраном. — Рука помогла человеку стать господствующей расой. Ну, а если у тебя есть, скажем, только кошачьи лапы. Разум вполне может совмещаться с ними, а я лично возражу всякому, кто скажет, что кошка — не разумное существо; возможно, её мозг устроен по-другому, но никто не станет отрицать, что кошка способна изменять окружение для своего удобства, несмотря на всеобщую человеческую глупость, с которой ей приходится иметь дело. Но если бы мы родились с лапами, а не руками, каким бы сверхмозгом мы ни обладали, разве могли бы мы создавать инструменты и другие артефакты? Приматы на Земле имели руки. И использовали их для создания материальной цивилизации, точно так же как сохранили обезьянью способность к болтовне и уничтожению всего созданного. Нет, если бы у нас не было рук, мы бы ничего не достигли.

— Ну, хорошо, — ответил ему Кордов, — я согласен с тем, что обладание руками — это преимущество. Но я всё же утверждаю, что в иных условиях любая другая форма жизни может стать господствующей. Вся история, и человеческая, и физическая, основана на «если». Предположим, твои суперкошки научились использовать свои лапы и теперь поджидают нас. Но это всё пустые гадания, — он рассмеялся. — Будем надеяться, что нас ожидает дикая

планета, на которой не возникла разумная жизнь. Если нам повезёт...

Кимбер мрачно взглянул на экран.

— Пока нам везёт. Иногда мне кажется, что слишком везёт, и что в конце пути за это ожидает расплата. Но мы можем выбирать место посадки, и я намерен посадить корабль как можно дальше от любых следов цивилизации... если, конечно, таковые здесь найдутся. Допустим, в пустыне или...

— Выбор места мы предоставим тебе, Сим. А теперь, Дард, если ты закончил есть, идём со мной. Нас ждёт работа.

Попытка встать привела к потере равновесия, и Дард упал бы, если бы его не поддержал учёный.

— В каютах поддерживается небольшая сила тяжести, — объяснил Кордов. — Но не такая, как на Земле. Держись за что-нибудь и передвигайся медленно, пока не привыкнешь.

Дард послушался совета и хватался за всё, до чего мог дотянуться, пока не добрался до круглой двери. За ней оказалась гораздо меньшая каюта с двумя встроенными койками и несколькими шкафами.

— Это каюта пилотов на время межпланетных перелётов, — Кордов прошёл к центру каюты, где находилось отверстие — доступ к нижним помещениям корабля. — Пошли вниз...

Дард осторожно спустился по крутой лестнице и оказался в секции, где находился во время холодного сна. Кордов направлялся именно в это помещение. Три ящика на дальнем стеллаже были открыты. А остальные белели, словно сделанные из девственного снега.

Кордов нажал кнопку, и самый верхний ящик медленно опустился на пол. Учёный высвободил его из рычагов и с помощью Дарда подтащил к двери. Вместе они перенесли ящик в соседнее помещение, которое представляло из себя миниатюрную лабораторию. Кордов опустился на колени и принялся изучать показания при-

боров. После минутного разглядывания он облегчённо вздохнул.

— Всё в порядке. Теперь откроем...

Крышка сопротивлялась, словно прошедшие века связали створки прочным клеем. Но под их совместными усилиями она наконец подалась, и с лёгким шумом начал выходить воздух. Стало холоднее, запахло химикалиями. Учёный осмотрел неподвижное тело в ящике.

— Да, да! Теперь мы должны помочь ему ожить. Вначале — на эту кушетку...

Дард помог перенести человека на кушетку посередине комнаты. Кордов передал ему флакон, и юноша принялся растирать холодную плоть, а учёный вводил в вены различные растворы. По мере того как они работали, тело согревалось. Со временем человек пришёл в себя, его накормили, и он снова внезапно уснул. Дард помог одеть его и перетащить в рубку управления, там его бережно уложили на амортизационный матрац.

— Кто это... а, Калли! — Кимбер узнал оживлённого члена экипажа. — Это хорошо. Кого ещё вы собираетесь поднимать?

Кордов, чуть отдуваясь, на мгновение задумался.

— У нас на очереди Санти, Роган и Маклей.

— Ну, на корабле для Санти работы нет, а Калли выполнит всю работу инженера. Минутку — Роган! Он прошёл космическую подготовку, и он специалист по связи и телевидению. Нам он может понадобиться...

— Значит, Роган. Но сначала мы отдохнём. Срочно эксперт по связи нам не нужен.

Кимбер взглянул на часы на щите управления.

— Конечно. Ещё по крайней мере часов пять. А может, восемь, если вам хочется полентяйничать.

— Я лентяйничаю, когда это даёт преимущество. Неприятности, от которых мы бежали, произошли в основном из-за того, что все были слишком заняты. Да, человеку нужно работать изо всех сил. Но должны быть и часы, когда можно просто посидеть на солнце, подумать и

вообще ничего не делать. Торопливость изнашивает тело, а может, и мозг. Мы должны торопиться медленно, если хотим добраться до цели.

Возможно, сказывался ещё холодный сон, но все проснувшись время от времени неожиданно как будто проваливались в непродолжительный сон. Кордов считал, что это состояние вскоре пройдёт, но Кимбер забеспокоился. Когда они приблизились к избранной планете, он потребовал у учёного стимулянт.

— Теперь мне нельзя спать, — уловил Дард обрывки разговора, когда вернулся после отдыха на койке в соседней каюте. — Уснуть как раз в тот момент, когда корабль входит в атмосферу, — это невозможно. Мы ещё не выбрались из леса, хотя поляна близко. Конечно, в крайнем случае Калли может сесть за управление, Роган тоже, когда полностью придёт в себя. Но у них нет пилотской подготовки, а садиться на незнакомую планету — это работа не для начинающих.

— Ну, хорошо, Сим. У тебя будет твоя таблетка. А теперь всё же ложись, расслабься и поспи. Твое место займёт Калли, он проследит за курсом...

Высокий худой инженер, который после своего пробуждения почти всё время молчал, кивнул и уложил своё длинное тело в кресло, которое неохотно уступил ему Кимбер. Он что-то передвинул на щите управления и откинулся, глядя на экран

За последние часы светящиеся точки заметно изменили своё положение. Огненный шар, который Кимбер называл Солнцем-Два, ушёл за край экрана. И теперь большую часть картины заполняла избранная ими планета, с каждой секундой увеличиваясь всё больше и больше.

Кордов сел в другое кресло и вместе с Дардом смотрел на экран. Шар на нём приобрёл синевато-зелёный цвет местами виднелись полосы других цветов.

— Полярные районы — снег, — заметил Кордов.

Калли коротко ответил:

— Да!

— И моря...

Тут Калли разразился первой длинной речью.

— Слишком много воды. Пора бы увидеть и сушу.

— Может, здесь вся поверхность под водой, — размышлял Кордов. — Тогда, — он улыбнулся Дарду через плечо, — нам придётся оставить планету рыбам и поискать счастья в другом месте.

— И ещё одного не хватает, — Калли вторично внёс какие-то поправки в приборы. — Нет луны...

Нет луны! Дард смотрел на постоянно увеличивающийся шар, и впервые после пробуждения его пассивное восприятие происходящего дрогнуло. Жить под небом, в котором не будет серебряного шара! Луна исчезла! Все старые песни, которые пели люди, все старинные легенды, которых они рассказывали, вся история — ведь луна была первым шагом человека в космос, — всё это безвозвратно пропало. Здесь нет луны — и никогда не будет!

— Тогда что же будущие поэты станут рифмовать со словом «волна» в своих излияниях? — проворчал Кордов.

— И наши ночи будут тёмными. Хотя и нельзя иметь сразу всё, жаль, что у нас не будет первой ступени в космос. Ведь таковою служила наша луна, она была остановкой в пути, путевым знаком, манившим нас к себе. И если на этой планете когда-либо существовала разумная жизнь, ей наверняка этого недоставало.

— Никаких признаков космических полётов? — с искрой интереса спросил Калли.

— Никаких. Но, конечно, мы не можем быть уверены. До сих пор мы ничего не видели на экране, но это не значит, что их нет. Ведь даже если бы мы оказались на оживлённой космической линии, мы очень просто можем этого не заметить. А теперь, Дард, пора поднимать Рогана. Я пообещал Симу, что у него будет помощник.

Снова они спустились вниз, сняли нужный ящик и оживили лежавшего в нём человека.

— Этот последний, — заявил Кордов, когда они уложили Рогана в рубке управления. — Больше никого, пока не приземлимся. Ха!

Он повернулся к экрану, и восклицание было вызвано тем, что он увидел. Суша, зелёно-сине-красная, на фоне ещё более яркого моря.

— Значит, не оставляем планету рыбам. Дард, разбуди Сима. Ему пора быть на посту.

Вскоре Дард сидел рядом с матрацем, на котором лежал спавший Роган; остальные заняли кресла перед приборами. Атмосфера в рубке была напряжённая, только Кимбер выглядел совершенно спокойным.

— Роган ещё не проснулся? — спросил он, не поворачивая головы.

Дард осторожно потряс за плечо лежащего. Тот зашевелился, что-то забормотал. Потом глаза его раскрылись, и он посмотрел на потолок каюты. А секунду спустя сел.

— Мы это сделали! — восхликал он.

— Конечно, — оживлённо ответил Кордов. — А теперь...

— Теперь тебя ждёт работа, приятель, — вмешался Кимбер. — Вставай и скажи нам, что ты об этом думаешь.

Кордов выбрался из кресла и помог Рогану сесть в него. Крепко держась за ручки, словно опасаясь выпасть, Роган посмотрел на экран и удивлённо выдохнул.

— Она... она прекрасна!

Дард был с этим согласен. Постоянно перемешивающиеся цвета планеты произвели на него впечатление, подобное эмоциональному воздействию красочного заката на Земле. Он не находил слов, которыми можно было бы описать увиденное. Но смотреть долго ему не пришлось.

— Пристегнитесь, — приказал пилот. — Садимся...

Кордов лёг на матрац и пристегнул ремни, Дард сделал то же самое. Юноша лежал на спине на мягком матраце и потому не видел экран. Они погрузились в атмосферу, и он, должно быть, потерял сознание, потому что не мог впоследствии вспомнить последних этапов спуска.

Корабль взрогнул, подпрыгнул вверх, а может, что-то обрушилось вниз, прямо на Дарда. Юноша смутно под-

умал, что это возвращается полная сила тяжести. Последовал толчок, натянулись ремни, Дард ахнул, с трудом втягивая в грудь воздух. Но руки его уже возились с зажимами когда он услышал чей-то голос.

— Конечная остановка. Просим освободить вагоны
И другая реплика — сухой голос Калли.

— Очень аккуратно, Сим. Аккуратно и точно

2. Новый мир

— Роган?

Эксперт по связи развернул своё кресло и смотрел на другую часть щита управления, пальцы его листали по кнопкам приборов. Стрелки на шкалах поворачивались, индикаторы помигивали, а Роган что-то неслышно шептал. Когда он закончил, Кимбер включил телэкран, который во время посадки погас.

На экране медленно возникла картина ближайшего окружения корабля.

— Вечер, — заметил Роган, — судя по длине теней.

Корабль сел на обширном плато, покрытом серо-синим гравием или песком, на удалении виднелись столбы утёсов из красноватого камня с прослойками синего, жёлтого и белого цвета. Изображение скользнуло в сторону, и сидевшие в рубке люди увидели между утёсами вход в узкую долину, по центру которой протекал ручей.

— Красная вода! — поражённо воскликнул Дард.

Красную реку обрамляла сине-зелёная полоса низкой растительности, покрывавшая дно долины и узкими языками проникавшая в песчаную пустыню. Но вот видеозонд перелетел за реку, вновь показывая утёсы и песок. Потом они увидели берег океана, яркие аквамариновые волны увенчивали шапки белой пены. Чуть дальше в море впадала красная река, на некоторое расстояние окрашивая воду в бордовый цвет. Море, воздух, утёсы, река, но ни одного живого существа!

— Стоп! — сказал Кимбер, Роган нажал кнопку, и

изображение на экране застыло. — Мне показалось, что я что-то видел — в воздухе. Хотя, наверно, я всё-таки ошибся.

Картина вновь сменилась, и вскоре они увидели то же место, с которого начали. Кимбер потянулся.

— Ближайшие окрестности никем не заняты. И, Тас, мы вообще не увидели никаких признаков цивилизации. Может, нам продолжает везти и мы нашли пустую планету.

— Гмм. И мы можем на ней жить, — учёный протиснулся мимо Калли к стене каюты. — Атмосфера, температура — всё примерно такое же, как на Земле. Да, мы вполне можем жить и дышать здесь.

Кимбер высвободился из ремней.

— Давайте тогда взглянем на планетку поближе.

Дард последним покинул каюту. Он никак не мог прийти в себя от буйства ярких красок на экране. Воспоминания серости знакомой ему части Земли только усиливали возбуждение. Спустившись до середины лестницы, он услышал звон открываемого люка, потом зашуршала выдвигаемая вниз рампа, по которой они спустятся на поверхность, нагретую реактивными газами.

Когда он выглянул из люка, остальные уже стояли на рампе, вдыхая тёплый воздух, насыщенный незнакомыми запахами. Ветерок растрепал волосы Дарда, бросил прядь на лоб, напевал что-то в ушах. Чистый воздух, никаких химических привкусов, к которым они уже привыкли в корабле.

У стабилизаторов корабля песок сплавился и превратился в молочное стекло; они избегали касаться его, прыгая с рампы на песчаные дюны.

Кимбер и Кордов направились прямо к приглаженному волнами берегу моря. Калли просто опустился на мягкий песок, вытянулся во всю длину, прижал руки к земле и смотрел в небо, а Роган медленно поворачивался, как будто проверяя, правильную ли показывал картину телевизор.

Дард осторожно прошёл по песку. Его интересовала красная река. Красная вода — почему? Вода в море была нормального цвета, кроме той, что смешивалась у устья с водой реки. Юноша хотел понять, что окрасило поток, и потому целеустремлённо зашагал к берегу.

Песок был мягче и мельче, чем на Земле. Он набивался в обувь, вздымался облачками и тут же засыпал следы. Дард остановился и пропустил песок сквозь пальцы, испытывая странное покалывание, когда почва нового мира стекала с его ладони: синий песок, красная вода, утёсы в красных, жёлтых и белых полосах — вокруг всё было разноцветное. Над головой нависала голубая арка неба с пятнами облаков. Да голубая ли она? Небо имело слабый оттенок зелени — скорее бирюзовое, чем голубое. Теперь, привыкнув к цветам, Дард различал более тонкие оттенки, которые и назвать бы не смог, вроде этих светло-фиолетовых полос на песке.

Юноша продолжал идти, пока не оказался на каменном, усеянном голышами берегу реки. Это была не очень большая река, скорее ручей, который можно перейти в несколько шагов. Течение волновало непрозрачную поверхность воды тусклого ржаво-красного цвета, оставлявшую на камнях красную каёмку. Дард опустился на колени и уже хотел окунуть в воду палец, когда его остановил предупреждающий голос:

— Не надо, парень. Это может оказаться не очень полезно для здоровья, — к нему незаметно подошёл Роган. — Лучше поберечься, чем потом жалеть. Я узнал это на Венере — и на горьком опыте. Видишь где-нибудь поблизости кусок дерева?

Дард поиском среди камней и быстро нашёл обычновенную палку. Но Роган внимательно осмотрел и её, прежде чем подобрать. Палку опустили в воду и осторожно извлекли, теперь она на дюйм окрасилась красным. Они вместе принялись её рассматривать.

— Они живые! — позже Дард подумал, что если бы он сам держал палку, то наверняка уронил бы её, поняв, что

это за красный покров. Но палку крепко держал Роган.

— Замечательные плутишки, правда? — сказал он. — Похожи на паучков. Они просто держатся на поверхности или плавают? И почему их так много в воде? Посмотрим... — и Роган наклонился и палкой загреб множество крошечных существ, которых Дард втайне счёл отвратительными. Когда с поверхности воды убрали слой «паучков», она стала прозрачной, чуть коричневатого цвета.

— Значит, их можно убирать, — оживившись, замстил Роган. — С фильтром можем получить пригодную для питья воду — если её вообще можно пить.

Дард торопливо глотнул, когда Роган выбросил на камень ещё одну порцию «паучков», затем они вместе пошли к берегу моря. Несколько раз им приходилось обходить — причём Дард обходил очень далеко — красивые полоски на берегу. Но «паучки», казалось, не испытывали неудобств и на суше; во всяком случае они не спешили уходить с тех мест, куда их вынесло потоком.

С моря дул свежий ветер. Он приносил с собой запах, который сразу определил Роган.

— Настоящее море — настоящий солёный воздух! — но остальные его слова заглушил ужасный вопль.

И как эхо — человеческий крик. Кимбер и Кордов бежали по берегу у самого края воды. А над их головами трепыхался и корчился кошмар, маленький, конечно, но всё равно кошмар, словно из самого злого сна.

Если земной змее приделать крылья летучей мыши, две когтистые лапы, хвост с колючками и широкую зубастую пасть, как раз получится нечто напоминающее этот ужас. Всё существо было не больше восемнадцати-двадцати дюймов в длину, но оно яростно нападало на бегущих людей.

Роган бросил в чудище палку, а Дард выхватил из-под рубашки единственный предмет, оставшийся у него с Земли. Он метнул охотничий нож и по какой-то невероятной случайности попал в крыло дракона, так что тот не

только прервал своё нападение, но, кувыркаясь и крича, начал падать на песок. Он был по песку здоровым крылом и высоко подпрыгивал, но Кимбер и Кордов ловко придавили его подобранными на берегу камнями.

Глаза дракона горели красной ненавистью, когда все собрались вокруг него кружком, избегая щёлкавшей пасти и хлеставшего по песку хвоста, с которого теперь капала маслянистая жёлтая жидкость.

— Скорее всего, это яд, — предположил Роган. — Прекрасный малыш. Надеюсь, крупнее они не вырастают.

— В чём дело? — со склона сбежал Калли, держа в руке лучевое ружьё. — Почему шум?

Роган отодвинулся, показывая раненого дракона.

— Нас приветствуют туземцы.

— Обычно я не считаю, что нужно сначала стрелять, а потом разбираться, — вмешался Кимбер. — Но у этого существа явно дурной характер, оно чуть не откусило мне ухо, прежде чем я его заметил. Ты можешь пристрелить его, Йорг, но не слишком изуродовать? Тас наверняка попозже захочет его разделать и посмотреть, как он устроен.

Биолог присел на безопасном расстоянии и следил зачарованным взглядом за конвульсиями дракона.

— Да, пожалуйста, не уничтожайте его совсем. Змея, летучая змея! Это же невозможно!

— Может, на Земле невозможно, — напомнил ему Кимбер. — А что мы знаем о возможном и невозможном здесь? Йорг, избавь его от мучений!

Зелёный луч коснулся головы чудовища, и оно беспомощно вытянулось на песке. Тас осторожно приблизился, держась как можно дальше от иззубренного хвоста, с которого всё ещё капала жёлтая жидкость. Роган отправился за своими пауками, а Дард подобрал и вытер нож.

— Летающие змеи и плавающие пауки, — вернувшись техник протянул палку, демонстрируя её всем. — Мне теперь страшно тут даже присесть, когда в любой момент

откуда ни возмись может выскочить какая-нибудь тварь.

Тас явно разрывался между послушным теперь драконом и водяными жителями, которых принёс Роган.

— И всё это, — он указал на мир скал, песка и моря, — новое и неклассифицированное

Калли вложил оружие в кобуру. Он мрачно смотрел на бесконечные морские волны.

— Что ты об этом думаешь, Сим? — спросил он у пилота, указывая на низкую полоску облаков на самом краю неба.

— На Земле я сказал бы, что это предвещает бурю.

— Да, вполне возможно, что разразится сильная буря — согласился Роган. — А у нас нет иной защиты, кроме корабля. Но сейчас по крайней мере лето, тепло.

— Вы так думаете? — почему-то спросил Дард. Влажный ветер с моря ударял не хуже ледяного хлыста. Температура быстро падала.

Кимбер разглядывал облака.

— Я бы посоветовал вернуться, — но когда пилот повернулся, его громкий возглас заставил оглянуться и всех остальных.

Они оставили корабль стоящим вертикально. Теперь он наклонился, носом указывая на долину, в сторону от моря.

Добрых полчаса спустя Кимбер расслабленно выпрямился, облегчённо улыбаясь. Один из стабилизаторов пробил корку расплавленного песка. Но под ней оказалась прочная скала, корабль прекратил крениться. Борта корабля больше не были зеркально гладкими, как на Земле; корабль много лет провёл в полёте и оставил за собой бесконечно долгий путь. Но он и теперь не подвёдёт экипаж.

— Скала в порядке, — повторил Кимбер утверждение, которое радостно сделал несколько минут назад. — Карниз немножко наклонён, поэтому и корабль чуть наклонился. Но устоял. И, может, нам опять повезло, — ему не нужно было указывать на быстро сгущавшуюся

тъму. — Нос корабля повёрнут от ветра, и сам корабль не свалится, даже если разразится очень сильная буря.

Дард держался за поручень рампы. Вокруг выл ветер, поднимая песчаные смерчи, забивая глаза и рты, если их кто-нибудь неосторожно открывал. Пыль уже загнала Кордова внутрь, он убежал, унося в щипцах драгоценного дракона. Его больше интересовали чудовище и пауки Рогана, чем положение корабля.

— Очень сильная буря? — протянул Роган. — Помоему, это настоящий ураган. И если вы, приятели, не хотите, чтобы вас занесло песком, самое время убраться отсюда подобру-поздорову. Мы убедились, что корабль не персвернётся. Пора объявлять перерыв.

Дард буквально взлетел за ним по рампе и успел избежать небольшого песчаного смерча, который закружился вокруг остальных двоих. У люка все старательно отряхнувшись, но когда они поднялись в помещения экипажа, Дард всё-равно ощущал во рту вкус пыли и слышал, как скрипит песок под ногами.

Кордова не было ни в рубке управления, ни в каюте с койками. Кимбер и остальные двое сели на койки, а Дард, скрестив ноги, опустился на пол. Корабль под ним дрожал. Неужели встерь стал таким сильным? На этот вопрос ответил Роган.

— Хотите взглянуть, что там происходит? — он встал и прошёл в рубку.

Кимбер и Дард поднялись, чтобы последовать за ним, а Калли покачал головой.

— То, чего не знаешь, не приносит вреда, — заметил он — А песчаные бури меня не интересуют

И правда, когда Роган настроил экран, видеть было почти нечего. Буря принесла с собой ночь и полную слепоту. С раздражённым восклицанием техник отключил экран, и все вернулись в каюту Калли уже спал, а Кордов укладывался.

— Твои «пауки», — выпалил он сдва завидев Рогана — на самом деле растения!

— Но они движутся, — возразил Дард. — И у них есть ноги.

Кордов покачал головой.

— Корни, а не ноги. И хоть они и подвижны, это растения. Какие-то водяные грибы.

— Поганки с ногами, — рассмеялся Роган. — Дальше пойдут деревья с руками, наверно. А что дракон? Может он летающая капуста?

Кордова не нужно было упрашивать рассказать о драконе.

— Ядовитая рептилия, к тому же хищник. Нужно будет их осторегаться. И он взрослый, по этому поводу можно не беспокоиться.

— Что они бывают больших размеров? — ленивым голосом спросил Кимбер. — Будем благодарны за эту небольшую милость; надеюсь, драконы всегда громко кричат, когда отправляются на охоту. А сейчас — давайте подумаем о завтрашнем дне.

— И завтра, и завтра... — сонным голосом пробормотал Роган, но Калли неожиданно сел.

— Когда мы разбудим остальных? — спросил он. — И останемся ли здесь?

Кордов сплёл пальцы за головой и прислонился к стене каюты.

— Утром я подниму доктора Скорт — Карли... Она поможет поднять остальных. А вам самое время заняться обследованием окружающих мест. Тогда мы вскоре решим, останемся ли здесь или поищем постоянное жилище в другом месте.

— Но только вот что, — сказал Кимбер. — Я могу снова поднять корабль. Но гарантировать благополучное приземление не могу. Горючее... — он пожал плечами. — Не знаю, сколько продолжался наш путь, но если бы мы не сели сейчас, потом бы просто не смогли.

— Вот как? — Кордов сложил губы трубочкой и беззвучно присвистнул. — Нам нужно быть очень уверенными, если мы решим двигаться. А не снять ли нам «сани»?

— Завтра утром я сделаю это прежде всего. Если, конечно, буря прекратится. В бурю поднимать «сани» в воздух рискованно, — ответил Кимбер.

— А как насчёт пищи? — спросил Калли. — В частности — сейчас для нас, а также для всех, когда они проснутся.

— В частности... — Кордов раскрыл один из шкафов и достал пять небольших пакетов, которые раздал всем. — Концентраты. Но ты прав, запасов навсегда не хватит. Мы не сможем поднять всех, пока не будем относительно уверены в наличии еды и питья. Разбудим Хармона и попросим проверить почву у реки, где густая растительность. Исследовательская группа сможет и поохотиться.

— Надеюсь, не на драконов, — пробормотал с набитым ртом Роган. — У меня сложилось впечатление, что драконы не соответствуют моему внутреннему устройству. А также бродячие гробы...

Впервые Дард осмелился вмешаться в разговор старших.

— Грибы бывают очень вкусные, — ему тоже не хотелось есть красные грибы, но он знал, что такое настоящий голод; и если нужно будет выбирать между голодом и плавающими грибами, он сможет закрыть глаза и съесть их.

— Совершенно верно, — улыбнулся ему Кордов. — И мы проверим их пищевую ценность. Я разморожу хомяков и испытую на них местные продукты.

— Значит, если они не посинеют и не сдохнут, мы сможем пировать, — Кимбер потянулся и зевнул. — Завтра нам работать целый день, пора спать. Бросаем жребий, кто на койках, кто на матрацах.

Торжественно бросили монету, ту самую, с отверстием, которую как талисман носил на цепочке Кимбер. Дарду судьба отвела один из матрацев, но ему было всё равно. Хотя, по его мнению, мягкая губка матраца была гораздо удобнее любой кровати, какую он мог вспомнить.

Но, улёгшись, он долго не мог уснуть. Чудеса нового

мира в диком танце проносились в его сознании. А за ними скрывался страх. Луи Скорт был силён и молод, но он не пережил пути. Сколько ещё ящиков, лежащих внизу, в корабле, содержат в себе смерть, а не жизнь? И как там Десси?

Теперь, когда его ничего не отвлекало и нечему было уделять внимание, Дард мог думать только о ней: крепкие светлые косички, торчащие под острыми углами; как она способна была неподвижно сидеть в траве, а птицы и маленькие зверьки воспринимали её как часть своего мира и совершенно не боялись, какой она всегда была доброй и терпеливой. Десси!

Он сел. Лежать здесь, спать, когда Десси, возможно, никогда не увидит новый мир! Он не мог вынести этого!

На четвереньках Дард выбрался из рубки управления и прополз между койками. На одной клубком свернулся Кимбер, но другая, которая выпала Кордову, оказалась пустой. Дард спустился по лестнице.

Внизу на палубе виднелся свет, слышалось какое-то движение. Дард подошёл к двери лаборатории, в которой помогал оживить Калли и Рогана. Учёный работал за столом с инструментами и сосудами. Он поднял голову, когда тень Дарда упала на пол.

— В чём дело?

— Десси! — выпалил юноша. — Я должен знать о Десси!

— Вот как? Но для их собственной защиты и удобства наши товарищи должны спать, пока мы не убедимся в наличии на планете запасов пищи и не найдём убежище

— Я это знаю, — отчаяние не позволяло Дарду сдаться.

— Но разве нельзя просто узнать? Я должен знать о Десси, должен!

Тас Кордов большим и указательным пальцами оттянул нижнюю губу и отпустил, она мягким влажным шлепком легла на место.

— Это мысль, мой мальчик. Мы вполне можем определить, в порядке ли механизмы. И может быть — только

может быть, возможны и другие свидетельства. Мне все равно нужно открывать завтра то помещение, чтобы извлечь Карли Скорт. Карли... — лицо его сморшилось, как у обиженного ребёнка. — Именно я должен буду сообщить ей о Луи. А это будет очень трудно сделать. Ну, что ж, трудностей в жизни не избежать. Идём.

Они спустились на пять уровней. Здесь горели всего несколько ламп. было темно, и хорошо ощущались удары ветра о корпус. Кордов проверил знаки на закрытой двери и открыл её, оттуда с лёгким шелестом вырвался воздух. От холода беспокойство Дарда усилилось. Он прошёл вслед за Кордовом между двумя рядами гробов, к последнему стеллажу. Учёный опустился на колени и включил ручной фонарик, чтобы прочесть показания.

— Десси и Лара Скорт спят вместе, они такие маленькие, что смогли разделить спальню, — Кордов переводил луч с одной шкалы на другую. Потом улыбнулся Дарду.

— Всё в порядке, сынок. После закрытия никаких изменений, ни органических, ни химических. Я считаю, что они живы и здоровы. И скоро будут бегать, как и полагается маленьким девочкам. Они будут свободны, какими никогда не стали бы на Земле. Не беспокойся. Твоя Десси разделит с тобой этот мир!

Дард уже взял себя в руки и смог спокойно ответить.

— Спасибо... огромное вам спасибо, сэр.

Но Кордов уже отошёл к другому ящику и разглядывал его приборы. Наконец одобрительно хлопнул по крышке и выпрямился во весь рост.

— Карли тоже. Нам очень повезло.

3. Обломки бури

— О, боже!

Не слово, а скорее его тон разбудил Дарда и поднял с матраса. Кимбер, Роган и Калли сгрудились перед экраном. Могла быть ещё середина ночи или наоборот —

позднее утро, в корабле это определить невозможно. Но на экране уже стоял день.

По серому небу неслись рваные облака. Выглянув из-за спинки пилотского кресла, Дард наконец-то увидел, что так удивило всех землян.

Там, где накануне расстился гладкий песок до самого основания разноцветных холмов, теперь была только вода. Роган повертел ручки, и в рубке увидели, что вода окружает корабль со всех сторон. Она поглотила и реку, так что не осталось и следа красной полосы, когда-то показывавшей, где текла река.

Когда экран повернулся к морю, Роган задержал изображение. Берег исчез, его поглотили волны.

— Сюрприз, сюрприз! — подал голос Роган. — Поплы-вём к берегу?

— Не думаю, чтобы тут было глубоко, — ответил Кимбер. — Возможно, вода приходит сюда после каждой бури. Покажи-ка утёсы, Лес.

Картина смазалась, изображение метнулось вбок, вновь показались холмы. Кимбер оказался прав: у основания скал обнажилась песчаная полоска. Вода уже уходила.

Нарушая громким топотом тишину корабля, все быстро спустились к выходу и выпустили рампу. Слабое течение бурунчиками крутило воду вокруг стабилизаторов, а песчаная полоска у холмов на глазах расширялась.

Мутная вода, отступая, оставила на стабилизаторах длинные полосы водорослей. У основания рампы на мель выбросило какую-то рыбку, чуть дальше отчаянно размахивало чешуйчатым хвостом в тщетных попытках спастись какое-то застрявшее на берегу чудище. Время от времени в воде разыгрывались сцены танталовых мук и других попавших в западню пленников наводнения.

— Что за!.. — Калли чуть не подпрыгнул. — Смотрите — справа! Что это?

Что-то двигалось по влажному песку, следуя за отступающей линией моря. Но что именно, никто не мог догадаться. Кимбер кинулся назад в корабль, остальные

напрасно старались разглядеть получше. Существо странного светло-зелёного, почти не отличающегося от цвета морской воды цвета передвигалось на четырёх тонких ногах. Но его голова!

— Вот! — Кимбер скатился по рампе и еле удержался от падения в воду, схватившись за поручень. Он принёс полевой бинокль. — Он съёд здесь, да, я его вижу! — пилот направил бинокль в нужном направлении. — Великий боже!

— Что там? — спросил Роган, явно предпринимавший огромные усилия, чтобы не вырвать бинокль у пилота.

— Да-да, — Калли тоже лишился обычного спокойствия. — Передай следующему, приятель. Мы все хотим увидеть!

Дард прищурился, стараясь, чтобы глаза послужили ему не хуже бинокля, который Кимбер передал Рогану. Существо на песке, по-видимому, не испугалось ни корабля, ни наблюдавших за ним людей. Может, оно задержится на месте, пока и он, самый младший член экипажа, получит право взглянуть в бинокль.

И оно действительно оставалось на берегу, копаясь в песке, пока Калли не протянул юноше бинокль. Дард лихорадочно настроил объектив. Встревшившись с плавающими грибами и летающим драконом, он уже не так удивилсяциальному зверю. На светло-зелёной, совершенно лишённой волос шкуре не было и чешуек, напротив, она до известной степени напоминала его собственную гладкую кожу. Голова имела грушеобразную форму, уши — не более чем отверстия, а большие глаза были расположены очень широко, что, вероятно, обеспечивало ему более широкое поле зрения, чем у любого земного животного. Спереди эта голова-груша плавно переходила в образование, которое могло быть описано только как широкий утиный клюв из какого-то твёрдого чёрного материала. А как раз когда Дард направил на него бинокль, существо аккуратно сложило под собой задние ноги и совсем по-собачьи село, спокойно глядя на отступившего

пающее море и звёздный корабль. К его клюву прилип песок, и существо с отсутствующим видом принялось счищать его передней лапой.

— Уткособака, — классифицировал его Кимбер. — На вид не опасна. Будь я!.. Вы только посмотрите на это!

«Это» оказалось целой процессией уткособак, вышедших из утёсов и направившихся к первой. Одна из них, размером в три четверти первой, тоже была светло-зелёной, а три остальные — жёлтые, точно такого же цвета, заметил Дард, что и некоторые слои утёсов. На фоне такого слоя они вообще совершенно исчезали из виду. Два жёлтых зверя были побольше, а третий — совсем маленький. На полпути маленький сел, отказываясь идти дальше, но один из больших подошёл к нему и подтолкнул головой.

— Семья, — предположил Дард, не смея отказывать Кимберу, нетерпеливо протянувшему руку за биноклем.

— Но совершенно не опасная, — вторично предположил пилот. — Как вы думаете, они подпустят нас ближе? Вода уже сильно спала.

— Можно попробовать. Пусть только Йорг приготовит своё лучевое ружьё. Если возникнет угроза, мы будем готовы, — с этими словами связист осторожно опустился в воду, которая дошла ему до колена.

Он обошёл водоросли и остановился у рыбы, которая по-прежнему била в воздухе хвостом. В этот момент его догнал Дард.

Если не считать странно приплюснутой головы и большой раздутой середины тела, застрявшая рыба оказалась первым живым существом, напомнившим земные. Длинной она была не менее пяти футов, а в пасти виднелись грозные зубы. Мощный хвост взбивал воду в пену, но сама рыба освободиться не могла. Дард импульсивно заговорил:

— Может... нельзя пристрелить её? Она не сможет уйти и, мне кажется, понимает это.

— Хмм... — как обычно, Калли не стал тратить слов.

Он провёл лучом вдоль бившейся головы. Последним конвульсивным рывком рыба выпрыгнула из воды и поплыла вверх брюхом.

— Может, завтрак? — предположил Роган. — Похожа немного на тунца. А если и на вкус такая же? Отдадим её Кордову, пусть проверит, можно ли съесть. Мне не помешал бы бифштекс или даже два! Эй, смотрите, фейерверк не отпугнул наших уткособак. Я бы сказал, что они наслаждаются зрелищем.

Роган был прав. Семейство уткособак сидело на гребне быстро высыхающего песчаного хребта и внимательно наблюдало за людьми и неподвижной рыбой.

Но когда Дард сделал несколько шагов в их направлении, жёлтые члены семейства начали отступать, причём один из них подталкивал перед собой маленького. Зелёные оставались на месте, только тот, что поменьше, зашипел. Дард остановился, вода плескалась у его ног.

Калли обвязал верёвкой хвост мёртвой рыбы и привязал к поручню рампы. При виде такого количества пищи самая маленькая уткособака пискляво вскрикнула и пребежала мимо старших к воде. Большая жёлтая решительно последовала за неё, задержала, порылась лапами в песке и выкопала какое-то извивающееся красное животное, которое малыш принял за жадно поедать. Но тут зелёный вожак сердито зашипел, и охотник вместе с малышом торопливо отступили.

Вожак тоже отступил, не отводя взгляда от людей, смело встречая опасность и предупреждающе шипя. И когда последний член семейства исчез в утёсах, вожак тоже удалился, а на песке остались только следы. Однако Дард заметил, что из-за камня выглядывает кончик тёмного клюва.

— Он по-прежнему наблюдает за нами.

— Осторожный, — сказал пилот. — Значит, у него есть враги. И они похожи на нас. Однако он и любопытен. Если мы не будем обращать на него внимания, может быть...

Его прервал крик со стороны корабля. Кордов вышел на рампу и помахал им руками. Когда все направились назад, он потянул за верёвку, к которой была привязана рыба.

— Каков твой вердикт? — спросил Роган, когда они подошли к склонившемуся над рыбой Кордову. — Можно её есть?

— Дайте мне несколько минут, немного помогите в лаборатории, и я получу ответ. Но это близко к земной жизни. Вероятно, съедобно. А что вы рассматривали в утёсах, драконов?

— Да нет, просто познакомились с ещё одной группой завтракающих, — ответил Роган и рассказал об уткособаках.

Стоило подождать заключения Кордова, думал позже Дард, наслаждаясь нежным белым мясом, поджаренным под наблюдением Кордова и розданным голодному нетерпелившему экипажу.

— Ну, по крайней мере, мы теперь можем расширить своё меню, — заметил Роган.

— Эта находка, возможно, счастливая случайность. Рыба глубоководная, и бури не каждый день будут выбрасывать их на берег, — заметил Кимбер.

Он провёл языком по губам и задумчиво посмотрел на свою пустую тарелку

— Можно, тем не менее, поискать и других застрявших.

Калли расправил свои длинные ноги.

— Может, выведем сани?

— Ветер стих. Я бы сказал, что теперь это безопасно, — пилот повернулся к Кордову. — Не пора ли поднимать Санти и Хармона? Они нам понадобятся.

Учёный согласился.

— Но сначала Карли, врача. А потом и остальных. Вы скоро отправитесь?

— Скажем, когда будем готовы. И мы не собираемся уходить далеко. Может, заглянем в ту долину впереди, а

потом вдоль берега с милю. Мы сели в дикой местности всё на это указывает, но я хочу быть уверенным.

Солнце, прорвавшееся сквозь облака, свидетельствовало, что наступил полдень. Все напряжённо трудились. Дард обнаружил, что «саны» представляли собой именно сани, плоский экипаж с двумя сидениями, каждое на двух пассажиров, с местом для багажа сзади. Он помогал собирать корпус, а Кимбер и Калли потели над двигателем.

Дард понял, что это летающий транспорт, правда, совершенно не похожий на вертолёт или ракету. И не понимал, что поднимет сани в воздух. Ведь у них не было ни ротора, ни сопла. Он спросил об этом Рогана. Техник прилёг на песчаную дюну, отдыхая, и стал объяснять.

— Не могу точно сказать тебе, парень, как они работают. Здесь совершенно новый принцип. Двигатель был создан в последние месяцы жизни в Ущелье. Это какая-то форма антигравитации. Поднимает тебя и держит над поверхностью, пока не выключишь. Представь себе луч, который отталкивает корпус от поверхности и движет его вперёд. Если было бы время, таким двигателем снабдили бы и корабль. Но успели построить только эти экспериментальные сани, и пришлось полагаться на ракеты, которые нам хорошо знакомы. Как дела, Сим? Собрали?

Пилот улыбнулся, лицо его было покрыто маслом, тёмная кожа блестела.

— Затянни этот болт, Калли, — он показал, — и сани готовы к полёту. Вернее, должны быть готовы. Испытаем.

Он забрался в сани, сел перед приборами управления и, прежде чем включить двигатель, застегнул ремень безопасности. Сани мгновенно взвились вверх, зрители разбежались, а пилот удивлённо вскрикнул. Потом под управлением опытного Кимбера сани выровнялись и по широкому кругу обогнули звёздный корабль. Закончив испытания восьмёркой, Кимбер привёл машину назад, остановил и опустил на уже высохший песок у основания рампы.

— Браво!

Это одобрительное восклицание раздалось из открытого люка. Там улыбался Кордов. Рядом с ним, держась одной рукой за поручень и высоко подняв голову, так что солнце освещало рыже-золотые волосы, стояла женщина. Дард смотрел на неё во все глаза, забыв о вежливости. Это была Карли, которая заботилась о Десси.

Она оказалась моложе, чем он ожидал, моложе и какая-то хрупкая. Под глазами лежали тёмные тени, и когда женщина улыбнулась, в улыбке её были терпение и боль. Когда она присоединилась к группе внизу, молчание нарушил Кимбер.

— Как ты считаешь, Карли? — совершенно естественно спросил он, словно они расстались всего час назад и не произошло никакой трагедии. — Доверилась бы ты этому нелепому летуну?

— Да, если за управлением хороший пилот, — потом, глядя на всех по очереди, она произносила имена, словно убеждая себя, что они действительно стоят перед ней. — Лес Роган, Йорт Калли и... — она посмотрела на Дарда, помолчала, потом улыбка её стала шире. — Ты, должно быть, Дард — родич Десси, Дард Нордис! О, здесь хорошо, очень хорошо... — она взглянула мимо мужчин на море, утёсы, сине-зелёную арку неба.

— А сейчас, прежде чем исследователи отправятся в путь, — провозгласил Кордов, — нужно поесть.

Снова ели рыбу вместе с концентратами и какими-то капсулами, которые проглотили по настоянию Кордова. Когда закончили, учёный обратился к Кимберу.

— У тебя есть теперь летающая машина. Можно отправляться?

— Да. Осталось четыре, может, пять светлых часов. Я думаю, обзор с воздуха даст нам больше, чем пешее путешествие за то же время.

— Ты говоришь «нам». А кого ты возьмёшь с собой? — спросила Карли.

— Рогана, он прошёл венерианскую школу. И...

Дард прикусил язык. Он не должен проситься в экспедицию. Кимбер, конечно, выберет Калли. Пилоту не понадобится неопытный новичок. Дард так был в этом уверен, что не мог поверить, когда Кимбер сказал:

— И парня, он легче всех. Нам ещё придётся, может быть, везти образцы и добычу, поэтому перегрузка не нужна. Калли хороший стрелок, и я буду чувствовать себя спокойнее, если он останется здесь.

— Хорошо! — согласился Кордов. — Не заходите слишком далеко и не падайте с этой глупой машины, не падайте на голову. Нам некогда будет приводить в порядок исследователей, которые не умеют приземляться нужным местом.

Так Дард оказался на санях рядом с пилотом, а Роган сидел позади. Кимбер настоял, чтобы они застегнули ремни безопасности под его присмотром, и проверил зажимы, прежде чем они поднялись. Подъём лёгкой машины происходил не так стремительно, как в первый раз, и Кимбер не пытался подняться высоко. Они двинулись на север всего в нескольких футах над поверхностью, используя изгиб берега как ориентир.

С высоты открывался хороший вид на запад, видна была почти вся долина, по которой протекала красная река. Низкая растительность, которую они заметили с корабля, постепенно превратилась в кустарники, иногда размером с деревья. И среди них летали существа, ничем не похожие на драконов.

По краю моря утёсы поднимались вертикальной непрерывной стеной. Очевидно, звёздный корабль приземлился вблизи единственного разрыва в этой стене. С высоты саней не было видно ничего, кроме барьера из ярко окрашенного камня, который отделял растительность и равнину от волнующегося моря.

Роган вдруг вскрикнул, и мгновение спустя Дард тоже весь съёжился, когда луч света болезненно ударил по глазам. Он шёл со стороны моря, как будто кто-то там

зеркалом направлял на них отражение солнца Кимбер резко развернул сани и полетел над поверхностью воды чтобы добраться до источника света.

Они подлетели к береговой полосе — нескольким футам песка, покрытым водорослями, принесёнными последней бурей Пилот с бесконечной осторожностью опустил сани. И когда они коснулись поверхности, пассажиры в неподдельном изумлении уставились на то, что отразило солнечный луч

Прямо из утёса, словно из специально приготовленного углубления, торчал конус из металла, не грубого и необработанного, а из гладкого, очищенного сплава¹

Дард сорвал ноготь, расстегивая пряжку ремня, так он торопился к находке. Но прежде чем юноша успел спрыгнуть, Кимбер был уже на полпути к конусу Все трое, не решаясь прикоснуться, рассматривали необычный предмет. Кимбер присел на корточки и заглянул под него Расширявшийся к основанию конус окружало тонкое кольцо такого же металла, словно конус находился в трубе.

— Пуля в стволе ружья¹ — Роган нашёл сравнение, которое не очень успокаивало — Это снаряд²

— Не думаю, — Кимбер осторожно потянул за верхушку. — Посмотрим, нельзя ли его извлечь, — и он принёс с саней различные инструменты

— Полегче, — Роган искоса посматривал на его приготовления. — Если это взрывчатка, а мы что-нибудь сделаем не так оставаться целыми не удастся

— Это не снаряд, — упрямо повторил Кимбер — И он здесь очень давно. Видите² — пилот указал на свежие разломы в стене утёса. — Это обвалилось совсем недавно Может, буря обрушила стену и обнажила это А теперь чуть тронем.

Они работали вначале осторожно, потом, когда ничего не случилось, с большей уверенностью, пока не убедились, что конус — лишь конец длинного цилиндра

Наконец им удалось прикрепить к нему цепь и с помощью саней вытащить цилиндр наружу.

Шести футов в длину, цилиндр лежал наполовину в воде, посредине его виднелось запечатанное отверстие. Кимбер склонился у трубы и посветил фонариком внутрь. Насколько можно было видеть, труба была цельнометаллическая, без всяких швов.

— Что это, во имя космоса⁹ — спросил Роган.

— Я бы сказал, какая-то форма транспортировки, — Кимбер продолжал светить внутрь, словно надеялся установить назначение своего открытия.

Роган потрогал цилиндр ногой и чуть откатил его. Потом наклонился и поднял за лежавший на песке конец. К своему изумлению, техник сумел на несколько дюймов приподнять его.

Он гораздо легче, чем можно подумать! Мне кажется, мы можем взять его на сани!

— Гммм — Кимбер занял место Рогана и примерился — Попробуем. Попытка не пытка.

Втросом они уложили цилиндр на сани, хотя оба конца выступали по сторонам.

При взлете Кимбер был вдвойне осторожен. Через утесы они перевалили с большим запасом и сразу повернули назад в долину.

На один вопрос мы получили ответ, — Роган склонился вперёд — Мы не первая разумная жизнь здесь.

— Да, — Пилот ничего не добавил к этой реплике. Он торопился добраться до корабля.

Дард съёжился на сидении. Ему не нужно было поворачивать голову, чтобы увидеть гладкий металл, он чувствовал его присутствие. И понимал, что оно для них означает.

Только разум, высокоразвитый разум мог создать такс. И где теперь этот разум? Наблюдает за землянами и ждёт первой же роковой ошибки?

4. Другие!

Вроде, пошло полегче, — Калли отложил стамеску, которой действовал с чрезвычайной осторожностью, и слегка надавил ладонями.

Остальные, затаив дыхание, наблюдали за ним. Все уже устали бороться с любопытством, пока инженер пытался открыть цилиндр.

Слишком легко для взрывчатки, — наверное, в пятнадцатый раз повторил Роган.

Наверху, на рампе, сидели Карли Скорт и Труда Хармон, а мужчины внизу наперебой подавали Калли инструменты, которые ему не были нужны, и вообще только мешали друг другу. Но вот наступил последний момент. После яочки часа работы инженер сумел-таки открыть маленький запечатанный люк.

Склонившись над цилиндром, чтобы посветить внутрь фонариком, Каляи головой столкнулся с Кимбером и Кордовом. Потом с бесконечной осторожностью он начал передавать ревностным помощникам всевозможные ящички, круглые контейнеры и под конец больший по размерам украшенный резьбой сундучок. Всё это было сделано из того же лёгкого сплава, что и цилиндр. И всё казалось абсолютно не повреждённым временем.

— Перевозчик груза, — решил Кимбер. — А что в этих? — он поднёс один из маленьких ящиков к уху и осторожно потряс, но ответного дребезга не услышал.

Кордов поднял сундучок и осмотрел его крепления. Наконец покачал головой, достал карманный нож и сунул лезвие в щель крышки.

Крышка сдвинулась, и из-под неё мягким жёлтым облачком поднялось какое-то вещество наподобие ваты. Учёный осторожно обрывал его полосами. Наконец солнце осветило содержимое, помещавшееся в этой упаковке, и земляне ахнули.

— Что это? — тихо спросил кто-то.

Кордов взял пять переплётных нитей и поднял их на свет.

— Опалы? — предположил он. — Нет, они слишком твёрдые, да и огранены. Бриллианты?.. Не думаю. Признаюсь, никогда ничего подобного не видел.

— Выкуп этого мира, — Дард не знал, произнёс ли он эти слова вслух. Прекрасные нити, свисавшие из руки Кордова, привлекали его, как ни одна сделанная людьми вещь.

— Есть там что-нибудь сущё? — спросил Кимбер. — Для таких ожерелий ящик слишком велик.

— Посмотрим. Девушки, — Кордов протянул женщинам нити необычных драгоценностей, — подержите.

Сняли сущё один слой упаковки, под ним оказались два браслета. На этот раз Санти узнал красные камни.

— Это же настоящие рубины! Я работал в лунных горах и нашёл несколько таких же. Отличный цвет. А что там сущё, Тас?

Третий слой упаковки обнажил последнее и самое большое чудо — пояс пяти дюймов шириной, так тесно усаженный драгоценными камнями, что сплошь сверкал; сам пояс был сплетён из множества крошечных хрустальных цепочек.

Труда Хармон попыталась застегнуть его вокруг талии и обнаружила, что не хватает нескольких дюймов. Да и Карли не смогла его надеть.

— Девушка, носившая это, была очень стройная! — заметил Хармон.

— Может, это вообще была не девушка, — ответила ему Карли.

И было что-то пугающее в этой мысли. Карли первой выразила общий страх: те, кто носил эти украшения, не были людьми.

— Что ж, во всяком случае, браслеты свидетельствуют о наличии рук, — предположил Роган. — А ожерелье — о шее. Пояс говорит о талии... хотя и тоньше вашей, девушки. Мне кажется, мы можем считать, что эта леди была не очень далека от нашей нормы.

Санти выбрал из груды новый ящик.

— Посмотрим остальное.

Ящики были запечатаны полоской мягкого металла, которую приходилось счищать с краёв. В первых трёх оказалось совершенно непонятное содержимое. В двух — сухие листья и ветви, в третьем — сосуды с различными порошками и тёмной пылью, возможно, остатками жидкости. Их передали Кордову для дальнейшего изучения.

Из оставшихся ящиков три были больше и тяжелее остальных. Дард разорвал металлическую полосу оков и отвернул её. Под крышкой лежал кусок грубой ткани свёрнутый несколько раз в качестве дополнительной упаковки. Все оставили свои занятия и собрались вокруг, а Дард поднял ткань. То, что он обнаружил, было не менее интересно, чем драгоценности.

Не смея дотронуться пальцем до ткацкого чуда, юноша осторожно вытянул металлический стержень, на который оно было намотано. Тоже ткань. Но никто и никогда — даже те, кто помнил чудеса городов до Пожара, — ничего подобного не видел. Ткань сама собой засветилась, яркие краски затрапетали на каждой складке и изгибе, когда Дард поднял её, чтобы осмотреть на солнце. Материя была словно соткана из тех же драгоценностей что и ожерелье.

Карли почти выхватила ткань у Дарда, а Труда Хармон робко провела пальцем по краю.

— Это вуаль! — воскликнула она. — Но какая дивная!

— Открывайте остальные! — Карли указала на два похожих с виду ящика. — Может, в них такое же.

И там действительно тоже нашлись ткани, но не такие яркие и не светящиеся, в них чередовались оттенки, которые земляне не смогли бы назвать. Вдохновлённые находками, они лихорадочно бросились раскрывать остальное, но Кордов призвал всех к порядку.

— Это, — он указал на богатство, вынутое из ящиков, — не что иное, как предметы роскоши цивилизации, более развитой, чем наша. Я склонен считать, что это был груз, не достигший своего назначения.

— Мы нашли этот снаряд в трубе, — задумчиво размышлял Кимбер. — Предположим, они передавали по таким трубам контейнеры на большие расстояния. Даже через море. Мы так не транспортируем грузы, но нельзя судить эту планету по земным меркам. И у них тут нет высоких приливов.

— Тас, Сим, — Карли руками, носившими следы тяжёлой работы в Ущелье, поворачивала ожерелье в разные стороны, — а не могут... найтись здесь ещё такие Или другие?

Кимбер встал, стряхнул песок с брюк.

— Это нам придётся установить — и скоро! — он, прищурясь, взглянул на солнце. — Сегодня уже поздно что-нибудь делать. Но завтра...

— Эй! — Роган держал на ладони маленькую катушку какого-то чёрного материала, похожую на карандаш, которую извлёк из контейнера. — Я думаю, это какой-то микрофильм. Может, мы сможем его просмотреть.

Кордов сразу ожиился.

— А сколько там таких есть?

Роган по одному начал вынимать их из ящика.

— Двадцать.

— Можешь настроить аппарат для просмотра?

Техник пожал плечами.

— Попробую. Но сначала нужно распаковать приборы, которые на самом дне трюма, а на это потребуется время.

— А вон там, — Калли заглянул внутрь опустевшего цилиндра, — должно быть, двигатель. Мне бы хотелось покопаться в нём и понять, как он работал.

Кимбр провёл рукой по коротко подстриженным волосам.

— И тебе для этого понадобится, наверное, вся машинная мастерская? — он был очень близок к сарказму.

— Но у нас помимо прочего есть ещё одна небольшая проблема — те, что остаются на корабле. Что будем делать?

Вмешалась Карли.

— Вы до сих пор не нашли никаких следов цивилизации, кроме этого. И не знаете, сколько времени пролежала под землёй эта штука, пока её не обнаружили. Мы вполне можем оставаться здесь, пока не узнаем больше. Города, центры цивилизации, если они и существуют, должны находиться в сотнях миль отсюда. Представьте себе, что космический корабль сел на северо-западе Канады, или в пустынях Центральной Азии, или в середине Австралии — в любом малонаселённом районе. Прошли бы месяцы, может, даже годы, прежде чем о нём стало бы известно, особенно сейчас, когда Мир запретил путешествия. Здесь, возможно, сложилась такая же ситуация. Наша посадка может оставаться неизвестной ещё долгое время, если мы с кем-то делим эту планету.

— Это и есть здравый смысл, — согласился Кордов. — Будем исследовать долину. Если она подойдёт, подготовим лагерь для всех наших. А в то же самое время разведочная группа сможет нанести на карту окружающую местность. Но никаких контактов с возможным населением, пока не узнаем его отношение к нам.

— И что это за население, — негромко добавила Карли.

«Что за население». Дард понимал эти слова. Карли считает, что разум на этой планете нечеловеческий. Снова на людей обрушивается страх перед неизвестным, непонятным. Это чужой мир. Сможет ли он стать для них домом?

— Это... это прекрасно! — Труда Хармон склонилась рядом с ним, рассматривая статуэтку, которую юноша механически разворачивал.

Он держал в руке изображение животного, нечто среднее между лошадью и оленем, с развевающейся гривой, хвостом и рогами. Животное встало на дыбы, ноздри его раздувались, оно воплощало свирепую ярость. Вместо глаз горели маленькие драгоценные камни, а копыта были отделаны контрастирующим металлом. Какой-то великий мастер наделил это изображение жизнью.

— Все эти вещи, они такие удивительные!

— Они любили красоту, — ответил Труде Дард. — Но я думаю, что это, — он взял в руки вторую статуэтку, изображавшую совершенно другое существо — карлика, ноги с перепонками между пальцами, обезьянье лицо и руки без больших пальцев, — это всё фигуры какой-то игры. Смотри, вот сёшь одна рогатая лошадь, но другого цвета, и ещё одна такая обезьяна. Шахматы?

— И маленькое дерсво! — Труда высвободила из упаковки третью фигуру. — Дерево с золотыми яблоками!

И верно, ветви конической формы дерева были увешаны круглыми драгоценностями, сверкающими мягким жёлтым цветом. Золотые яблоки! Ларс часто рассказывал Десси о золотых яблоках Солнца!

— Яблоки? — Хармон присел рядом с женой, чтобы посмотреть, что так привлекло её внимание. — Какие яблоки, Труда?

Она протянула ему руку с маленьким деревом на ладони.

— Золотые яблоки! Видишь, Тим?

— По мне, так больше похоже на сосну, — но он осторожно взял дерево. — Плоды. Интересно... — он посмотрел мимо корабля на вход в долину, куда манила сине-зелёная растительность. — Может, здесь на соснах растут яблоки, Труда. После летающих змей и плавающих пауков, после жёлто-зелёных уткособак, которые смотрят на нас оттуда... Я вполне могу поверить, что тут и яблоки растут на соснах. Но только нам бы поскорее их отыскать.

Поиски места для будущего посёлка начались на следующее утро. Кимбер, Роган и Санти на санях отправились осматривать долину. Когда они подали знак, что ничего опасного не обнаружили, выступила и вторая группа — пешком. Калли, Хармон и Дард, неся продукты, становясь и наполненные водой фляжки, медленно двинулись вверх по реке.

При входе в долину в песок вклинивались полосы

почвы от красно-жёлтого до тёмно-коричневого цвета. На ней росли пучки травы с острыми листьями, очень прочной; вскоре трава сменилась небольшими кустами, покрытыми лохматой сине-зелёной листвой.

Трое исследователей сразу остановились, заметив в зарослях смутное движение: стебли раскачивались, выдавая присутствие неподалёку какого-то живого существа. Дард первым двинулся вперёд своей неслышной походкой жителя леса. Юноша осторожно раздвинул стебли и увидел настоящую тропу, такую же проторенную, как земные тропы, только миниатюрную. Зелень продолжала колыхаться, и он стоял, не смея дышать.

Из-под корней невысокого куста показалась маленькая красно-коричневая голова, почти неразличимая на фоне почвы. Дард ждал. Подпрыгнув, животное выскочило на тропу.

Размером с земную крысу, оно передвигалось прыжками на длинных задних лапах, между которыми свисал пушистый хвост. Маленькие передние лапки, похожие на руки, лежали на тёмной шерсти живота. Большие, веслообразные уши покрывал такой же пушок, что и хвост. В тёмных пуговицах глаз не было видно ни зрачка, ни радужной оболочки, а круглая мордочка заканчивалась мощными зубами грызуна. Но Дарду не пришлось долго разглядывать животное. Оно заметило его, высоко подпрыгнуло, развернувшись в воздухе, и мгновенно исчезло. Дард подобрал с тропки предмет, который животное выронило в прыжке.

— Кролик? — спросил Хармон. — Или крыса? Белка? Откуда нам знать? Что оно выронило, парень?

Дард показал стручок, примерно трёх дюймов в длину, тёмно-синий, блестящий. Он передал стручок Хармону, который ногтем вскрыл кожуру и вытряхнул на ладонь с десяток тёмно-синих зёрен.

— Горох, бобы, пшеница? — в изумлении Хармана сквозило раздражение. — Оно растёт, созревает, может

быть, съедобно, — он повернулся к товарищам и резко закончил: — Но откуда нам знать?

— Испытай на хомяках, — кратко ответил Калли. — А прыгун их явно ест, — так была окрещена третья разновидность фауны, найденная на новой планете.

Хармон спрятал семена и стручок в карман на молнии, и они двинулись дальше по высокой, по пояс, траве. Тут и там встречались такие же стручки.

Вскоре эти растения встали вокруг сплошной густой стеной, так что можно было подумать, будто идёшь по возделанному полю. Хармон нарушил молчание.

— Не напоминает ли вам это что-нибудь?

Все с сомнением посмотрели на синес пространство и покачали головами.

— А мне напоминает. Похоже на пшеничное поле, ждущее жатвы. Говорю вам: мы идём по чьей-то ферме!

— Но ведь здесь нет никакой ограды, — возразил Дард.

— Нет, но если земля долгое время не обрабатывалась, растения сами засеваются и начинают распространяться. У меня такое чувство, будто это часть фермы!

С этими словами Хармон быстро пошёл вперёд, через участок со спелыми растениями, прямо к ближайшим кустам. Теперь, после слов Хармона, Дарду и самому показалось, что участки более высокой растительности вполне могут быть остатками изгородей вокруг полей.

Они обошли кустарник и обнаружили, что инстинкт Хармона не обманул его. Невозможно было усомниться в искусственном происхождении большого купола. Его окружало несколько меньших, заросших вьюнками, высокой травой и неподрезанными кустами.

Но не купола приковали к себе внимание исследователей. Сильное гудение и жужжение привлекли их взор к дереву, растущему там, где должен был находиться двор — конечно, если у Других были дворы.

— Золотые яблоки! — Дард узнал дерево, изваяние которого видел накануне.

Симметричный тёмно-зелёный конус создавал прекрасный фон для жёлтых шаров, свисавших с ветвей, которые гнулись под их весом. Воздух и трава вокруг дерева были полны пирующими.

Земляне наблюдали за порхающими птицами — а может, пересошими бабочками, — которые скорились из-за права впиться клювом в спелую мякоть. А в траве виднелось множество прыгунов, поедавших упавшие плоды. И от дерева ветерок доносил такой аппетитный запах, что и у самих наблюдателей потекли слюнки.

Люди подошли поближе, но кормившиеся не проявили никакого беспокойства. Один прыгун пробежал прямо между ног Калли, сжимая в лапках сочную четвертушку плода. Птица-бабочка задела крылом голову Дарда на пути к банксту.

— Ну и!.. — Калли спохватился, едва не наступив на пушистый красно-коричневый комок. И поднял прыгуна в коматозном состоянии. Хармон рассмеялся.

— Мертвцыки пьяны, — заметил он. — Я видел свиней, когда они добираются до отжимков сидра. Смотрите, даже птицы не могут лететь прямо!

Он был прав. Голубое существо с крыльями, обрамлёнными светлой серо-зелёной каймой, неуверенными рывками добралось до ближайшего куста и вцепилось в ветвь. Как будто не имело сил лететь дальше.

Калли опустил на землю вялого прыгуна и сорвал одно из яблок. Оно легко отделилось от стебля, и земляниин поднял его к глазам, чтобы получше рассмотреть. Мякоть прикрывала прочная кожура, а от черешка расходились цепочки розовых пятнышек. Чрезвычайно соблазнительному аромату было очень трудно противостоять. Дарду захотелось выхватить фрукт у инженера, погрузить зубы в гладкую кожницу и самому проверить, так же хорошо оно на вкус, как на запах.

— Жаль, что с нами нет хомяка. Но мы можем прихватить несколько плодов с собой. Если они хороши, — Хармон тоже проглотил слону, — можно будет всласть

поесть. Не стоит всё отдавать этим существам. Бьюсь об заклад, парень, который тут жил, конечно, не допустил бы этого. Золотые яблоки, да, так оно и есть. Но они не убегут, а я бы хотел осмотреть дом и амбары.

Дом и амбары, если так можно было назвать куполы, почти до верхушек скрывала густая растительность. Когда исследователи пробились ко входу в самый большой купол, Калли негромко присвистнул.

— Да тут сражались. Дверь разбита снаружи.

Дард, привыкший к насилию со стороны миротворцев, заметил обломки металла и согласился. Они застали сцену полного опустошения. Помещение было давным-давно разграблено, в щелях стен росла трава, а обломки под ногами при первом же прикосновении рассыпались в пыль. Дард подобрал обломок золотого стекла с тонкими белыми линиями. Больше ничего не осталось.

— Нападение разбойников, — согласился Хармон, ориентируясь на земное прошлое — Может, и здесь были свои миротворцы. Но всё произошло очень давно. Пусть лучше Кордов и другие яйцеголовые тут покопаются. Может узнают, что произошло. Интересно, а что в амбара?

Но когда они заглянули в больший из двух оставшихся куполов, Хармон начал непрерывно браниться, а Дард почувствовал холодок на спине при виде бессмысленного и ужасного насилия. Вдоль стены лежал ряд белых скелетов, каждый в своём стойле. Хармон подобрал череп странной формы, но он тут же рассыпался.

— Их оставили умирать от голода и жажды, — хрипло проговорил фермер. — Жилтей перебили, а животных оставили подыхать. Они... они хуже миротворцев!

— И они оказались победителями, — заметил Калли

— Не очень приятная мысль.

Все вздрогнули, услышав крик, и Дард направил станнер на вход в трагический амбар. Что если «они» возвращаются? Но он взял под контроль своё воображение. Этот ужас произошёл много лет назад, исполнители

его давно мертвы. Но если у них есть потомки — с таким же характером?

В купол вошёл Кимбер.

— Ну, и что вы здесь подсказываете? — спросил он. — Мы следили за вами с саней. Что... что это такое?

— Предупреждение, оставленное очень нехорошими жителями, — ответил Дард. — Ферма была разграблена, и те, кто сделал это, привязали животных и оставили их подыхать от голода.

Кимбер медленно прошёл вдоль ряда скелетов. Лицо его помрачнело.

— Это случилось очень давно, — Дарду показалось что пилот пытается успокоить себя словами.

— Да, — согласился Хармон. — Очень давно. И с тех пор они сюда не возвращались. Я думаю, мы можем занимать место, Сим. Когда-то это была хорошая ферма, почему бы сей снова не стать такой?

5. Руины войны

Следующие пять дней все были очень заняты. Самое внимательное исследование внутренней долины, пешком и с воздуха, не обнаружило никаких других следов прежней цивилизации. Земляне высказались против поселения на ферме. За эти куполы цеплялся древний страх и смерть, и не один Дард беспокойно себя чувствовал в древних стенах.

Одной из лучших находок оказалось дерево с золотыми яблоками. Хомяки с удовольствием поедали фрукты, и люди, приобретённые этим, собирали плоды вместе с крылатыми и пушистыми обитателями долины. Яблоки на вкус были так же хороши, как на вид и запах, хотя не действовали на землян опьяняюще. Зерно тоже было съедобным, Хармон даже рискнул разморозить одну из двух тёлок, привезённых на корабле, и выпустил её пасть на заброшенных полях, где она быстро поправлялась.

С другой стороны ярко-зелёные ягоды с пурпурно-зеленоватым отливом сдва не отправили хомяков на тот свет, и земляне их сторонились хотя птицы и прыгуны их с удовольствием пожирали.

Посёлок основали внутри кольца холмов, окружающих долину. На второй день исследователи обнаружили пещеру и сквозь неё проникли в систему подземных ходов, через один из которых протекала река. Привыкшие к похожему жилищу за годы, проведённые в Ущелье, земляне с радостью воспользовались открытием. Разбудили ещё несколько взрослых пассажиров, и началась работа по сборке машин и преобразованию пещеры в новый дом, обнаружить который извне будет весьма трудно — так как разрушенная ферма постоянно напоминала об угрозе.

Из корабля вынесли ещё три тела и похоронили рядом с Луи Скортом, похоронили прямо в ящиках, в которых они проделали весь путь. Но Кордов продолжал утверждать, что им очень повсезло. Теперь работало пятнадцать мужчин, а десять женщин помогали убирать необычное зерно и обживать пещеру.

— Чёрт возьми! — Кимбер выбрался из моторной секции саней и попытался схватить что-то в воздухе.

— В чём дело? — начал было Дард, но потом увидел, что вызвало взрыв недоводания пилота.

Прыгун торопился в заросли, сжимая в передних лапах что-то блестящее. Опять крадут!

Дард прыгнул, и пальцы его сомкнулись на маленьком, отчаянно дёргавшемся теле, а тишину мастерской нарушил писк, похожий на крик. Юноша выпустил пленника, прижимая к груди укушенную руку, но и прыгун выронил украденный болт. Зверёк убежал с пустыми лапами в кусты, явно оскорбительно комментируя происхождение и поведение Дарда.

— Лучше сходи, пусть обработают укус, — заметил Кимбер, покорно принимая спасённый болт. — Не знаю, что делать с этими малышами. Ташат всё, что могут

поднять, а следить всё время невозможно. Настоящие крысы.

Дард прижал раненую руку здоровой.

— Хотел бы я найти их нору или гнездо — где они держат свои находки. Должно быть, там настоящая антикварная лавка.

— Если кто-то и сможет найти, так только ты, — заметил Калли из-за цилиндра, который он снимал. — Ты видел, Сим, — продолжал он, — как этот парень ходит? Готовъ биться об заклад, он бесшумно пройдёт по любому полю и не оставит никакого следа. Как ты научился этому полезному делу, приятель?

Дард был настроен серьёзно.

— Трудным путём. Мы были вне закона. А знаете, хотя эти прыгуны ужасно надоедливы, но я не могу не восхищаться ими.

Кимбер фыркнул.

— Почему? Потому что они знают, что им нужно, и добиваются этого? Они слишком целеустремлённые. Но хотел бы я, чтобы они были немного пугливее. Как уткособаки. Смотрят, но не приближаются. Иди, парень, пусть осмотрят твой палец. Рабочие часы ещё не кончились.

Дард отыскал Карли Скорт, она готовила небольшой лазарет в стенах второй пещеры; укус быстро простерилизовали и покрыли пластиковой повязкой.

— Прыгуны! — Карли покачала головой. — Не знаю, как их отпугнуть. Вчера они украли нож-резак Труды и три катушки ниток.

Дард понимал её отчаяние из-за этих потерь. Конечно, всё это мелочи, но их невозможно восстановить.

— К счастью, они, кажется, боятся заходить в пещеры. Пока их внутри не попадалось. Но таких настойчивых воришек я никогда не встречала. Дард, выходя, загляни на кухню и прихвати еды для твоей группы. Труда уже должна была подготовить пакеты.

Юноша послушно миновал остальные работающие групп

пы и прошёл во вторую маленькую пещерную комнату, где Труда возилась со множеством пластиковых контейнеров. Запах пищи заполнял воздух, и Дард почувствовал голод. После завтрака прошло уже много часов.

— А, это ты, — приветствовала его Труда. — Сколько в твоей группе?

— Троє.

Губы её зашевелились, она считала, потом взяла контейнеры и поставила в сумку.

— Пожалуйста, принеси их назад. И не оставляй там, где до них могут добраться прыгуны!

— Хорошо, мэм. Вкусно пахнет.

Она гордо улыбнулась.

— Это золотые яблоки. Мы состряпали из них пудинг. Подожди, пока попробуешь, молодой человек. Кстати, я вспомнила... где тот странный лист, Петра?

Темноволосая девушка, которая мешала варево в самом большом котле на печи, достала из кармана глянцеватый зелёный лист, по форме почти правильный треугольник, с ярко-красными и жёлтыми прожилками.

— Видел когда-нибудь такие, Дард? — спросила Труда.

Он взял лист, с любопытством осмотрел его, потом покачал головой.

— Разотри и понюхай! — предложила Труда.

Он так и сделал, и запах пищи бы поглощён другим, сильным, чистым запахом, смесью трав и цветов; более приятного аромата он давно не ощущал.

— Можешь натереть кожу или волосы, запах очень стойкий, — сказала Петра.

— Никогда не догадаешься, где мы его взяли, — вмешалась Труда. — Расскажи ему.

— Я вчера собирала зёрна в поле и увидела прыгун, он тащил этот лист. Я подумала, что он украл что-то из нашей пищи, и погналась за ним. А он забрался в густые кусты, но лист выронил. Я подобрала его. Вначале мы подумали, что его можно есть, раз прыгун его тащил. Но у него просто приятный запах.

— Конечно, но если хочешь пользоваться вниманием на кухне, отыщи, где растут такие, Дард, — подмигнула ему Труда. — На корабле мы отвыкли от хороших запахов, там пахнет одними химикалиями. А так хочется иметь духи! Посматривай по сторонам, когда отправишься в свою увеселительную поездку. Может, найдёшь что-нибудь для нас. А теперь — иди. Да не забудь еду.

Дард вернул лист Петре и подобрал сумку с контейнерами. Выходя из кухни, он удивлялся. Что имела в виду Труда, говоря об «увеселительной поездке»? Насколько ему было известно, пока никто не собирался покидать долину. Или появились какие-то новые планы?

Он подошёл к Кимберу, намереваясь добиться объяснений.

— Обед? — Калли выбрался из-под цилиндра, когда Дард поставил сумку на землю.

Инженер вытер руки о траву, а потом о тряпку.

— Что для нас приготовили на этот раз?

— Пудинг из яблок, — нетерпеливо ответил Дард. — Слушай, Кимбер. Миссис Хармон что-то говорила о моём участии в какой-то экспедиции.

Сим Кимбер приподнял крышку сосуда с жарким и принюхался к аппетитному содержимому, прежде чем ответить.

— Мы должны оправдывать своё содержание, парень. А мы с тобой ведь не специалисты, знаем только, как подкрадываться и пользоваться транспортными средствами, вот нам и придётся этим заняться. Ты хорошо знал на Земле леса и горы и чувствуешь животных. Поэтому Кордов назначил тебя участником экспедиции.

Дард сидел неподвижно, не решаясь отвечать, боясь выдать охватившее его возбуждение. Он так старался в эти дни, подобно Хармону, интересоваться землёй, помогать в работах в пещере. Но машины были ему совершенно чужды. Мужчины, собиравшие их, разговаривали на неизвестном языке, и юноше казалось, что они говорят на иностранном языке.

Он так долго отвечал за других, за Ларса и Десси, за их пищу, их убежище, их безопасность. А теперь не отвечает даже за себя самого. Дард начинал чувствовать себя бесполезным, ведь он так мало знает.

Вся его подготовка была направлена на то, чтобы остаться живым в самых трудных условиях враждебного мира. И теперь ему казалось, что он ничего не может дать колонистам.

Дард иногда даже мечтал о том, чтобы уйти от этой тесно сложившейся группы, где он чувствовал себя чужаком, уйти в этот новый мир и познакомиться с его чудесами. Ему было неважно, означает ли это поиски загадочных логовищ прыгунов или полёт на санях за утёсы. Ему хотелось исследовать неведомые земли, хотелось так сильно, что сама мысль об этом причиняла боль.

И вот Кимбер предложил ему именно это! Дард не мог ничего сказать. Но, наверное, его взгляд и восхищённое выражение лица оказались достаточно красноречивыми, потому что пилот посмотрел на него и тут же отвёл взгляд. Когда юноша смог взять под контроль свои чувства, он спросил, как ему показалось, спокойным и естественным голосом:

— А что ты планируешь?

— Вверх и через, — ответил Калли, прежде чем Кимбер проглотил полный рот жаркого. — Нагрузим эту старую посудину, — инженер любовно похлопал по саням, — и посмотрим, что лежит по ту сторону скал. Главным образом поинтересуемся, следует ли ожидать посетителей.

— Мы... Кто это «мы»?

Кимбер назвал участников экспедиции.

— Я пилот. Калли будет заботиться, чтобы сани не вышли из строя. А Санти поможет нам своими крепкими руками.

— Поможет сражаться?.. — Дард не успел закончить вопрос. Кимбер ответил:

— Убивать — не наша программа, если этого удастся

избежать... — он задумчиво посмотрел на полную ложку

— Даже этих малышей... Калли! За тобой!

Инженер еле успел повернуться и выхватить небольшой ключ у пушистого вора.

— Даже этих малышей мы стараемся не трогать, — продолжил Кимбер, потом добавил, глядя на вспотевшего инженера. — Почему бы тебе не сесть на свои инструменты, Йорг? Я так и поступаю, — он чуть сдвинулся, показывая набор мелких инструментов, которые закрывал своим телом. — Это неудобно, зато они всегда на месте, когда нужны.

— Нет, — возвратился он к прежней теме, — мы никого не станем убивать, если этого можно избежать. Для спасения своих жизней, ради еды, если нет другого выхода. Но не ради забавы... или из-за неуверенности! — губы его изогнулись в презрительной усмешке. — Забава! Главная забава человека — охота на другого человека! Человек понял это, приведя в ужас всю остальную жизнь на Земле. Наше племя убивало абсолютно бессмысленно. Но теперь у нас есть возможность начать всё сначала. Может, на этот раз мы будем благоразумнее. Санти — первоклассный стрелок, но это не значит, что он будет стрелять.

У Дарда оставался ещё только один вопрос.

— Когда выступаем?

— Завтра рано утром. В последней вылазке за утёсы два дня назад мы заметили что-то вроде дороги, она идёт на восток по ту сторону. Может, она послужит нам указателем.

К середине дня они закончили работу с санями и в оставшееся время готовили припасы и оборудование. Кимбер рассчитывал отсутствовать пять дней, отправившись на восток в глубь материка, на берегу которого сел корабль.

— Та труба идёт в том же направлении. Если это какой-то транспортёр грузов в город — а я считаю, что так оно и есть, — мы можем найти там остатки цивили-

зации, — голос Кимбера звучал приглушённо. пилот что-то регулировал за ветровым щитом саней.

— Точно, — Санти добавил к припасам собственный небольшой мешок. — Но то, что мы увидели на ферме... здесь играли в жестокие игры. Нужно будет последить, чтобы нас не подстрелили прежде чем мы покажем знак мира.

— Ферму разграбили очень давно, — вмешался Дард.

И почему грабители не вернулись, если они оказались победителями в войне? Хармон говорит что земля богатая, такой любой фермер обрадуется.

— Солдаты не фермеры, — ответил Санти. — Я бы сказал, что грабила армия или какие-нибудь проклятые миротворцы. Те, что привыкли хватать и убегать. Для таких парней земля ничего не значит. Но я понимаю, что имеет в виду Хармон. Если война кончилась, почему кто-нибудь не вернулся сюда и не восстановил хозяйство? Да, это имеет смысл.

— Может, никого не осталось, — предположил Дард.

— Сами себя уничтожили? — выразительные брови Кимбера приподнялись, он задумался. — Для такого требуется что-то очень массовое, чрезвычайное даже для крупной войны. Пожар уничтожил большую часть городов Земли, а в чистке погибли те, кто мог бы их восстановить. Но всё-таки осталось много людей. Конечно, они здесь технически нас опередили, на это указывает вид транспорта. Если они были на нас похожи значит, опередили и в производстве оружия. Ну, у меня есть предчувствие, что завтра или послезавтра мы это узнаем

Стояли серые предрассветные сумерки, когда Дард сел, оторванный ото сна тёмной фигурой. Он дрожал, но не от холода, а от возбуждения, скатывая свой спальный мешок и вслед за Калли пробираясь к выходу из пещеры к саням.

Четверо исследователей торопливо позавтракали холодным мясом, Кимбер в это время бессвязно обменивался репликами с Кордовом, Хармоном и Роганом.

— Пять дней, — говорил он. — Возможно, и больше. Дайте нам ещё несколько дней на всякий случай. И не ищите нас, если мы не вернёмся. Только примите меры предосторожности.

Кордов покачал головой.

— Мы никого не можем терять, Сим, больше никого. Но к чему нам такие разговоры? Я не верю, что вы можете не вернуться! Ты не забыл список растений и всего того, что нужно искать?

Вместо ответа Симба Кимбер коснулся грудного кармана. Калли занял место на втором сиденье и позвал Дарда сесть рядом. Когда Кимбер склонился над приборами, на сани поднялся и Санти, положив на большие колени парализующее ружьё.

— Я буду слушать на всех волнах, — пообещал Роган. И Хармон сказал что-то — напоминание или прощание, когда Кимбер поднял сани в прохладный утренний воздух.

Дард был слишком возбуждён, чтобы тратить время на прощания или оглядываться на безопасную долину. Он наклонился вперёд, напрягаясь всем телом, словно хотел ускорить полёт в неизвестное.

Они двигались со скоростью бегущего человека вдоль утёсов, приближаясь к узкому концу долины. За каменной стеной начинался лес, обнаруженный ранее разведывательными группами. Но проникнуть в него они не смогли: лес оказался слишком густым.

— Какие странные растения, — заметил Калли, глядя на пролетавшие внизу вершины деревьев. — Ветка вырастает, сгибается, касается земли, отрастают корни, и прямо здесь растёт новое дерево. И вся эта масса внизу, возможно, началась с одного дерева. Прорваться, прорубить дорогу в такой чаще наверняка невозможно.

На небе появились широкие розовые полосы. Вокруг саней закружилась стая нежно окрашенных птиц-бабочек, они сопровождали машину, пока та летела вдоль стены. Исследователи молча смотрели на мрачное тёмно-

зелёное одеяло под собой, угнетающее в своей неизменной тьме. Разросшиеся деревья создали эффективную преграду с восточной стороны утёсов, и была это не небольшая роща, а огромный, уходящий далеко в глубь континента лес.

— Вот здесь! — Санти показал вниз. — Вот она! Деревья закрывают, но я бы сказал, что это дорога!

Узкая лента, покрытая каким-то светлым материалом и скрытая от наблюдения деревьями, шла точно на воссток. Кимбер повёл сани прямо над ней.

Однако прошёл почти целый час, прежде чем они добрались до конца леса и ясно увидели потрескавшуюся и разбитую поверхность, которая служила им указателем пути. Она тянулась по открытой равнине, на которой тут и там виднелись купола, пустые и покинутые, заросшие зеленью.

— Никакого населения, земля пустая, — заметил Дард, когда они пролетали мимо одного такого купола.

— Война или эпидемия, — пробормотал Кимбер, — вычистила тут всё напрочь. И давно уже, судя по растильности и состоянию дороги.

Через два часа после вылета из долины они приблизились к развалинам, которые когда-то могли быть деревней. И впервые увидели прямые подтверждения катастрофы, поразившей эту землю. В центре, среди куполов, разверзлась огромная яма. Её окружали разрушенные, обвалившиеся здания, оплавленные, с признаками высокой температуры.

— Бомбардировка? — нарушил молчание Калли. — Покончила со всем раз и навсегда. Здесь была война.

Кимбер не стал кружить над развалинами. Он увеличил скорость саней, подгоняемый тем же желанием, что охватило всех землян: поскорее узнать, что скрывается за неровным горизонтом.

Вскоре они миновали второй посёлок, больший по размерам, тоже разрушенный, с полурасплавившимися зданиями и с кратером в центре. Потом снова началась

открытая местность, усеянная покинутыми фермами. Дорога, наконец, закончилась в городе, разрушенном, разбитом. Город стоял на берегу залива: здесь море подходило с северо-запада, снова встретив исследователей.

Рядом с тёмными стенами кратеров возвышались башни, расколотые, изогнутые, искорёженные до такой степени, что трудно было определить их первоначальную форму. А на берегу не осталось буквально ничего, кроме огромной лужи гладкого сплава, отражающего лучи солнца.

Волны моря лизали этот сплав, но его края оставались нетронутыми — ни водой, ни временем. А дальше, в заливе, волны беспрерывно бились об останки — судов? Или частей зданий, выброшенных туда взрывом?

Кимбер медленно кружил над паутиной древних улиц. Но разрушения были такие сильные, что невозможно было даже догадаться о назначении того, что видели путники. Груды расплавленного металла могли обозначать наземные транспортные средства; изъеденные эрозией детали свидетельствовали о древности катастрофы. И с саней исследователи не увидели ничего, что могло бы быть останками живших здесь существ.

Они приземлились на заросшей травой полоске вблизи развалин здания, от которого остались три стены. На разрушенной ферме они почувствовали трагедию, страх и жестокость. Но целый город — это слишком много, слишком безлично. Такое полное уничтожение напоминало сон.

— Атомная бомба, водородная бомба, нуль-бомба, — Калли зачитывал список известного на Земле оружия. — Должно быть, всё это у них было!

— И конечно, они были людьми — потому что пустили это оружие в ход! — свирепо добавил Кимбер. Он выбрался из саней и остановился лицом к зданию. Стены его, словно сделанные из металла, отражали солнце, но свет был мягкий, зеленовато-голубой, как будто здание было построено из блоков морской воды. Пролёт из

двенадцати ступеней шириной с целый земной квартал вёл к могучему порталу, сквозь который виднелось сияние солнца в помещении без крыши.

Вокруг портала проходила многоцветная полоска, цвета смешивались и чередовались странным образом. Возможно, когда-то это была надпись, но она не имела смысла — для земных глаз. Разглядывая её, Дард почувствовал, что начинает что-то понимать. Возможно, это действительно была надпись, а не просто украшение.

6. Катастрофа

Попытки пеших исследований закончились провалом из-за неустойчивых груд развалин и опасности обвалов. Калли еле успел спрыгнуть с одной такой груды, которая обвалилась под его весом, и тем избежал опасного падения в глубокую яму. Эти ямы обнаруживались повсюду, они скрывались в основании города, и земляне, пробираясь между руинами, могли заглядывать на несколько этажей под землю, в темноту, куда не достигали лучи солнца.

Выбитые из равновесия опасностью, грозившей инженеру, они вернулись к саням и без аппетита поели концентратов.

— Здесь нет птиц, — неожиданно понял Дард. — Вообще ничего живого.

— Угумм, — Санти каблуками взрыл траву и почву. — И никаких жуков. А в долине их много!

— Ни птиц, ни насекомых, — медленно подытожил Кимбер. — Это место мертвое. Не знаю, как вы, но с меня довольно.

С этим все согласились. Мрачная тишина, нарушающая только обвалами, действовала всем на нервы.

Дард проглотил последний кусок концентрата и обратился к пилоту.

— Мы можем снять микрофильм?

— Зачем? Тебе нужны развалины?

— Хотелось бы поискать цветные полосы, как та, у дверей, — ответил Дард. Возможно, мысль о том, что эти полосы имеют какое-то значение, глупа, но он никак не мог от неё отделаться.

— Ладно, парень, — Кимбер достал небольшую камеру и направил её на место, освещённое солнцем. — Я ничего там не вижу. Но, может, что-то в этом есть.

Это был единственный кадр, сделанный с поверхности. Но когда они снова поднялись в воздух, Калли принялся снимать с высоты птичьего полёта всю область разрушений.

Они уже приближались к окраинам города, когда Санти вскрикнул и коснулся руки Кимбера. Они летели над улицей, меньше других загромождённой обломками, и внизу что-то двигалось.

Спускаясь, сани вспугнули стаю серых четверолапых существ, которые моментально скрылись в развалинах, оставив на окровавленной мостовой свою добычу.

— Фью! — Калли закашлялся, а Дарда затошило от зловония, которое донёс до него ветер. Они оставили сани и собрались вокруг обнажённых костей и гнилой плоти.

— Убито не сегодня, — без всякой необходимости заметил Кимбер.

Дард обошёл окровавленное место. Мёртвое существо было большое, размером с земную лошадь, а скелет, хоть и повреждённый, свидетельствовал о четырёх ногах с копытами. Но юноша пошёл взглянуть на череп, с которого ещё свисали рваные и покрытые кровью волосы. Он оказался прав: над глазницами торчали два рога. Это была рогатая лошадь, как та фигура из игры!

— Двурог? — произнёс пилот.

— Что? — переспросил Санти.

— В старинных книгах на Земле упоминается сказочное животное. У него рос посреди лба один рог, но в остальном оно точно повторяло лошадь. У этой лошади два рога, значит она не единорог, а двурог. Но вот эти,

которые тут кормились, они слишком маленькие для такой крупной добычи.

— Это точно, если у них нет метателя, — Дард наклонился, вглядываясь в участок позвоночника за черепом. Он был раздавлен, словно его сжали тут в гигантских тисках.

— Раздавлен! — согласился Кимбер. — Но кто мог это сделать?

Калли разглядывал тело.

— Великовато для лошади.

— На Земле имелись породы высотой от ста семидесяти до двухсот сантиметров в плечах, и весили они около тонны, — возразил Кимбер. — Этот примерно такого размера.

— И что это за зверь, который может раздавить позвоночник тонне мяса? — поинтересовался Санти. Он вернулся к саням и взял своё ружьё.

Дард прошёл по следам назад от дурно пахнувшего тела. И уже в нескольких шагах он обнаружил то, что искал: следы, доказывавшие, что тело протащили по крайней мере половину городского квартала. И на почве, нанесённой ветром на мостовую улицы, отчётливо выделялись следы. Отпечатки копыт двуорога местами перекрывались другими — с тремя длинными когтистыми пальцами, пространство между которыми было чуть вдавлено, словно они соединялись перепонками. Дард опустился на колено и прижал ладонь к самому ясному отпечатку. Расставив пальцы во всю ширину, он с трудом накрыл отпечаток.

— Похоже на след цыпленка, — заметил подошедший сзади Санти.

— Больше на ящера. Я видел такие следы у полевых ящериц. Конечно, не такого размера.

— Ещё один дракон — большего размера? — предположил Калли.

Дард покачал головой, поднимаясь и глядя на след.

— Этот зверь не летает, а бегает. Но я уверен, он очень опасен.

Слева послышался шум. Санти развернулся, держа ружьё наготове. С ближайшей груды развалин скатился камешек и ударился о пожелтевшие зубы черепа.

— Кому-то не терпится возобновить прерванный обед,

— Калли рассмеялся, но его смех прозвучал весьма неестественно в таком окружении.

Кимбер вернулся к саням.

— Позволим ему вернуться за стол. Здесь слишком много укрытий, — он оглядел окружающие развалины. — Я лучше себя чувствую на открытой местности. Там я увижу большую ящерицу раньше, чем она увидит меня.

Но когда они поднялись в воздух, Кимбер не повернул вглубь, напротив, полетел вдоль берега залива на северо-запад. Развалины внизу со временем стали прерываться, пошли изолированные дома, купола или башни, и в лучшем состоянии, чем в центре города. Показались полоски одичавших цветов. Между ними вились маленькие ручейки. Дард был уверен, что это остатки парка. **Кое-где башни** дивного вида, слишком тонкие, чтобы противостоять тяготению планеты, целились бесполезными пальцами в небо.

Однажды сани с полмили летели над дворцом. Но застывшая расплавленная масса разделяла это здание надвое. Никто не выразил желания сесть и осмотреть развалины. Тут росли слишком высокие деревья, между ними пролегало множество теней. Парк мог скрывать ужас, готовый обрушиться на неосторожных.

Разрушенный город остался позади, внизу вновь расположилась зелёная холмистая равнина и аквамарин моря. Всё меньше куполов появлялось среди зелени, да и те, вероятно, представляли собой разрозненные фермы. По веткам порхали птицы, словно призрачный ужас города сюда не дотягивался. Берег моря снова повернулся, но Кимбер не последовал за ним на запад. Он свернулся на восток, через поля, которые делились на правильные

участки старыми живыми изгородями. На одном из таких полей путники увидели первых живых двурогов, четверых взрослых и двух жеребят; впрочем, все четверо были гораздо меньше великаны, скелет которого привлек внимание исследователей в городе.

Животные были одинаковой масти, никаких следов разнообразия, присущего земным лошадям. Шкура синевато-коричневая, со стальным оттенком, спутанные гривы падали на спины, а брюхо и верхняя часть ног серебристые. Рога серебряные, словно сделанные из настоящего драгоценного металла.

Когда сани зашумели над ними, самый большой двурог поднял голову и вызывающе заржал. Потом, подталкивая остальных вперёд, галопом устремился по наклонному полю к изгороди на дальней стороне, за которой виднелась роща. С грациозной лёгкостью все бегущие животные перепрыгнули через изгородь и исчезли под деревьями. Но с другой стороны рощи не показались.

— Хорошие бегуны, — отдал им должное Калли. — Как вы думаете, они всегда были дикими или это одичавшие потомки домашних животных? Хармону наверняка захотелось бы получить парочку. Он очень расстроился, когда узнал, что не удалось разбудить двух жеребят, которых мы привезли с собой.

— Тот большой — боец. Заметили, как он тряс рогами? — спросил Санти. — Не хотел бы я, чтобы он застал меня на открытом месте.

— Странно, — Дард всё ещё смотрел на дальний конец рощи. Он удивлялся. — Я думал, они будут продолжать бежать. Но они остались на месте.

— В укрытии. В безопасности от угрозы с воздуха, — пояснил Кимбер. — Что предоставляет не очень-то приятные перспективы.

— Большой летающий дракон! — Дард присвистнул, поняв мысль Кимбера. — Зверь размером с сани. Но такой был бы слишком велик, чтобы летать своей силой!

— В прошлом Земли летали и большие, — напомнил пилот. — Кроме того, возможно, они боятся не живого существа. Машины. В любом случае нам нужно опасаться.

— Но ведь такие летающие существа жили давно в нашей истории, — возразил юноша. — Неужели настолько примитивные существа могут жить рядом с человеком, вернее, с теми, кто построил город?

— Откуда нам знать, кто мог здесь жить? Или, если город был разрушен радиоактивными снарядами, какие потом возникли мутации? Или кто летает в машинах?

Поскольку двуороги упрямо оставались в укрытии, исследователи отказались от наблюдения за ними и полетели на восток, оставив позади заходившее солнце; длинные тени пересекали их маршрут.

— Где заночуем? — спросил Санти. — Где-нибудь здесь?

— Я бы сказал, да, — ответил Кимбер. — Там дальше река. Можем найти подходящее место на берегу.

Река оказалась мелкой, с прозрачной водой, так что с воздуха хорошо видны были камни на её дне. Неровный слой водяных растений покрывал берег до начала каменистых скал. Сани достигли места, где река разливалась неглубоким озерцом; солнце отражалось от обширного водного пространства. В озеро стекали ручьи, образуя миниатюрные водопады; нашлась и ровная площадка, свободная от камней и пригодная для посадки саней.

Калли потянулся и улыбнулся.

— Хорошо. Ты умеешь выбирать место, Сим. Даже пещера есть для сна!

Место, на которое он указывал, не было настоящей пещерой, скорее защищённым углублением под нависающей скалой. Но оно создавало ощущение безопасности, когда путники развернули у дальней стены спальные мешки.

Это была первая ночь, которую Дард провёл под открытым безлунным небом, и он обнаружил, что тьма его

угнетает, хотя звёзды и образовывали новые рисунки созвездий. Они разожгли костёр из речного плавника, но за его пределами тьма была совершенно непроницаемой.

Костёр превратился в груду мерцающих углей, когда Дарда разбудил дикий вой. Звук повторился, и ему ответил другой такой же со стороны реки. Дард был уверен, что услышал шум потревоженного гравия на откосе. Ещё один громкий вопль заставил его вздрогнуть, а Кимбер, не шевелясь, зажёг карманный фонарик.

Луч осветил странное двуногое существо примерно четырёх футов ростом, целиком покрытое пушистой шелковистой шерстью, которая была чуть гуще на спине и конечностях; шерсть от испуга встала дыбом. Три четверти морды занимали глаза, круглые, без заметных век. И на морде животного с клыкастой пастью совсем не было видно носа. Руки с четырьмя пальцами поднялись, закрывая глаза, и существо застонало, стон постепенно перешёл в вопль. Но бежать оно не пыталось, луч надёжно держал его в плену.

— Обезьяна! — воскликнул Санти. — Ночная обезьяна!

В луч фонарика начали влетать насекомые, большие крылатые мотыльки, некоторые размером с птиц. И с их появлением ночной обитатель ожила. С кошачьей ловкостью он подпрыгнул, поймал двух мотыльков и устремился во тьму с низким рычанием, говорящим, что он ни за что не отдаст свою добычу. Кимбер продолжал светить, в луч влетало всё больше насекомых, они образовали целое облако, приближавшееся к исследователям. А по краям луча появились круглые фосфоресцирующие глаза. И мохнатые лапы ловили насекомых. Торжествующие взвизгивания приветствовали каждый удачный бросок; по-видимому, на охоту собралось множество существ. Кимбер выключил фонарик, прежде чем первая волна насекомых достигла землян.

Шорох крыльев заглушил резкий вой. Но когда свет не

зажёгся снова, четверо людей услышали скрип гравия и затихающий вой «обезьян», уходивших вниз по реке.

— Надеюсь, на сегодня представление окончено, — сонно пробормотал Калли. — Но расторопный парень заработал бы целое состояние, продавая этим ребятам фонарики для приманки насекомых.

Дард снова опустил голову на толстый край спального мешка. А что если эти «обезьяны» действительно достаточно разумны, чтобы вступить с землянами в торговлю? Можно ли установить с ними контакт? На человеческий взгляд прямая походка и использование рук делали их более подходящими, чем любые другие туземные существа, каких пришлось до сих пор видеть землянам. Но, конечно, не эти существа построили город. Однако ходят они прямо и достаточно умны, чтобы оценить пользу света для своей охоты. Если они настоящие ночные существа, если их большие глаза пригодны только для темноты, увидят ли их снова земляне?

Дард всё ещё размышляя над этим, когда погрузился в сон и снова оказался перед разрушенными зданиями города. Он разглядывал сбивающие с толку цветные линии. Но на этот раз цветная полоса явно имела смысл, и он почти уловил его, когда услышал за собой звук. Не смея повернуть голову, зная, что смерть принюхивается к его следу, Дард побежал на подгибавшихся свинцовых ногах. А смерть безжалостно гналась за ним. С разрывающимися лёгкими он свернулся за угол, оказался на другой улице, тоже усеянной обломками, и увидел разбегавшиеся от кровавой добычи серые тени. Он поскользнулся, упал... и проснулся с дико бьющимся сердцем, с телом, покрытым липким холодным потом. Светало. Уже видна была текущая вода, остатки вечернего костра. Дард осторожно выбрался из спального мешка и выполз из пещеры.

Потом подошёл к берегу и плеснул воду на голову и руки, плескал до тех пор, пока холод не смыв страх ночного кошмара. Дрожа от холода, Дард прошёл по берегу к водопаду.

По чёрному камню поднимались вьющиеся растения, цепляясь крошечными усиками за гладкую поверхность, — лианы серого цвета и без листьев, только на самом верху, у вершины утёсов, росло несколько листочек. Зато с каждого главного стебля свисало множество корешков.

И в углублении, образованном стеблями нескольких лиан, Дард сделал ценную находку. Яркая зелень говорила об ароматном растении, которое просила поискать Труда Хармон! Треугольные листы, глянцеватые и яркие на тусклом фоне, свисали с алых стеблей. И ещё стручки с семенами! Они висели, красные и жёлтые, покачиваясь под тяжестью своего содержимого, вполне в пределах досягаемости. Юноша сорвал три стручка и протянул руку за четвёртым.

И только тут он заметил движение внизу, на земле; там что-то беспомощно билось. Два корешка, размером с мизинец, держали бьющегося прыгуна. Глаза животного болезненно выпятились, а из пасти уже показалась кровавая пена. Дард достал нож и ударил по белым нитям. Но сталь не разрезала их, а только отскочила, словно он пытался перерезать лиану тупым концом. И прежде чем юноша смог замахнуться снова, толстый стебель обмотался вокруг его запястья и потащил к утёсу. Тут же мгновенно ожили остальные свисавшие рядом лианы; те, что поближе, обвивались вокруг тела, а те, что дальше, вытягивались и напрягались, так что превратились в прямые линии. Дард обнаружил, что каждый стебелёк был снабжён крошечными шипами, которые безжалостно рвали кожу, причиняя отчаянную боль. Он кричал и бился, но все его старания, казалось, только приближали его к другим сосущим стеблям; Дард уже был совершенно беспомощен, когда услышал крики и увидел бегущих к нему товарищей.

Но, прежде чем они подбежали, он всё-таки сумел высвободить свой нож и начал рубить удерживающие его щупальца. Потом остановился: растение само отпускало

его. И через минуту последний самый большой стебель неохотно отделился.

— Что случилось? — крикнул Санти. — Почему эта штука тебя отпустила?

Там, где растение касалось тела землянина, оставались красные пятнышки, из которых сочилась кровь, стекая ручейками по рукам, горлу и одной щеке. Но те лианы, что отпустили его, быстро чернели, съёживались, распадались на части! Растение отведало его крови и отравилось!

— Отравилось! Я его отравил!

— Радуйся этому! — рявкнул Кимбер. — Тебе повезло. А этим нет! — он пнул гравий, разбрасывая в стороны кости и маленькие черепа.

Пилот обработал раны Дарда и строго приказал:

— Отныне держимся вместе. На этот раз уцелели. Но вторично может не повезти. Держаться вместе и ничему не верить, пока не увидим в действии!

Но когда в тот же день на них обрушился катастрофический удар, все они были вместе и ничего не подозревали. Они двигались вдоль сонного ручья, используя его в качестве проводника назад к скалам, и в середине утра увидели горную цепь, пурпурно-голубую на фоне неба. Насколько можно было видеть с саней, горы тянулись с севера на юг.

Возможно, если бы земляне не взглядывались так пристально в эти горы, они смогли бы заметить что-нибудь внизу и получить предупреждение. А может, и нет. Человек, ведущий войну, проявляет величайшее коварство.

Первым знаком опасности послужил удар, сбивший их с неба на землю. Раздался резкий визг и сани подскочили, словно на них обрушился удар гигантской дубиной. Машина начала падать, Кимбер сражался с приборами, пытаясь вывести сани из штопора. Если бы пассажиры не были привязаны, их выбросило бы в первые же секунды этого дикого спуска.

Дард пытался понять, что происходит, когда его ослепила вспышка яркого света. Снова послышались разрывы,

их словно захватили в артиллерийскую вилку, кто-то закричал от боли. Дард понял, что они падают, и инстинктивно закрыл голову руками. Последовал удар, и юноша провалился в небытие.

Он не мог долго находиться без сознания, потому что когда поднял голову, Калли ещё ошеломлённо путался в ремнях, пытаясь высвободиться. Дард плюнул, чтобы прочистить рот, и увидел, как о землю ударился комок крови и зуб. Он расстегнул пояс и вслед за Калли вывалился из саней. Перед ним Санти склонился к Кимберу, у того всё лицо было залито кровью из пореза на лбу.

— Что случилось? — Дард осторожно коснулся подбородка и обтёр окровавленную руку. Губы и подбородок болели.

Кимбер открыл глаза и ошарашенно посмотрел на остальных. Но тут в глазах его появилось сознание, и он спросил:

— Кто нас сбил?

Санти держал ружьё в руках.

— Это я и собираюсь узнать. И немедленно!

И прежде чем остальные смогли возразить, он исчез, углубившись в долину, где они приземлились, перебегая от укрытия к укрытию. С того направления донёсся ещё один взрыв, потом наступила тишина.

Дард и Калли вытащили Кимбера из саней. Правая рука пилота была окровавлена, у плеча алела рваная рана. Они раскрыли медицинскую сумку и инженер занялся работой, так что Дарду нечего было делать. Когда Кимбера уложили на спальный мешок, Калли принялся осматривать сани. Он снял крышку мотора и всматривался внутрь, велев Дарду посветить фонариком. Лицо его помрачнело.

— Насколько плохо? — спросил Кимбер. Его тёмное лицо наконец-то ожило, он приподнялся на локте.

— Не самое плохое, но около того, — слова Калли прервал выстрел из-за деревьев, в которых исчез Санти.

Великан возвращался, шёл он открыто, держа ружьё на сгибе руки, как будто опасаться было нечего.

— Друзья, это настоящее сумасшествие. Там, внизу, целая батарея. Небольшие пушки, лёгкие полевые орудия. И никого живого. Пушки обстреляли нас сами по себе!

— Автоматический контроль, его привели в действие наши сани! — воскликнул Калли. — Ручаюсь, что-то типа радара! Роган обязательно должен побывать здесь.

— Вначале нам самим нужно добраться до него, — мрачно возразил Кимбер.

Сани вышли из строя, и им предстояло преодолеть несколько сотен миль по незнакомой местности. Неплохое путешествие, подумал Дард. Но воздержался от замечаний вслух.

7. Возвращение

— Интересно, много тут ещё таких ловушек, — Калли подозрительно взглянул на долину.

— Не очень много, — слабым голосом ответил Кимбер. — Какая случайность, что эти пушки еще действуют...

Голос его был поглощён взрывом, от которого дрогнула земля. Дард увидел, как в долине взлетели на воздух земля, деревья и обломки, ветер донёс едкий бело-жёлтый дым.

— Вероятно, это конец батареи, — заметил в наступившей тишине Кимбер. — Она взорвала сама себя.

— Нет, чтобы сделать это пораньше! — проворчал Санти. — Гораздо раньше! Ну, как там, есть шанс выбраться отсюда? — он повернулся к Калли, который возился у саней.

— Трудно сказать. Сани поднимутся в воздух, да. Но не с полным грузом. Если снять с них всё, то двое, наверное, смогут полететь, да и то с креном.

Санти с улыбкой взглянул на остальных.

— Ну, ладно. Двое пойдут пешком. Другие двое поедут.

Кимбер нахмурился, но был вынужден, хотя и с неохотой, согласиться.

— Придётся, вероятно. Те, что полетят в санях, каждые полдня пути будут устраивать лагерь и ждать, пока их не догонят пешие. Мы не должны терять контакт. Как думаешь, можно вызвать Рогана?

Калли извлёк небольшое устройство связи, и Кимбер, действуя левой рукой, настроил его. Но ответа не последовало. Инженер поднял ящичек и осторожно потряс его. Все услышали слабый звон, который положил конец надеждам связаться с товарищами у моря.

Лагерь на ночь разбили там же, где их остановили последствия давно прошедшей войны. Санти и Дард ещё раз навестили скрытую батарею. Две пушки изогнули стволы под необычным углом, их зарядные механизмы были разорваны, а позади зияла свежая воронка, из которой тихо курился дым.

Земляне осмотрели установки. Если их и создали люди или другие разумные существа, то это было очень давно. Дард, не очень-то разбирающийся в механике, легко поверил, что они управлялись автоматически. Может, недостаток живой силы вообще превратил эту войну в сражение кнопок.

— Смотри-ка, здесь что-то есть!

Возглас Санти заставил Дарда выйти на открытое место. Взрыв снёс часть земли, и хитрая маскировка не скрывала больше ведущий вниз проход. Санти зажёг фонарик и начал спускаться по узким, невысоким ступенькам, как будто те, кто когда-то спускался по ним, были сильно меньше землян. Внизу исследователи попали в помещение с металлическими стенами. Вдоль одной стены тянулась панель управления, против неё стоял небольшой стол и один-единственный стул без спинки. В остальном помещение было совершенно пусто.

— Должно быть, включили автоматику и ушли. Этот металл совсем не ржавеет. Но ушли отсюда давно...

Санти вскользь провёл лучом фонарика по панели, и Дард заметил лежащий на столе предмет. Он подобрал

находку, когда его рослый спутник начал подниматься на свежий воздух.

В его руках оказались четыре листочка кристаллического материала, соединённые вместе в верхнем левом углу. И на каждом листке, словно вделанные в материал при изготовлении, мерцали разноцветные полосы, похожие на те, что Дард видел у двери здания в разрушенном городе. Книга инструкций? Приказы? Может быть, другие выражали свои мысли таким образом? Он сунул находку в карман, решив сравнить её с изображением на микрофильме.

На следующее утро начали выполнять план Санти. Пилот с раненым плечом остался в санях вместе с Калли, севшим за управлением. Припасов оставили самый минимум, разделив снаряжение между санями и двумя рюкзаками Дарда и Санти.

Сани двинулись на юг над самыми верхушками деревьев. Они будут лететь на минимальной скорости в том же направлении до полудня, затем остановятся и подождут идущих пешком.

Дард надел рюкзак и проверил курс по компасу. Санти, с рюкзаком и ружьём в руках, пристроился за ним. Они двинулись быстрой походкой, к которой Дард привык в лесах Земли, а сани уже исчезли за подъёмом.

Идти по большей части было легко. Заросли не создавали непроходимых преград, к тому же вскоре им встретилась старая дорога, которая шла в нужном направлении, по ней можно было идти ещё быстрее. Из высокой травы высекали насекомые, путники тут же заметили несколько прыгунов.

Незадолго до полудня дорога резко повернула на запад, к отдалённому морю, и земляне снова двинулись полями. Им повезло, они наткнулись на ферму, где два дерева сгибались под тяжестью золотых яблок. Пробившись сквозь толпу полуспящих птиц, насекомых и прыгунов, включая новую, более крупную породу, земляне набрали плодов, которые предоставляли не только еду,

но и питьё. Они даже набили яблоками импровизированный мешок для пассажиров саней.

Санти с довольным вздохом впился зубами в мякоть.

— Знаешь, я всё думаю: куда они все подевались? Тут, конечно, была большая война. Но ведь хоть кто-то должен был уцелеть. Всех невозможно убить!

— А если они использовали газ или каких-нибудь микробов... заразную радиацию? — спросил Дард. — Ведь мы не встретили никаких следов выживших ни в развалинах города, ни на фермах.

— Но мне кажется, — заметил рослый стрелок, тщательно облизывая пальцы, — что они все собрались и ушли, как мы из Ущелья.

Когда они покинули ферму, характер местности изменился. Появились участки песчаного гравия, которые со временем становились всё больше. Деревья сменились колючими кустами, среди них возвышались такие же блестящие чёрные скальные выступы, как тот, возле которого росло растение-убийца. Когда путники остановились передохнуть на вершине холма, Санти принялся осматривать местность.

— Похоже на пустыню. Я рад, что мы прихватили яблоки. Здесь может пропасть вода.

Стало жарко, жарче, чем на сине-зелёных полях, потому что песчаная почва отражала солнечное тепло. Кожу Дарда, натёртую лямками рюкзака, щипало, когда её касались ручейки пота, стекавшие меж лопаток. Он облизал губы и почувствовал солёный привкус. Замечание Санти о воде вызвало жажду.

Внизу с одного бока холма проходило ущелье. Дард помигал и тыльной стороной ладони потёр глаза. Нет, это не обман зрения, не мерцание жары, на дне ущелья ярко отражалось солнце. Он обратил на это внимание Санти, и тот направил вниз бинокль.

— Рельс! Но почему только один?

— Может, спустимся, — предложил Дард. — Посмотрим, что это такое.

С трудом преодолев крутой склон, путники убедились, что единственный рельс выходит из отверстия туннеля в одной стене ущелья и идёт к другому туннелю в противоположной стене. Неспособные обнаружить что-нибудь ещё и не рискуя исследовать туннели, они поднялись на противоположную сторону ущелья и двинулись дальше на юг.

Уже после полудня они заметили поднимающийся в небо столб дыма — условный сигнал улетевших на санях. Пошли быстрее и вскоре вышли на плоскую вершину, к лагерю.

— Сколько же будет продолжаться такой путь? — спросил Санти, когда все принялись поедать золотые яблоки.

— Для вас ещё один полный день пути и, может быть, половина следующего. При такой скорости быстрее никак не дойти, — ответил Кимбер. — Йорг снова занимается двигателем. Но без инструментов много не сделаешь.

Рослый человек улыбнулся.

— Ну, наши пластоботинки хорошо держатся. Вполне можно побродить ещё немнога. А бояться здесь нечего.

— Не будь так уверен, — предупредил пилот. — Держите глаза открытыми, вы оба. Тут может быть спрятано много ловушек. С тех пор как нас подстрелили, я не доверяю даже чистому небу.

Поначалу второй день пути ничем не отличался от первого, не считая того, что идти по безводной пустыне было труднее, поэтому путники немного отстали от графика.

Ноздри Дарда затрепетали, когда он по ряду карнизов начал спускаться в очередное ущелье с песчаным дном. Снизу поднимался густой отвратительный запах, так что даже слегка закружилась голова. И этот запах он помнил — разлагающиеся останки двурога! Внизу точно лежало мёртвое органическое существо! Тут и Санти подобрался к Дарду.

— Чего ты остановился?

— Чувствуешь запах?

Бородатое лицо Санти сморщилось.

— Здорово воняет! Что-то мёртвое!

Дард внимательно разглядывал дно ущелья. Если попытаться обойти эту яму, то местность здесь настолько изрезана, что они потратят многие часы. В конце концов, после убийства, если тут действительно произошло убийство, должно было пройти уже несколько дней. Он решил предоставить решение Санти.

— Спустимся?

— Мы потратим слишком много времени, если будем обходить. Я думаю, надо спускаться.

Но спускались они осторожно, а когда Дард стукнул небольшой камешек и он с шумом слетел вниз, оба на несколько секунд застыли, прислушиваясь. Звуков снизу не доносилось, ничего, кроме этого ужасного, выворачивающего желудок запаха.

Санти взял в руки ружьё, а рука Дарда потянулась к поясу. Сегодня утром Калли отдал ему своё лучевое оружие, считая, что пешим путникам оно окажется полезнее. Теперь, положив руку на ложе, Дард был очень рад, что и он вооружён. Что-то таилось в этом зловещем месте, сама его тишина предвещала опасность.

На дне узкого ущелья топоршились густые заросли кустов; растения свидетельствовали о наличии влаги, хотя листва у них была сероватая, нездоровая.

Двое как можно незаметнее пробрались через кусты и увидели ручей. Минеральные соли покрывали края заполненного водой углубления, а по берегам ручайка, текущего в долину, лежал зеленоватый порошок.

Химические испарения заполняли воздух, но не могли скрыть другого тяжёлого запаха.

Следовало бы тут же подняться по противоположному склону и продолжить путь, но подходящих карнизов для подъёма поблизости не было видно, поэтому они пошли дальше вдоль ручья в поисках более лёгкого пути.

Вскоре вода разлилась широкой неглубокой заводью с краями ядовито-зелёного цвета.

А по ту сторону заводи, полупогрузившись в песок, валялись просто кошмарные существа!

Тусклую желтовато-зелёную кожу покрывали чешуйки — признак пресмыкающихся. Существа, гревшиеся на солнце, были не так отвратительны, как змеи, от которых инстинктивно, под действием врождённого страха, отшатывается человек. Зато они вызывали впечатление подлинного воплощения зла. Наевшись, они впали в оцепенение над останками своего пира, именно от этих останков и исходил тяжёлый удущливый запах, говорящий о том, что это давно используемое логово.

Дард определил величину животных от семи до десяти футов длины. Задние ноги, заканчивающиеся широкими лапами с перепонками, представляли собой простые костяные столбы с прицепленными мощными мышцами. А вот короткие окровавленные передние лапы ужасно напоминали руки человека; они свисали над выступающим брюхом, и каждый палец заканчивался когтем в десять дюймов длиной. Но хуже всего были головы, слишком маленькие для такого тела, голые, сидящие на длинной стройной шее, словно кобра с головой ящера.

Когда люди остановились, складка кожи на брюхе одного кошмарного чудища откинулась, и из мешка выбралась маленькая копия ящера. Детёныш побрёл к воде и, вытянув морду, принял пить. Но после первого же глотка какой-то инстинкт предупредил его о наблюдателях. С резким шипением он бросился назад к матери. Голова страшилища взметнулась и начала раскачиваться, как у змеи, готовящейся к броску.

Дард отпрыгнул, потащив за собой Санти. Вскоре их отступление остановила стена ущелья, однако они не посмели повернуться спиной к чудовищу, чтобы вскарабкаться вверх.

Существо за заводью встало, теперь оно было намного выше людей. Ударом лапы оно отбросило детёныша на безопасное расстояние и быстро развернулось, разбрасывая окровавленный песок. Плоская змеиная голова

опустилась на уровень плеч, и из зубастых челюстей послышалось шипение, которое постепенно набирало силу и вскоре напомнило свист парового гудка.

Боевой крик поднял и других спавших чудовищ. Но они поднимались вяло, слишком отяжелевшие после пира.

Санти выстрелил. Заряд пришёлся как раз между жёлтыми немигающими глазами. Череп вдребезги разлетелся, брызнула зелёная жидкость. Но существо по-прежнему брело через заводь, выставив вперёд когтистые лапы. Оно должно было умереть! Однако с разбитым пустым черепом, ослепшее, продолжало идти!

— В голове нет мозга! — выкрикнул Дард. — Прыгай!

Они прыгнули в разные стороны. Приблизившийся ужас удариł лапой по скале и вцепился в неё. Остальные трое казались какими-то нерешильными. Они свистели, поднимая и опуская змеиные головы. Одно попробовало было присоединиться к схватке на другом берегу завода, но потом отступило.

Не смея дольше колебаться, Дард тщательно прицелился и направил зелёный луч в грудь чудовища, которое переступало с ноги на ногу справа от него. Им необходимо было расчистить путь мимо пруда: возвращаться мимо других чудовищ означало подвергнуть себя смертельной опасности.

С диким криком добыча Дарда прижала обе лапы к дыре, оставленной лучом, повернулась и упала в воду, подняв фонтан мутной кровавой жидкости. Тем самым она привлекла внимание других, и Дард решил присоединиться к Санти.

Люди вместе начали пятиться вдоль скалы, стремясь пробраться в долину за заводью. Несколько минут казалось, что они пройдут, не замеченные остальными чудовищами. Одно из чудовищ занялось телом в воде. Но когда другое попробовало приблизиться к нему, первое оскалило клыки и выставило перед собой когти, заставив опоздавшего отступить с сердитым шипением. Вот тут-

то, крутя головой направо и налево, отступающий заметил землян и резво прыгнул к ним. Скорость и длина прыжка немало испугали людей. Они поспешили забраться под укрытие из камней. Вторая пуля Санти проделала отверстие в чешуйчатой груди преследователя, не замедлив его приближения. Дард тоже нажал кнопку лучевого ружья. Но в ответ вылетел слабый, еле заметный луч. Он пришёлся в голову, срезав часть черепа, один глаз и перерезав шейные мышцы, так что голова свесилась набок.

Дард выстрелил снова — и безрезультатно. Должно быть, у ружья истощился заряд! В ушах зашумело: это рядом выстрелил Санти. Но его пуля лишь задела плечо извивавшегося тела. Отчаявшись, земляне выскочили из убежища и попятались, стараясь не споткнуться на неровной почве. Они находились в самой середине ущелья, на тропе, протоптанной ногами чудовищ.

Крик преследователя был поддержан новым воплем. Второе чудовище присоединилось к первому.

— Впереди... в трёх... четырёх... ярдах... — Дард еле говорил, задыхаясь. — Дыра... слишком... маленькая...

Он сосредоточился только на том, чтобы добраться до нового убежища. Санти бежал рядом. Отверстие было круглое, из него выходила нитка монорельса древней транспортной системы. Люди бросились в отверстие и бежали в глубину, пока Дард не наткнулся на какой-то тяжёлый предмет; тот подался так неожиданно, что юноша упал лицом вниз, воздух с шумом вырвался у него из лёгких.

Придя в себя, он сел, голова кружилась. Туннель наполнил грохот выстрела.

— Одного всё-таки свалил! И он перекрыл доступ сюда, по крайней мере на время. Но тут не безопасно, они впопыхах могут прорваться сюда. Что за!.. — великан закончил восклицанием, полным гнева и страха.

Дард смог наконец спросить:

— В чём дело?

— Я выстрелил последним зарядом. У тебя есть ещё заряд для лучевого ружья?

— Нет.

— Тогда лучше попробуем выбраться с другой стороны туннеля. Судя по звукам, они рвут мёртвого — по частям! И когда кончат, снова примутся за нас...

— Посвети. Тут что-то впереди. И оно движется...

Дард осторожно протянул руку — и коснулся гладкого металла. А когда Санти зажёг фонарик, впереди оказался цилиндр, как две капли воды похожий на тот, что они извлекли из трубы на берегу моря. Вот только этот оканчивался стабилизатором, в пазу которого проходил монорельс. Мимо цилиндра пробраться было невозможно, зазор между его стенками и стенами туннеля составлял лишь несколько дюймов. Придётся толкать его перед собой, чтобы выйти с противоположной стороны.

Минут пять им это действительно удавалось, потом после очередного сильного толчка вагон со звоном откатился назад. И как они ни толкали, дальше продвинуть его не смогли. Дард прижался к стене и попытался осветить через щель пространство за вагоном.

— Там обвал!

Санти грязной рукой потёр подбородок.

— Застряли? Давай взглянем на стены позади.

Всего в нескольких шагах он нашёл нишу, не слишком просторную и всё ещё хранящую набор странной формы инструментов. Санти пнул их в сторону.

— Помещение для ремонтников, — пояснил он. — Я так и думал, что мы его найдём. Теперь попробуем протолкнуть вагон назад и посмотрим, что там за обвал.

Толкать перед собой вагон было трудно. Но ещё труднее оказалось тащить назад, тем более что не за что было ухватиться на его гладкой поверхности. К тому же сильно мешала теснота. Они переломали себе все ногти и изразнили пальцы. Упрямый вагон двигался с раздражающей медлительностью. А звуки снаружи говорили, что тело, заткнувшее проход, быстро исчезало.

Наконец они настолько оттащили вагон, что смогли выйти из ниши за ним. Оставив свои рюкзаки, они подбежали к обрушению и встретили плотный завал из земли и камня. Санти принял было копать ложем ружья, но сумел высвободить лишь один-два комка. Чтобы прошуринуть проход, потребовались бы инструменты и время, а ни того, ни другого у них не было. Великан вынужден был признать это.

— Там остались два чудовища. И если какое-нибудь проберётся сюда, то начнёт толкать вагон прямо на нас. А мне что-то не хочется, чтобы меня раздавило.

И он пошёл по направлению к вагону. Дард поспешил за ним. Ему не хотелось думать о картине, нарисованной Санти: ящеры толкают вагон прямо на них! Он понятия не имел, что задумал Санти, но любое действие сейчас будет лучше простого ожидания конца.

— Ну, ладно, — Санти положил руки на заднюю стенку вагона. — Оставь фонарик и толтай! Сейчас мы удивим ящериц. И я надеюсь, сюрприз будет неприятный!

Дард положил фонарик и упёрся руками рядом с Санти. Вместе они изо всех сил толкнули вагон. Он двинулся, гораздо легче, чем раньше. Негромкий гул перешёл в устойчивое жужжение. Вагон набирал скорость, катился от них.

— Мы его запустили! — возбуждённый крик Санти объяснил, что происходит. Великан схватил Дарда за руку и удержал его, а вагон вырвался из отверстия.

Последовал удар и свистящий крик. И они тут же увидели круг света, обозначающий выход. Вагон и осаждавшие их ящеры исчезли!

8. Водяной Десси

Какое-то время в круге света ничего не двигалось, только тогда земляне решились подобрать рюкзаки и выйти.

Вагон на полной скорости пронёсся вперёд, соскочив на изгиб монорельса. Под ним, прижатое к песку и камню, билось одно чудовище. Оно лежало на теле другого, которого Санти застрелил раньше. Земляне обогнули дергавшуюся голову существа и направились к противоположной стене ущелья.

Здесь в скале наконец-то нашлись углубления, по которым можно было подняться. Ящер, застрявший под вагоном, остался один, ничто не угрожало отступлению. Однако, только добравшись до самого верха, путники остановились, отдуваясь, и оглянулись.

Внизу по-прежнему бился ящер под вагоном. Если кто-то из чудовищ и выжил, они не показывались. Санти тыльной стороной ладони вытер потное лицо.

— Не понимаю, как мы выбрались, парень. Ещё чуть-чуть и...

— Да. Поскорее бы встретиться с санями, пока не нарвались на какие-нибудь новые неприятности.

— Точно, — Санти с сожалением потянул за ремень ружья. — В следующий раз прихвачу побольше зарядов. Здесь слишком много сюрпризов.

Они шли медленно, слишком устав из-за усилий последнего часа. Уже совсем стемнело, когда они нашли спуск в следующую травянистую долину. В отдалении виднелась тень, которая могла быть только лесом.

Неужели придётся его обходить, со страхом подумал Дард. Но его успокоил показавшийся вскоре огонёк костра. Калли посадил сани по эту сторону преграды.

Санти и Дард устало дотащились до круга света, где их встретил град вопросов. Дард слишком устал, чтобы отвечать. Он поел, напился и заполз в спальный мешок ещё до того, как был закончен рассказ об их приключениях. Кимбер был очень серьезён, когда рассказ закончился.

— Да, слишком рискованно. Нужно лучше вооружаться в походах. Но теперь мы знаем, что цивилизованной угрозы нашей колонии нечего бояться, а сюда мы вернёмся не скоро. Завтра сани перевезут нас через лес и скалы, и мы будем дома. Вон там наши утёсы.

— Дома, — Дард про себя повторил это слово, стараясь связать его с приморской долиной и пещерой, где поселились космические путешественники. Давным-давно слово «дом» действительно имело смысл. До Пожара, до чистки. На его воспоминания о том спокойном времени были слишком туманны. Потом слово «дом» стало означать ферму, голод и холод, постоянную угрозу и опасность. Теперь домом служит углубление в многоцветной скале на чужой планете в поколениях лётного времени от Земли.

Утром он вместе с Санти остался в лагере, а Калли, в последний раз осмотрев повреждённую машину, поднял сани и направился к морю с Кимбером в качестве первого пассажира. Час спустя сани вернулись, и инженер велел Дарду садиться в накренившуюся машину. Они летели медленно, над самыми вершинами, и Калли не отвёз его непосредственно к пещере, а опустил вместе с рюкзаком на краю древнего поля.

Дард брёл по высокой траве. Он видел на полях людей, их стало больше, чем когда он уходил. Очевидно, подняли новых спящих. Тут послышался пронзительный свист, и показался мальчик, на несколько лет моложе Дарда, он гнал перед собой трёх тёлок. Увидев оборванного исследователя, он застыл, потом улыбнулся.

— Привет! Ты ведь Дард Нордис? Слушай, ты не плохо провёл время, все эти разрушенные города, и ящеры, и всё такое! Я тоже отправлюсь посмотреть — когда папа разрешит. Я Ланни Хармон. Подождёшь, пока я свяжу этих? Хочу пойти с тобой обратно.

— Конечно, — Дард опустил рюкзак на землю и смотрел, как Ланни стреноживает тёлок.

— Им нравится здешняя трава, — объяснил фермерский мальчишка по пути домой. — Эй, давай я понесу твой рюкзак. Мистер Кимбер сказал, что у вас был бой с гигантскими ящерицами. Они хуже летающих драконов?

— Конечно, — с чувством ответил Дард. — Слушай, уже всех разбудили?

— Всех, кто проснулся, — на мгновение лицо мальчика помрачнело. — Шестерых не смогли. Доктор Скорт — ну, о нём ты знаешь, и мисс Винсон, и мисс Грин, Лу Дентон и несколько мужчин, которых я не знаю. Но остальные все в порядке. Нам очень повезло. Эй, смотри-ка!

Стараясь остановиться на полу шаге, Дард потерял равновесие и упал рядом с Ланни, который присел в траве и показывал на купол из листьев и травы, обмазанный глиной.

— В чём дело?

Ланни рассмеялся.

— Это дом прыгунов! Десси нашла один вчера и показала мне, как искать. Смотри!

Он постучал костяшками пальцев по куполу.

Секунду спустя из отверстия на уровне земли высунулась голова прыгунова, и недовольное животное очень ясно дало понять, что думает о таком беспокойстве.

— Десси сумела заставить прыгунова стоять неподвижно и гладила его. Моя сестра Мария теперь тоже хочет прыгунова, говорит, что они как котята. Но ма говорит, что они слишком много крадут, и мы не станем приводить их в пещеру. А мне бы хотелось приручить одного.

Они прошли мимо поля с голубыми стручками и встретили жнецов. Дард пожимал руки незнакомым, удивлялся новым лицам. По дороге он спросил Ланни:

— Сколько же нас сейчас?

Губы Ланни зашевелились, он начал считать.

— Двадцать пять мужчин, считая и вас, исследователей, и двадцать три женщины. Ещё девочки, мои сёстры, Мария и Марти, и Десси, и Лара Скорт, они все маленькие. И Дон Вилсон, он ещё совсем ребёнок. Вот и всё. Большинство мужчин разбирают корабль.

— Разбирают корабль? — почему он испытал такое отчаяние?

— Конечно. Мы ведь больше не полетим, всё равно не хватит топлива. Корабль был сделан так, чтобы его мож-

но было разобрать и части использовать в мастерских и тому подобном. Ну, вот мы и пришли!

Они вышли на хорошо протоптанную дорогу, идущую к главному входу в пещеру. Три человека работали на подвесной платформе, свисавшей с вершины утёса, вставляя стекло в отверстие, которое на глазах превращалось в окно.

— Дарди! Дарди! Дарди!

На него обрушился целый вихрь, обернулся руками вокруг пояса, зарылся лицом. Дард опустился на колени и крепко обнял Десси.

— Дарди, — девочка слегка всхлипывала. — Мне сказали, что ты скоро придёшь, и я всё время ждала. Дарди, — она счастливо улыбнулась. — Мне здесь нравится! Очень! Тут много животных в траве, и у некоторых дома, как у нас, и я им нравлюсь! А теперь, когда и ты вернулся, всё прекрасно! Правда!

— Конечно, милая.

— Ты вернулся, сынок, — подошла Труда Хармон. — Есть, конечно, хочешь. Как раз вовремя. Поешь и отдохи. Я слышала, что у вас было интересно.

Держа Десси за руку, с Ланни, несущим сзади рюкзак, Дард вошёл в помещение, где теперь стоял длинный стол, окружённый скамьями. Здесь уже сидел Кимбер, перед ним громоздилась груда пустых тарелок. Он о чём-то возбуждённо разговаривал с Кордовом.

— Но куда они делись, все эти жители города? — спрашивал маленький биолог, пока Дард занялся пищей, поданной Трудой. — Они не могли просто исчезнуть — пафф! — он щёлкнул пальцами. — Как дым!

Кимбер дал тот же ответ, что и Дард.

— Возможно, эпидемия, последовавшая за войной, бактериологическая война или радиационная болезнь. Кто сейчас может сказать? Но судя по состоянию города, исчезли они давно. Мы не нашли никаких следов. Только животные. И бояться нечего, разве что тех ящеров...

— Целый пустой мир! — Кордов покачал головой. —

Достаточно, чтобы испугаться. Не повезло Другим, где-то они свернули не туда.

— Нам нужно постараться не последовать их примеру,
— прервал его Кимбер.

Вечером путешественники собрались у большого костра на открытой площадке перед пещерой; Кимбер и остальные по очереди рассказывали о своих находках. Город, автоматически управляемая батарея, сражение с ящерами. Слушатели были зачарованы. Но когда рассказ кончился, снова возник вопрос:

— Куда же они подевались?

Кордов повторил предполагаемый ответ, но добавил:

— Нам лучше спросить себя, почему они исчезли, и руководствоваться ответом. Они оставили нам пустой мир, чтобы мы могли начать заново. Но мы не должны забывать, что на других континентах могут сохраниться остатки прежней жизни. Мудрость советует сохранять настороженность в будущем.

Десси, сидя у Дарда на коленях, прижалась щекой к его плечу и прошептала:

— Я хотела бы послушать оочных обезьянах, Дарди. Могут они прийти сюда, чтобы и я на них посмотрела? Мне интересно было бы познакомиться с ними.

— Да, конечно, — шёпотом ответил он.

Может, когда-нибудь, когда земляне будут уверены в своей безопасности, он сможет показать Десси очных обезьян. Но только после того, как будет найдена и уничтожена чешуйчатая смерть!

Кимбер не мог пользоваться рукой, пока не заживёт плечо, и потому Дард стал руками пилота, вместе с Калли работая над повреждёнными санями. Показав, что нужно делать, и убедившись, что Дард точно выполняет инструкции, Калли занялся собственным любимым проектом — принял разбирать двигатель цилиндра, извлечённого из трубы. Он говорил, что когда-нибудь отправится за вагоном в ущелье ящеров и сравнил два механизма.

Десси держалась рядом с ними. Она была тенью Дарда

в часы бодрствования, как всегда, с самых первых неуверенных шагов. Она с интересом следила за другими детьми, но предпочитала общество взрослых. И так как она обычно сидела молча, поглощённая наблюдениями за прыгунами, насекомыми или птицами-бабочками, о ней совершенно забывали.

— Нет!...

Дард повернулся, услышав неожиданный крик. Десси сражалась с огромным прыгуном, такого большого он не видел, настоящий прародитель клана. Но Десси оказалась сильнее и вырвала у животного добычу, которую прыгун вытащил из кармана рубашки Дарда, которую тот снял из-за жары.

— Он открыл твой карман, — возмущённо выпалила девочка Дарду, — и вытащил это, как своё собственное! А что это такое? Какое красивое... — она перебирала листочки, которые в её руках меняли цвет.

— Я совсем забыл об этом. Это книга... я так считаю, Десси. Она принадлежала Другим.

— Что? — Кимбер протянул руку. — Где ты это взял, парень?

Дард рассказал, как нашёл листочки в помещении батареи, и добавил свои соображения, что другие общались с помощью цветов.

— Я собирался сравнить их с микрофильмом, на котором заснята дверь в городе. Но потом столько всякого произошло, что я совершенно забыл о них.

— Я помню, ты обладаешь каким-то особым восприятием цвета...

— Дард делает из слов картинки, — заверила Десси. — Покажи, Дарди.

Под заинтересованным взглядом Кимбера Дард нарисовал, что он видит в строчке стихотворения. Пилот кивнул.

— Рисунки для слов. Поэтому ты и понял важность открытия. Ну, хорошо. Помнишь катушки, которые мы нашли в первом транспорте? Роган считает, что их можно прочесть с помощью наших машин. Давай немедленно в

корабль и вели ему подготовить оборудование. Оно нам пока не требовалось, и мы оставили его в трюме. Но теперь я хочу знать... Да, иди немедленно!

И вот Дард, по-прежнему вместе с Десси, направился вниз по течению реки к морскому берегу, где быстро разбирали звёздный корабль. По поверхности воды снова плыли красные растения-паучки, но теперь их было не так много, как в день посадки.

— Я здесь ещё не бывала, — призналась Десси. — Миссис Хармон говорит, что тут летают злые драконы.

Дард тут же подтвердил это предупреждение. Десси вполне может решить подружиться с одним из них!

— Да, летают, Десси. И они не такие, как другие животные. Обещай, что как только увидишь дракона, сразу позовёшь меня.

Очевидно, серьёзность юноши произвела на неё впечатление, потому что девочка сразу согласилась.

— Да, Дарди. Мистер Роган принёс мне красивую раковину с моря. Можно я схожу к воде и поищу её? — спросила Десси.

— Оставайся на виду и не отходи от корабля, — приказал он, не видя причины, почему бы ей не поискать сокровищ на краю воды.

Корабль, который представлял собой прочное и безопасное убежище в полёте, превратился в пустую оболочку. В нескольких местах даже эта оболочка была разобрана до внутренних балок. Дард протиснулся через отверстие в трюм, где и обнаружил техника. Тот проверял маркировку на ящиках. Когда Дард объяснил своё дело, Роган проявил немалую заинтересованность.

— Конечно, мы скорее всего сможем прочесть эти ленты. Нам понадобится это и это... — он отодвинул в сторону большой ящик, чтобы освободить другой, поменьше, — и это. Я соберу установку, как только мы вернёмся к утёсам. Может, просмотрим ленту даже сегодня вечером или завтра утром. Помоги мне!

Дард взял у него один из ящиков, схватил ручку другого и повернулся, чтобы выйти по рампе на песок.

— Со мной Десси. Она хочет поискать морские раковины. Надо позвать её сюда.

— Конечно, — Роган опустил большой ящик и тоже вышел. Они уже почти добрались до берега, когда крик около воды заставил их рвануться вперёд.

— Дарди! Дарди! Быстрее...

Рука Дарди упала на лучевое ружьё, которое выдал ей Калли после схватки с ящерами. Теперь оно всегда было заряжено. Но до сих пор здесь не было никаких следов чудовищ.

— Вон там! У тех скал!

Но ему не нужны были указания Рогана. Дард уже увидел Десси: девочка стояла, прижавшись спиной к обточенной волнами скале, бросала камни в летающего дракона и продолжала звать на помощь. К удивлению Дарда, она даже не попыталась присоединиться к спасителям, но храбро оставалась на месте. Дард лучом срезал голову дракону, тело животного упало в море.

— Иди сюда! — позвал он, но Десси покачала головой. Он увидел слёзы у неё на щеках.

— Там морской ребёнок, Дарди, маленький ребёнок из моря. Он так испугался! Мы должны помочь ему...

Дард остановился и перехватил Рогана, заставив остановиться и техника. Он доверял инстинктам Десси. Она защищала кого-то другого, не себя, и у юноши появилось ощущение, что этот её поступок может оказаться очень важным для всех них. Он постарался как можно спокойнее ответить:

— Хорошо, Десси. Дракон мёртв. Ты можешь привести к нам морского ребёнка? Или мне помочь тебе?

Она провела рукой по влажному лицу.

— Я смогу сама, Дард. Он так испуган, а ты такой большой. Он испугается тебя ещё сильнее.

Девочка присела на корточки возле углубления между двумя камнями и принялась издавать успокаивающие звуки. Потом повернула голову.

— Он выходит. Но вы оставайтесь на месте... пожалуйста...

Дард кивнул. Десси протянула руку в углубление между скалами. И Дарду показалось, что что-то нерешительно взяло её за ладошку. Десси выпрямилась, по-прежнему уговаривая.

Хоть Дард и привык к сюрпризам этого мира, то, что вывела на свет Десси, заставило его ахнуть. Стройное существо примерно двадцати дюймов роста шло вертикально, четыре пальца одной руки крепко сжимали ладошку Десси. Существо было мягкого серебристо-серого цвета, но когда солнечный луч упал на шерсть, целиком покрывавшую его тело, на конце каждого волоска вспыхнула радуга.

Чрезвычайно большие глаза на круглой голова без каких-либо ушей устремились от Десси к двоим мужчинам. Увидев их, существо остановилось и жестом, который поразил своей человечностью Дарда, поднесло другую руку к широкому зубастому рту и начало застенчиво жевать пальцы. Чешуйки маленьких ног с перепонками тоже радужно отражали солнце. Дард изумлённо продолжал разглядывать его. Существо было чем-то похоже на ночных обезьян, но гораздо меньше. И явно земноводное. И как будто отлично видело при дневном освещении.

— Откуда оно взялось, Десси? — негромко спросил он, изо всех сил стараясь не вспугнуть малыша.

— Из моря, — свободной рукой девочка указала на волны. — Я искала раковины и нашла одну, очень красивую. А когда стала отмывать её от песка, он уже был тут, вышел из воды и смотрел на меня. Тогда он был совсем мокрый... а сейчас гораздо красивее... — тут Десси замолчала и обратилась к своему спутнику с каким-то щебетом; Дард слышал, как она так же обращалась к зверькам на Земле.

— Потом прилетел этот плохой дракон, — продолжила Десси, — и погнался за ним у скал, а я позвала вас... ты ведь велел мне позвать, Дарди, если я увижу дракона. Они очень плохие. Морской ребёнок так испугался.

— Он сказал тебе об этом? — оживлённо спросил её Роган.

Возможно, низкий голос техника заставил морское существо прижаться к Десси, спрятав лицо.

— Пожалуйста, мистер Роган, — девочка укоризненно покачала головой. — Ему страшно, когда вы говорите. Нет, он не говорит, как мы. Я просто знаю, что он чувствует... вот здесь... — и она коснулась лба указательным пальцем. — Он хотел поиграть со мной и потому вышел на берег. Он хороший ребёнок, я лучше не видела. Лучше кролика и лисы, лучше даже большой совы.

— Великий космос! Смотрите, в скалах!

Дард посмотрел, куда указывал Роган. Из воды показались две гладкие круглые головы, большие немигающие глаза смотрели прямо на людей. Дард крепче схватил Рогана за руку.

— Спокойней! Это очень важно!

Десси радостно улыбнулась.

— Ещё люди из моря! Смотри, малыш! — и она повернула водяного в сторону моря.

Тот сразу высвободил свою ручку и побежал к краю воды. Но, уже собравшись нырнуть, повернулся и посмотрел на Десси. Пока он стоял так, остальные двое подплыли к мелкому месту и встали. Ребёнок водяных принял решение, побрёл по воде к ним навстречу, и водяные схватили его за руки. Самый большой из троих — примерно на дюйм выше четырёх футов, как определил Дард, — встал между своей подругой с ребёнком и людьми на берегу.

— Смотри, что у него в руке! — Роган с трудом заставил себя говорить спокойно.

Но Дарду не нужно было его указание. Водяной был вооружён копьём, копьём с зазубренным наконечником. А талию его стягивал пояс, к которому крепились небольшой ящичек и длинный кинжал из кости. Это не животное!

Водяной ребёнок попытался высвободиться, выскользнул из удерживающей руки отца и бросился назад, к Десси. Схватив её за руку, он потянул девочку к двоим в воде. Дард сделал шаг вперёд, ему не нравился вид копья.

Но прежде чем он смог подойти, водяной ударил

копьём во что-то в воде между скал. И когда поднял его, наконечник пронзил безголовое тело дракона. Гневным жестом водяной отбросил обмякшую тушку на камни, вырвал наконечник копья. Потом подошёл к Десси, взял ребёнка за руку и шлёпнул по заду — очень человеческое проявление недовольства. Дард засмеялся и забыл обо всех своих опасениях.

Водяные внешне не походили на людей, но у них определённо имелись общие с землянами эмоции. Дард осторожно шагнул в воду. Водяной мгновенно насторожился, поднял копьё и попятился к подруге и ребёнку.

Дард протянул перед собой пустые руки в старом, как время, жесте доброй воли. Водяной смотрел на него. Потом медленно опустил копьё, положил его на влажный песок, придерживая пальцами ног. Он тоже поднял руки, и на них сверкнула радуга.

9. Договор и союз

— Ну, когда же старт? — Калли пальцем ковырялся в песке, вдали от своих механизмов он чувствовал себя неуверенно.

Дард оглянулся на шестерых человек, вместе с ним пришедших на берег. Они сидели на песке, скрестив ноги; все получили строгий приказ молчать и ждать. На сегодня была назначена первая встреча между землянами и представителями водяных — если, конечно, он правильно понял мысль, выраженную жестами.

В нескольких футах от воды лежали дары землян, которые могут понравиться жителям моря. Пластиковые чашки, вставленные одна в другую, выделялись ярким пятном; пустые бутылки разного размера, торопливо собранные в лаборатории, золотые яблоки, местное зерно — всё вместе. Оказалось весьма трудно найти предметы, которыми можно воспользоваться под водой.

— Идут! — Десси нетерпеливо ждала на самом краю воды; теперь, не обращая внимание на воду, она побежа-

ла вперёд, протягивая руки к мальшам, который, торопясь добраться до неё, взметнул фонтан брызг. Держась за руки, они вышли на песок, и тут ребёнок застенчиво отодвинулся от девочки, увидев взрослых мужчин.

Десси улыбалась; с важным видом она сказала:

— Сссат и Сссути идут за нами.

Дард постарался не показать своего удивления. Как могла Десси так уверенно произнести эти странные имена? Откуда она знает? И он, и Кимбер, Кордов, Карли весь вечер расспрашивали девочку, но она отвечала только, что они «думают ей в голову». Пришлось согласиться с мыслью о телепатии: для подводного народа такой способ общения был бы особенно удобен.

Поэтому, решив, что помочь Десси может сегодня понадобиться, её тщательно подготовили к особой роли.

На берег вышли Сссат и Сссути, если, конечно, это правильное обозначение их имён. Оба несли копья с зазубренными остриями, у обоих на поясе висели длинные кинжалы. Эти пояса составляли их единственное одеяние. Водяные молча сели они на песок у моря, глядя на Дарда, серьёзно разглядывая его и остальных землян.

— Десси, — позвал Дард, и девочка подошла к нему.

— Мне отдать подарки, Дард?

— Да. Пусть поймут, что мы хотим быть друзьями.

Девочка взяла две чашки, в одну положила яблоко, в другую горсть зерна и поставила их перед послами.

Водяной справа от Дарда протянул руку, и Десси без колебаний положила на неё свою, ладонью вниз. Такой контакт продолжался довольно долго. Потом оба водяных явно расслабились, напряжение оставило их. Они положили копья за собой, один провёл рукой по шерсти головы; шерсть быстро высыхала и начала радужно мерцать на солнце.

— Они тоже хотят быть друзьями, — сообщила Десси.

— Дарди, если ты положишь так руку, они смогут говорить с тобой. Они не умеют говорить ртами. Вот это Сссат...

Дард медленно, чтобы не вспугнуть водяных, встал и подошёл к ним по песку, чтобы можно было сесть лицом к лицу. Потом протянул руку. На его тёплую плоть легли холодные влажные чешуйчатые пальцы. И Дард чуть не разорвал контакт от удивления и страха: водяной говорил с ним! В его мозг устремились слова, мысли — некоторые настолько чужды, что он не мог их воспринять. Но постепенно, слово за словом, он понял, что хотел сказать ему водяной.

«Великаны, жители суши, мы следили за вами — со страхом. Боялись, что вы снова посадите нас в тёмные ямы...»

— Тёмные ямы? — повторил вслух Дард, мысленно формулируя вопрос.

«Те, что жили на суше до вас, держали отцов отцов наших отцов, — в сознании Дарда возникло представление о большом промежутке времени, — в таких ямах. Потом пришёл день огня, и мы вырвались из ям и никогда больше не вернёмся в них», — это было строгое предупреждение, в нём явно прозвучала угроза.

«Мы ничего не знаем о ямах и не угрожаем вам, — медленно думал Дард. — Мы тоже вырвались из тёмных ям», — с внезапным вдохновением добавил он.

«Это правда, вы не похожи по цвету и форме на тех, кто создал ямы. И вы показали себя нашими друзьями. Вы убили летающего дракона, который напал на моего ребёнка. Я верю, что вы хотите добра. Вы останетесь здесь?»

Дард указал в сторону суши.

«Мы строим там свой дом.»

«Вам нужны плоды реки?» — последовал вопрос.

«Плоды реки?» — Дард удивился, но тут в его сознании возникло чёткое изображение красного растения-паука. Тогда он без слов отрицательно покачал головой.

«Значит, мы можем собирать урожай, как всегда делали? И, может быть, вы уберёжёте нас от летающей смерти, потому что ваша сила больше нашей?» — теперь похоже на мысль умного торговца.

«Нам драконы нравятся не больше, чем вам. Позвольте мне поговорить с остальными...» — Дард прервал контакт и повернулся к землянам.

— Конечно! — Санти никак не мог говорить шёпотом, и при звуках его раскатистого голоса оба водяных вздрогнули. — Пусть приходят и собирают своих пауков. А уж я послежу за драконами.

— Хорошо, — согласился Кимбер. — Нам драконы нужны не больше, чем им.

Не прошло и часа, как установились деловые взаимоотношения, и водяные пообещали завтра утром заняться сбором урожая. Унося с собой дары, они скрылись в море, малыш Сссата ехал на плече отца. Он махал Десси, пока не скрылся под водой.

— Эти ямы, о которых они рассказывали, — задумчиво проговорил вечером Кордов, когда все собрались для обсуждения переговоров. — Должно быть, когда-то они были пленниками жителей города и освободились только во время или после войны. Но они не были домашними животными.

— Скорее рабами, — предположила Карли Скорт. — Может, их заставляли работать под водой, чего не могут жители суши. Они придут завтра? Почему бы нам всем не выйти им навстречу? Поможем в сборе урожая и покажем свою добрую волю.

Все оживлённо поддержали это предложение. Водяные Десси захватили воображение землян. И Дард верил, что колонисты во всём готовы пойти им навстречу.

Рано утром земляне вышли на берег реки, но водяные уже были там, они бродили по мелкой воде, загребая в частые, как сито, сети красные грибы. Тут же плескались в воде детёныши водяных, а группа взрослых, вооружённых копьями, внимательно следила, не появятся ли драконы.

Когда показались земляне, все водяные на миг замерли, но потом вернулись к своим занятиям. Дард и остальные бывшие вчера на берегу направились к водяным с протянутыми руками.

Ряд вооружённых самцов расступился. В центре стоял мощный водяной, который производил впечатление достоинства и властности. А вот о возрасте водяных люди ещё не научились судить.

Дард коснулся ладони стоявшего перед ним воина.

«Это Азаатак, «Друг Многих». Он будет говорить с вашим «Подателем Законов».

«Податель Законов». Ближе всего к посту вождя колонистов стоял Кордов. Дард подозревал их главного учёного.

— Это их вождь, сэр. Он хочет поговорить с нашим предводителем.

— Вот как? Не могу назвать себя предводителем, — Кордов протянул руку к руке старшего водяного, — но для меня большая честь разговаривать с ним, — учёный и водяной соединили руки, а остальные колонисты осторожно подошли ближе. Но через час люди и водяные уже свободно смешились. А когда земляне сели есть, водяные принесли свои припасы, плоские корзины с рыбой и водорослями, которые до еды держали под водой. Они с готовностью приняли золотые яблоки, но держались подальше от костров, на которых хозяева жарили подаренную рыбу. Однако вокруг каждого костра кольцом стояли удивлённые зрители, они оставались на безопасном удалении и смотрели молча и зачарованно.

Три дракона, осмелившись приблизиться, были тут же сбиты лучами, к огромному восторгу водяных. Они попросили разрешения осмотреть оружие и с сожалением вернули, когда поняли, что его невозможно использовать в их подводном мире.

— Хотя, — задумчиво заметил Калли, когда это им объяснили, — не понимаю, почему они не используют металл, выкованный Другими. Он не ржавеет, его вполне можно использовать под водой.

— Нордис! — настоятельный призыв оторвал Дарда от инженера и привёл к небольшой группе, состоявшей из Кордова, Кимбера, вождя водяных и нескольких других. Его подозревал учёный, который беседовал с Санти и техниками.

— Да, сэр?

— Ты видел ящеров. Спроси Ааатака, о них ли он нам хочет рассказать. Мы не понимаем, что он говорит, а это важно, — Кордов отступил, освобождая место для Дарда. Дард с готовностью коснулся протянутой руки вождя.

«Ты хочешь рассказать нам о...» — юноша закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться на мысленном изображении большого ящера.

«Нет! — решительно прозвучал отрицательный ответ.

— Мы таких видели, да, они охотятся на жителей суши. Они подчинялись когда-то тем, о ком мы говорим. А они...»

Пришло новое изображение — чем-то похожее на двуногого гуманоида — но что-то в нём было не так. Дард такого никогда не видел. И изображение было неясное, неотчётливое, словно наблюдатель видел его на расстоянии... или из-под воды!

«Из-под воды! — Ааатак тут же поддержал эту мысль.

— Теперь ты мыслишь правильно! Мы не выходим из укрытия, когда они поблизости! И поэтому видим их так...»

«Значит, они живут на суше? Поблизости?» — спросил Дард. Изображение, которое передавал ему вождь водяных, было окрашено страхом.

«Да, они живут на суше. Не здесь, нет, иначе нас бы здесь не было. Мы живём там, где они не показываются. Когда-то их было очень-очень много, они жили повсюду... здесь... и за морем. Они и создали ямы, в которых был заключён мой народ. Мы работали, выполняя их волю. Потом что-то произошло. С неба начал падать огонь, и всех их поразила болезнь. Они умирали, одни быстро, другие гораздо медленнее. И тогда мой народ вырвался из ям, — холодное яростное удовлетворение окрашивало это воспоминание. — И мы бежали в море, где они не могли нас найти. Ещё когда я был только что вылупившимся младенцем, мы жили в глубине. Но наши воины все годы уходили в поисках пищи и безопасного места для жизни: в глубинах попадаются чудовища, не

менее ужасные, чем ящеры на суше. И вот наши отряды обнаружили, что эти, — снова появилось изображение двуногих, — ушли с берегов. Мы всегда мечтали о таком.

На этой земле их не осталось совсем, но...» — вождь неожиданно заколебался, убрал руку и повернулся к своим соплеменникам, словно советуясь с ними. Дард тоже воспользовался возможностью, чтобы перевести остальным то, что только что услышал.

— Выжившие Другие, — сразу понял его Кимбер. — Но не здесь?

— Нет. Ааатак говорит, что его племя не селится там, где они есть. Подождите, он хочет ещё что-то сказать

Ааатак снова протянул руку, и Дард с готовностью подал свою.

«Мой народ верит, что вы не такие. У вас не такое ело, и цвет кожи другой, — водяной провёл пальцем по руке Дарда, словно подчёркивая свои слова. — Вы встретили нас, как одно свободное племя встречает другое. А те так не поступают, между нами и ними много ненависти и горечи из далёкого прошлого. И они всегда наслаждались убийством.

Мы следим за вами с тех пор, как вы спустились с неба. Другие тоже летали по небу, хотя мы давно не видели их летающих кораблей. И поэтому вначале мы решили, что вы той же породы. Теперь мы знаем, что это не так. Но мы должны предупредить вас: берегитесь! Потому что по ту сторону моря ещё живут Другие, и в мозгу их чернота, которая заставляет поднимать копья на всё живое!

А теперь, — у Дарда появилось впечатление, что вождь переходит к главному, — мы хорошо знаем море, но плохо — сушу. Мы поняли, что вы не с этого мира, вы упали с неба. Но вы ведь сами сказали, что бежали со своей родины, бежали от врагов».

Дард согласился, вспомнив утверждение первых послов.

«И если вы мудры, то не станете искать тех, кто снова

может поработить вас. Потому что они поступят с вами только так. В этом мире они признают только свои желания и свою волю. Наши воины тайно следят за ними и сообщают новости об их передвижениях. Против их моши — хотя многое из своей древней мудрости они утратили — у нас имеются только хитрость и знание моря. А какая польза от копья против оружия, убивающего на расстоянии? Но у вас есть более могучее оружие. И если мы объединим свои знания и сердца против них... А теперь скажи это вашему Подателю Законов и остальным старшим, чтобы они могли понять», — вождь снова отнял руку, и Дард принял переводить.

— Союз! — Кордов сразу уловил смысл предложения.

— Гммм... — он потянул себя за нижнюю губу. — Лучше скажи им... Нет, я сам. Я объясню, что нам нужно посовещаться.

— А как же Другие? — спросил Хармон. — Они, — фермер указал на водяных, — утверждают, что Другие ёщё здесь? Те, что когда-то жили в городе?

— Не здесь. За морем, — начал было Дард, но Роган прервал его.

— Вождь не очень-то высокого мнения о них, верно?

— Он говорит, что они враги.

— Они не его племени, — заметил Хармон. — К тому же его народ был у них когда-то в рабстве.

— У нас есть собственный опыт рабства, — медленно заговорил Кимбер. — На Земле, если не повезёт, мы оказывались в лагерях. Конечно, если сразу хладнокровно не пристрелят. Я хорошо помню наши последние годы там.

Хармон пересыпал песок с одной ладони на другую.

— Да, помню. Но нам вовсе не обязательно участвовать в местных войнах.

Все молча согласились. Никаких союзов, которые втянут в войну! Дард почувствовал всеобщее одобрение этой мысли. Только Кимбер, Санти и, может быть, Кордов не вполне согласились с Хармоном.

Дард взглянул на речной берег. Водяные почти закончили сбор и теперь собирали своё имущество и группами направлялись к морю. И Дард подумал, что же скажет вождю Кордов.

Неожиданно юноша понял, что больше не может выдержать состояния неопределённости. Ему захотелось уйти, сбежать от мысли, что всё, возможно, начнётся заново: неуверенность, постоянное ожидание опасности, враждебных сил.

По словам вождя, Другие сейчас живут за морем, но останутся ли они там? Не привлечёт ли их снова плодородная земля, на которой они когда-то жили? И они вряд ли они хорошо отнесутся к новым поселенцам.

Если бы только земляне больше о них знали! Другие сожгли свой мир. Дард вспомнил жестокость, проявленную в амбаре фермы. Набеги, грабежи, уничтоженный город, батареи, автоматически стреляющие во всё, что пролетает мимо, предупреждение водяных...

Он побрёл по песку к внутренней долине, направляясь к пещере. Роган накануне вечером установил проектор, и они вставили в него первую ленту. И если ленты смогут что-то рассказать о правителях этого мира, самое время заняться ими.

— Куда ты, парень? — его догнал Кимбер.

— В пещеру, — Дарда подгоняло нетерпение, он должен был узнать — немедленно!

Пилот больше ни о чём не спрашивал, он последовал за Дардом в помещение в скале, где Роган установил проектор. Юноша проверил приготовления, сделанные накануне. Выключил свет. На стене загорелся экран, негромко загудел проектор.

— Это катушка из вагона?

Но Дард не ответил. Потому что на экране что-то показалось. Он начал смотреть...

— Выключи! Выключи это!

Онемевшие пальцы сами нашли нужную кнопку. Вокруг обычный свет, чистые красно-жёлтые стены.

Кимбер закрыл лицо руками, его тяжёлое дыхание заполняло комнату. Дард, потрясённый, испытывавший тошноту, не решался пошевелиться. Он ухватился за край полки, на которой стоял проектор, и сжал её так, что пальцы побелели, пытаясь сосредоточиться на знакомом предмете, а не на том, что только что видел.

— Что... что ты видел? — спросил он и облизал губы. Он должен знать. Может, это только его реакция. Но... но так не может быть! Сама мысль об увиденном вызывала панику, ужас, который невозможно перенести.

— Не знаю... — с трудом ответил Кимбер. — Нельзя людям... таким, как мы, смотреть это...

Дард заставил себя поднять голову, посмотреть на безобидный экран, чтобы убедиться, что на нём ничего нет.

— Оно что-то сделало со мной... внутри... — прошептал он.

— Так оно и должно действовать, я думаю. Но... Великий Боже! Какой тип разума... какие чувства! Нечеловеческие... совершенно чужды! У нас нет ничего общего и никогда не будет!

— И ведь это всего лишь цвета, мерцающие, чередующиеся цвета, — начал Дард.

Кимбер крепко сжал его запястье.

— Я был прав, — Дард не почувствовал боли от этого пожатия. — Они общались с помощью красок. Но... но...

— Что они передавали с их помощью! Да, это не для нас. И никогда не предназначалось для нас. Держись от этого подальше, Дард. Ещё пять минут, и ты перестал бы быть человеком! И никогда бы не стал им снова!

— Мы не сможем установить контакт с... с...

— С мозгом, который способен создать такое? Да, не сможем. Так вот что тебя сюда привело. Ты хотел проверить, прав ли Хармон со своей политикой нейтралитета. Теперь ты знаешь. У нас с ними нет ничего общего. И все должны понять это. Если мы встретимся с Другими, результатом, несомненно, будет война.

— Нас пятьдесят три человека — у них, возможно, целый народ, — Дард был потрясён, он испытывал глубокое внутреннее волнение.

Вначале тирания Мира, созданная людьми и потому постижимая, во всей своей ограниченной жестокости. Но то была работа человеческих существ. А теперь это! Чего человек вообще не должен даже касаться!

Кимбер овладел собой. На лице его появился след прежней озорной улыбки, когда он сказал:

— Когда становится очень трудно, наше племя показывает характер. Нам не нужны неприятности. Приведи сюда Кордова и Хармона. Если уж обсуждать предложение водяных, они должны знать, чего ожидать из-за моря.

Но, к отчаянию Дарда, цветовая гамма ленты вызывала у Хармона лишь смутное беспокойство, хотя Кордова потрясла до глубины души. А когда ленту просматривали остальные, её воздействие на каждого отдельного человека существенно различалось. Роган, чувствительный к устройствам связи, чуть не потерял сознание через несколько мгновений сосредоточенного внимания. Санти же только признался, что ему не понравилось, но не смог объяснить почему. Однако в конце концов под бременем доказательств все убедились, что надежды на взаимопонимание со стороны Других нет.

— А я по-прежнему утверждаю, — настаивал Хармон, — что мы не должны вмешиваться в то, что затевают жители моря. Ты говоришь, что они изображают Других настоящими дьяволами. Ну, они ведь за морем. И если мы не будем искать неприятностей, может, их и не будет.

— Мы ведь не предлагаем направить экспедиционный корпус, Тим, — спокойно ответил Кимбер. — Но если они живы там за морем, то когда-нибудь могут решить вернуть себе эту землю. И тогда нам нужно заранее об этом знать. Водяные будут снабжать нас информацией. А мы сможем поставлять им лучшее оружие.

— Да, и не успеешь оглянуться, как ввяжешься в

неприятности! Ты только дай им лучевое ружьё, которое действует в воде, и они сразу пустят его в ход. Они ненавидят Других, верно? На Земле мы тоже убирали миротворцев, когда предоставлялась возможность. А если это произойдёт несколько раз, Другие отправятся выяснить, откуда появилось это новое оружие. Я не говорю, что мы должны повернуться к водяным спиной. Они вполне миролюбивы: Но было бы глупостью вмешиваться в их войны. Я говорил это раньше и не менять своего мнения!

— Хорошо, Тим. Ты говоришь справедливо. Но ведь это хорошая земля, так?

— Конечно, хорошая! У нас будут отличные фермы. Но ферма и война — это совсем разные вещи. Парень, который жил в той старой ферме, не пережил войны.

— А если они захотят вернуть себе землю? Долго ли мы сможем защищать её?

Впервые в глазах Тима Хармона появилась тень сомнения.

— Ну, хорошо, — сдаваясь, он поднял руку. — Согласен с вами наполовину. Подружимся с водяными и будем им помогать — немного. Но если вы собираетесь участвовать в их войне, я против.

— Мы все против этого, Тим. Заключим союз с водяными и договоримся о совместной обороне, — успокоил его Кордов.

Дард сухо улыбнулся. Но в глубине души он ощущал усталость. Они пролетели через всю галактику в поисках свободы и снова вынуждены жить в тени страха. Долгий же путь потребовался, чтобы вернуться — домой!

Новая граница, которую нужно охранять. Как это когда-то процитировал Кимбер, стоя на вершине холма зимой на Земле?

«Границы любого типа, умственные и физические, для нас только вызов. Ничто не может остановить ищущего человека, даже другой человек. И если мы захотим, не только чудеса космоса, но и звёзды будут принадлежать нам!»

Они познали чудеса космоса, и звёзды принадлежат им... если они сумеют их удержать! Но кто — или что — посмеет утверждать, что не смогут? Дард наслаждался новым ощущением гордости, разгоравшимся в нём. Они разорвали узы пространства...

Перед ними лежал широкий мир, неограниченный в своих возможностях. На Земле самые разные люди объединились, потому что верили — во что? В свободу! В свободу человека! Они ясно видели бесплодность Мира и отказались следовать его ограничениям. И это привело их сюда. Они работали вместе, достигая общей цели. И могут добиться всего!

Дард смотрел на разноцветные утёсы, но мысленно видел обширные ждущие просторы. Союз с водяными, освоение земель, создание новой цивилизации... Дыхание его ускорилось. Целой жизни не хватит на всё, что они собираются сделать.

Можно ли победить человека? Юноша одним словом ответил неопределённому будущему:

НЕТ!

РОЖДЁННЫЕ СРЕДИ ЗВЁЗД

«А что же с нашими детьми, вторым и третьим поколением, рождённым на этой новой планете? У них не будет воспоминаний о зелёных холмах и голубых морях Земли. Останутся ли они землянами или станут кем-то иными?»

Тас Кордов. Записки первых лет.

1. Падающая звезда

Путники заметили бухту ещё с моря — узкий, глубоко вдающийся в сушу рукав, первый разрыв в стене скал, которая надёжно защищает внутренние районы континента от ударов океана. И хотя день был ещё в разгаре, Дальгард сразу направил шлюпку в это возможное убежище; он работал веслом абсолютно согласованно с тем, которым действовал на носу узкой лодки Сссури.

Путники не принадлежали к одной расе, но действовали без слов, как будто между ними установилась некая связь, необходимая для достижения скорости.

Дальгард Нордис — сын Колонии; его народ родом не с этой планеты. Он был не так высок и плотен, как его земные предки, которые, объявленные вне закона, бежали от своих политических противников с Земли в Галактику и высадились на Астре. Имелись и другие, более тонкие отличия потомков от предков-основателей.

Кожа худого и жилистого юноши сильно загорела на ласковом летнем солнце, и потому ещё больше бросались в глаза коротко подстриженные светлые волосы. На спине у него был укреплён длинный лук, тщательно обёрнутый в водонепроницаемую кожу летающего дракона, а на поясе, который поддерживает короткие брюки из обработанной шкуры двурога, висел двухфутовый нож — полунож, полумеч. В глазах своих предков-землян он

выглядел бы настоящим варваром. На свой же собственный взгляд, Дальгард был одет и вооружён самым подходящим образом для путешествия-испытания. Это посвящение в мужчины — его право и обязанность, прежде чем он сможет занять место как взрослый на совете свободных людей.

В противоположность гладкой коже Дальгарда, Сссури с ног до головы зарос пушистой серой шерстью с радужными кончиками волосков. Вместо стального меча у него на поясе был укреплён костяной кинжал, зазубренный и не менее страшный, чем копьё, лежавшее сейчас на дне лодки. А круглые глаза смотрели на море с уверенностью существа, родной дом которого находится под этими волнами.

Преодолев узкий вход в бухту, путники оказались в заливе, защищённом и спокойном; в него впадал ленивый ручей. Серо-голубой морской песок лежал узкой полоской, за ним — почва и зелень. Носовые клапаны Сссури раскрылись, он принюхивался к тёплому ветерку; вытягивая шлюпку на берег, Дальгард тоже старательно распознавал запахи. Более тихое место для лагеря трудно было бы найти.

Как только они благополучно вытащили лодку на берег, Сссури, без единого слова, не оглянувшись, взял копьё и ушёл в воду; он исчез в глубине, а его товарищ занялся подготовкой лагеря. Стояло самое начало лета, искать спелые плоды не было смысла. Дальгард порылся в своём путевом мешке и извлёк с полдюжины хрустальных бусинок. Юноша положил их на плоский камень у ручья и сел рядом, скрестив ноги.

Наблюдателю могло бы показаться, что путник задумался. Над его головой промелькнуло многоцветное пятно на широких крыльях. Послышался какой-то отдалённый крик. Но Дальгард не смотрел и не слушал. Однако всего минуту спустя появилось и то, чего он ждал. Прыгун, с блестящей на солнце гладкой рыжевато-коричневой шерстью, влекомый своим неутолимым любопытством,

осторожно выглянул из-за куста. Дальгард соприкоснулся с ним мыслью. Прыгуны не мыслят по-настоящему, по крайней мере не на уровне, доступном колонистам, но им можно передать чувство дружелюбия и доброй воли, с ними можно обмениваться самыми примитивными идеями.

Маленький зверёк, с лапками — почти человеческими руками — поверх шерсти брюшка, вышел на открытое место, его чёрные глазки перескакивали от неподвижного Дальгарда к ярким бусам на камне. Но когда одна из этих лапок метнулась вперёд, чтобы схватить сокровище, путник уже прикрыл его рукой. Дальгард создал мысленное изображение и адресовал его двадцатидюймовому зверьку. Уши прыгунов нервно дёрнулись, тупая мордочка сморщилась, и он запрыгал обратно в кусты; линия шевелившейся травы обозначала его отступление.

Дальгард убрал руку с бус. За долгие годы колонисты Астры научились терпению. Возможно, мутация началась до того, как они покинули свою родную планету. А может, изменения в температуре и окружении вызвали перемены в мозге горстки отчаянных беглецов, когда они лежали в холодном сне, а их корабль столетия земного времени летел по неизведанным просторам космоса. Те колонисты, которым удалось проснуться после этого сна, так никогда и не узнали, сколько времени проспали. Но проснулись они на Астре другими.

А их сыновья и дочери, сыновья и дочери последующих двух поколений согревались новым солнцем, ели пищу, выросшую на чужой почве, учились мысленно общаться с земноводными водяными, с которыми космические путешественники с самого начала подружились, и каждый последующий ребёнок всё больше соответствовал своему новому дому и был менее привязан к старому, который никогда не увидит. Колонисты теперь стали другими, отличными от своих отцов, дедов и прадедов. И наряду с другими способностями приобрели огромное терпение, которое может служить инструментом или ору-

жием, в зависимости от желания; но способность к стремительным действиям, собственное наследие, никогда ими не забывалась.

Прыгун вернулся. На камень рядом с блестящими сокровищами, которыми он стремился завладеть, зверёк положил высохший сморщеный плод. Пальцы Дальгарда отделили два сверкающих шарика и подкатили их к прыгуну, который с радостным щебетом схватил их. Но не ушёл. Напротив, принял пристально смотреть на остальные бусины. У прыгунов своя форма разума, хотя её не сравнить с человеческой. А этот прыгун оказался предприимчив. В конечном счёте он ещё трижды приносил фрукты из своей норы, пока не забрал все бусины. После этого обе стороны расстались, вполне довольные сделкой.

Ссюри вышел из воды так же бесшумно, как и вошёл. На конце его копья билась рыба. Шерсть, прилипшая к сильному телу, сразу начала высыхать на воздухе, а солнце всем спектром радуги отражалось в чешуйках на руках и ногах. Ссюри снял рыбу с копья, быстро вычистил её, швыряя отбросы назад в воду, где какие-то еле заметные тени собирались на редкое угощение.

«Здесь не охотничья территория, — сообщение водяного возникло в сознании Дальгарда. — Эта, с плавниками, меня не боялась».

— Мы правильно сделали, направившись на север. Это новая земля, — Дальгард встал.

По обе стороны небольшую бухту окружали крутые утёсы с чередующимися красными, синими, жёлтыми и белыми слоями. Путникам гораздо легче держаться моря: там не нужно карабкаться по скалам. Но Дальгард мечтал не просто добавить несколько незначительных деталей к карте, висящей в зале Совета.

Каждый мужчина колонии в возрасте между восемнадцатью и двадцатью годами совершал путешествие, готовясь к посвящению во взрослые. Уходил он один или, если к тому времени у него установились тесные отношения с

водяным примерно его возраста, то со своим братом по ножу. И каждое такое путешествие приносило небольшой группе изгнанников дополнительные сведения об их новой родине.

Их постоянно приучали к осторожности. Потому что они — не первые хозяева Астры, да и сейчас они не хозяева. Существует множество руин, оставленных Другими. Эта раса господствовала на планете, пока война не завершила её падение. А водяные, с их наследием рабства и тёмного начала в экспериментальных ямах этой старшей расы, продолжали настаивать, что за морем, на неизвестном западном континенте, до сих пор сохранились остатки распавшейся цивилизации Других. И поэтому разведчики из Хоумпорта выходили поодиночке или парами и с помощью животных по крохам собирали информацию.

Прыгуны лишь смутно помнят вчера, а инстинкт заставляет их заботиться о завтра. Но происшедшее сегодня немедленно передаётся от прыгуна к прыгуну и может прикосновением к сознанию предупредить человека или водяного. Если, например, выходит на охоту ужасный ящер-дьявол, прыгуны моментально распространяют предупреждение. Всепоглощающее любопытство влечёт их к любым происшествиям, и они тут же передают о них сведения. Дальгард знал, что к его услугам, когда понадобится, могут предстать тысячи глаз. И потому не опасался, что его захватят врасплох, каким бы опасным ни было путешествие.

— Город... — он мысленно формулировал слова, одновременно произнося их вслух. — Далеко ли мы от него?

Водяной согнул худые плечи — своего рода пожатие плечами у его племени.

«Три дня пути, может, пять, — на его мохнатом лице не отражались эмоции, но он явно испытывал отвращение. — И место это проклятое. Мы к таким не возвращались с дней падающего огня...»

Дальгард был хорошо знаком с руинами, расположеными в немногих милях от Хоумпорта. И знал, что тот огромный безжизненный метрополис — не табу для водяных. Но вот другое загадочное поселение, о котором он услышал только недавно, по-прежнему избегалось морским народом. Только Сссури и кое-кто из его ровесников мог решиться на путешествие к такому запретному месту, которое длительная традиция считает опасным.

Дальгард понимал, что собирается в опасный путь, и потому три дня назад весьма уклончиво поведал старейшим о своих планах. Но поскольку такие путешествия по традиции всегда совершаются в неизвестное, его не слишком расспрашивали. В целом, решил Дальгард, глядя, как Сссури ловко отделяет мясо рыбы от костей, он может считать, что ему повезло, а это путешествие заранее предопределено. И он принялся собирать траву, чтобы устроить постели на нагретой солнцем земле.

Они поели и удовлетворённо отдыхали на мягкком песке в недосягаемости для волн. Вдруг Сссури поднял голову со сложенных рук и как будто прислушался. Как у всех водяных, уши у него глубоко запрятаны в шерсть и больше не служат органом слуха; вместо них используется мысленное соприкосновение. Дальгард уловил мысль спутника, хотя сам не обладал настолько обострёнными чувствами, чтобы уловить то, что встревожило водяного.

«Бегуны во тьме...»

Дальгард нахмурился.

— Ещё светло. Что их встревожило?

По виду, Сссури продолжал прислушиваться, хотя его товарищ ничего не слышал.

«Они издалека. Ищут новую охотничью территорию».

Дальгард сел. Для разведчика Хоумпорта необычное — всегда предупреждение, сигнал о необходимости держать ухо востро. Бегуны в ночи... Это мохнатые обезьяны, охотники, прочёсывающие безлунные леса Астры, когда другие представители высшей фауны спят. Они отдалённые родственники племени Сссури, хотя между ними

лежит такая же пропасть, как между цивилизованным человеком и обезьяной земных джунглей. Бегуны безвредны и пугливы, но известно, что они упрямо, поколение за поколением, держатся одной и той же территории. И переселение такого племени на новую территорию — загадка, которую стоит разгадать.

— Ящер-дьявол... — предположил он, мысленно представив себе злобное пресмыкающееся, которое без промедления пытается убить любого встречного. Рука его самопроизвольно коснулась ножа на поясе. Эту свистящую ненависть, которой руководит лишь безмозглая ярость, встречают только оружием.

Но Сссури не принял такое объясненис. Он теперь сидел, глядя в глубь суши, где долина встречается с утёсами. Не решаясь нарушать его сосредоточенность, Дальгард не стал больше задавать мешающих вопросов.

«Нет, не ящер-дьявол...» — после долгого молчания последовал ответ. Водяной встал и начал скользить по песку в своеобразном полутанце, который лучше выдавал его возбуждение, чем мысли.

— У прыгунов нет никаких новостей, — заметил Дальгард.

Сссури сделал нетерпеливый жест вытянутой рукой.

«Разве прыгуны уходят далеко от своих нор? Где-то там... — он указал налево и на север, — беда, большая беда. Сегодня ночью мы будем разговаривать с бегунами и узнаем, что это такое».

Дальгард с сожалением взглянул на лагерь. Но не стал возражать, только потянулся за луком и снял с него защитное покрытие. С колчаном полным тяжёлых стрел на плече он готов был следовать за Сссури в глубь суши.

В четверти мили от моря лёгкий путь по долине закончился, перед путниками встала стена скал. Выхода не было: им требовалось подняться. Хорошо ещё, что медленно садившееся солнце позволяло ясно различать все трещины и опоры для рук и ног.

Но вот они поднялись на утёс, где их встретила неров-

ная голая каменистая равнина. Вдали, примерно в миle, взор манила зелень растительности. Сссури задержался лишь ненадолго, его круглая, почти лишённая черт голова медленно поворачивалась, пока он уверенно не зашагал на северо-восток, словно увидев перед собой цель. Дальгард шёл за ним, осторожно посматривая вокруг. В таких местах вполне обычны летающие драконы. Конечно, они невелики, но мгновенные нападения с высоты заставляют с ними считаться. Однако Дальгард увидел только двух птиц-бабочек, которые на своих тонко окрашенных крыльях разыгрывали над нагретым камнем один из своих грациозных воздушных танцев.

Путники пересекли плоскогорье, и перед ними открылся спуск к центральным равнинам континента. Они шли по высокой траве, и Дальгард знал, что за ними непрерывно наблюдают. Во-первых, за ними следили прыгуны. А однажды между деревьями он заметил небольшое стадо двурогов, укрывшееся в лесу. Присутствие этих существ, так похожих на земных лошадей, которых Дальгард видел только на картинках, говорило о том, что поблизости нет ящеров-драконов: быстроногие двуроги никогда не встречаются ближе дневного пути от своих главных врагов.

День постепенно перешёл в долгие летние сумерки, а Сссури продолжал идти. И пока им не попадалось никаких следов Других. Ни куполообразных ферм, ни монорельсов, ни других остатков их жизни, какие встречаются в окрестностях Хоумпорта. Местность вокруг словно всегда была дикой, предоставленной животным Астры. Дальгард размышлял об этом, живое воображение юноши подсказывало различные причины. Но вскоре от спутника пришло бессловное объяснение.

«Это пограничная местность».

— Что?

Сссури повернул голову. Круглые, почти никогда не мигающие глаза посмотрели прямо в глаза Дальгарда, словно интенсивность взгляда подчёркивала мысль.

«То, что лежит на севере, защищалось и в дни до падающего огня. Даже Другие, —искажённый символ Других сопровождался ненавистью, которая у племени Сссури не ослабла за те поколения, что миновали после бегства из рабства у прошлых хозяев Астры, — даже Другие не могли сюда проходить без специального разрешения. Город, который мы ищем, находится в таком запретном месте, а эта дикая земля — его граница».

Дальгард пошёл медленнее. Углубляясь в местность, которую Другие использовали как барьер на пути к своим тайнам, очень рискованно. Первая экспедиция из Хоумпорта, высланная вскоре после посадки звёздного корабля, была обстреляна автоматическими пушками, всё ещё ожидающими давно исчезнувшего противника. Может, эта территория тоже охраняется? Если так, им следует действовать крайне осторожно...

Сссури неожиданно свернул и двинулся не на северо-восток, а прямо на север. Кустарники, росшие у основания скал, уступили место открытым полям, невозделанным, только высокая трава на них раскачивалась на ветру. Такая местность не способна привлечьочных бегунов, и Дальгард начал сомневаться. Им нужно найти воду, предпочтительно мелкий ручей, если они хотят найти привычное для обезьян окружение.

Через четверть часа Дальгард понял, что Сссури не ошибался. В незаметном углублении нашёлся ручей. Прыгун поднял на берегу морду, с которой капала вода, и посмотрел на путников. Дальгард поспешил установить контакт с животным. Обычное любопытство, ничего не встревожило и не возбудило зверька. Юноша не стал дальше поддерживать контакт; они зашлёпали вниз по ручью, Сссури с удовольствием шёл по воде, ему было приятно испытывать знакомое ощущение.

Водные жители разбегались от них, над головой жужжали насекомые. А в остальном они словно шли по пустыне. Ручей стал шире, всё больше в нём попадалось

островков из гравия, оставленных весенним разливом; теперь у них были сухие вершины, на некоторых уже показались дерзкие зелёные побеги.

— Здесь... — Сссури остановился и воткнул древко копья в берег одного из таких островков. Он сел, скрестив ноги; так он будет терпеливо сидеть, пока не появятся те, кого он ждёт. Дальгард отошёл немножко подальше от воды и тоже сел. Бегуны робки, подобраться к ним трудно. А сами они подойдут охотнее, если Сссури будет один.

Громко журчал ручей, перекрывая шелест травы на ветру. Солнце, скрывшись за утёсами, садилось в море; быстро наступала ночь. Дальгард, знавший, что видит в темноте гораздо хуже туземных жителей Астры, приготовился терпеливо ждать всю ночь, не без сожаления вспомнив лагерь на берегу.

Сумерки, затем ночь. Сколько ещё до появления бегунов? Дальгард улавливал отрывочные мысли прыгунов; большинство торопилось к своим гнёздам из глины; иногда доносилась мысль какого-то другого ночного существа. Дальгард был уверен, что однажды его сознания коснулось ощущение ненасытного голода — признак летающего дракона, хотя обычно драконы по ночам не охотятся.

Дальгард не пытался связаться с Сссури. Водяного нельзя тревожить, когда он мысленно ищет бегунов.

Разведчик лёг на спину и смотрел в небо, пытаясь разобраться во множестве впечатлений, которые посыпала ему окружающая жизнь. Тогда-то он и увидел...

Огненная стрела прочертила чёрную чашу ночного неба Астры. Огонь был яркий и совершенно чуждый; Дальгард вскочил, по спине его пробежал холодок предчувствия. За все годы блужданий по лесам, за все разведочные походы, в рассказах старших в Хоумпорте — никогда он ничего подобного не видел, ни о чём таком не слышал.

И тут же он уловил изумление Сссури.

«Опасность...» — приговор водяного подкрепил его собственную тревогу.

Опасность пересекла ночное небо с востока на запад. А на западе находится то, чего они всегда боялись. Что же теперь будет?

2. Посадка

Раф Курби, техник и пилот флиттера, лежал на мягкому противовесерегрузочном матраце своей койки и широко раскрытыми глазами смотрел на тусклый серый металл у себя над головой. Он пытался не слушать поток бессмысленных слов, заполнявший маленькую каюту. С самого начала, с того самого момента, как его назначили членом экипажа, Раф знал, что примет участие в игре, в чрезвычайно рискованной игре, где все шансы будут против него. РК-10 — само число на носу их корабля говорило об этом. Десять ищущих пальцев протянулись в неведомую черноту космоса. Судьба РК-3 была известна: корабль расцвёл огненным цветком в пределах орбиты Марса. А РК-7 явно вышел из-под контроля, хотя приборы Земли продолжали улавливать его передачи. Что же касается остальных — ни один из них не вернулся.

Но корабли строились, из числа тренирующихся по жребию определялись экипажи, и каждые пять лет новый корабль поднимался в космос со всеми усовершенствованиями, какие могли достичь инженеры после предыдущего старта.

РК-10 — Раф от отвращения закрыл глаза. После месяцев, проведённых в непрерывно вибрирующем корпусе, он знал, казалось, каждую заклёпку, каждый шов, каждую плиту корабля. И у него не было оснований считать, что полёт когда-нибудь окончится. Они будут двигаться в пространстве, пока в летящей оболочке не окажется один лишь мёртвый экипаж.

Это сигнал опасности. Когда мысли Рафа доходили до этого пункта, он всегда старался думать о чём-нибудь

другом, разорвать цепь дурных предчувствий. Но как? Присоединиться к постоянным монологам Вонстеда, полным жалоб и сожалений? Раф так часто слышал его слова, снова и снова, что они потеряли всякий смысл; всего лишь поток бессмысленных звуков, и Раф заметил бы его, только если бы человек, делящий с ним тесное помещение, вдруг исчез.

— Не нужно было мне записываться для подготовки...
— скулёж Вонстеда продолжался.

Ну, это неоригинально. У всех у них возникла такая мысль, когда жребий назвал их имена — имена участников полёта. Независимо от того, какая причина привела их в тренировочный центр: сказочная плата, искренний интерес к проекту, исследовательская лихорадка, — Раф не верил, что есть хоть один человек, у которого не упало сердце, когда он услышал, что отобран для полёта. Даже он, всю жизнь мечтавший о звёздах и чудесах, которые ждут за большим прыжком, чувствовал себя ужасно, когда впервые ступил на борт, занял своё место на этой самой койке и с пересохшим ртом, весь дрожа, ждал старта.

Здесь теряешь всякое представление о времени. Космонавты ели — весьма умеренно, спали, когда могли, старались сократить бесконечные часы, искусственно разделённые на заранее установленные периоды. Но всё же недели могли означать месяцы, месяцы — недели. Они могли находиться в космосе годы — или только дни. Они знали только бесконечную монотонность. И прерывалась она либо сонным отрицанием окружающего, как у Хэмпа ё Флоя, либо приступами убийственного гнева, как у Морриса, который сейчас был заключён в одиночке. И никакого предвидимого конца полёта...

Раф дышал неглубоко. Воздух на корабле был затхлый, он почти ощущал его вкус. Так трудно теперь вспомнить, каково это стоять под открытым небом, когда дует свежий ветер. Он попытался представить себе вместо этой тусклой полоски над головой зелёную траву, дерево, даже

голубое небо с плывущими белыми облаками. Но полоска упрямо оставалась серой, жалобы Вонстеда продолжались, вызывая боль в ушах, а дрожь корабля пронизывала всё худое тело.

Какими они были, эти легендарные ранние полёты, когда не был ещё открыт «большой прыжок», когда человек, решившийся лететь к звёздам, должен был погрузиться в сон и проснуться поколения спустя, либо не проснуться вовсе? Раф видел немногие уцелевшие документы, обнаруженные четыре-пять сотен лет назад в штабе научных изгнаниников, которые бежали от господства Мира и осмелились уйти в космос в надежде совершить перелёт в холодном сне. Тайна этого сна впоследствии была утрачена. Ну, думал Раф, по крайней мере они избежали всех неудобств полёта.

Интересно, нашли они свой новый мир или миры? С тех пор как эти документы были опубликованы, после падения Мира и создания Федерации Свободных Людей, об этих полётах спорили тысячи раз.

В сущности именно публикация этих документов и послужила дополнительным толчком для создания армады РК. То, на что человек решился однажды, он должен повторить. Человечество охватила страсть к поиску знаний, запрещённая во времена Мира. Всё больше людей посвящало себя лихорадке исследований и открытий. И достаточно было слабой надежды на успешный полёт к звёздам и возвращение на Землю, чтобы три четверти энергии планеты в течение ста лет были отданы этой цели.

Так что если РК-10 потерпит неудачу, последуют одиннадцатый, двенадцатый, они один за другим будут подниматься на огненном столбе в пустоту, если только что-то неожиданное не направит интерес общества в какое-либо иное направление.

Раф устало закрыл глаза. Скоро прозвучит гонг и его период отдыха официально закончится. Но вряд ли стоит

вставать. Он не голоден, концентраты надоели. А информационные ленты он помнил уже наизусть.

— Не на что смотреть, не на что, кроме этих проклятых стен! — снова ворчание Вонстеда.

Да, во время большого прыжка смотреть не на что. Иллюминаторы корабля остаются закрытыми, пока космонавты снова не окажутся в нормальном пространстве. Конечно, если полёт закончится благополучно и они не застрянут навсегда на узкой тропе, лишённой времени, света и протяжённости.

Прозвучал гонг, но Раф даже не сделал попытки подняться. Краем глаза он заметил, как Вонстед зашевелился и сел.

— Эй, проспал сигнал сбора! — крикнул сосед Рафу.

Со вздохом тот приподнялся на локте. Если не встать, Вонстед способен сообщить капитану об его странном поведении, и тогда за ним будут следить в ожидании отклонений, которые могут означать неприятности. А Рафу вовсе не хотелось оказаться в одиночке, подобно Моррису.

— Иду, — мрачно буркнул Раф. Но оставался на койке, пока Вонстед не вышел. И только потом как можно медленнее последовал за ним.

И потому был не с остальными, когда постоянную вибрацию, заполнявшую коридоры корабля, перекрыл новый звук. Раф застыл, ледяной страх сковал его мышцы. Неужели сигнал катастрофы?

Он взглянул на лампу в конце короткого коридора. Нет, красного сигнала тревоги не горело. Значит, это не опасность — но что тогда?..

Потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: это не сигнал тревоги, нет, такой же звук сопровождал их в начале полёта; они уже почти потеряли надежду услышать его снова. Удалось!

Пилот без сил прислонился к стене, глаза его жгло, руки дрожали. Он понял, что никогда на самом деле не

надеялся на успех. Но у них получилось! РК-10 добрался до звёзд!

— Подготовиться к прорыву, подготовиться к прорыву! — прогремел бесцелесный голос капитана Хобарта; он был почти неузнаваем от переполнявших его чувств. Раф повернулся и, спотыкаясь, направился назад в каюту, чтобы снова броситься на койку и привязаться.

Он скорее услышал, чем увидел, как Вонстед последовал его примеру; впервые за долгие месяцы он молчал, готовясь к переходу, который вернёт их в нормальное пространство, к звёздам. Раф сорвал ноготь, застёгивая пряжки.

— Красный режим, красный режим... привязаться для перехода... — звучал со стены голос Хобарта. — Один, два, три... — пошёл отсчёт, — десять. Приготовиться!

Раф уже позабыл, что такое переход. Впервые он испытал это состояние под действием успокоительного. И на этот раз было хуже, чем в прошлый, гораздо хуже. Он пытался закричать, выразить протест против пытки, терзавшей мозг и тело, но не смог испустить даже слабый стон. Это было невыносимо... можно сойти с ума... или умереть... умереть... умереть...

Он пришёл в себя, ощущая во рту вкус крови; болели глаза, Раф с трудом попытался сосредоточить взгляд и разглядеть слишком знакомую стенку. Послышался чайто голос, отступая, снова приближаясь, заполняя собой весь воздух; наконец слова приобрели смысл, в них звучало торжество!

— Получилось! Мы сделали это, парни! Звезда класса Солнца, три планеты. Мы устанавливаем орбиту...

Раф облизал губы. Слишком трудно воспринималось всё это сразу. Итак, они своего добились, половина рискованного предприятия была осуществлена. Они вырвались из собственной солнечной системы, совершили большой прыжок, и теперь перед ними лежало неизвестное... Вполне в пределах их досягаемости.

— Слышишь, парень? — спросил Вонстед. Голос его

больше не звучал жалобно, таким твёрдым Раф его вообщё не помнил. — Мы прошли. И снова коснёмся земли! Земля... — он замолчал, словно погрузившись в мечтательность.

На корабле тем временем что-то изменилось. Устойчивое гудение, от которого болели уши и которое проникало в кости, когда корабль преодолевал чуждое гиперпространство, теперь сменилось довольным урчанием, словно корабль тоже радовался успеху их отчаянной попытки. Впервые за долгие утомительные недели Раф вспомнил о своих обязанностях. Они начнутся, когда РК-10 на огненной подушке опустится на новую планету. Он должен будет собрать и подготовить небольшой исследовательский флаер, сесть за приборы управления, поднять машину и вывести её из корабля. Нахмурившись, пилот мысленно начал повторять всё, что необходимо сделать, как только они сядут.

Из рубки управления поступала новая информация. Открыли иллюминаторы в обычное пространство, двигатели корабля перешли под управление космонавтов-пилотов. Целью их будет третья планета, на которой обнаружены атмосфера и вода.

Те, кто не был занят на вахте, столпились перед экраном. Планета вырастала из точки в шар размером с апельсин. Все позабыли о времени; в глубине сердца никто и не надеялся увидеть это чудо на экране. Раф знал, что в рубке ведутся непрерывные записи; корабль перешёл на тормозящую орбиту; если повезёт, это орбита приведёт их на поверхность нового мира.

— Город... это должно быть городом! — экипаж завороженно смотрел на экран. Лабле, ксенобиолог, сидел, вцепившись в нижний край экрана; он, не отрываясь, смотрел на изображение; остальные обменивались замечаниями. Неужели на самом деле город?

Раф прошёл по коридору к закрытому помещению, где находились машина и оборудование, за которое он отве-

чал. Последние часы ожидания всегда самые тяжёлые. Если бы только они смогли сесть!

В тренировочных полётах, которые теперь казались такими далёкими, он ходил по ржаво-красным пустыням Марса, бродил в защитном скафандре по кратерам мёртвой Луны, побывал и на крупных астероидах. Но каково будет ходить по земле, согретой лучами чужого солнца? Ожило воображение, о существовании которого не подозревали его начальники. Сказывалось наследие смеси множества рас. Раф вернулся в каюту, сел на койку и смотрел на свои умелые руки механика, на самом деле не видя их; в сознании его возникали чудеса, которые он сможет увидеть через несколько часов, последних часов заключения в этом металлическом корпусе, который он уже привык ненавидеть.

Он знал, что Хобарту тоже не терпится сесть, но и ему, и остальным членам экипажа казалось, что они слишком медленно входят в атмосферу планеты. И только когда поступил приказ пристегнуться и подготовиться к посадке, все почувствовали удовлетворение. Корабль опускался под углом, переходя от ночи к дню и снова к ночи, кружая вокруг неведомого шара. Больше они не могли смотреть на цель своего полёта. Будущее целиком зависело от мастерства троих за приборами и больше всего от рассудительности и умения самого Хобарта.

Капитан уверенно вёл корабль вниз, на ракетных противоударах, РК-10 встал на стабилизаторы, превратился в огненный палец, устремлённый в небо и окружённый облаками дыма от загоревшихся при посадке кустов.

Началось новое ожидание, которое измученному экипажу показалось бесконечным; нужно было проанализировать состав атмосферы, осмотреть окружающую местность. Но вот пришёл сигнал готовности, рампа скользнула вниз, а собравшиеся у люка ещё несколько мгновений колебались, хотя путь перед ними был открыт.

За выгоревшим кольцом вокруг корабля расстилалась

волнистая равнина, поросшая высокой травой, которая слабо колыхалась на ветру. Свежий ветер быстро очищал лёгкие от затхлого воздуха корабля.

Раф снял шлем и высоко поднял голову на этом ветру. Он словно купался в воздухе, смывая грязь долгих дней заточения. Пилот сбежал по рампе, опередив небольшую группу собравшихся, и, опустившись на траву, взял её в руки, испытывая настоящее потрясение от ощущения необычности происходящего.

Широкая полоса неба над головой была не вполне голубая, как он сразу же заметил, а с лёгким оттенком зелени; кое-где в воздухе плыли серебряные облака. И, если не считать травы, они словно оказались в центре мёртвого мира. Где же города? Или их породило воображение?

Немного погодя, когда первое ощущение чудесного ослабло, Хобарт призвал всех к исполнению прозаических обязанностей, к устройству базы. И Раф занялся своими делами. Открыли запечатанный склад, кран переносил оборудование на поверхность. Наутро всё уже будет снаружи.

Ночь провели в корабле, хоть и против своей воли. После испытанного чувства свободы тесные каюты давляли, действовали на людей как тюрьма. Раф лежал на матраце, не в состоянии уснуть. Ему казалось, что даже сквозь тяжёлые плиты корабельной брони он слышит вздохи свежего ветра, призыв мира, который открытым лежал перед ними. Мысленно шаг за шагом он совершал действия, за которые будет нести ответственность завтра. Разгрузка небольшой машины, сборка корпуса и двигателя... И незаметно уснул, а спал так крепко, что утром Вонстеду пришлось его расталкивать.

Раф буквально проглотил еду и ещё до рассвета занялся работой. Но как бы техник ни был поглощён своими занятиями, он время от времени посматривал на землю, по которой ступали его башмаки, на высокую траву, с неослабевающей дрожью вспоминая, что это не его род-

ная земля и трава, что здесь никогда раньше не стоял человек. Это новая планета в новой солнечной системе.

Сказались подготовка и многочисленные тренировки. К вечеру флиттер был собран, лишь двигатель оставался на поворотной площадке. Небольшая группа исследователей совершила вылазку и, вернувшись, рассказала о небольшом ручье, скрытом в углублении равнины, а Вонстед принёс пушистого зверька размером с кролика, которого убил на берегу.

— Он будто совсем ручной, — Вонстед явно гордился добычей. — Глупый зверь просто стоял и смотрел на меня, когда я бросал камень.

Раф поднял маленькую тушку. Шерсть красновато-коричневая, густая и очень мягкая на ощупь. Грудка жёлто-белая, передние лапки короткие и удивительно напоминали руки. Неожиданно Раф пожалел, что Вонстед убил зверька; впрочем, Чу, биолог, будет доволен. Но животное выглядело совершенно беззащитным. Не хотелось отмечать первый день пребывания в новом мире убийством, пусть даже глупого кролика. Пилот был рад, когда Чу забрал зверька и ему можно было больше не смотреть на него.

После ужина Рафа вызвали к капитану. Пилот доложил, что если не произойдёт ничего непредвиденного, то завтра к середине дня флиттер будет готов к вылету. Ему показали увеличенные снимки, сделанные во время спуска РК-10.

Да, это действительно был город, хорошо различимый с воздуха. Хобарт пальцем указал на его центр.

— Он к югу от нас. Полетим в этом направлении.

Рафу хотелось задать несколько вопросов. Город большой. Почему же он окружён пустыней? Почему его обитатели не заметили посадку корабля и не явились выяснить, что происходит? Он медленно сказал:

— Я установил одну пушку, сэр. Нужно ли устанавливать вторую? Тогда флиттер сможет взять трёх человек, а не четырёх...

Хобарт двумя пальцами оттянул нижнюю губу. Взглянул на помощника, потом на Лабле, молча сидевшего за столом. Первым заговорил Лабле.

— Я бы сказал, что видны явные следы упадка, — ксенобиолог коснулся пальцем фотографии. — Возможно, это только руины.

— Хорошо. Вторую пушку не нужно, — резко приказал Хобарт. — И будьте готовы к полёту утром послезавтра. С полным запасом горючего. Вы уверены, что флиттеру доступен тысячемильный радиус?

Раф сдержал пожатие плечами. Невозможно ручаться, как поведёт себя машина в новых условиях. На Земле флиттер подвергали всем мыслимым и немыслимым испытаниям. Другое дело, будет ли он действовать так же исправно здесь.

— Конструкторы считают, что доступен, — ответил он.
— Завтра утром я установлю двигатель и сделаю пробный вылет.

Капитан Хобарт кивком отпустил его, и Раф с удовольствием сбежал по лестницам и вышел на свежий вечерний воздух. Над горизонтом двумя рядами летели какие-то птицы. По крайней мере они показались ему птицами. Но пилот не стал привлекать к ним внимание остальных. Просто продолжал смотреть им вслед, не испытывая желания присоединиться к экипажу, собравшемуся неподалёку у лагерного костра. Пламя, знакомое и весёлое, согревало тело и душу, словно частица родного мира, перенесённого сюда, на новую планету.

Раф слышал гул голосов. Но отвернулся и направился к флиттеру. Взяв фонарик, пилот проверил сделанную за день работу. Завтра... Завтра он поднимет машину в сине-зелёное небо, сделает круг над морем травы, проведёт короткий испытательный вылет. Это ему точно хотелось сделать.

Но мысль о полёте на юг, к тому расплывшемуся пятну, в котором Хобарт и Лабле опознали город, почему-то вызывала отвращение.

3. След ящера-дьявола

Дальгард, готовясь снова выйти в море, натягивал водонепроницаемый покров на лук. Одновременно он внимательно слушал Сссури.

— Но ведь это даже не слухи прыгунов, — возразил он, вмешиваясь в поток мыслей своего спутника.

«Конечно. Но вспомни: бегуны вчера были очень далеко. Для них одна ночь похожа на другую; они не считают время, как мы, не запасают воспоминания на будущее. Но они оставили свою охотничью территорию и перемещаются на юг. Только очень большая опасность может заставить их так поступить. Это противоречит всем их инстинктам!»

— Итак, когда-то давно, может, месяцы, недели или просто дни назад, из моря пришла смерть, и те, кто выжил, бежали... — Дальгард повторил скучную информацию, которую ночью после долгих уговоров получил Сссури. — Но что это за смерть?

Большие глаза Сссури, серьёзные и чуть усталые, встретились с его взглядом.

«Для нас существует только одна смерть, которой нужно бояться».

— Но ведь есть ещё ящеры-дьяволы... — возразил разведчик колонии.

«Да, встреча со ящером-дьяволом — тоже смерть. Но быстрая смерть, такая смерть может прийти к любому живому существу, даже самому ловкому и осторожному. Для ящера-дьявола всё живое и движущееся — всего лишь мясо, которым можно заполнить зияющую пустоту раздутого брюха. Но в старину мы знали другую смерть, гораздо хуже той, что несут когти и клыки дьявола. Этой смерти мы и боимся», — водяной поводил пальцами по гладкому древку копья, как будто испытывая своё оружие, готовясьпустить его в ход.

— Другие! — Дальгард произнёс это слово мысленно и вслух.

«Да!» — Ссюри не кивнул, но мысль его выразила полное согласие.

— Но ведь раньше они не приходили, с тех самых времён, как сел корабль моих предков, — возразил Дальгард. Он возражал не против рассуждений Ссюри, а против самой идеи.

Водяной встал и развел руки, указывая не только на бухточку, в которой они укрылись, но на весь континент.

«Когда-то всё это принадлежало им. Но они воевали и перебили друг друга, так что осталась малая горстка — зализывать раны и ждать. И прошло множество троек сезонов, прежде чем они вышли из укрытия. Но теперь они вышли и пришли за добычей в место, где хранятся их тайны... Вероятно, за это время они многое позабыли и теперь стремятся восстановить свои знания».

Дальгард положил лук на дно шлюпки.

— Наверное, нам нужно взглянуть на это самим, — заметил он, — чтобы доложить истину нашим старейшим. Не просто слухи, узнанные от ночных бегунов.

«Верно».

Они вышли в море и повернули нос лёгкого судна на север. Характер местности не менялся. По-прежнему берег ограждали утёсы, в некоторых местах поднимаясь прямо из воды, в других — разбитые у основания волнами. И лишь на вершинах их сидели летающие существа.

Но к полудню картина неожиданно изменилась. Широкая река, разрезав стену скал, породила веерообразную дельту, густо покрытую растительностью. В глубине чащи виднелся купол, хорошо знакомый Дальгарду. Его поверхность, без дверей и окон, глянцевито блестела на солнце; на первый взгляд, сооружение казалось нетронутым, словно его хозяева умерли или покинули его только вчера, а не несколько столетий назад.

«Это единственный путь к запретному городу, — объявил Ссюри. — Когда-то здесь стояла охрана».

Дальгард уже собирался предложить осмотреть купол, но последнее замечание заставило его заколебаться. Если

это одно из укреплений, окружающих запретную территорию, то существует серьёзная опасность попасть в автоматически действующую ловушку, даже столетия спустя.

— Поднимемся по реке? — решение юноша предоставил Ссюри, который мог руководствоваться традициями своего народа.

Водяной взглянул на купол; его отношение ясно показывало, что он не хочет осматривать его тщательней.

«У них были машины, которые сражались за них, и кое-где эти машины продолжают сражаться. Эта река — естественный доступ для врагов. Поэтому она должна быть защищена».

При свете солнца зелёная дельта выглядела абсолютно мирно. На берегу рыбачило семейство уткособак, своими широкими клювами животные откапывали в песке водяных червей. Птицы-бабочки танцевали вверху, в восходящих потоках воздуха. Но Дальгард готов был согласиться со своим спутником: опасайся самых лёгких путей. Они глубоко погрузили лопасти вёсел в воду и поплыли поперёк реки, к утёсам на северном берегу.

Два дня пути вдоль берега привели их в большой залив. Дальгард ахнул, когда перед ними открылся вид на порт.

В скале были выбурлены карнизы, серией гигантских ступеней тянувшиеся от моря в глубь суши. Каждый карниз был тесно уставлен зданиями, и везде древняя война оставила свои следы. Сами камни кипели, в них застыли пузыри; в полудюжине мест вниз по карнизам стекали затвердевшие теперь реки лавы, снося все сооружения на пути; в этих застывших потоках ярко отражалось солнце.

— Так вот каков твой тайный город!

Но Ссюри отрицательно покачал круглой головой.

«Это всего лишь морские ворота к нему, — поправил он. — Здесь начался день огня, и нам не нужно бояться машин; в других местах они нас, без сомнения, ждали бы».

Они вытащили на берег шлюпку и спрятали её в углублении под одним из разрушенных зданий на нижнем карнизе. Дальгард послал мысль на поиск, надеясь установить контакт с прыгуном или даже уткособакой. Но, очевидно, в этих развалинах не было совершенно никаких животных; такое положение дел справедливо и для большинства других разрушенных городов, в которых ему довелось побывать. Фауна Астры сторонится всего, что построено Другими, как бы давно эти руины ни лежали под ветром и очищающими дождями.

С трудом обходя застывшие реки лавы, они поднимались со ступеньки на ступеньку гигантской лестницы, не останавливаясь и не заглядывая в здания, мимо которых проходили. В городе всё ещё чувствовалась тень чуждой жизни, и Дальгард испытывал отвращение к ней и рад был бы побыстрее оказаться в чистой местности за пределами разрушений. Сссури неслышно шагал впереди, согнув плечи; каждая черта его стройного тела выражала отвращение к сооружениям чужаков.

Когда они поднялись на вершину, Дальгард обернулся и посмотрел на бесспокойное море. Какой вид! Возможно, Другие соорудили этот город для защиты, но, конечно, и они должны были гордиться таким подвигом. Такого поразительного зрелища он никогда не видел, и его сообщение займёт достойное место в записях Хоумпорта.

От верхнего уступа гигантской лестницы уходила дорога, она шла прямо в глубь страны, не обращая внимания на капризы местности, с обычным высокомерием инженеров-строителей чужаков. Но Сссури не пошёл по ней. Напротив, повернул налево, избегая лёгкого пути, пробираясь сквозь спутанные заросли, которые когда-то были садами или открытыми полями.

Они уже далеко ушли от города, когда заметили первого прыгуна, взрослого самца со странной светлой шерстью. Не проявляя обычного бесстрашного интереса к незнакомцам, животное бросило на них быстрый взгляд и стремительно убежало, словно по пятам за ним погнался

ящер-дьявол. А Дальгард успел воспринять острую волну ужаса, как будто прыгун увидел в них страшную угрозу.

— Что такое?.. — искренне удивлённый юноша в поисках объяснения посмотрел на Сскури.

Прыгунов легко приручить. Обычно они крадут любые яркие предметы, привлекающие их интерес. Но их можно уговорить поменяться, и как правило они не боятся ни колонистов, ни водяных.

Покрытое шерстью лицо Сскури почти не способно на выражение эмоций, но по тому, что понимал Дальгард, он увидел, что водяной не меньше его самого был поражён поведением зверька.

«Он боится того, кто ходит прямо, как мы», — наконец ответил Сскури.

«Того, кто ходит прямо». Дальгард тут же понял смысл этого выражения.

Он знал, что Другие — двуногие квазигуманоиды, более близкие внешне к колонистам, чем к водяным. И так как колонисты ни разу не заходили так далеко к северу, а соплеменники Сскури никогда не соглашались посещать запретную территорию, оставалось предположить, что здесь побывали чужаки. Странные существа, которых колонисты боятся, сами не зная почему, а водяные ненавидят, и ненависть эта нисколько не ослабла за годы свободы. Итак, слухи, принесённые переселявшимися бегунами, оказались правдивы: прыгун тоже боялся двуногих. И причина для такого страха должна была появиться и действовать совсем недавно, иначе всякое воспоминание о страхе выветрилось бы из сознания животного.

Сскури остановился на участке травы, достигавшей ему до пояса.

«Лучше подождать дотемна».

Но Дальгард не согласился с ним.

— Это лучше для тебя, с твоим ночным зрением, — возразил он. — Но у меня-то в голове нет твоих глаз.

Сскури вынужден был признать справедливость его

слов. Водяной способен идти безлунной ночью так же уверенно, как и при свете солнца. Но было бы непрактично вести за собой спотыкающегося Дальгарда по незнакомой местности. Однако разведчики могли передвигаться скрытно, и они так и поступили, пробираясь зигзагами, хотя это и замедляло продвижение, но так они переходили от одного кустарника к другому, от одной рощи к следующей, шли полями, подальше от дороги.

На ночь они остановились в небольшой ложбине у ручья, костра не разжигали. Дальгард оставался настороже, хотя знал, что мозг Сссури заглядывает гораздо дальше, пытаясь установить контакт с прыгуном, бегуном, с любым животным, способным дать ответ на их вопросы. Наконец Дальгард больше не смог держать глаза открытыми; последнее, что он запомнил: его спутник сидит неподвижно, как статуя, положив на колени копьё, чуть склонив вперёд голову, словно прислушиваясь к жужжаниюочных насекомых.

Когда на следующее утро разведчик колонии проснулся, его спутник лежал, вытянувшись во всю длину по другую сторону ручья. Но как только Дальгард пошевелился, Сссури поднял голову.

«Мы можем идти вперёд без страха, — заверил он. — То, что потревожило эту землю, ушло».

— Давно ушло?

Дальгард не удивился отрицательному ответу Сссури.

«Они были здесь несколько дней назад. И нам следует узнать, что им тут понадобилось».

— Может, они решили снова основать здесь базу? — Дальгард открыто высказал опасение, нависшее над колонией, когда земляне узнали о том, что Другие уцелели, пусть и за морем.

«Если таков их план, то они ещё этого не сделали, — Сссури лёг на спину и потянулся. Он утратил настороженность охотничьей собаки на поводке, которая была так заметна накануне. — Это одно из их тайных мест,

здесь хранится их знание. Они могут ещё вернуться за ним».

И Дальгард сразу ощутил насущную необходимость торопиться. Если предположение Сссури справедливо, если Другие собираются восстановить знания, которые в опустошительной войне превратили в пустыню весь восточный континент... Вооружённые даже крохами прежних знаний, они превратятся в противника, против которого колонистам с Земли не устоять. То немногое оружие, которое беженцы принесли с собой в отчаянном полёте к звёздам, давно превратилось в бесполезный хлам, и у них не было возможности создать новое. С самого детства Дальгард не видел иного оружия, кроме лука и меч-ножа; все, кто уходил из Хоумпорта, вооружались так. А какая польза от лука или одного-двух футов заострённого металла против оружия, которое убивает на расстоянии или превращает скалу в расплавленную реку?

Дальгарду не терпелось выступить, побыстрее добраться до города, где, по уверениям Сссури, скрываются тайные знания. Может, и колонисты смогут ими воспользоваться, а не только Другие.

И тут он вспомнил — и не только вспомнил, его поправил Сссури.

«Не думай об их оружии в своих руках, — формулируя это предупреждение, Сссури не поднимал головы. — Давным-давно отцы твоих отцов поняли, что знание Других не для них».

Дальгард смутно вспомнил рассказ, предупреждение, полученное им во время первого похода в развалины вблизи Хоумпорта. Да, он знает, что есть вещи, запретные для его племени. Например, лучше не разглядывать многоцветные полосы, которые служили Другим письменностью. Записи Других отыскивались и прятались в Хоумпорте. Но никто из колонистов не пытался их изучить, расшифровать, понять, что в них записано. Когда-то такой эксперимент чуть не привёл к катастрофе, и теперь подобные розыски считались слишком опасными.

Но не будет вреда, если он заглянет в этот город; к тому же он должен сообщить Совету, что здесь находится, особенно, если Другие уже здесь или бывают здесь.

До середины утра Сссури держался полей, избегая дороги, потом неожиданно повернул, и они вновь вышли на дорожное покрытие, занесённое слоем почвы. Местность казалась совершенно пустынной. Птицы-бабочки нигде не исполняли свой воздушный балет, не встретилось ни одного прыгунца. Вскоре безжизненная дорога превратилась в спуск в долину, середину которой заполняли здания. Река, дельту которой они миновали раньше, петлёй огибала город. И никаких следов войны, разрушившей порт.

А прямо на дороге лежал окровавленный клубок шерсти и расколотых костей, над которым гудели насекомые. Сссури копьём расправил маленькую тушку; она оказалась безголовой. И на пути до первых зданий города разведчики встретили ещё четыре так же изуродованных трупика прыгунов.

— Это не ящер-дьявол, — заключил Дальгард. Насколько он знал, только огромные пресмыкающиеся и их меньшие летающие родичи охотятся здесь на животных. Но ящер-дьявол от такого маленького животного вообще ничего бы не оставил, прыгуну хватило бы всего лишь на один укус для его вечно глажущего голода. Да и летающий дракон очистил бы добычу до костей.

«О н и! — ответ Сссури был короток. — Они охотятся для забавы».

Дальгарда слегка затошило. Для него прыгуны — друзья. Только с ящерами-дьяволами и летающими драконами колонисты вели вечную войну. Неудивительно, что прыгун вчера в ужасе убежал от них!

Здания впереди ничем не напоминали купола одиночных ферм, представляя собой устремлённые к небу башни. Путники прошли сквозь дыру на месте исчезнувших ворот; их проход сопровождался слабым шорохом песка, сметённого ветром в миниатюрные дюны.

Город оказался в гораздо лучшем состоянии, чем любые другие виденные Дальгардом. Но у него, как и всегда в таких местах, не было никакого желания заходить в зияющие двери. Город словно отвергал его и весь его род, как будто для сохранившегося здесь прошлого он всё равно что прыгун или короткоживущая порхающая птица-бабочка.

«Всё древнее, древнее... и во всём знания...» — уловил Дальгард мысль Сссури. Он был уверен, что водяной испытывает те же тревожные ощущения, что и он сам.

Улица привела их на площадь, окружённую грандиозными зданиями. И тут они сделали ещё одно открытие, которое заставило забыть о запретных знаниях и разбудило ощущение нормальной, ежедневной опасности.

В центре площади находился фонтан. Вода в нём давно уже не играла, но небольшой ручей всё ещё вытекал. И на берегу этого ручья в грязи глубоко отпечатался след ящера-дьявола. Почти взрослый, решил Дальгард, измерив след пальцами. Сссури быстро развернулся, изучая окружающие здания.

— Час... может, два... — дал Дальгард охотничье заключение возраста отпечатка. Он тоже посмотрел на высоченные здания. Встреча с ящером-дьяволом на открытом месте — одно дело, но играть с ним в прятки в таком муравейнике — совсем другое. Он лишь понадеялся, что рептилия ушла отсюда за город на охоту, но в то же время сомневался в этом. Эти здания представляли собой прекрасное убежище, ящер-дьявол вполне мог устроить в них своё логово. И ящеры-дьяволы не живут в одиночку!

«Попробуем у реки», — посоветовал Сссури. Как и Дальгард, он сразу согласился с необходимостью преследования. Ни одно разумное существо не упустит случая убить змеяящера, если такой случай подвернётся. А водяной и разведчик много раз шли по следу вместе. Поэтому они сразу принялись исполнять свои роли, с привычкой, выработанной долгой практикой.

Они выбрали направление к реке и уже через несколько ярдов встретили доказательство, что водяной догадался верно: на слое нанесённой почвы глубоко отпечатался ещё один след.

Здесь стояли здания другого типа, без окон, возможно, склады. Но Дальгарду больше всего понравилось, что у всех них плотно заперты двери. Зверю негде будет затаиться, чтобы подкарауливать их.

«Мы заранее услышим его запах», — Сссури уловил тревогу разведчика и дал свой ответ.

Конечно, они уловят запах издалека: ничто не может скрыть зловоние логова ящера-дьявола. По пути Дальгард усиленно принюхивался. Незнакомые запахи во множестве витали у этих зданий, но среди них не чувствовалось отвратительных — пока.

«Река...»

Да, впереди текла река; путь их закончился у верфи, построенной над маслянистым потоком. По обе стороны тянулись глухие стены. Если ящер-дьявол прошёл этим путём, укрыться ему было бы негде.

«За рекой...»

Дальгард недовольно хмыкнул. Почему-то ему не хотелось переплыть реку, не хотелось, чтобы медленная вода с её коричневым оттенком касалась его кожи.

«Плыть не придётся».

Дальгард посмотрел, куда указывал палец Сссури. Но то, что он увидел, не очень-то его успокоило. На волнах подпрыгивала лодка, по форме такая же чужая, как окружавший их город.

4. Цивилизация

Раф смотрел на широкую равнину; предрассветные сумерки придавали всему серый оттенок, смягчая расстояния и позволяя видеть, как вечно колышется на ветру трава. Пилот пытался понять, что делает эту картину такой нетронутой, свежей и новой. На Земле тоже сущес-

твуют обширные районы, покинутые людьми после Большого Пожара и атомной войны или позже, после восстания, уничтожившего империю Мира, который отбросил человечество назад по дороге цивилизации. Но даже бывая в тех диких местах, Раф никогда не испытывал такого ощущения. Он готов был поверить, что записи, которые показал ему Хобарт, неверны, что этот мир никогда не знал разумной жизни, сосредоточенной в городах.

Пилот медленно спустился по рампе, глубоко вдыхая свежий воздух. Когда взойдёт солнце, станет теплее. Но сейчас начиналось именно такое утро, какое заставляет радоваться тому, что ты жив — и молод! Может, отчасти на юношу действовало и то, что он освободился от корабля, что он больше не просто дополнительный груз, а человек с определёнными обязанностями.

В космонавты обычно отбирали молодых людей. Но до сих пор Раф никогда не испытывал беззаботности молодости. Теперь же ему хотелось нарушить приказ, поднять флиттер в небо, направиться в начинавшее голубеть небо не просто для испытательного полёта, не лететь к городу Хобарта, а просто кружить над обширным морем травы, самому увидеть все чудеса планеты.

Но дисциплина, к которой он приучал себя почти с самого рождения, заставила проверить флаер и терпеливо ждать, внутренне кипя от возбуждения, ждать, пока к нему не присоединятся Хобарт, Лабле и Сорики, связист.

Ждать пришлось недолго. Вскоре трое пассажиров, увешанные оборудованием, тоже спустились по рампе, и Раф сел за приборы управления флаера. Он включил поле, которое послужит им ветровым щитом, и поднял флиттер в набирающее цвета утро. Сидевший рядом Хобарт нажал кнопку автоматической записи, а на заднем сидении Сорики надел на голову наушники. Они не только делали запись всего увиденного, но и непрерывно поддерживали связь с кораблем, который уже превратился в серебряный карандаш далеко позади.

Спустя два часа они установили по крайней мере одну причину изоляции района, в котором совершил посадку РК-10. Под ними поднялись пологие холмы, а впереди на многие мили возвышались неровные вершины горного хребта на фоне бирюзового неба. Это была почти непреодолимая преграда для любого путника: в узких долинах и изломанных хребтах не найти лёгкого пути. А небольшой ручей, вдоль которого они летели, спускался в долину целой серией великолепных водопадов. Дважды пролетали они над густыми зарослями деревьев, настолько тесно стоявших, что сверху они напоминали сплошной сине-зелёный ковёр. Пробиться сквозь такой лес — задача невозможная.

Четверо во флиттере разговаривали редко. Раф всё внимание сосредоточил на управлении. Часто встречались неожиданные воздушные потоки и приходилось быть постоянно настороже, чтобы удерживать маленький флиттер в ровном положении. Потому пилот лишь урывками видел местность внизу.

В конце концов им пришлось подняться высоко над растительностью нижних склонов, чтобы перевалить через вершины. Запас воздуха за защитным полем оставался постоянным, можно было не опасаться отсутствия кислорода. Раф про себя подумал, что этот хребет по высоте вполне мог бы поспорить с самыми высокими азиатскими горами на его родной планете.

Когда они поднялись над самыми высокими вершинами, чуть не произошла катастрофа. Сильный порыв ветра, как гигантской рукой, подхватил флиттер и, пока Раф отчаянно боролся с управлением, машина принялась быстро терять высоту. Если бы пилот не ожидал заранее чего-нибудь подобного, они точно разбились бы об одну из вершин, рядом с которыми пролетали. Раф, с пересохшим ртом и вспотевшими руками, снова поднял флиттер, поднял выше, чем необходимо, перевалил через последний хребет и увидел впереди спуск к равнине, которую горы разрезали пополам.

— Совсем рядом прошли, — чёткий лекторский голос Лабле перекрыл гул мотора.

— Да, — подхватил Сорики, — а могли бы стать начинкой для сэндвичей. Парень своё дело знает.

Раф чуть криво улыбнулся, но ничего не ответил. Он обязан знать своё дело. Иначе зачем он здесь? Все они специалисты в одной или нескольких областях. Но у него хватило здравого смысла промолчать. Так потом не придётся сожалеть о минутах — или часах.

Страна к югу от гор оказалась совсем другой, чем дикая северная равнина.

— Поля!

Не требовалось указания Лабле, чтобы их увидеть. Равнина внизу была искусственно разделена на длинные узкие полосы. Но растительность на этих полосах не отличалась от травы, которую они видели вокруг корабля.

— Поля давно не обрабатываются, — отменил учёный своё первое заключение. — Заросли травой.

Раф опустил флиттер ниже, и потому, когда в зарослях кустов и деревьев показался купол, они пролетели над ним всего в пятидесяти футах. Вокруг дома не было заметно никаких признаков жизни, а густые заросли свидетельствовали, что дом покинут уже не один год. Лабле хотел сесть и осмотреть строение, но капитан намерен был добраться до города. Одинокое здание мало что значило по сравнению с тем, что они могли узнать в метрополисе. И, к облегчению Рафа, он получил приказ продолжать полёт.

Пилот не мог бы объяснить, почему сторонится такого исследования. Только сегодня утром ему хотелось улететь и осмотреть мир, который казался таким ярким и новым. А теперь юноша был рад, что он всего лишь пилот флиттера, что рядом другие, которые будут принимать решения. У него возникло странное отвращение к местности, нежелание приземляться рядом с куполом.

За первой покинутой фермой они увидели шоссе; так как растрескавшаяся и полу занесённая мусором дорога

шла на юг, Хобарт предложил использовать её как видимый ориентир. На протяжении следующего часа полёта им попадалось всё больше изолированных домов-куполов. С воздуха хорошо видны были поля. Но нигде земляне не заметили ни малейшего признака обработки и использования этих полей. И никаких животных или птиц. Странная пустота местности начала действовать на нервы сидевшим во флиттере. Что-то было в такой пустоте неестественное, и с каждой милей у Рафа всё возрастало желание лететь в противоположном направлении.

Купола попадались всё чаще, на перекрёстках они теснились целыми группами, собирались в посёлки, где здания имели одинаковые размеры и форму, как ячейки огромного улья. Раф подумал, что те, кто строил эти сооружения, были вовсе не гуманоиды; может быть, насекомые с роевым сознанием. Эта мысль была неприятна, и потому он решительно обратил внимание на машину, которую пилотировал.

Они пролетели над четырьмя такими посёлками, все они были расположены на пересечении дорог, идущих с севера на юг и с запада на восток, всегда с абсолютной точностью. Солнце стояло в зените или чуть перевалило за него, когда капитан Хобарт отдал приказ садиться, чтобы можно было перекусить.

Раф опустил флиттер на потрескавшуюся поверхность дороги, не доверяя травянистым полям. Все вышли и некоторое время ходили по покрытию, некогда ровному и гладкому.

— Скоростное движение... — голос Лабле. Он опустился на колено и пальцем поводил по поверхности.

— Прямая... — Сорики прищурился, глядя на солнце.

— Их ничто не могло остановить, верно? Нам нужна здесь дорога, и мы её получим! Такие дела. Должно быть, хорошие были инженеры.

Рафу эта прямая линия говорила ещё кое о чём. Несомненно, дорогу построили хорошие инженеры. Но и

безжалостные строители, не признающие никаких отклонений от первоначального плана, высокомерные и самоуверенные. Его не восхищали эти остатки цивилизации; больше того, смутное беспокойство только усиливалось.

Поля вокруг не нарушало ни одно движение — один лишь шум ветра. Раф обнаружил, что постоянно прислушивается — юноше хотелось услышать жужжение насекомых, крик хоть какого-нибудь зверька в траве, что угодно, что могло бы показать, что рядом присутствует жизнь. Пережёывая концентрат и отивая из фляжки, Раф продолжал прислушиваться. Безрезультатно.

Хобарт и Лаблс рассуждали о том, что может находиться впереди. Сорики вернулся к флиттеру, чтобы связаться с кораблём. Пилот сидел на месте, довольный, что о нём забыли. Ему по-прежнему хотелось увидеть зверька, выглядывающего из травы, птицу, летящую в воздухе.

— ...если не доберёмся до ночи... Но город не может быть так далеко! Я остаюсь и попытаюсь достичь его утром, — донёсся голос Хобарта. И поскольку он капитан, так оно и будет. Рафу не хотелось проводить ночь в этой населённой призраками местности. С другой стороны, он не решится вслепую проводить флиттер над теми вершинами. Только при свете дня.

Но проблема эта не возникла, потому что во второй половине дня они увидели город, дорога привела их прямо к поразительной группе зданий, которые казались вдвойне чуждыми, потому что среди них не нашлось ни одного низкого купола, какие они видели раньше.

Зато здесь возвышались стройные тонкие башни, а рядом расположились по земле огромные массивные сооружения без окон, вдвойне громоздкие рядом с этими башнями; лёгкие мосты на головокружительной высоте перебегали от одного небоскрёба к другому. Время и природа на славу поработали здесь. Некоторые башни разрушились, мосты обвалились.. Когда-то это был поразительный инженерный подвиг, гораздо более впечат-

ляющий, чем шоссе, теперь же город медленно превращался в разваливающиеся руины.

Но прежде чем все успели охватить взглядом зрелице, Сорики возбуждённо воскликнул:

— Что-то передают в нашем диапазоне, сэр! — он наклонился вперёд и впился пальцами в плечо Хобарта.

— Какое-то сообщение, готов поклясться!

Хобарт сразу перешёл к действиям.

— Курби, садимся, здесь!

Он выбрал для посадки плоскую крышу ближайшего здания, стоявшего немного в стороне от соседей, так что рядом не было ничего выше, кроме одной полуобвалившейся башни. Раф развернул флиттер. Машина была специально сконструирована, чтобы взлетать и садиться на ограниченном пространстве, и он знал о таких посадках всё, что можно узнать на родной планете. Но раньше он никогда не садился на крышу и понимал, что никакого допуска для ошибки у него нет. Хобарт нетерпеливо дышал рядом, руки его шевелились, словно он сам готов был взять на себя управление.

Раф сделал два круга, разглядывая поверхность крыши в поисках трещин, которые могли бы вызвать катастрофу при посадке. И только потом, отказываясь торопиться, осторожно опустил машину, так что пассажиры не ощущали ни малейшего толчка.

Хобарт повернулся лицом к Сорики.

— По-прежнему принимаете?

Тот, прижимая к ушам микрофоны, кивнул.

— Дайте мне одну-две минуты, — сказал он, — и я определию направление. Они чем-то возбуждены, очень уж интенсивно болтают...

«О нас», — подумал Раф. Полуразрушенная башня возвышалась к югу от них. К востоку и к западу располагались здания такой же высоты, как и то, на которое они сели. Пока он маневрировал, готовясь к посадке, в городе не появилось никаких признаков жизни. Ничто не нарушило тишину среди массовых разрушений.

Лабле выбрался из флиттера, подошёл к краю крыши, наклонился через парапет и посмотрел в бинокль вниз. Раф последовал его примеру.

Тишина и опустошение, тёмные окна как глаза в кости черепа. На стенах, там, куда ветром нанесло почву, косы где даже пробивалась растительность. На взгляд пилота, город казался абсолютно мёртвым.

— Готово! — возбуждённый возглас Сорики привёл их назад к флиттеру. Связист начал поворачиваться, словно его тело служило индикатором, и указал вытянутой рукой на юг. — Примерно в четверти мили в том направлении.

Они заслонили глаза от заходившего солнца. Огромное здание возвышалось на фоне неба, рядом с ним казались маленькими не только все другие здания, но и башни. Ясно, что некогда это сооружение играло важную роль.

— Дворец, — задумчиво проговорил Лабле, — или капитолий. Мне кажется, это сердце города.

Он опустил бинокль, который повис на шнурке, и, сверкая глазами, обратился непосредственно к Рафу.

— Сможете посадить там?

Пилот разглядывал неровную крышу сооружения. Только безумец или дурак может попытаться сесть там. Но он не дурак и не безумец.

— На такую крышу сесть нельзя, — решительно ответил он.

К его облегчению, капитан подтвердил вердикт коротким кивком.

— Сначала нам следует побольше узнать, — Хобарт, когда хочет, может быть осторожен. — Они продолжают передачу, Сорики?

Техник снял наушники с головы и растирал ухо.

— Ещё бы! — воскликнул он. — Мне кажется, их можно услышать и с вашего места, сэр!

Действительно. Странные звуки, не похожие ни на один земной язык, доносились из наушников.

— Чем-то возбуждены, — своим обычным спокойным тоном прокомментировал Лабле.

— Может, они засекли нас, — Хобарт опустил руку на оружие у себя на поясе. — Постараемся установить мирный контакт — если это возможно.

Лабле снял шлем и провёл рукой по пёстрым, рыжеседым коротко остриженным волосам.

— Да, контакт необходим... — задумчиво сказал он.

Ну, что ж, он ведь специалист в таких вопросах. Раф почти с юмором смотрел на своего пожилого спутника. Он подозревал, что все, включая и Лабле, не торопятся устанавливать контакт с неведомыми чужаками. Как будто стоишь на самом краю берега, прежде чем прыгнуть в волны холодного осеннего моря. Земляне исследовали собственную Солнечную систему и поколениями псевдоосведомлённо рассуждали о проблемах чуждой разумной жизни. Существует множество работ экспертов и мнимых экспертов. Но пока что оставался непреложным факт: человечество, родившееся на третьей планете Солнца, никогда ещё не встречалось с чуждой разумной жизнью. И много ли толку от рассуждений, докладов и споров, когда проблему предстоит решить практически — и быстро?

Сам Раф стал бы действовать осторожно, очень осторожно и ещё раз осторожно. Вопреки техническому образованию, у него имелось гораздо более живое воображение, чем подозревал кто-либо из его офицеров. И теперь он был убеждён, что лучший способ действий — быстрое отступление. До контакта им бы следовало как можно больше узнать о тех, с кем предстоит встретиться.

Но спорить не пришлось. Приглушенное восклицание Лабле заставило всех обернуться: отдалённая изогнутая крыша раздвинулась. И изнутри, из тени, в вечернее небо поднимался по спирали летательный аппарат.

Раф двумя прыжками вскочил во флиттер, без приказа подготовил к бою лучевую пушку и нацелил ствол на приближавшуюся к ним машину. Из микрофонов, оставленных Сорики на сидении, доносились звуки чуждой речи; какой-то частью сознания Раф отметил, что они

повторяются. Им передают приказ сдаться? Палец его лёг на гашетку пушки, и он уже готов был послать предупредительный залп, но тут его остановил Хобарт.

— Спокойней, Курби.

Сорики сказал что-то о пилоте, «всегда готовом пострелять», но Раф заметил, что тот и сам держит руку на оружии. Только Лабле спокойно смотрел на быстро приближавшийся корабль чужаков. Однако за время долгого пути — в ракете космонавтам мало какие черты характера удавалось скрыть от своих спутников — Раф понял, что ксенобиолог фаталист и не сторонник активных боевых действий.

Пилот не оставлял своего места у пушки. Но юноша сразу понял, что они утратили первоначальное преимущество. Когда корабль чужаков в форме языка пролетел над их головами и странная тень накрыла их, Раф уже был уверен, что его руководители приняли неверное решение. Услышав сигналы, следовало немедленно покинуть город — если ещё можно было. Он разглядывал чуждый флаер. Его очертания свидетельствовали о скорости и маневренности. Раф усомнился, что им удалось бы уйти от такого преследователя.

Что же теперь им делать? Чуждый флаер не мог здесь приземлиться, разве что сядет прямо им на головы. Может, он просто повиснет над землянами как угроза и предупреждение, а житсли города доберутся до них иным путём. Четверо космонавтов напряжённо следили за маневрами флаера. В продолговатом корпусе не было видно ни иллюминаторов, ни других отверстий. Возможно, корабль управлялся автоматически. Всё возможно, подумал Раф, даже какая-нибудь бомба. Тот, кто вёл этот флаер, был отличный пилот.

— Не понимаю, — Сорики нетерпеливо шевельнулся.

— Они просто летают над нами. Что нам делать?

Лабле повернул голову. Он слабо улыбался.

— Подождём, — сказал он связисту. — Вероятно,

требуется время, чтобы преодолеть двадцать лестничных пролётов... конечно, если у них тут есть лестницы...

Сорики перевёл взгляд с флаера на поверхность крыши. Раф уже давно разглядывал её, но никакого отверстия не нашёл. Однако он не сомневался в истинности предположения Лабле. Рано или поздно чужаки появятся. И для землян будет неважно, спустятся ли они с неба или поднимутся снизу.

5. Окольцованный дьявол

Знакомый только со шлюпками, Дальгард с дурными предчувствиями занял место на чужой лодке. Его беспокоило, конечно, не присутствие Сссури, которым он восхищался. Нет, когда-то на этом месте сидел гуманоид, один из тех, кого Дальгарда с детства учили опасаться и сторониться.

Лодка имела округлые нос и корму, борта у неё были очень низкие, она неустойчиво вертелась на воде, но Сссури со своим врождённым знанием течений взял одно из странно изогнутых вёсел, лежавших на дне, и начал осторожно грести. Они не поплыли попрёк реки, а позволили течению отнести себя и переправились по диагонали, так что на противоположный берег вышли дальше к западу.

Сссури мастерски привёл лодку к берегу в том месте, где к реке спускалась полоска почвы. Дальгард решил, что когда-то здесь рос сад. По эту сторону реки здания располагались не так тесно друг к другу. Каждое, двух- или трёхэтажное, окружала зелень, словно тут был район частных домов.

Они вытащили лёгкую лодку на берег, и Сссури указал на открытую дверь ближайшего дома.

— Туда...

Дальгард согласился, что надо спрятать лодку до их возвращения. Хотя других свидетельств присутствия чужаков в городе, кроме мёртвых прыгунов, они и не

видели, всегда следует иметь наготове способ бегства, если таковое понадобится. К тому же они выслеживают ящера-дьявола, а это злобное существо; если оно переплыло реку, то может скрываться на соседней тихой улице — или быть во многих милях отсюда.

Сссури, держа копьё наготове, уже шёл по мостовой улицы; голову он высоко поднял, отыскивая мыслью следы жизни. Дальгард тоже попытался проделать это. Но понимал, что Сссури, с его способностями, предупредит первым.

С места высадки они двинулись на восток, внимательно осматривая землю в садах, отыскивая отпечатки лап гигантского пресмыкающегося. И через некоторое время нашли их; Дальгард прикоснулся к следу пальцем: след был ещё влажный. В то же самое время Сссури многозначительно повернул голову. Впереди улица шла между двух стен без всяких промежутков и отверстий. Дальгард достал лук и подготовил тетиву, а из колчана выпнул стрелу, наконечник которой пока был завёрнут.

Нервная система ящера-дьявола управляет не из крошечной безмозглой головы, а из ряда вспомогательных «мозгов», расположенных вдоль мощного позвоночника. Поэтому зверь продолжает сражаться, даже когда ему снесут голову. Первые колонисты, полагавшиеся на лучевое оружие, абсолютно смертельное для любой формы земной жизни, сразу обнаружили это. А вот стрелы с вымазанными ядом наконечниками, которые держал Дальгард, уверенный в их эффективности, способны почти мгновенно парализовать и за четверть часа прикончить чудовище в чешуе.

«Логово...»

Дальгарду не требовалось предупреждение товарища. Невозможно было не заметить зловоние, запах разлагающейся плоти, признак логова ящера-дьявола. Юноша повернулся к правой стене и одним прыжком взлетел на широкий верх. Улица впереди сворачивала в широкую арку в другой стене, выше головы Дальгарда, даже сейчас,

когда он стоял на стене. Но вдоль стены проходили полосы разноцветной резьбы, и Дальгард был уверен, что на стену можно забраться. Он опустил руку и помог водяному подняться.

Сссури долго стоял, глядя вперёд, и Дальгард понимал, что водяной встревожен, что стена перед ними имеет какой-то зловещий смысл для жителя Астры. И таким сильным было это впечатление еле сдерживаемого ужаса, что Дальгард решился спросить:

— Что это?

Водяной оторвал взгляд от стены, его жёлтые глаза устремились на спутника. Наряду с ненавистью, в них появилось ещё какое-то чувство, которое Дальгард не смог определить.

«Это место печали, место расставания. Но они заплали, о, как они заплатили! Когда с неба начал падать огонь... — когтистые ноги в чешуе задвигались в воинственном танце, острие копья задрожало в лучах солнца; Дальгард не раз видел, как в этом необъяснимом ритуале движется оружие воинов водяных. — Тогда напились наши копья и наелись ножи! — пальцы Сссури коснулись рукояти кинжала, висевшего на поясе. — И тогда пришли печаль и расставание для них! Мы решили уйти в море и оставаться всегда свободными. А они ушли во тьму и больше не появлялись...» — Дальгард словно слышал громкое пение друга. Сссури потряс копьём.

«Нет больше зверя, нет больше смерти! — мысль Сссури торжествующе крепла. — Где они, те, что сидели здесь и смотрели на смерть? Они ушли, как уходит волна, обрушившись на камень. Её нет больше. А мой народ свободен, и никогда больше Другие не будут владеть нами! И потому я говорю, что это место теперь — ничто; зло здесь обратилось против себя и исчезло. Как исчезли Другие, когда их собственная злая воля обратилась против своего же народа и пожрала их!»

Он прошёл вперёд и остановился у более высокой стены, как будто не обращая никакого внимания на

зловоние логова ящера-дьявола. Высоко поднял руки и ударили копьём по резной поверхности. И Дальгарду не показалось это излишним жестом: Сссури жил и дышал, стоял свободным и вооружённым в городе своих врагов, в мёртвом городе.

Вместе поднялись они на высокую стену, и тут Дальгард понял, что это край арены; когда она использовалась по назначению, тут могло разместиться больше тысячи зрителей. Ряды сидений, ярусами поднимавшиеся от центра, окружали овальную площадку внизу, к которой вело несколько проходов. Высокая каменная решётка отделяла эту площадку от сидений, защищая зрителей от тех, кто мог выйти из этих проходов.

Но всё это Дальгард отметил лишь мельком, потому что арена оказалась занятой. И обитателей её он очень хорошо знал.

Вытянувшись во всю свою длину, на арене спокойно лежали три взрослых ящера-дьявола, у каждого непристойно раздувалось круглое набитое брюхо, крошечные головки на длинных шеях замерли на песке; чудовища дремали. Двое чудищ, не достигших ещё шести футов, рвали окровавленные остатки пира старших. Они шипели друг на друга и обменивались злобными ударами, когда оказывались в пределах досягаемости друг от друга. Ещё три, недавно вышедшие из материнских сумок, барахтались рядом со спавшими взрослыми.

— Неплохой улов, — Дальгард сделал знак Сссури, и водяной кивнул.

Они тихо спускались вниз, с сидения на сидение. Настоящей охотой предстоящее назвать будет нельзя: слишком уж легко достаётся добыча лучнику, который сам не подвергается опасности. Но тут, уже накладывая первую стрелу на тетиву, Дальгард заметил нечто поразительное. И не выстрелил.

Ближайший спящий ящер, которого он выбрал первой целью, лениво потянулся, не поднимая головы и не открывая маленьких глаз. И солнце отразилось ярким

блном на блестящем кольце на короткой передней лапе, как раз перед суставом, за которым начинается когтистая «кисть». Природная чешуйка не может блестеть так ярко. Так сверкнуть могло только одно — металл! Металлический браслет на лапе дьявола! Дальгард взглянул на двух других спящих. Один лежал на брюхе, подобрав под себя передние лапы, их не было видно. Зато другой... Да, у него тоже на лапе поблескивало кольцо!

Сссури стоял у каменной решётки, положив на неё руку и удивляясь не меньше Дальгарда. Он тоже не мог представить себе, что на диких ящеров-дьяволов, которых люди и водяные считали настолько опасными, что сразу убивали их при встрече, можно одеть кольцо, как на домашнее животное!

У Дальгарда возникла дикая мысль. Сколько живёт ящер-дьявол? До появления колонистов эти чудовища благодаря своей силе и свирепости были неоспоримыми хозяевами пустынного континента. Двенадцатифутовый, закованный в броню зверь легко разрывает двурога; ни один представитель фауны Астры с ним не справится. А так как водяные не заходили далеко на сушу, у них с ящерами происходили лишь случайные встречи. Так сколько же лет живёт ящер-дьявол? Может, эти спящие здесь чудища видели ещё господство Других? Хотя с тех пор прошли сотни лет.

«Нет! — отрицание Сссури прозвучало решительно. — Меньший ещё не вполне взрослый. У него нет второго пояса на шее. Но он тоже окольцован».

Водяной был прав. Отвратительный валик покрытой бронёй плоти, окружавший шею ящера, которого Дальгард выбрал первой целью, выглядел не таким толстым, как у других. Однако и у этого ещё не вполне взрослого животного на передней лапе, которую оно вытянуло, наслаждаясь жарой, — тепло страшилища ценят почти так же высоко, как пищу, — ясно виднелось кольцо.

— В таком случае... — Дальгарду не хотелось развивать мысль. Что же после «в таком случае»?

Сссури пожал плечами.

«Ясно, что это не дикие животные. Они здесь с определённой целью. А эта цель... — неожиданно он протянул руку, так что пальцы высунулись за каменную решётку. — Видишь?»

Дальгард уже увидел. А увидев, понял, какая ужасная опасность им грозит. Из грязной массы, на которой лежали ящеры-дьяволы, что-то выкатилось; может, выбросили в игре детёныши. Череп, с обрывками высохшей кожи и щерсти, смотрел на них пустыми глазницами. По крайней мере один водянной стал добычей кошмарных чудовищ, завладевших ареной.

Сссури зашипел, гнев захлестнул его разум.

«Снова они призвали сюда смерть...» — его глаза перешли от черепа к чудовищам. — «Убей!» — пришёл резкий и властный приказ.

Дальгард ещё до своего первого похода был известен как отличный стрелок из лука. А убивать ящеров-дьяволов — такую задачу ставят перед каждым колонистом с самой первой встречи с этими существами.

Дальгард снял чехол со стеклянного наконечника, сконструированного таким образом, чтобы застрять в плоти и разбиться, так что когтистая лапа, даже ухватив стрелу, не могла извлечь ядовитое острие. Цель — горло, где чешуйки мягкие и можно пробить шкуру первым же выстрелом.

Рычание двух младших ящеров заглушило щелчок тетивы. И Дальгард не промахнулся. Ярко-алое оперение стрелы торчало в задрожавшем кольце плоти.

С рёвом, разрывающим барабанные перепонки, ящер поднялся на задние лапы, взмахнул лапой с кольцом, задев соседа, и упал на спину на окровавленный песок; из его пасти закапала зеленоватая пена.

Чудовище, которого задел умирающий ящер, поднялось, и у Дальгарда появилась отличная возможность снова выстрелить. И вторая стрела с алым пером попала в цель.

Но вот третье животное, спавшее на песке, всё ещё

подставляло выстрелам бронированную спину, пробить стрелой которую невозможно. Оно лишь раскрыло глаза и смотрело на неподвижные тела товарищей, но вставать по-видимому не собиралось. Как будто понимало, что пока остаётся в прежней позе, оно в безопасности.

«Детёныши...»

Дальгарда не нужно было подталкивать. Он сравнительно легко попал в двух не вполне взрослых. Другое дело — детёныши. Не настолько неповоротливые, как старшие, они почувствовали опасность и попытались бежать. Один спрятался в сумке мёртвой матери, другие метались по арене так быстро, что Дальгарду трудно было прицелиться. Он убил одного, уже почти скрывшегося в проходе, а второго ранил в лапу, зная, что яд, хоть и подействует медленнее, но действует обязательно.

Всё это время взрослый дьявол продолжал лежать абсолютно неподвижно, только злобные глаза свидетельствовали, что он жив. Дальгард нетерпеливо следил за ним. Если зверь не двинется, не подставит стреле мягкие части тела, убить его будет невозможно.

Оба охотника хорошо знали ящеров-дьяволов, и потому последовавшее удивило их обоих. За все годы, что колонисты встречались с ящерами, у них создалось представление, что это безмозглые чудовища, простые машины, которые дерутся, едят и убивают, но не способны мыслить, и потому опасны только тогда, когда застигают врасплох или когда охотник лишён нужного вооружения.

Теперь же для двоих за решёткой постепенно становилось всё яснее, что этот ящер другой. Во время убийства своих товарищей он оставался в безопасности, потому что не двигался, как будто ему хватило ума, чтобы понять, что вставать нельзя. Наконец он зашевелился, но его маневр свидетельствовал, что животное нашло решение — такое же разумное, какое принял бы Дальгард, окажись он в аналогичном положении.

Прижимаясь к земле мягким брюхом, ящер развернулся, так что охотники за решёткой по-прежнему могли

видеть только бронированную спину. Втянув шею в плечи, согнув мощную спину, чудовище с опасного места поползло к проходу.

Дальгард в приступе отчаяния послал ему вслед стрелу. Но та ударила в прочную броню и отскочила. И ящер-дьявол исчез.

«Окольцованный...» — слово достигло сознания Дальгарда. Сссури оставался хладнокровным, а охотника-человека необычные действия добычи просто ошеломили.

— Оно разумно, — почти протестующе заявил разведчик.

«Если дело связано с Другими, можно ожидать самых злых чудес».

— Мы должны добраться до этого дьявола! — Дальгард был полон решимости. Но перспектива преследовать ящера по лабиринту пустынного города, особенно ящера, обладающего разумом, не вызывала никаких приятных эмоций. Однако Дальгард решил выполнить свой долг до конца.

«Он пошёл за помощью».

Поражённый юноша повернулся к спутнику. Сссури по-прежнему стоял у решётки, глядя на проход, в котором исчез дьявол.

— Что за помощь? — на мгновение Дальгард представил себе, как чудовище возвращается во главе целого отряда ящеров, которые легко сломают решётку и доберутся до мягкотелых существ за нею.

«Защита, безопасность... — ответил Сссури. — И, мне кажется, нам нужно именно то место, куда направился зверь».

— Другие? — солнце вовсе не зашло за тучи, оно по-прежнему посыпало жаркие лучи на головы и плечи, но Дальгард ощутил холод, словно его кожи коснулся промозглый осенний ветер.

«Другие не здесь. Но были здесь. И, возможно, вернутся. Дьявол пошёл туда, где надеется их найти».

А Сссури уже выступил, побежал по окружности арены к месту над проходом, в котором скрылся ящер-дьявол. Дальгард, сжимая в руке лук, пошёл за ним. Когда дело касается выслеживания, он полностью полагался на Сссури. И если водяной говорит, что у дьявола была определённая цель, он прав. Но всё же разведчика ставило в тупик само существование чудовища, способного на какую-то цель, кроме охоты и пожирания мяса. Либо убежавший — мутант, отклонение от нормы, либо... Это «либо» могло вести к нескольким продолжениям, и ни одно из них не внушало приятные мысли.

Вскоре они добежали до навеса над проходом и по рядам сидений взобрались к верхней кромке стены. Но дверей внизу не увидели — только спутанную высохшую растительность. Очевидно, прохода на арену здесь никогда и не было.

Сссури уже карабкался через решётку. Он начал спускаться по другую сторону на песок, когда Дальгард догнал его. Вместе ступили они в подземный проход, в котором исчез ящер-дьявол.

Здесь их охватило густое зловоние логова. Дальгард закашлялся, от вони его затошило. Идти вперёд отчаянно не хотелось. Но к своему растущему облегчению, юноша обнаружил, что здесь не темно. В потолке на равных расстояниях друг от друга были укреплены пластины, испускавшие слабый фиолетовый свет, поэтому в коридоре царили сумерки, что, впрочем, всё равно было гораздо лучше тьмы.

Коридор тянулся прямо, без поворотов и каких-либо проходов. Но зловоние ни на миг не затихало, и Дальгард подумал, что они идут прямиком в другое логово, возможно, столь же плотно населённое, как и то, что они оставили позади. Конечно, ящеры-дьяволы обычно не живут в подземельях, они предпочитают трещины в скалах, где могут греться на солнце. Но ведь и дьявол, которого они преследовали, был необычен.

Сссури заверил его:

«Логова нет, только запах, потому что они много лет постоянно ходили здесь».

Проход закончился широким помещением, где фиолетовый свет стал сильнее; света теперь было достаточно, чтобы разглядеть множество входов. Но все они были перегорожены решётками. Несомненно, некогда здесь размещалось нечто вроде тюрьмы.

Сссури не стал осматриваться, водяной быстро пересёк помещение, Дальгард — за ним. С противоположной стороны коридор пошёл вверх, и юноша решил, что скоро они выйдут на поверхность.

«Дьявол ждёт, — предупредил Сссури, — потому что боится. Когда мы покажемся, он бросится на нас. Будь готов...»

Они чуть задержались перед дверью, за которой начался другой коридор; здесь у самого потолка проходил ряд окон, в узкие щели которых сочился солнечный свет. После полумрака туннеля Дальгард замигал, но всё-таки заметил движение в дальнем конце нового коридора и услышал шипение чудовища, которого они выслеживали.

6. Охота за сокровищами

Раф, скорчившись на небольшой с мягкой обивкой платформе, приподнятой на шесть дюймов над полом, пытался рассмотреть обитателей помещения, в то же время стараясь не обидеть их своим разглядыванием. На первый взгляд, вопреки необычной одежде и странной привычке раскрашивать лица, жители города могли показаться людьми. Но потом он разглядел их длинные худые руки с тремя одинаковой длины пальцами и противопоставленным им большим, увидел под сложным головным убором жёсткие колючки, которые служили им волосами.

Ну, по крайней мере они не проявляли враждебности. На крышу, где их ждали земляне, обитатели планеты вышли с пустыми руками, делая приветственные жесты. И легко убедили троих исследователей пройти в их поме-

щения. Раф не оставил бы флаер, если бы не получил прямой приказ капитана Хобарта, приказ, с которым пилот до сих пор внутренне не соглашался.

Землянам предложили еду и питьё. Помня первое правило звёздных путешествий, они отказались, что во все не привело и к отказу хозяев. Напротив. Наблюдая за ними, Раф подумал, что для них такие пиры — редкость. Соседи тут же разделили его порцию между собой, и она исчезла даже быстрее, чем их собственные.

В другом конце комнаты Хобарт и Лабле пытались общаться со старшими среди чужаков, а Сорики с помощью маленькой камеры записывал всё происходящее.

Раф переводил взгляд с одного своего соседа на другого. Сосед справа выбрал для своих одежд ослепительно яркий, болезненный для глаз алый цвет: алые полоски закутывали его тело каким-то бесконечным бинтом. Только ладони, ступни с четырьмя пальцами и голова были свободны от этой повязки. А на лице лежала жёлтая краска, тоже очень яркая, так что под её толстым слоем трудно было рассмотреть черты лица; краску нанесли полосками под глазами и кругами вокруг рта, эти круги полностью покрывали безбороды щёки. На голове возвышался тюрбан из многоцветных полосок; едва голова шевельнётся, как они меняют цвет.

Большинство чужаков в комнате были одеты так же: сами обмотаны лентами, лицо раскрашено, на голове тюрбан. Но были и исключения — три чужака. И один из них — сосед слева от Рафа.

На лице у него чередовались консервативные полосы чёрного и белого цвета. Мускулистые руки были обнажены по плечи, а грудь и спину охватывало нечто вроде металлической раковины, похожей на древние доспехи с родной планеты Рафа. Остальную часть тела покрывали бинты однообразного чёрного цвета; из-за худобы конечностей эти чёрные повязки придавали чужаку неприятное сходство с пауком. Талию туто стягивал пояс, с которого свисали многочисленные ножны и карманы; на голове

блестел металлический шлем. Военный? Раф был убеждён, что его догадка верна.

Офицер, если это был офицер, уловил взгляд Рафа. Он раскрыл круглый маленький рот и быстрыми движениями рук изобразил полёт флаера. Своими говорящими пальцами он явно задал вопрос: а не пилот ли флаера Раф?

Юноша кивнул. Потом указал на офицера и постарался воспроизвести вопрос.

Ответ последовал быстро и охотно: чужак тоже пилот или командир флаеров. И впервые с того момента, как он вошёл в это здание, Раф слегка расслабился.

Гладкая, бзз единой морщинки тёмно-жёлтая кожа чужака вкупе с раскрашенным лицом напугает любого земного ребёнка; общее впечатление совсем непривлекательное. Но он — пилот флаера и хочет говорить об общих проблемах, насколько они могут общаться, не зная языка друг друга. И так как одетый в алое чужак слева был поглощён едой, жадно подбиравая последние кусочки с тарелки, Раф всё своё внимание уделил офицеру.

Их уст военного потоком полилась щебечущая речь. Раф с сожалением покачал головой, на что собеседник с почти человеческим раздражением дёрнулся плечом. Почему-то это подбодрило Рафа.

Со множеством догадок, большинство из которых, вероятно, были неверны, Раф понял, что офицер — один из немногих, кто ещё умеет управлять воздушным кораблём этого гибнущего города. На пути с крыши Раф уже подметил, что жителей города осталась всего лишь горстка и все они живут либо в центральном здании, либо вблизи от него. Жалкая горстка выживших среди останков прежнего величия.

Однако сейчас он не чувствовал, что офицер, пытавшийся говорить с ним, представляет умирающую расу. Да и вообще, глядя на чужаков в комнате, Раф замечал их проворство и сдержанную энергию, свойственную молодому, полному жизни народу.

Офицер пытался уговорить его пойти куда-то, но Рафу не хотелось в чужом городе отделяться от товарищей, он уже хотел отрицательно покачать головой, но тут в голову ему пришла новая мысль. Ведь недавно он не хотел уходить от флиттера. Может, удастся уговорить чужака под предлогом осмотра незнакомой машины отвести его назад к флаеру. Там он и останется. Он не знал, чего надеялись достичь здесь капитан Хобарт и Лабле. А что касается его самого, тут Раф был уверен: он не успокоится, пока снова не пересечёт горную цепь и не сядет рядом с РК-10.

Чужак словно прочёл его мысли. Он расправил свои чёрные ноги и одним гибким движением встал; Раф, тело которого затекло от необычной позы, с трудом последовал его примеру. Никто как будто не заметил их ухода. Когда Раф остановился, пытаясь уловить взгляд капитана Хобарта и объяснить, чужак легко тронул его за руку и поманил к завешенному выходу. Понимая, что теперь нельзя отказываться, Раф неохотно вышел.

Они оказались в коридоре, на стенах которого сплетались полосы невообразимых цветов, глаза землянина с трудом выдерживали их. Раф торопливо опустил взгляд к серому полу под башмаками. Он уже обнаружил, что попытка проследить узор этих многоцветных лент вызывает боль в глазах и приступы паники. Космические ботинки с магнитными прокладками в подошвах громко стучали по полу, босые ноги спутника не производили никакого шума.

Коридор постепенно перешёл в ведущую вниз рампу, и Раф узнал спуск. Его уверенностьросла. Они были на пути из здания. Здесь росписи на стенах отсутствовали, поэтому он мог оглядываться в поисках знакомых предметов.

Юноша был уверен, что банкетный зал находится примерно на десятом этаже. Но спуститься по всем десяти пролётам ему не пришлось. После третьего пролёта офицер резко свернул влево, поманив за собой Рафа.

Когда землянин упрямо остался на месте, указывая в направлении, которое должно было вернуть его к флиттеру, офицер жестами описал машину в полёте. Вероятно, собственную.

Раф вздохнул. Он не видел выхода, разве что повернуться и убежать. Но прежде чем он выбежит из этого муравейника на улицу, его легко догонят. К тому же, несмотря на то, что он пытался запомнить путь, пилот вовсе не был уверен, что найдёт обратную дорогу к флаеру, даже если будет свободен. Он сдался и последовал за офицером.

Внезапно они вышли на один из изящных мостов, которые паутиной прикрывали весь город, соединяя здания и башни. Раф, пилот флиттера, всегда считал, что не боится высоты, но сразу обнаружил, что одно дело — сидеть во флаере, и совсем другое — идти по узкому мосту высоко над улицей. Юноша чувствовал, как дрожит под ним мост, словно вот-вот дополнительная тяжесть сорвёт его с опор и обрушит на землю.

К счастью, им пришлось пройти относительно короткое расстояние, но Раф с облегчением вздохнул, только когда они достигли двери на противоположной стороне. Они переправились в тонкую башню. Однако это была всего лишь промежуточная площадка перед следующим хрупким мостом, уходившим вниз. Раф с облегчением ухватился за перила. Их присутствие свидетельствовало, что не все пользующиеся мостом так же беззаботны, как офицер, легко шагавший впереди. Теперь землянину стало понятно, почему чужак босой: ходить босиком по таким мостам гораздо легче.

Спуск привёл их новому зданию, выглядевшему как-то по-жилому, чем не могло похвастаться ни одно окружающее сооружение. Войдя в дверь, Раф сразу услышал непрерывный гул; чтобы устоять на ногах, он коснулся стены и ощутил слабую дрожь, как будто в здании работали какие-то механизмы. Но офицер провёл Рафа по коридору, а потом по подъёму, показавшемуся пилоту

очень крутым, на крышу. Там их ждал не флаер в форме языка, какой они увидели первым, а блестящий шар. Офицер остановился, взгляд его в немом приглашении перешёл от землянина к машине. Офицер как будто приглашал гостя разделить его гордость. Пилот не нашёл в шаре сходства ни с каким знакомым ему воздушным транспортом. Но он не сомневался, что перед ним высшее достижение чужаков, и очень хотел увидеть его в действии.

Вслед за офицером он подошёл к люку в основании шара и увидел лесенку. Вначале юноше показалось, что он не сможет подняться: ступеньки были совершенно крошечные, как раз для босых пальцев экипажа. Но включив свои магнитные присоски, Раф всё-таки смог подняться, хотя и гораздо медленнее проводника. Они миновали несколько уровней кают и оказались в рубке управления корабля.

Для Рафа многочисленные кнопки и рычаги не имели никакого смысла, но он пристально следил за жестами своего спутника. И вскоре понял что это не космический корабль. Он вообще сомневался в том, что чужаки побывали даже на соседних планетах своей системы. Но этот корабль обладал мощностью много большей, чем у первого флаера. И его явно готовили к длительному полёту.

Земной пилот сел на маленькое сидение перед приборами. На экране перед ним по вечернему небу плыли облака. Раф неудобно поёрзal. Уже вечер. Он вновь почувствовал настойчивое желание уйти, вернуться к РК-10. Он не хотел проводить ночь в городе. Нужно постараться убедить офицера провести его к флиттеру. Лучше он побудет в нём, чем в одном из зданий чужаков.

Одновременно Раф разглядывал панораму на экране, стараясь отыскать крышу, на которой оставил флиттер. Но ничего не мог узнать.

Раф повернулся к офицеру и в который раз попытался дать ему понять, что хочет вернуться к своей машине. Но либо он не сумел это сделать, либо чужак не захотел

нимать. Потому что, оставив рубку управления, они отправились осматривать другие помещения корабля, включая отсек, где размещались двигатели. В других обстоятельствах Раф мог бы провести тут часы.

В конце концов землянин решительно направился к лестнице и вскоре оказался на крыше под сумеречным небом. Юноша медленно прошёлся по широкой площадке, пытаясь найти какие-нибудь ориентиры. Хорошо видно было центральное здание и несколько башен вокруг него. Но рядом с какой из них спряталась крыша, на которой стоит его флиттер? Рафа непреодолимо влекло к его машине.

Офицер смотрел на него; но вот он положил трёхпалую ладонь на руку Рафа и прощебетал вопрос.

Без особой надежды Раф повторил жесты, которые делал раньше. И изрядно удивился, когда офицер повёл его вниз, в здание. Однако на этот раз они прошли не к мосту через улицы, а продолжали спускаться по лестницам внутри дома.

Во всём здании велась какая-то бурная деятельность. По коридорам часто проходили чужаки, все в чёрных обмотках, с металлическими грудными и на спинными плитами; они же занимались в помещениях какими-то непонятными операциями. И Рафу показалось, проводник старается побыстрее увести его отсюда.

Только когда они достигли уровня улицы, офицер остановился у одной из дверей и повелительно поманил Рафа. Землянин неохотно повиновался, и тут его чуть не вырвало.

Он увидел мёртвое, очень даже мёртвое тело. Судя по многоцветным обрывкам на теле это тоже был чужак, один из знатных, не военный в чёрном. Страшные раны почти разорвали его тело. Ничего подобного Раф не видел.

С гортанным криком, лучше слов выражавшим чувства, офицер подобрал с пола сломанное копьё; с его наконечника капала красновато-жёлтая кровь, такая же,

какая ещё сочилась из разорванного тела. Размахивая оружием, так что землянин вынужден был отступить на несколько шагов, чужак разразился страстной речью. Потом снова перешёл к жестам, которые космонавту легче было понять.

Это работа их смертельного врага, понял Раф. И такая же судьба ждёт всякого, кто выйдет за определённые безопасные пределы. И если этот враг не будет уничтожен, город... сама жизнь... перестанет существовать.

Увидев такие страшные раны, говорящие о безумной ненависти, Раф вполне мог в это поверить. Но ведь примитивное копьё не в силах противостоять оружию, которое имеется в распоряжении его спутника.

Когда пилот попытался выразить это, проводник лишь покачал головой, словно отчаялся быть понятым, и поманил Рафа за собой. Они вышли на загромождённую обломками улицу и двинулись в сторону от центрального здания, где находились остальные трое землян. Раф, при виде сгущавшихся сумерек, удлинявшихся теней и помня то копьё, не мог удержаться и не оглядываться время от времени через плечо. Не привлечёт ли стук его металлических подков внимание тех, с кем он не хотел бы встретиться? Он положил руку на рукоять станнера. Но офицер не казался встревоженным; он шёл вперёд с уверенностью человека, которому нечего опасаться.

Однако и Раф вскоре узнал цветную полоску и слегка успокоился: они шли к флиттеру. Он уже проходил по этой улице. И не возражал против длительного подъёма по рампам. Этот подъём в конце концов и привёл их к флаеру. Облегчение пилота было так велико, что он провёл ладонью по гладкому борту машины, словно это любимое домашнее животное.

— Курби?

Услышав голос Хобарта, Раф застыл.

— Да, сэр!

— Мы остаёмся здесь на ночь. Нужно обдумать наши дальнейшие планы.

— Да, сэр! — с этим Раф был вполне согласен. Попытаться пролететь над горами в темноте — самоубийство. Он бы всё равно отказался. С другой стороны, он бы спал спокойнее вне пределов города. И Раф подумал, не предложить ли использовать последние мгновения светлого времени, чтобы вылететь на открытое место и там устроить лагерь.

Офицер-чужак что-то сказал своей свистящей речью и исчез в тени. Раф увидел, что остальные уже достали свои спальные мешки и раскладывают их под флиттером, а Сорики связывается с РК-10.

— ...установить взаимопонимание было нетрудно, — говорил Лабле, когда Раф забрался во флиттер за своим мешком. — У них имеют значение цвет и его интенсивность. Нам надо поскорее изучить основы их языка. Мы рассмотрим записи с помощью сканера... Установили его, Сорики?

— Можете нажимать кнопку. Если сканер сможет их прочесть, то прочтёт. Я записал всю речь, которую произнёс их вождь, король или кто там ещё, когда мы уходили.

— Хорошо, очень хорошо! — Лабле сел у переносной панели коммуникатора Сорики и воткнул в уши пробки сканера, с отсутствующим видом принимая у капитана свою порцию концентратов и одновременно слушая запись, сделанную связистом днём.

Хобарт повернулся к Рафу.

— Вы выходили с офицером. Что он вам показал?

Пилот описал шар и тело, которое ему показали, и добавил то, что понял из объяснений жестами. Капитан кивнул.

— Да, у них есть летательные аппараты, они их используют. Но мне кажется, большой у них только один. И они ведут войну. Всю колонию мы не видели, но я заключаю, что их осталось очень немного. Они окопались здесь и нуждаются в помощи, иначе варвары всех их прикончат. Они об этом много говорили.

Как раз на этом месте Лабле, с чрезвычайно воз-

буждённым выражением лица, вытащил из ушей пробки.

— Вы абсолютно правы, капитан! Они предлагают нам сделку. Предлагают все сокровища знаний этой планеты!

— Что? — в голосе Хобарта послышалось недоумение.

— Где-то там... — ксенобиолог махнул рукой, указывая куда-то на восток, — спрятана сокровищница знаний их расы. Она в самом сердце вражеской территории. Но враг пока о ней не знает. Наши хозяева уже дважды летали туда за разными материалами, и их корабль может совершить ещё только один перелёт. Они предлагают нам равную долю, если мы полетим с ними и поможем очистить склад...

В ответ Хобарт только присвистнул. На худом лице Лабле появилось голодное выражение. Никакая другая взятка не могла бы так соблазнить его. Но Раф, вспомнившая разорванное тело, сомневался.

«В сердце вражеской территории», повторял он про себя.

Лабле добавил ещё кое-какую информацию.

— В конце концов, их враг силён только своим количеством. Это животные...

— У животных не бывает копий! — возразил Раф.

— Это экспериментальные животные, сбежавшие во время войны много поколений назад, — сообщил Лабле.

— И как будто поднявшиеся до полуразумного состояния. Я должен их увидеть!

Хобарт не собирался торопиться.

— Подумаем, — решил он. — Нам нужно время для обдумывания.

7. Много глаз, много ушей.

Не впервые стоял Дальгард перед ящером-дьяволом, жаждущим убийства. То, что произошло на арене, было скорее исключением из правил, а не просто охотничьей удачей. И теперь, увидев в дальнем конце коридора присевшее животное, он был готов. Сссури, также следуя

выработанному обычаю, отделился от товарища и скользнул вдоль стены к чудовищу, готовый в нужный момент отвлечь его внимание.

Но в сознании Дальгарда крепко-накрепко засело одно сомнение. Этот дьявол действовал не так, как его безмозглые сородичи. А что если он окажется способен разгадать простые маневры, которые всегда ставят в тупик других чудовищ, и нападёт не на подкрадывающегося водяного, а на выжидавшего лучника?

Ящер прижался к следующей двери, закрытой, словно пытался найти за ней убежище или помощь. Но когда Сссури двинулся вперёд, длинная шея животного вытянулась, пока не образовала почти прямой угол с его узкими плечами, а из пасти послышалось ужасающее шипение, которое перешло в крик. Мышцы ног ящера напряглись, готовясь к прыжке.

Точно в нужное мгновение Сссури отвёл назад руку, и его копьё запело в воздухе. Невероятным поворотом шеи дьявол перехватил древко зубами и в порошок стёр твёрдый, как железо, шест. Но это движение обнажило его горло, и стрела из лука Дальгарда глубоко погрузилась в плоть.

Ящер-дьявол выплюнул копьё и попытался поднять голову. Но мышцы его быстро слабели. Он сражался с ядом, сделал шаг вперёд, его маленькие красные глаза полны были ненавистью. Потом упал и ещё некоторое время дёргался. Дальгард опустил лук. Второй выстрел не понадобился.

Сссури с несчастным видом разглядывал обломки своего копья. Это не просто продукт долгих часов напряжённой работы. Ни один водяной не сочтёт себя готовым к встрече с врагом без такого оружия в руках. Сссури взял острие и снял его с обломка древка, оставленного драконом. Завязав наконечник в пояс, водяной повернулся к Дальгарду.

«Посмотрим, что за этой дверью?»

Дальгард пересёк коридор и попробовал толкнуть дверь.

Она не поддалась на толчок, зато откатилась в стену, позволяя пройти.

И по другую сторону двери разведчики обнаружили гигантский зал, при одном виде которого они изумлённо застыли на месте. У колонистов была лаборатория, мастерские, они старались сохранить знания, которые пронесли их предки через космос, а также получить новые. Но огромное помещение с поражающей воображение массой старых механизмов и машин, баков, ящиков, полок, установленных многочисленными предметами, заваленных инструментами столов, было слишком велико, чтобы отыскать что-либо полезное без подробного и тщательного изучения.

«Мы здесь не первые», — Сссури почти не обратил внимания на все эти предметы. Он нагибался к потревоженной пыли в одном из проходов. Дальгард, присоединяясь к водяному, заметил, что на столах совсем недавно появилось много пустых мест, о чём свидетельствовали пятна на многолетнем слое пыли. И тут он тоже увидел, что так заинтересовало Сссури: следы, напоминающие отпечатки босых ног, но всего с тремя пальцами!

«О н и!»

Дальгард, бывший неплохим следопытом и охотником до того, как стал разведчиком, нагнулся, чтобы разглядеть получше. Да, след был недавний, сделанный вчера или позавчера; на каждом отпечатке лежал только налёт свежей пыли.

«Несколько дней назад. Теперь они не в городе, — уверенно заключил водянной. — Но придут снова».

— Откуда ты знаешь?

Сссури рукой указал на окружавшие их богатства.

«Они взяли кое-что, может, самое необходимое. Но не смогут отказаться от остального. Они обязательно вернутся, и не один раз. Много. Пока...»

— Пока не останутся насовсем, — Дальгард мрачно закончил мысль друга.

«Этого они и добиваются. Когда-то вся земля здесь

была под их господством. Весь мир принадлежал им, пока они не погубили его, воюя друг с другом. Да, они мечтают вернуть себе всё. Но, — в глазах Сссури вспыхнул такой же огонь, какой горел в глазах ящера-дьявола в последние мгновения его жизни, — но этого не должно случиться!»

— Если они заберут землю, у вас останется море, — заметил Дальгард. Водяные могут спастись. А его соплеменники? Большие семьи не в обычай у колонистов-землян. Они жили чуть больше ста лет на новой планете, и за это время количество их выросло с сорока пяти переживших космическое путешествие до двухсот пятидесяти, из которых лишь сто двадцать — не старики и не дети и могут сражаться. И никакого отступления, никакого убежища у них нет.

«Мы не вернёмся в глубины!» — в заявлении Сссури прозвучала непреклонная решимость. Его племя слишком долго преследовали, и только когда водяные заключили союз с колонистами, они осмелились покинуть опасные океанские глубины, где охотятся чудовища, такие же свирепые и опасные, как ящеры-дьяволы, и поселить свои семьи в прибрежных пещерах и на маленьких островах вблизи берега, расплодиться и развить свою цивилизацию. Да, зная упрямство этих мохнатых существ, Дальгард был уверен, что морской народ добровольно в глубины не вернётся. Как не пойдёт покорно под власть ненавистной расы.

— Не вижу, как мы сможем остановить их, — Дальгард заговорил вслух, словно обращаясь к самому себе. Он разглядывал заваленные столы, машины на массивных основаниях у стен, богатства чуждой технологии.

Усвоенное с детства утверждение, что знания Других не для его племени, что они опасны, вызывало беспокойное ощущение вины за то, что он стоит здесь. Опасность, опасность гораздо хуже физической, таилась среди странных предметов. И он мог оживить её, просто протянув руку и взяв какой-либо из удивительных инструментов,

что лежали всего лишь в дюймах от него. Любопытство боролось в юноше со строгим предупреждением старейших.

Когда Дальгард был совсем маленьkim, он как-то заглянул в полевой мешок отца после предпоследнего исследовательского похода старшего Нордиса. И нашёл там чистый прямоугольный зеленоватый кристалл, в центре которого переплетались разноцветные линии, образуя странные узоры. Стоило чуть-чуть повернуть кристалл в руке, как рисунки менялись. Дальгард долго смотрел на кристалл, и ему стало казаться, что в его голове что-то происходит; он как будто начал понимать значение отдельных чуждых слов, ловить обрывки чуждых мыслей, как обычно, когда общался с детёнышем водяного, которым был Сссури, или с прыгунами в поле. И так велико было его удивление, что он побежал искать отца с этим кристаллом, чтобы рассказать, что происходит, когда на него смотришь.

Но его отнюдь не похвалили за открытие. Напротив, отвели в комнату, где лежал в постели глубокий старик, сын Великого Человека, задумавшего и осуществившего полёт в космосе. И сам Форкен Кордов старческим голосом разговаривал с Дальгардом; голос его был такой же хрупкий и тонкий, как худые руки, беспомощно лежавшие на высохшем теле; старик простыми и добрыми словами объяснил, что знание, заключённое в кристаллах и странной формы книгах, которые иногда отыскиваются в руинах, не для них. Что первым обнаружил это его собственный прапрадед Дард Нордис, один из первых мутантов, способных к восприятию мыслей. И Дальгард, под впечатлением слов Форкена, озабоченности отца и всех событий того дня, никогда не забывал предупреждение.

«Мы не можем надеяться остановить их, — заметил Сссури. — Но мы должны узнать, когда они придут снова, и ждать их — твой народ и мой. Потому что,

говорю тебе, брат по ножу, им нельзя позволить снова подняться!»

— А как предсказать их приход? — спросил Дальгард.

«Одни мы этого не сделаем. Но когда они придут, то быстро не уйдут. Они уже побывали здесь, никто не причинил им вреда, и потому их опасения углеглись. И когда они придут в следующий раз, то в соответствии со своей природой захотят остаться дольше. Не хватать то, что поближе, а тщательно выбирать вещи, которые дадут лучшие результаты. Поэтому они разобьют лагерь, и мы сможем позвать на помощь».

— Возвращение в Хоумпорт потребует нескольких дней, даже если мы будем торопиться, — возразил разведчик.

«Слово летит быстрее человека, — ответил водяной с непоколебимой уверенностью в своём плане действий. — Мы поставим себе на службу дружеские глаза и уши, много глаз, много ушей. Будь уверен: не мы одни боимся возвращения Других из-за моря».

Дальгард понял его. Не в первый раз прыгуны и прочие живущие в траве зверьки,очные бегуны и даже птицы-бабочки, с которыми могут связаться только водяные, передадут сообщение через весь континент. Может, передадут источно: точно передать крошечный мозг животного не в состоянии, — но значение будет понято старейшими и водяных, и колонистов. На севере беда, там нужна помощь. И так как только Дальгард избрал северное направление для похода, его народ будет знать, кто послал сообщение, и начнёт действовать. А к сообщению Сссури серьёзно отнесутся воины его племени.

Да, это можно будет сделать. Но как же оставленные ими следы, убитые ящеры-дьяволы?

У Сссури и на это был ответ.

«Они подумают, что кто-то из моего народа побывал здесь, может, целый отряд исследовал сушу. Мы сделаем, чтобы так казалось. Но о тебе они не должны знать. Думаю, они до сих пор не знают, что твои отцы сошли с

неба. И когда начнётся война, это может оказаться немалым преимуществом».

Сссури говорил разумно, и Дальгард легко согласился исполнять его план. Когда они уходили со склада, Сссури шёл сзади и наступал на каждый след, оставленный разведчиком. Возможно, опытный следопыт всё же заметит след человека, но колонист считал, что среди Других таких нет.

В коридоре водяной подошёл к мёртвому ящеру-дьяволу и выдернул убившую его стрелу. Достав из пояса наконечник своего копья, Сссури принял расширять им маленькую рану, оставленную стрелой, так, чтобы её первоначальная природа не была заметна. Потом они отступили по подземному коридору, пока не выбрались на арену. Над тушами мёртвых животных уже слышалось голодное жужжение насекомых.

С пронзительным писком детёныш дьявола выбежал из сумки матери. Сссури метнул нож, лезвие попало маленькому ящеру в плечо, полуразрубив тонкую шею, детёныш бессмысленно закружился, ударился о стену и упал с ужасным криком.

Разведчики тщательно собирали стрелы, убившие остальных. Дальгард тем временем воспользовался возможностью разглядеть кольца на лапах животных. На ощупь они были гладкие, как металлические, но из незнакомого материала, чем-то походившего на медь; поверхность колец прочерчивали тонкие чёрные жилки. Дальгарду хотелось прихватить такое кольцо для исследования, но снимать его с когтистой лапы было бы опасно.

Сссури, занимавшийся своей ужасной маскировкой, с облегчённым вздохом разогнулся.

«Иди! — водяной указал на один из выходов. — Я спутаю след».

Дальгард послушался, ступая легко, как только мог, и избегая влажных мест, где мог бы оставить заметный след. Сссури метался по всей арене, маскируя его отпечатки.

Они отступили к реке, достали лодку и переправились, потом поспешно миновали город и постарались подальше уйти в открытую местность. Наступала ночь, и Дальгард радовался, что ему не придётся ночевать в темноте среди населённых призраками зданий. Но он понимал, что не простое нежелание оставаться в городе чужаков привело Сссури в поля. Им следовало осуществить вторую часть их плана.

Дальгард заставлял себя оставаться совершенно неподвижным, а водяной лежал на земле рядом с ним, как будто плыл на своих любимых волнах в какой-нибудь закрытой бухточке. Его яркие глаза были закрыты. Но Дальгард знал, что Сссури не спит, и изо всех сил пытался поддержать его мысленный призыв; какой-нибудь прыгун или ночной бегун подхватит его и передаст дальше: на севере опасность, её нужно расследовать. Одну группу бегунов, переселявшихся на юг, они уже встретили. Но если сумеют отправить на юг ещё одно племя, вызвать исход прыгунов, известие распространится шире и дойдёт до животных, живущих по соседству с Хоумпортом.

Солнце зашло, быстро темнело. Вскоре пропали из виду теснящиеся здания города. И так как у Дальгарда не было способностей водяного, он не знал, достигнут ли их усилия хотя бы тени успеха. Юноша вздрогнул на холодном ветру и наконец решил положить руку на плечо Сссури, почувствовать заряд его тепла и сосредоточенности.

Ослабив таким образом напряжение мысли товарища, он спросил:

— Не лучше ли тебе, брат по ножу, с восходом солнца вернуться в море и отплыть к своему племени, оставив меня здесь ждать твоего возвращения?

Сссури ответил сразу: по-видимому, он думал об этом.

«Посмотрим, что случится, когда взойдёт солнце. Это правда, в море я могу двигаться быстрее, а охотничьи отряды моего племени иногда заходят в эти воды. Но без

важной причины они не пойдут к городу. Это проклятое место».

Но наутро город снова неумолимо притянул их мысли к себе. Любопытство влекло Дальгарда на склад. Он надеялся, если повезёт, найти что-нибудь, что помогло бы решить их проблему. Если бы только отыскать возможность избежать открытого конфликта с Другими. Чужаки могут никогда и не узнать о существовании земной колонии. Много поколений, даже столетий, чужаки были заключены или сами себя заключили за морем, на западном континенте. И если перед ними встанет угроза новой катастрофы, они никогда снова не пойдут на восток. Дальгард помечтал о том, что хорошо бы найти и привести в действие какую-нибудь защитную установку, которая обернётся против чужаков. Но в то же время юноша понимал, что ему не хватает технических знаний, он не сможет отыскать такое оружие.

Остатки земной науки и техники, которые беглецы принесли с собой с родной планеты, тщательно сохранялись; эксперименты, которые колонисты проводили на своём несовершенном оборудовании, обязательно регистрировались, и Дальгард был знаком с их основными результатами. Но то немногое оружие, которое они сумели привезти, давно лишилось зарядов, а возобновить ихказалось невозможным. Колонисты разобрали корабль, в котором пересекли космос, и все его части использовали при сооружении Хоумпорта; точно так же сохраняли они и всё остальное. Но им мешало отсутствие необходимых материалов на Астре, а страх перед знаниями чужаков не давал экспериментировать с предметами, найденными в руинах.

На полках того склада хранились сотни предметов; любая неосторожность может превратить не только помещение и его содержимое в расплавленный поток, но и весь город. Дальгард же понятия не имел, что именно это может сделать.

И Сссури здесь не поможет. Водяные добились значи-

тельных успехов в биологии и изучении мозга, но механика им была почти неизвестна из-за вынужденной жизни под водой, и потому о машинах они знают гораздо меньше колонистов.

«Я думал, что нам делать, — прервал Сссури размышления товарища. — Возможно, существует способ вернуться к морю быстрее, чем по сухе».

— Вниз по реке? Но ты сам говорил, что у них могли сохраниться наблюдательные устройства.

«Они должны наблюдать за тем, что плывёт вверх по течению, не вниз. Но в городе должен быть ещё один путь...»

Он не стал больше объяснять, но так как, по-видимому, Сссури знал, что делает, Дальгард снова предоставил ему роль проводника. Они опять пересекли медленную реку; разведчик настороженно всматривался в мутные глубины; уж больно не хотелось ему пользоваться этим путём. Хотя маслянистые струи вроде бы и обозначали течение воды, под ней угадывались неподвижные глубины, в которых под вялой поверхностью таились самые неприятные сюрпризы.

Вторично спустились они на арену. Огибая распластанные тела, Сссури обошёл весь песчаный круг. На этот раз он не свернул в проход, ведущий на склад, но остановился перед другим выходом, как будто именно там находилось то, что он искал.

Даже менее чувствительные ноздри Дальгарда уловили новый запах, зловоние влажных подземных путей, где застаивается вода. Водяной прошёл за решетчатые ворота, Дальгард протиснулся за ним. К запаху сырости примешивались другие, очень неприятные, но зловония ящеров-дьяволов он не почувствовал. И, полагаясь на мнение Сссури, вслед за водяным углубился во тьму.

Снова над головой появились пятна фиолетового света; проход сузился и пошёл под уклон. Дальгард пытался вспомнить общий рисунок местности, расположенной теперь над ними. Они шли так долго, что юноша внезап-

но понял: либо они уже прошли под рекой, либо он потерял всякое представление о направлении.

Глаза их приспособились к полумраку подземелья, к тому же фиолетовое освещение стало сильнее. И потому Дальгард сразу увидел, как Сссури резко повернулся и взглянул назад, в сторону, откуда они пришли; водяной пригнулся, сжимая нож в руке.

Лук в этом влажном воздухе будет бесполезен. Дальгард тоже извлёк свой нож. Но хотя колонист искал мыслью и изо всех сил вслушивался в тишину, он не почувствовал, что кто-то идёт по их следу.

8. В воздухе

Они снова в воздухе, но Раф всё равно чувствовал себя неудовлетворённым. На сидении рядом с ним, на том месте, которое должен занимать капитан Хобарт, сидел чужак; ему явно было неудобно в кресле, которое сильно отличалось от низких стульев, к которым тот привык. На заднем сидении расположился Сорики, но рядом с ним замер ещё один житель города; на костлявых коленях у него лежало странное оружие, похожее на земное ружьё.

Нет, космонавты не пленники. В соответствии с официальным заявлением, они союзники. Но вопреки своей воле следя на северо-восток за шаром, Раф гадал, долго ли продержится такое положение, если они вдруг откажутся поддерживать действия чужаков. Он не сомневался, что на борту шара припрятаны средства, способные сжечь флиттер в воздухе, если пилот вдруг изменит курс и попытается улететь на запад, к горам и безопасности космического корабля. К тому же любой из чужаков рядом с ним может заставить его подчиниться, используя своё оружие; а оружие это может оказаться способным сотворить что угодно: вскипятить человека неизвестными лучами, или превратить его в газ. Он не видел, как действует это оружие, и не хотел видеть.

Однако, насколько пилот мог судить, Хобарт и Лабле

не разделяли его подозрений. Лабле не терпелось увидеть загадочный склад, а капитан либо разделял его желание, либо понял, что пытаться сейчас вырваться неразумно. И вот они летят к морю, капитан и Лабле вместе с руководителями экспедиции на борту шара, а Раф и связист со своими спутниками — или стражниками — за ними. Чужаки даже настояли на том, чтобы снять с флиттера большую часть земного оборудования; они заявили, что освобождённое место займёт добыча со склада.

Шар летел вдоль изрезанной береговой линии; но вот он повернул и прошёл над узким полуостровом, скалистым, вывестренным, который почти под прямым углом уходил в море. Полуостров, как палец ногтем, оканчивался рифом. А дальше безбрежную гладь моря впереди разрезала цепочка островов, по большей части представлявших собой просто верхушки рифов, торчащие над волнами, лишь несколько островов были более-менее крупными, высоко поднимавшимися над водой, а на одном или двух даже виднелись следы растительности.

Острова так далеко уходили в море, что когда флиттер пролетел над последним, сам континент уже исчез из вида. И теперь внизу расстилалась только вода. Шар полетел быстрее, Раф в свою очередь прибавил скорости, не желая отставать. Но им не пришлось пересекать океан одним прыжком.

В полдень Раф снова увидел землю; возможно, это была южная оконечность северного континента, потому что суши уходила в том направлении, сколько он мог видеть. Шар по спирали спустился и мягко сел на плоское плато, Раф приготовился присоединиться к нему. Когда шасси мягко коснулись поверхности, пилот увидел укрепления: наверняка в далёком прошлом, когда его новые спутники правили этим миром, место использовалось ими.

Камень когда-то выровняли, превратили в плоскую площадку, по периметру которой располагалось несколько небольших куполов. Но, как и среди полей и в городе,

кроме самого его центра, тут чувствовалось опустошение, здания казались покинутыми.

Оба чужака выпрыгнули на плоскую поверхность; казалось, они с радостью освобождались от земного флаера. Впервые Раф подумал, что, скорее всего, они так же относятся к землянам, как он к ним. Лабле может интересоваться научными проблемами; пилот же знает только то, что чувствует, а ему было тревожно.

Сорики тоже вышел и, потягиваясь, прошёлся по камню. Однако Раф ещё долго оставался на месте, за приборами флиттера. Он не меньше связиста устал, может, даже больше, потому что на нём лежит ответственность за машину. Тело свело. И если бы они сели в поле, он с удовольствием бросился бы на землю, снял шлем, расстегнул воротник, чтобы свежий ветер разевал волосы и гладил кожу. Может, так удалось бы смыть сухую пыль столетий, которая, как ему казалась, покрыла его за часы, проведённые в городе. Но они находились не на открытой местности; посадочная площадка слишком напоминала крышу здания в метрополисе.

Из шара показалось с полдесятка солдат в доспехах, они прошли к ближайшему куполу и вернулись с тяжёлыми ящиками. Горючес, припасы... Раф не стал гадать. Втайне пилот почувствовал облегчение, когда из шара вышел капитан Хобарт и направился к флиттеру.

— Всё в порядке? — спросил он, взглянув на двух чужаков, пассажиров Рафа.

— Да, сэр. А сколько нам ещё... — спросил Раф.

Хобарт пожал плечами.

— Кто может ответить, пока мы не научимся понимать их? Нас ждёт по крайней мере ещё одна остановка. У них не атомная энергия, какое-то горючее, и им часто требуется пополнять его запасы. Их начальник не может понять, почему мы не делаем то же самое.

— Он не предлагал, чтобы их техники осмотрели наш двигатель, сэр?

Хобарт чуть распрямился. Вопрос как будто понравился ему.

— Да, но мы благоразумно сумели не понять его. А если кто-нибудь попытается сделать это, немедленно отошлите ко мне — понятно?

— Да, сэр! — в голосе Рафа прозвучало облегчение, и пилот увидел, что капитан пристально смотрит на него.

— Вам они не нравятся, Курби?

Пилот ответил правдиво:

— Мне тревожно с ними, сэр. Хотя они не проявляют недружелюбие. Может, просто слишком чужие...

Он сказал не то, что следует, и сразу это понял.

— Похоже на предубеждение, Курби! — голос Хобарта звучал резко.

— Да, сэр, — деревянным голосом ответил Раф. Глубокие расовые и экономические предубеждения, составлявшие основу структуры Мира, оставили свой глубокий след в сознании землян. Сегодня человек предпочтёт быть обвинённым в убийстве, чем в предубеждении по отношению к другому. Это непростительное преступление. Своим необдуманным ответом Раф показал себя ненадёжным в глазах капитана, и теперь к его отчётом о чужаках, если он будет их делать, отнесутся недоверчиво.

Проклиная про себя свою неразумность, Раф тщательно проверил флаер; это было необязательно делать, но знакомые действия принесли некоторое облегчение. Ему пришло в голову, что можно заявить о какой-то неисправности. Тогда потребуется вернуться к кораблю, чтобы сделать ремонт. Но Хобарт сам очень хороший механик, и его трудно будет обмануть.

Вторую часть пути они покрыли к вечеру и на этот раз сели на настоящий остров; здесь титаническим трудом в древности была срезана вершина горы и превращена в базу. Остров защищало от волн кольцо рифов. Отряд чужаков немедленно выступил в путь, они быстро спустились с горы и принялись искать что-то на берегу. Раф видел, как они окружили какой-то предмет и вытащили

его из песка. Что это такое, и какое имеет для них значение, чужаки землянам не объяснили.

Ночь провели здесь, четверо космонавтов спали в мешках у флиттера, чужаки — в шаре. Земляне не упустили из виду того факта, что чужаки незаметно поставили стражу в двух местах, где можно подняться на гору. И каждый стражник держал в руках оружие.

Вскоре после рассвета их подняли. Насколько мог судить Раф, остров был совершенно лишён жизни; а может, живые существа скрылись, пока здесь стоят машины. Поднялись в воздух. Шар взлетал наподобие воздушного, флиттер выждал, пока тот не поднимется повыше, потом тоже устремился ввысь.

Гористый остров, на котором они ночевали, оказался морским часовым архипелага: внизу словно кто-то бросил горсть камешков в мелкий пруд. В основном из воды поднимались просто скалистые вершины. Но на двух видны были небольшие зелёные поля, и Рафу показалось, что он уловил очертания купола.

Они ещё долго летели над районом островов. Первая группа сменилась второй, затем третьей. Раф не ожидал поворотов чужака и потому удивился, когда шар неожиданно устремился вниз. Одновременно сидевший рядом с Рафом солдат потянул его за рукав и показал вниз, явно приказывая следовать за шаром. Раф сбросил скорость и начал осторожно снижаться; он решил не торопиться принимать участие в действиях, причины которых не понимает.

Шар тем временем завис над небольшим островом немного в стороне от остальных. Чуть погодя возбуждённый голос Соринки оторвал Рафа от приборов. Пилот взглянул вниз.

— Там жители! Смотри, они разбегаются!

Они находились слишком далеко, чтобы хорошо рассмотреть кого-нибудь из этих коричнево-серых существ; они почти сливались с омытыми морем камнями и потому их можно было заметить, только когда они двигались.

Но было совершенно очевидно, что они живые; к тому же подведя флиттер ближе, Раф убедился, что они бегают на двух ногах, а не на четырёх, как животные.

Внезапно из нижней части шара вырвался огненный язык и, как хлыст, ударили поверхность внизу; в его объятиях существа корчились и превращались в уголь. У них не было ни одного шанса спастись от этого методичного уничтожения. Чужак рядом с Рафом снова сделал сигнал снижаться. Он похлопал по своему оружию и знаком показал, что нужно убрать ветровой щит. Пилот решительно покачал головой.

Возможно, это война. У чужаков могут быть очень веские причины для нападения на захваченных врасплох существ внизу. Но он не хотел принимать в этом участие, не хотел приближаться к сцене бойни. Ответным жестом он показал, что щит нельзя снять, пока флиттер в воздухе.

Однако флиттер всё ещё снижался, теперь Раф хорошо разглядел, что там происходит. И картина эта долгие годы будет преследовать его в кошмарных снах. Он ясно увидел группу существ, тщетно стремившихся спастись. Некоторым удалось добраться до утёсов и броситься в море. Но большинство не добежало и умерло в пламенной агонии. И эти существа были не одного размера!

Дети! Невозможно было ошибиться. Мать держала на руках ребёнка, двое малышей бежали, взявшись за руки, но тут и их догнал огненный хлыст. Рафа затошило. Он резко поднял флиттер и круто повёл его в сторону, борясь со своим желудком, ударом отбросив руку чужака, который по-прежнему хотел присоединиться к забаве.

— Видел? — спросил он у Сорики.

Связист казался подавленным.

— Да, — коротко ответил он.

— Там были дети, — заявил Раф.

— Детёныши, — согласился связист. — Может, они не разумные. У них всё тело в шерсти...

Раф невесело усмехнулся. Может, обвинить Сорики в

предубеждении? Какая разница, одето ли разумное существо в космический скафандр, в шёлковые повязки или природную шерсть? Всё равно это разумное существо. Пилот был уверен, что видел, как уничтожаются разумные существа, которым не дали ни единого шанса ответить. Если это именно тот враг, которого опасаются чужаки, то теперь Раф мог понять ярость нападения, приведшего к смерти чужака, которого ему показали в городе. Огонь против примитивных копий — схватка неравная, и там, где можно эти копья использовать, ими стараются восстановить справедливость.

Раф не спрашивал себя, почему целиком принял сторону мохнатых существ. Не пытался анализировать свои чувства. Знал только, что ещё больше хочет избавиться от чужаков, оказаться подальше от всех их дел.

Солдат рядом с ним был недоволен; он всё время оглядывался на остров, пока Раф расширяющимися кругами уходил от него, в то же время не теряя из виду шар. Когда тот закончит своё грязное дело, флаер опять полетит за ним. Но корабль чужаков не торопился улетать.

— Хотят быть уверенными, — сообщил Соринки. — Весь остров запыпал. Интересно, что у них за существо.

— А я бы не хотел знать, — сквозь зубы ответил Раф.
— Если их драгоценное знание всё такое, мы вполне без него проживём... — он замолчал. Возможно, и так сказал слишком много. Земля настолько пострадала от атомной войны, что человечество теперь испытывает врождённое отвращение к подобному оружию и не собирается снова браться за него. А война с использованием огня оживляет прежние ужасы. Конечно, Соринки должен был испытывать то же самое. И когда связист ничего не ответил, Раф понял, что прав. Он только понадеялся, что бойня произвела такое же впечатление на капитана и Лабле.

Но когда, словно пресытившись убийством, шар снова поднялся и лениво полетел в чистом небе, Рафу пришлось следовать за ним. Внизу им встретилось ещё много

островов, и каждый раз пилот боялся, что вид жизни вызовет искушение у убийц и начнётся вторая охота.

К счастью, этого не произошло. Цепь островов закончилась, и они наконец-то достигли западного континента. Шар повернулся на юг и полетел вдоль берега. От береговых утёсов в глубь страны уходили леса, покрывая землю пятнами синеватых оттенков. Никаких признаков цивилизации. Эта земля была так же нетронута, как та, на которой сел космический корабль.

Вскоре показался залив, длинные руки мысов по бокам охватывали изрядный кусок моря. В нём мог бы разместиться целый флот. И от моря к вершинам прибрежных скал уходила гигантская лестница: широкие карнизы, застроенные зданиями.

— Удар пришёлся прямо сюда!..

Раф видел, что имеет в виду Сорики. Здесь когда-то разразилась ужасная катастрофа. Ему приходилось видеть атомные руины на своей планете, те из них, которые позволяла осматривать радиация. Но ничего похожего на эти страшные шрамы он не видел. Камень, лежавший в основании этого города, кипел и плавился длинными полосами, сбегал реками лавы в море, окружал языками отдельные нетронутые сооружения. Что здесь произошло? Огненный хлыст, какой использовал шар, но бесконечно мощнее?.. Может быть.

Чужак рядом с ним прижался к щиту, разглядывая руины. Он заговорил, и второй чужак, рядом с Сорики, подхватил его речь. Их возбуждение свидетельствовало, что они близки к цели. Раф уменьшил скорость, ожидая, что шар покажет место посадки.

Но, к его удивлению, корабль чужаков устремился в глубь суши. Длинный день подходил к концу, когда они увидели второй город, который извилистой лентой пересекала река. Здесь совсем не было видно следов той ярости, что обрушилась на порт. Здания казались нетронутыми и совершенными.

Странно, но в городе не оказалось посадочной пло-

щадки. Шар обогнул грубый овал города и сел на открытом поле к западу. Раф повторил этот маневр, хотя в качестве предосторожности осветил местность внизу прожектором, и флаер садился в красном свете. Солдат-чужак выразил своё неодобрение.

— Мне кажется, им не больно-то нравится фейерверк, — заметил Сорики.

Раф фыркнул.

— Ну и что? А мне не нравятся катастрофы при посадке, а пилот здесь я! — впрочем, он не считал, что связист возражает серьёзно. Со временем бойни на острове Сорики был необычайно молчалив.

— Мрачное место, — заметил он, когда машина села.

Раф в глубине души считал такими все поселения чужаков, какие видел, и потому согласился. Как только он снял щит, два пассажира-чужака выбрались из флиттера. Стоя у машины, они держали оружие наготове и таращились во тьму, словно ожидали немедленного нападения. После сегодняшнего зрелища Раф не удивился их готовности. Ужас порождает новый ужас, а безжалостность требует отмщения.

— Курби! Сорики! — из темноты послышался голос Хобарта. — Оставайтесь в машине.

Сорики глубже вдвинулся в сидение.

— Ему не нужно было просить меня притормозить, — пробормотал он. — Мне здесь так нравится...

Рафу не требовалось повторять. Напротив, у пилота даже сложилось впечатление, что если он попытается отойти от флиттера, чужаки ему помешают. Если это их город-сокровищница, вряд ли им понравятся самостоятельные действия незнакомцев.

Когда к ним присоединился капитан, его сопровождал офицер, который показал Рафу шар. И военный был обеспокоен или рассержен, потому что непрерывно что-то говорил и усиленно жестикулировал.

— Им не понравилась твоя иллюминация, — заметил Хобарт. Но в словах его не слышалось упрёка. Как пилот

космического корабля он знал, что Раф сделал то, что требовали его обязанности. — Мы останемся здесь — на ночь.

— А где Лабле? — спросил Сорики.

— Он остаётся с Юссозом, командиром чужаков. Ему кажется, что скоро он решит проблему общения.

— Хорошо, — Сорики вытащил свой спальный мешок.

— Кстати, мы потеряли связь с кораблём...

Наступило молчание, показавшееся Рафу бесконечным. Наконец Хобарт заговорил:

— Мы и не думали, что связь будет постоянной. Лучшие коммуникаторы имеют свои ограничения. Когда утратился контакт?

— Как раз перед тем, как эти замотанные герои начали играть с огнём. До этого я сообщал ребятам всё, что вижу. Они знают, что мы направились на запад, и держали нас в луче, сколько могли.

Значит, не так уж плохо, подумал Раф. Но всё равно потеря связи ему не понравилась, даже если учесть этот смягчающий фактор. Теперь четверо землян были окружены чужаками, которых раз в двадцать больше, они в незнакомой местности и потеряли связь с товарищами. Всё это может привести к катастрофе.

9. Морские ворота

— Что там? — спросил Дальгард у Сссури, всё внимание которого было обращено на пройденный ими путь.

Неожиданно водяной прижался к стене, его напряжённая, слегка замстная в тени фигура послужила предупреждением, и Дальгард тоже застыл на месте. И в тот же момент получил мысленный ответ.

«Нас преследуют...»

— Ящеры-дьяволы? Другие? — разведчик колонии дал два возможных объяснения и послал назад собственную ищущую мысль. Но, как обычно, не мог сравниться в

чувствительности с водяным, чей народ всегда пользовался этим видом общения.

«Те, что всегда охотятся в темноте», — получил он ответ.

Действия Сссури свидетельствовали о большой опасности. Водяной развернулся и настойчиво потянул за собой колониста, заставив отступить на шаг-другой.

«Возвращаться тем же путём мы не можем. И нужно побыстрее уходить».

Для Сссури, который с единственным копьём смело выходил навстречу ящеру, это что-то новое. Дальгард был достаточно умён, чтобы согласиться с необходимостью отступления. Вместе они побежали по подземному коридору, и скоро между ними и тем местом, где водяной поднял тревогу, легло не меньше мили.

— От кого мы бежим? — задал Дальгард вопрос, когда водяной немного замедлил ход.

«Есть такие, кто живут в темноте. Одного или двух мы легко убили бы. Но они охотятся стаями и стремятся к убийству не хуже дьяволов, почувствовав запах мяса. К тому же они умны. Когда-то давно, в дни до огня, они служили Другим как охотники за дичью. Другие долгое время старались сделать их ещё разумнее и коварнее, чтобы посыпать на охоту самостоятельно. И постепенно они стали слишком умны для своих хозяев. Тогда Другие, поняв угрозу, попытались перебить их, заманить в ловушки. Но удалось избавиться только от самых неповоротливых и глупых. Остальные ушли под землю, в такие ходы, как этот, и выходят из них только по ночам».

— Но если они разумны, — возразил разведчик, — почему нельзя установить с ними мысленный контакт?

«Они выработали собственный образ мыслей. И они не простые существа, какочные бегуны. Когда-то их учили отвечать только Другим. И, — водяной развёл руками быстрым нервным жестом, — и для тех, кто окружён такой стаей, они неизбежная смерть».

По уверениям Сссури, повернуть было никак нельзя,

поэтому оставалось только бежать вперёд по проходу, в котором они оказались. Водяной был убеждён, что они уже пересекли реку и со временем доберутся до моря, если только случайный выход не позволит им выбраться на поверхность раньше.

Дальгард видел, что этим путём явно давно не пользовались. Постоянно встречались груды земли, результаты обвалов, через которые приходилось с трудом перебираться, и разведчик со страхом думал, что, возможно, они окажутся в тупике. Но он верил в Сссури, и так как водяной уверенно двигался дальше, Дальгард без возражений следовал за ним.

Они изредка отдыхали, карауля по очереди. Но стены коридора неизменно тянулись вдаль, и трудно было измерять время и расстояние. Дальгард пожевал свой неприкосновенный запас — сухое мясо и фрукты, превратившиеся в почти каменный брускок, — пытаясь удовлетворить этими крохами растущий голод.

Проход становился всё более влажным; вдоль стен кое-где текла вода, собираясь в зловонные лужи на полу. Дальгарду всё меньше нравилось это место. Продвигаясь вперёд, он невольно сгибал плечи; воображение рисовало картину обвала — на них рушится камень, и тонны грязной маслянистой речной воды поглощают их. Но Сссури влага его не тревожила, хотя водяной, когда мог, избегал наступать в лужи.

Наконец человек не выдержал.

— Далеко ещё до моря? — спросил он, не надеясь получить ответ.

Как Дальгард и ожидал, Сссури лишь пожал плечами.

«Мы должны уже быть близко. Но я никогда здесь не проходил. Откуда мне знать?»

Они снова отдохнули, выбрав относительно сухое место, пожевали сухой пищи, немного попили из заткнутых рогов двурога, которые свисали у них с поясов. Человек должен умирать от жажды, чтобы решиться зачерпнуть этой застоявшейся воды из луж.

Дальгард погрузился в беспокойный сон, в котором куда-то бежал под небом, само же небо внезапно превратилось в гигантскую руку врага, и эта рука неумолимо опускалась, чтобы раздавить его. Проснулся он, вздрогнув, и увидел, что чешуйчатые пальцы Сссури трясут его за плечо.

«По этим дорогам ходят демоны снов», — ещё не вполне проснувшийся мозг человека уловил эти слова.

— Действительно, — ответил Дальгард.

«Так всегда в местах, где жили Другие. Они оставляют за собой мысли, порождающие сны, и эти сны беспокоят тех, кто не их рода. Пошли! Мне хочется побыстрее выбраться из этого места под чистое небо, где древнее зло не отравляет воздух и мысли».

Либо водяной неверно определил направление пути, либо устье реки было гораздо дальше от города, чем они считали: они всё шли и шли долгие утомительные часы, но проход не поднимался и никаких выходов в знакомый им мир не открывалось.

Постепенно Дальгард начал понимать, что верно как раз противоположное. Наконец он не выдержал и высказал свои опасения, надеясь, что Сссури их развеет.

— Мы спускаемся!

К его разочарованию, водяной согласился.

«Да. Уже тысячу наших шагов. Я полагаю, проход ведёт не к солнцу, а под море».

Дальгард даже споткнулся. Для Сссури море — дом родной; возможно, перспектива оказаться под морским дном его не волновала. Но рождённый на суше человек к такому не готов. Если ему было тревожно под рекой, то что же будет под океаном? Дальгард вспомнил свой страшный сон, руку, грозящую прихлопнуть его. А спутник юноши тем временем спокойно продолжал:

«Впереди должен быть выход, может, прямо в море».

— Для тебя, — замстил Дальгард, — но я-то не жилец глубин.

«Другие тоже, однако они пользовались этими путями.

И говорю тебе, — водяной снова коснулся руки Дальгарда, — повернуть назад невозможно. Смерть, живущая в тьме, по-прежнему принюхивается к нашему следу».

Дальгард невольно оглянулся через плечо. В тусклом ограниченном свете фиолетовых дисков он почти ничего не видел. Сзади вполне могла незаметно подобраться целая армия.

— Но... — он противился внешней беззаботности водяного.

Сссури вначале, когда только сообщил о преследователях, явно испытывал тревогу. Теперь же, казалось, он вовсе не беспокоился.

«Они сыты, — ответил он. — Лишь разведчики идут за нами, потому что мы — что-то новое и подозрительное для них. Но когда они снова проголодаются, а разведчики доложат, что мы — всего лишь мясо, тогда наступит время обнажить ножи и приготовиться к битве. Но до этого мы ещё можем освободиться. Нужно найти ворота».

Водяной казался уверенным в своих силах, но Дальгард этой уверенности не разделял. На открытом воздухе он встречал ящера-дьявола, вчетверо больше его самого, лишь с обычной охотничьей осторожностью. Но здесь, в темноте, не в силах отделаться от мысли, что тысячи тонн морской воды висят над головой, он обнаружил, что вздрагивает при малейшем звуке; в потной руке Дальгард сжимал обнажённый нож.

Он заметил, что Сссури пошёл быстрее и увереннее; Дальгард привык идти такой же походкой. Коридор перед ними уходил вдаль без всяких перерывов. Обещанный водяным выход, если таковой и существовал, по-прежнему не был виден.

В тёмном проходе определять время трудно, но Дальгарду показалось, что прошло ещё не меньше часа, прежде чем Сссури снова резко остановился и наклонил голову, словно прислушиваясь. Как будто уловил звук, недоступный для его спутника-человека.

«Они проголодались... — мысль его шипела, словно слова, произнесённые вслух. — Начинается охота».

Водяной пошёл вперёд ещё быстрее, Дальгард не отставал; они почти бежали: столетиями накапливавшаяся пыль поднималась под босыми, покрытыми чешуйками ногами водяного и под кожаными ботинками Дальгарда. По-прежнему стены тянулись без всяких ответвлений, по-прежнему фиолетовые лампы светились на потолке. И никакого выхода. Но что даст им этот выход, подумал Дальгард, если он выведет прямо в море?

«У берега острова... много островов, — ответил на его мысль Сссури. — Я думаю, выход приведёт на один из них. Но — беги, брат по ножу, потому что те, что идут за нами, жаждут плоти и крови. Они решили, что нас можно не опасаться, и теперь охотятся в своё удовольствие».

Дальгард взвесил в руке нож.

— Они обнаружат, что у нас есть клыки, — мрачно прообещал он.

«Лучше, чтобы они вообще нас не обнаружили», — возразил Сссури.

Боль разрывала грудь Дальгарда, прерывистое дыхание с шумом вырывалось из лёгких, он жадно глотал воздух, продолжая бежать по бесконечному коридору. Сссури тоже проявлял признаки утомления, свесив набок круглую голову, только железная воля заставляла водяного передвигать ноги. И эта решимость каким-то образом передавалась разведчику, действовала сильнее, чем любое предупреждение об опасности.

Они пробегали под одним из редких фиолетовых фонарей, когда Дальгард уловил что-то новое; быстрый и резкий мысленный толчок, словно удар меча, прорубил туман усталости, окутавший его мозг. И это была не мысль Сссури, а нечто совершенно чуждое, на самом краю восприятия, прикоснулось, кольнуло, как игла, и снова отступило.

Не страх и не предупреждение — невероятное упрямство и глажущий голод. Дальгард мгновенно понял, что

мысль исходила от тех, кто принюхивался к их следу, и не удивлялся больше, что ночные охотники не способны на мысленный контакт. С подобным контактировать невозможно!

Он побежал дальше, не удивившись резкому ускорению водяного. Но тут, к своему ужасу, Дальгард увидел, что товарищ его на бегу отталкивается от стены, как будто нуждается в опоре.

— Сссури!

Однако мысль его встретила сосредоточенную волю, стену, которую не смогла пробить. На мгновение юноша успокоился, но сразу же уловил новый укол мысли преследователей. Ему хотелось оглянуться, увидеть охотников. Но он не решался нарушать ритм бега.

— Аххх! — крик Сссури вновь заставил его посмотреть на товарища. Водяной бежал изо всех сил.

Дальгард призвал последние остатки энергии и последовал за ним. Внезапно Сссури остановился у тёмного выступа в стене.

«Морские ворота!» — водяной вцепился когтями в люк, пытаясь отыскать способ открыть его.

Тяжело дыша, Дальгард прислонился к противоположной стене. И услышал новый звук — топот лап, множества лап в коридоре. Только теперь он смог посмотреть в ту сторону.

Круглые огоньки, тусклые, зеленоватые, мерцали у самой земли, как будто кто-то бросил горсть фосфоресцирующих бусинок в темноту. Но это вовсе не фосфоресценция! Глаза! Глаза — Дальгард попытался сосчитать и понял, что невозможно представить себе размер стаи, которая молча и целеустремлённо преследовала их. Он смог разглядеть только смутные фигуры, гибкие, сильные, прижимавшиеся к земле.

— Ахххх! — снова раздался торжествующий крик Сссури.

Со скрипом, неохотно, металл сдвинулся с места,

пахнуло морским воздухом, вниз полился фиолетовый свет, гораздо ярче, чем в коридоре.

Дальгард одновременно со светом ожидал поток воды, но ничего подобного не последовало; водяной протиснулся в люк, и Дальгард поспешил за ним, чувствуя, что светящиеся глаза и шлётапающие лапы ужে совсем рядом.

В коридоре послышалось рычание, и на разведчика прыгнуло чёрное существо. Не глядя, Дальгард ударил ножом и почувствовал, как лезвие вошло в плоть. Рычание оборвалось гневным криком, существо извивалось в воздухе, пытаясь клыками дотянуться до жертвы. В это мгновение Сссури, высунувшись из люка, тоже ударил, погрузив свой костяной нож в ожившие тени внизу.

Дальгард, подпрыгнув, ухватился за люк. Пнул ногой одну из теней, отбросив её назад, в толпу других. Сссури подхватил его, втащил наверх, и вдвоём они захлопнули люк, почувствовав, как тот задрожал от ударов множества тел: стая внизу обезумела от гнева и досады.

Водяной торопливо задвигал засовы люка, снова заставив протестующе заскрипеть металл, а Дальгард получил возможность осмотреться. Они оказались в помещении восьми-девяти футов длиной; в ярком фиолетовом свете хорошо было видно развешанное на стенах многочисленное оборудование, на полу валялась груда небольших цилиндров. В дальнем конце помещения был ещё один люк, закрытый таким же образом, как и тот, что задраивал Сссури. Водяной кивком указал на него.

«Море...»

Дальгард спрятал нож в ножны. Ему вовсе не хотелось проходить через ту дверь. Подобно своим соплеменникам, он хорошо умел плавать. Возможно, его умение поразило бы людей с его родной планеты. Но всё-таки, в отличие от водяного, он не родился в море, природа не снабдила его вторым дыхательным аппаратом, который позволяет водяным так же легко жить под водой, как и на суше. Сссури может без страха пройти в тот люк. Но для

Дальгарда это будет не меньшим испытанием, чем схватка со стаейочных охотников в коридоре.

«Надежды на то, что они уйдут, нет, — ответил на его невысказанный вопрос Сссури. — Они упрямые. Часы, даже дни для них ничего не значат. К тому же они могут оставить здесь охрану, охотиться в другом месте и вернуться по первому сигналу. Так они поступают».

Оставался только выход в море. Сссури прошёл по комнате и снял один из странных предметов, висевших на стене. Подобно другим предметам, сделанным из загадочных материалов Других, этот казался абсолютно новеньkim, словно его повесили только что, хотя с того времени прошло не меньше ста астрийских лет. Водяной развернул длинный гибкий шланг, соединявшийся с двухфутовой канистрой.

«Другие не могли дышать под водой, как и ты, — объяснил он, работая быстро и умело. — На моей памяти были случаи, когда мы обнаруживали их шпионов с такими приспособлениями; они шпионили за нами из безопасных укрытий. Но последний такой случай произошёл много лет назад, и тогда мы преподали им такой урок, что больше они не возвращались. Тело у них по форме похоже на твоё, дышат они тем же воздухом; я думаю, ты можешь этим воспользоваться».

Дальгард взял аппарат. Гибкие металлические ленты удерживали плоскую канистру на груди. Металлическая же ткань плотно закрывала маской лицо.

Сссури подошёл к груде цилиндров. Выбрав один, он повозился с его заострённым концом и был вознаграждён слабым шипением.

— Ахх! — снова раздался возглас, выражавший доволльство.

«В них по-прежнему есть воздух», — водяной испытал ещё два цилиндра и принёс все три туда, где стоял Дальгард. Канистра была на месте, маска наготове в руке. С бесконечной осторожностью Сссури поместил цилиндр в канистру и с сожалением отложил два других.

«Менять их под водой мы не сможем, — пояснил он.
— Так что лишние запасы нам не помогут».

Стараясь не думать о том, сколько воздуха помещается в цилиндре, Дальгард надел маску, прикрепил шланг и вдохнул. Из шланга действительно шёл воздух, вполне можно было дышать! Но — как долго?

Сссури, увидев, что товарищ готов, занялся затворами второго люка. Но потребовались совместные усилия, чтобы преодолеть этот барьер и пробраться в небольшое помещение — в шлюз, ведущий в море.

На мгновение Дальгард испытал нерешительность, когда водяной закрыл за ними люк. Ему уже казалось, что сомнительная безопасность помещения с цилиндрами и слабая надежда на то, что охотники откажутся от преследования, лучше того, что ждало их теперь. Но Сссури закрыл люк, и Дальгард стоял неподвижно, не протестуя.

Он старался дышать ровно, медленно, когда водяной приводил в действие шлюз. Из скрытых отверстий пошла вода, медленно поднимаясь до голени, до икры, до колена. Её холод проникал прямо-таки до костей. Но Дальгард продолжал терпеливо ждать, хотя ему и казалось, что лучше бы последовал мощный прилив.

Вода вилась вокруг талии, тянула за пояс, за колчан, билась о дно канистры с драгоценным запасом воздуха. Лук, защищённый водонепроницаемым кожухом, дюйм за дюймом погружался в воду.

И вот, когда вода дошла до подбородка, внешняя дверь стала медленно раскрываться; её неповоротливость свидетельствовала, что за долгие годы управляющие ею механизмы застоялись. Сссури, чувствуя себя в родной стихии, вынырнул наружу, как только позволила дверь. И его мысль неустанно подбадривала более неуклюжего жителя суши.

«Мы в мелких водах, перед нами суши. Это основание острова. Бояться нечего...» — мысль неожиданно оборвалась, закончившись мысленным вскриком, свидетельствующим об удивлении или страхе.

Ожидая любых угроз, Дальгард извлёк нож и поплыл в воде, готовый спасать или предложить свою помощь.

10. Мёртвые стражи

Астронавты почти всю ночь не спали. Во время тренировок на Земле, в испытательных полётах к суровым лунным долинам и на Марс Раф знакомился с самыми странными условиями, с окружением, абсолютно враждебным человеку, и тем не менее всегда мог заснуть по своему желанию. Но теперь, свернувшись в спальном мешке, он прислушивался к каждому звуку этой безлунной ночи, стараясь услышать — что? Он и сам не знал.

Хотя звуков приходило множество. Посвистывала какая-то ночная птица, в отдалении журчала вода, он связал этот звук с рекой, протекающей через давно покинутый город; шуршала трава на ветру или когда её тревожило какое-нибудь животное.

— Не лучшее место в мире для отдыха, — заметил Сорики из темноты; Раф в это время извивался, пытаясь занять более удобное положение. — Я с удовольствием бы посмотрел, как эти забинтованные ребята машут нам руками, а мы улетаем от них, да побыстрее.

— Они убивали отнюдь не животных, там, на острове, — Раф высказал то, что больше всего мучало его.

— На них была не одежда, а шерсть, — ровным, бесцветным голосом отозвался Сорики. — На Земле тоже есть обезьяны, а они не люди.

Раф смотрел на небо, на котором, как беззаботные пылинки, мерцали звёзды.

— Что такое «человек»? — ответил он, повторив классический вопрос, который многократно обсуждался в тренировочном центре.

Человечество давно пытается найти ответ на него. Может быть, «человек» — двуногое существо с легко различимыми физическими характеристиками? В таком случае мохнатые существа, тщетно пытавшиеся спастись

от огня, под это определение не подходят. Или «человек» — это определённый уровень разума, независимо от оболочки, в которой этот разум помещается? Предполагается, что справедливо последнее утверждение. Но Раф знал, что несмотря на страх перед «предубеждением», большинство землян всё же считает людьми существа, в целом похожие на них. Согласно этому «предубеждению» забинтованные чужаки — «люди», с ними можно вступать в союз, а мохнатые — не «люди», потому что у них нет гладкой кожи, они не носят одежду и не используют механические средства транспорта.

Однако в глубине души Раф чувствовал, что это абсолютно неверно, что земляне сделали неверный выбор. И что теперь «люди» оказались не вместе. Но он не собирался высказывать всё это Сорики.

— Человек — это разум, — связист отвечал на вопрос, о котором Раф почти позабыл, хотя сам его только что задал. Да, привычный ответ. Сорики не обвинишь в предубеждении.

Странно... Когда правил Мир, существовала полиция мысли и самым страшным грехом считалось прослыть либералом, экспериментировать, искать знания. Теперь колесо повернулось: подозрительно быть консерватором. Утверждать, что в старину что-то было лучше, означало быть обвинённым в предубеждении. Раф сухо усмехнулся. Конечно, он хотел достичь звёзд, упрямо рвался в то самое место, где сейчас находится. Почему же его так мучают все эти мысли? Почему с каждым днём он чувствует всё меньше общего с людьми, с которыми начинал полёт? У него хватало ума держать эти чувства при себе, но с того момента, как он поднял свой флиттер в утреннее небо над космическим кораблём, удерживать мысли в повиновении становилось всё труднее.

— Ты заметил, — продолжал связист, перейдя к новой теме, — что эти раскрашенные парни не очень-то торопятся к своей сокровищнице? Как будто считают, что

какой-нибудь ракетный гений подготовил для них сюрприз где-нибудь поблизости...

Теперь, когда Сорики упомянул об этом, Раф вспомнил, что чужаки, направляясь в город, жались друг к другу, а несколько чёрно-белых солдат развернулись вокруг веером, словно разведчики на вражеской территории.

— И они ходили не дальше того здания к западу.

Этого Раф не заметил, но готов был согласиться с наблюдением Сорики. Сорики очень наблюдателен и замечает все подробности. Ему самому нужно присматриваться получше. Не время думать о своём положении. Итак, если чужаки не пошли дальше того здания, значит, они сами не хотят уходить в ночь. Потому что Раф был уверен: изолированное строение, на которое указал Сорики, не сокровищница, которую они должны будут разграбить.

Ночь проходила, и постепенно Раф уснул. Но два или три часа беспокойного, полного кошмаров беспамятства не дали необходимого отдыха, и на рассвете юноша казалось, что глаза его забиты горячим песком. В предрассветных сумерках откуда-то из города поднялась стая летающих существ — может, птицы, а может, и нет, — трижды облетела здание и исчезла в полях.

Раф выбрался из мешка, быстро завершил скромные туалетные процедуры с помощью средств, хранившихся у него в сумке на поясе, и осмотрелся, не испытывая никакого душевного подъёма от окружающей картины и от своего участия в ней. Шар, готовый ко взлёту, стоял на некотором удалении, на полпути между ним и флиттером несли службу два чужака-стражника. Возможно, ночью они менялись. Если же нет, значит, они долго могут обходиться без сна. Когда Раф, чтобы размяться, обошёл флиттер, стражники внимательно следили за ним, не выпуская из рук оружия. И Раф подумал, что если переступит какую-то невидимую границу, то попадёт в беду.

Когда он вернулся к флиттеру, Сорики проснулся и начал потягиваться.

— Вот и новый день, — протянул связист. — Я мог бы съесть и кое-что ещё, кроме полевого рациона, — Сорики недовольно поморщился при виде жестянок с концентратами, которые достал из отсека для продуктов.

— Хорошо бы улететь на запад, — заметил Раф.

— Если бы только установить связь! — подчёркнуто продолжал связист. — Чем скорее я увижу нашу старушку на стабилизаторах, тем лучше буду себя чувствовать. Знаешь... — он отвёл взгляд от продуктов и посмотрел на город, — у меня от этого места мурашки по коже. Тот город тоже был достаточно плох. Но по крайней мере в нём были жители. А здесь вообще никого... я никого не вижу.

— А как же чудеса, которые обещали нам показать? — возразил Раф.

Сорики сухо улыбнулся.

— А хорошо ли мы понимаем их жесты? Может, они пообещали нам чудеса. А может, обещали привести в место, где нам удобнее перерезать горло — удобнее для них! Говорю тебе, если придётся куда-нибудь идти с одним из этих раскрашенных парней, руки не оторву от станнера. И тебе советую то же самое... Впрочем, я знаю, что ты и так следишь за этими проклятыми гарпиями... краем глаза. Ха, общество. О, да это капитан...

Люк шара раскрылся, по лестнице спустилась небольшая группа, среди чужаков выделялся фигурай и костюмом капитан Хобарт. Чужаки остались у шара, а землянин направился к флипперу.

— Пойдёте с нами, — приказал он Рафу.

— Почему, сэр?

— А как же я, сэр?

Оба вопроса прозвучали почти одновременно.

— Я сказал, что кто-то должен оставаться в машине. Тогда они специально указали, что вы, Курби, должны пойти.

— Но я же пилот... — начал было Раф и понял, что, вероятно, именно поэтому чужаки и потребовали его

присоединения к исследовательской группе. Если они считают, что пока Рафа нет за приборами, флиттер не может лететь, то такой шаг ясно говорит об их желаниях. Но они ошибаются. Сорики вряд ли сможет починить двигатель, но в случае необходимости вполне способен поднять флиттер и привести его к кораблю. Такое может любой член экипажа РК-10.

Связист нахмурился. Он, как и Раф, сразу понял смысл этого предложения.

— Сколько мне вас ждать, сэр? — спросил он голосом, утратившим всякое добродушие.

Услышав этот вопрос, капитан проявил признаки раздражения.

— Ваши подозрения не основаны на фактах, — строго заявил он. — Пока мы не встретили никаких попыток причинить нам вред. А недоверчивое отношение может очень плохо сказаться на наших будущих контактах. Лабле уверен, что у них здесь очень сложно устроенное общество, вероятно, более развитое, чем земное, а их технические познания были бы нам очень полезны. Так случилось, что мы появились в самый нужный момент в их истории, когда они пытаются оправиться от серии разрушительных войн. Всё равно, что на Земле после Большого Пожара высадилась бы группа инопланетян и стала помогать людям. Мы можем к взаимной выгоде обмениваться информацией.

— Если бы после Пожара на Земле высадились инопланетяне, — негромко заметил Сорики, — они попали бы в руки Мира. И сколько бы они тогда продержались?

Хобарт отвернулся. Если он и слышал это замечание, то явно решил не реагировать на него. Но на Рафа слова связиста произвели сильное впечатление: группу чужаков, не разобравшихся в ситуации и попытавшихся бы установить дружеские отношения с чиновниками Мира, ждала бы быстрая и суровая расправа. Если рассказы о недавней мрачной диктатуре правдивы, чужаки исчезли бы с лица Земли вместе со своим кораблём. А что, если и

здесь правит свой Мир? Ведь они ничего не знают о положении на планете.

Раф встретился взглядом с Сорики, и связист положил пальцы руки на рукоять станнера. Пилот флиттера кивнул.

— Курби! — нетерпеливый приказ капитана заставил его двинуться. Но Раф испытал облегчение, зная, что у машины остался Сорики, и что у них сохраняется возможность бегства.

Вслед за чужаками он шёл по улицам города. В первом городе была хоть какая-то видимость жизни, здесь — полное опустошение. Нанесённая ветром почва и песок наполовину перекрыли проходы, повсюду растения обивали полуразрушенные стены и упавшие блоки; обломки усыпывали тротуары и дворы.

Отряд сворачивал с одного узкого переулка в другой; казалось, чужаки старались избегать широких главных улиц. Раф ощутил неприятный запах, который как-то связывался с водой, и через несколько минут увидел реку между выходившими на неё зданиями. Здесь отряд резко повернул и снова направился на запад, проходя мимо больших, без окон, зданий, которые могли бы служить складами.

Один из чужаков неожиданно резко развернулся, поднял оружие, и из его ствола ударил луч красно-жёлтого света; в ответ послышался громкий крик, и большое крылатое существо, извиваясь, начало падать. Убийца, проходя мимо, пнул его. Насколько мог судить Раф, никакой причины для этого бессмысленного убийства не было.

Руководитель отряда остановился возле двери, закрытой сплошной металлической плитой. Он прижал к этой плите ладони на уровне плеч и наклонился вперёд, словно шептал какую-то тайную формулу. Раф видел, как напряглись мышцы у него на плечах. Дверь разделилась надвое, и другие чужаки помогли вдвинуть половинки двери в стену.

Лабле, Хобарт и Раф вошли последними. Спутники словно забыли о них; чужаки, не оглядываясь, всё быстрее шли по пустым коридорам.

Коридор закончился рампой, которая шла не вдоль здания, а поворачивала по спирали, так что в отдельных местах только присутствие перил позволяло сохранить равновесие. Потом все оказались в сводчатом помещении, откуда выходил полный круг закрытых дверей.

Чужаки о чём-то заспорили, по-видимому, какие двери открывать первыми, а земляне отошли чуть в сторону, не понимая быстрых слов и жестов.

Раф попытался разглядеть многоцветные полоски, извивавшиеся вокруг дверей и на стенах. Но вскоре обнаружил, что попытки проследить за какой-нибудь полосой или рисунком только вызывают болезненное ощущение, которое усиливается, чем дольше смотришь. В конце концов ему пришлось опустить глаза и смотреть на серый пол.

Наконец чужаки приняли решение, а может, одна их часть перекричала другую. Они собрались у двери напротив рампы. Снова раздвинули панели. Земляне, побуждаемые любопытством, приблизились. За дверью оказалась длинная комната. Вдоль стен проходили сплошные ряды полок, а на них громоздилось огромное количество странных предметов. Раф, бросив взгляд, решил, что понадобятся месяцы, чтобы разобрать всё это.

Вдобавок комнату разделяли на узкие проходы длинные столы. И вот посреди одного такого прохода чужаки собирались. Они были такими же молчаливыми, какими шумными казались снаружи. Раф не понимал, что привлекло их напряжённое внимание. Он видел лишь ряд следов на пыльном полу. Но чужак, в котором Раф узнал офицера, показывавшего ему шар, прошёл вдоль всего следа ко второй двери. И двигаясь по другому, параллельному проходу, Раф ощутил густой, выворачивающий желудок сладковатый запах. Что-то очень мёртвое и совсем рядом.

Офицер, должно быть, пришёл к такому же заключению, потому что поторопился открыть вторую дверь. Перед ними открылся длинный узкий коридор, вблизи крыши стены прорезали узкие окна, в которые пробивался солнечный свет. И один такой луч падал на тушу размером со слона. Так по крайней мере вначале показалось поражённому Рафу.

Внешний вид животного ни о чём не говорил; судя по чешуе, когда-то оно было пресмыкающимся: тело отыскивали стервятники, и пир шёл вовсю.

Офицер-чужак осторожно обошёл тушу. Раф хотел было осмотреть её внимательней, но не мог заставить себя заняться таким неприятным делом. В группе, стоявшей у двери, слышались возбуждённые восклицания.

А офицер, обойдя тушу, снова принялся рассматривать пыльный пол. Если тут и оставались какие-то следы, сейчас их разглядеть было невозможно: пирующие по всему полу таскали куски мяса. Чужак пробрался мимо ужасных останков к противоположному концу коридора. Раф с такой же осторожностью последовал за ним.

Они вышли в небольшой проход, уходящий под землю, как решил землянин. Потом прошли участок с зарешеченными клетками и длинный коридор. Здесь зловоние либо застоялось в клетках, либо доносилось откуда-то ещё, и Раф буквально подавился, когда в лицо ему ударил особенно противный запах. Он продолжал внимательно глядеть по сторонам, ожидая увидеть пирующих. Пир ведь не был закончен. Может, их приход вспугнул стервятников. А ему не хотелось бы встретиться в неосвещённых подземельях с существами, способными таскать такие туши.

Проход снова начал подниматься, и Раф увидел впереди яркий свет. Это мог быть только свет солнца. Чужак отчётливо выделялся на его фоне. Но вот и сам Раф перебрался через груду песка и перед ним предстала ещё одна сцена смерти. Оказывается, у первого мёртвого чудовища имелись сородичи, и они тоже лежали, мёрт-

ые, разорванные, искалеченные. Раф остался у входа, потому что даже свежий воздух и утренний ветер не могли уничтожить зловоние, которое казалось не менее смертоносным, чем газовая атака.

Должно быть, вонь смущала и офицера, потому что тот чуть поколебался. Потом с видимым усилием направился к грудам плоти и покружила вокруг туш, словно желая уточнить причину смерти. Он был полностью занят этим, когда из прохода выбежал другой чужак. В руках он держал какую-то белую палку. Весь вид его свидетельствовал, что он сделал какое-то важное открытие.

Офицер выхватил у солдата палку, покрутил в руках, разглядывая. И хотя под слоем краски было трудно разглядеть выражение лица, Рафу показалось, что офицер испытывает удивление, смешанное с недоверием. Словно подчинённый принёс ему предмет, который он меньше всего ожидал здесь увидеть.

Рафу тоже захотелось взглянуть на это, но чужаки стремительно проскочили мимо него и ушли в коридор. Второй изливал целые потоки слов, офицер внимательно слушал. И землянину пришлось поторопиться, чтобы не отстать от них.

Однако, уходя с арены, он запомнил одну подробность: из-под неподвижного тела самого большого животного торчала передняя лапа, а на ней — металлический браслет. Неужели это домашние животные? Сторожевые собаки? Ведь это явно были не разумные существа, способные создать и носить такое украшение. А если это сторожевые собаки, то кому они служили? Землянину казалось невероятным, чтобы их хозяевами были чужаки. Может, чудовища служили стражниками этих сокровищ. Тогда смерть стражей говорила о том, что сокровище разграблено. Но кем или чем?..

Мозг Рафа был занят этими размышлениями и вопросами, пока он вслед за чужаками шёл по коридору, где нашли первого пресмыкающегося. Чужак, который принёс находку командиру, осторожно перелез через кучу

мусора и положил белый стержень туда, где тот, очевидно, лежал.

По резкой команде офицера два чужака прошли вперед и оттащили голову животного, повернув ее так, чтобы показалась нижняя часть. На горле зияла широкая рана, но Раф не видел разницы между нею и тем, что оставили пирующие. Однако офицер, прикрыв нос полоской ткани, наклонился, разглядывая рану, и сделал какое-то заявление, вызвавшее оживленные комментарии у остальных.

Четверо чужаков отделились от группы и, держа наготове ручное оружие, двинулись к арене. Рафу показалось, что они ждут нападения с этого направления.

Под град приказов остальные вернулись на склад, и офицер, заметив, что Раф задержался, нетерпеливо поманил его за собой.

Внутри чужаки разделились, они ходили вдоль полок и столов, отбирая нужное. По их действиям стало ясно, что они пересмотрели свою задачу и решили ограничить время пребывания на складе. Некоторые брали по целой груде ящиков и мелких контейнеров, таких легких, что их выносили по полдесятка за раз. Другие по двое и по трое стаскивали тяжелые механизмы с оснований и грузили на тележку. Было заметно, что они очень торопятся.

11. Шпионаж

Стремясь догнать Сссури, Дальгард забыл свои тревоги и решительно ступил из шлюза на морское дно, вернее, попытался ступить, потому что немедленно поплыл. И дальше продолжал плыть с попеременной скоростью.

Раскачивающиеся плети гигантских водорослей, какие находят только на мелководье вблизи берега, сплетались вокруг, но не закрывали скал, которые резко поднимались вверх немного впереди. Разведчик не видел водяного, но, отодвигая одну такую плеть, уловил призыв товарища:

«Здесь, у скал!»

Раздвигая плавучую листву, Дальгард протиснулся к основанию каменного барьера. И увидел, что вызвало такое возбуждение у его спутника.

Сссури разогнал кольцо живущих в морском песке стервятников и стоял на коленях, внимательно разглядывая почти очищенный от плоти череп одного из представителей своего народа. Что-то в нём было странное. Дальгард отодвинул водоросль, закрывавшую ему поле зрения, и смог рассмотреть яснее.

Большинство костей скелета были белые и чистые, но сам череп покернел, рука и плечо скелета тоже были обожжены. Этот водяной погиб не в море!

«Да, это так, — ответил на его мысль Сссури. — Они снова приходили и принесли огненную смерть...»

Изумлённый Дальгард смотрел на склон, который уходил вверх, служа основанием острову.

— Давно умер? — спросил он, уже догадываясь, каким будет ответ.

«Эти чистильщики действуют быстро, — Сссури указал на жителей песка. — Может, вчера или на день раньше. Не дольше».

— И они теперь наверху?

«Кто может сказать? Но они не знают ни моря, ни островов».

Было ясно, что водяной собирается подняться и посмотреть, что произошло наверху. Дальгарду оставалось последовать за ним. Это правда, что у водяных нет равных, когда дело касается моря и берегов. Дальгард был уверен, что Сссури поднимется наверх и узнает, что произошло, и ни один часовой его не заметит, если, конечно, Другие расставили часовых. Другое дело, сможет ли он сам действовать так же бесшумно и незаметно.

В конце концов они наполовину взобрались, наполовину выплыли наверх, избегая нападений скальных ос, безвредных, если находишься достаточно далеко от их

жгучего жала. Эти существа всю свою короткую жизнь прикреплены к расселинам, в которых и вылупились.

Голова Дальгарда высунулась из воды среди пены прибоя за острым выступом скалы. Судя по освещению, вечер подходил к концу. Колонист сорвал маску и с облегчением набрал полные лёгкие доброго чистого воздуха. Сссури, с прилипшей к телу мокрой шерстью, брёл к берегу, рассматривая скальную стену, охраняющую вход на остров.

Теперь, когда можно было осмотреться, Дальгард увидел, что они выбрались на один из целой цепи островов. Именно такие острова, с изрезанными берегами, со множеством убежищ, предпочитают водяные для своих поселений. Здесь встречаются сухие пещеры с подводными входами, в которых устраиваются групповые дома. А в море множество водорослей, готовых к сбору урожая.

Подняться по склонам будет нетрудно. Дальгард избавился от подводного аппарата, спрятав его в расселине, которую завалил камнями. Он решил, что здесь волны до него не доберутся. Возможно, аппарат ещё понадобится ему. Потом, затянув потуже пояс и выжав воду, насколько возможно, из одежды, повесив на спину колчан и лук, он подошёл к тому месту, где Сссури уже пробивал углубления для рук и ног.

— Нас могут увидеть... — Дальгард откинул голову назад, пытаясь разглядеть, что ждёт их вверху.

Водяной быстро покачал головой.

«Они ушли. За ними осталась только смерть... много смертей...» — и разведчика поразила мрачность его мысли.

Дальгард знал Сссури с того времени, как научился ходить; Сссури тогда детёнышем впервые увидел чудеса суши. Но никогда не чувствовал он в другое такого отчаяния. И ничем не мог ответить.

В сумерках, когда за спиной на небе появились последние красные полосы, они поднялись по склону. Водяной словно закрыл сознание перед товарищем. Их

пальцы иногда соединялись во время подъёма, но что касается общения, Сссури мог бы находиться за полмира отсюда. Никогда он так не отгораживался от Дальгарда; с его чувствительностью к ночи, ко всему миру это ощущалось вдвое острее.

Дальгард понял — и это его встревожило, — что слишком привык полагаться на превосходящую человеческую способность Сссури к связи. Пора было использовать собственные силы до предела. И вот, поднимаясь, Дальгард послал ищущую мысль в полутьму. Почти сразу он обнаружил гнездо уткособак; эти пугливые рыбаки обычно живут в расселинах утёсов. Они безвредны и сейчас устраивались на ночь. Но ни следа высших животных: прыгунов, бегунов, — от которых можно что-нибудь узнать. Если судить по его восприятию, они поднимались в чёрную пустоту.

А это само по себе зловещий признак. В обычных условиях он должен был коснуться мыслью не только уткособак. Водяные живут в мире почти со всеми высшими формами жизни своей планеты, часто колонии прыгунов, даже стаи птиц-бабочек поселяются рядом с их племенами, подбирают остатки пищи и находят защиту от летающих драконов и других опасностей.

«Они преследуют всё живое, — Сссури впервые раскрыл ментальный барьер. — Там, где проходят они, маленьких безвредных существ ожидает только смерть. Так и было здесь», — водяной первым выбрался на край склона, в темноте Дальгард слышал его тяжёлое дыхание; сам юноша тоже дышал с трудом.

Как зловоние выдаёт логово ящера-дьявола, так и здесь запах говорил о смерти и уничтожении. Дальгарда затошило, он с трудом справился с мышцами горла и живота. Сссури оставался неподвижен, словно ожидал этого.

И тут, к удивлению Дальгарда, водяной испустил крик — юноша никогда не слышал, чтобы его друг кричал, — жалобный высокий свист с призывной нотой, странным

образом сходный с мысленным призывом, но доступный слуху. Они долго сидели молча, человек и его товарищ, напряжённо прислушиваясь к звукам ночи. Почему Сссури не использовал обычное бесшумное приветствие своего племени? Задав этот вопрос, разведчик снова встретился с непроницаемой стеной, которой водяной отгородился во время подъёма. Как будто теперь их обычный способ общения был опасен.

Снова Сссури свистнул, и в крике Дальгард уловил сходство с музыкальными крикамиочных птиц-бабочек. Крик был настойчивый и печальный. Когда же послышался ответ, разведчику вначале показалось, что имитация привлекла настоящую птицу-бабочку, потому что ответ раздался, казалось, прямо у них над головой.

Сссури встал, положил руку на плечо Дальгарду и чуть надавил — одновременно предупреждение и призыв, заставивший разведчика тоже бесшумно встать. Ужасное зловоние перехватило горло, и Дальгард был рад, что водяной повёл его не в глубь острова, к источнику этого запаха, а пошёл вдоль края скального барьера, придерживая одной рукой друга.

Дважды Сссури останавливался и свистел, и каждый раз ему отвечала взывающая нота; казалось, она внушала Сссури некоторую уверенность.

Вскоре на более светлом фоне моря Дальгард увидел впереди вершину, высоко поднимавшуюся над средним уровнем острова. Он знал, что водяные не селятся наверху, они превращают в жилье помещения природные пещеры и расселины, и гора показалась ему зловещей.

Сссури провёл его по извилистой тропинке среди скал, однажды пришлось пробираться сквозь узкую щель, и, протискиваясь, разведчик расцарапал кожу рук. Потом небо исчезло, погасла последняя звезда, и Дальгард понял, что они вошли в какую-то пещеру или под каменный навес.

Водяной не останавливался, он упорно шёл вперёд по каменной тропе, таща за собой Дальгарда. Колонист

почувствовал, что теперь они спускаются, направляются к самому сердцу острова. Наконец они оказались на небольшой площадке. А потом Сссури шаг за шагом ставил ноги Дальгарда в углубления, пододвигал его руки к местам, за которые можно ухватиться. Медленно, с трудом, подчиняясь этим указаниям, Дальгард вскарабкался на новый карниз; он так и не увидел лестницы, которая привела его к следующему спуску.

Тут наконец стало светлее; на фиолетовый свет подземных ходов Других это было совсем не похоже — Дальгард узнал призрачные огни светильников водяных. Это глубоководные свящающиеся существа, водяные заключают их в прозрачные шары и держат в своих пещерах.

Но по-прежнему никакого мысленного контакта. Никогда раньше не входил Дальгард в пещеры морского народа без вопросов и приветствий, раздающихся отовсюду. Может, они шли в место убийства, где не осталось ни одного живого существа? Но ведь Сссури привёл сюда чей-то свист...

В этот момент в глубине пещеры прозвучала резкая пронзительная нота, так что в ушах Дальгарда зазвенело; он вздрогнул и чуть не потерял равновесие. И снова Сссури ответил вслух, не мысленным прикосновением.

Они обогнули выступ, и разведчик увидел перед собой сердце поселения водяных. Когда-то это была природная пещера, как и большинство жилищ водяных, выровненные стены увещивали гирлянды раковин, из которых во время отдыха водяные сплетают странные узоры. Серебристо-серый песок, гладкий и тонкий, как пыль, покрывал поверхность на фут и больше в глубину. А вокруг центрального помещения разбросано множество небольших келий, каждая из которых принадлежит отдельной семье. Большая пещера, на первый взгляд Дальгард решил, что здесь живёт не менее ста водяных; по крайней мере об этом говорило количество келий. Но у основания карниза, по которому они спускались, собралось, держа наготове

копья, лишь десять взрослых самцов, среди них и те, что только что расстались с детством, и такие, у которых белоснежная шерсть свидетельствует о почтенном возрасте. А за ними, держа в руках наготове ножи, сгрудилось примерно столько же самок, образовав защитную стену вокруг группы детёнышей.

Сссури обратился к Дальгарду:

«Вытяни руки, пустые, и раздвинь пальцы, чтобы они могли ясно видеть!»

Разведчик повиновался. В ограниченном свете его десять пальцев превратились в веер, и тогда он понял смысл этого жеста. Если эти водяные никогда раньше не видели колониста, он им может напомнить Других. Но только один вид на Астре имеет пять пальцев на руках и ногах, и это физическое свидетельство обеспечит ему безопасность.

«Зачем ты привёл к нам убийцу? Или ты предлагаешь нам наказать его, чтобы мы могли своими ножами привлечь судьбу, которую он заслужил?»

Вопрос прозвучал с силой удара стрелы, и Дальгард ещё дальше вперёд протянул ладони, надеясь, что водяные увидят разницу, прежде чем копья пронзят его плоть.

«Посмотрите на руки этого... моего брата по ножу, на его лицо. Он не из тех, кого вы ненавидите, он с юга. Разве вы на севере не слышали о Тех-Кто-Помогает, о Тех-Кто-Пришёл-Со-Звёзд?»

«Слышали», — но напряжение не спадало, копья не дрогнули.

«Посмотрите на его руки, — настаивал Сссури. — Войдите в его мозг, он может говорить с нами. А разве они так делают?»

Дальгард постарался раскрыть своё сознание, ожидая суда. И суд пришёл, его мозга коснулись враждебные, чужие мысли, но тут же изменились, встретив только дружелюбие, которое он всегда испытывал к морскому народу.

«Да, он не из них, — признание было сделано

неохотно. Как будто водяные не могли поверить в это. — Зачем он пришёл сюда с юга — и именно сейчас?»

На этом «сейчас» было сделано тревожное ударение.

«По обычаям своего народа он ищет новых знаний, чтобы вернуться и доложить своим старейшим. И тогда он получит копьё взрослого и будет готов к выбору подруги, — Сссури изложил причины похода Дальгарда в терминах своего племени. — Он мой брат по ножу с младенчества, и поэтому я пошёл с ним. Но здесь, на севере, мы встретили великое зло...»

Поток мыслей Дальгарда был буквально сметён вихрем такой ненависти, что он словно ощутил физический удар. Юноша покачал головой. Он знал, что водяные могут быть опасными врагами, бесстрашными и искусными, что их выносливость и стойкость превосходят человеческую. Но такого гнева он никогда не встречал.

«Они пришли снова... они всё сожгли... они среди наших островов...»

Заплакал ребёнок, и одна из самок принялась успокаивать его.

«Здесь они убивали огнём...»

Водяные не стали подробнее рассказывать, и Дальгард был только рад этому. Он вновь с облегчением подумал, как хорошо, что они поднимались в темноте и не видели того, что рисовало ему воображение.

«Они остались?» — последовал вопрос Сссури.

«Нет. В своём небесном корабле они улетели к тёмному городу. Там они хотят создать новое зло и подготовиться к тому, чтобы эта земля снова принадлежала им».

«Но нас они не получат, — новая сильная мысль в потоке общения. — Мы больше не пойдём в ямы для их развлечения. Мы можем уйти в море и жить там, как жили отцы наших отцов, и они не посмеют последовать за нами...»

«Кто знает? — возразил Сссури. — Если они получат свои древние знания, даже глубины моря больше не будут принадлежать нам. Разве не умеют они летать в воздухе?»

Воины-водяные зашевелились. Несколько копий тупыми концами ударились о землю. Сссури принял это за приглашение спуститься и поманил за собой Дальгарда.

Позже они сидели кругом на мягком сером песке, двое гостей с юга ели сушёную рыбу и морские водоросли, а Сссури в это время рассказывал об их скитаниях.

«Трижды пролетали они над островами на своём пути к городу», — сообщил разведчикам старейший поредевшего племени.

«И на этот раз, — вмешался один из его товарищей, — с ними был новый корабль».

«Новый корабль?» — Сссури почему-то ухватился за это сообщение.

«Да. Корабли, на которых они летают в воздухе, выглядят так, — кончиком ножа водяной изобразил на песке круг. — А этот новый корабль меньше и похож на острие тяжёлого копья — вот такое», — и он сделал второй рисунок рядом с первым. Дальгард и Сссури наклонились, разглядывая его.

«Непохоже на их корабли, о которых я слышал, — согласился Сссури. — Даже в рассказах о днях до Огня о таких никогда не говорится».

«Верно. Поэтому мы и ждём возвращения своих разведчиков. Разведчики ушли к их пещерам отдыха, а когда вернутся, расскажут нам о новом корабле. Они придут во время ближайшего периода сна. Отдыхайте, вам явно нужен отдых. Мы позовём вас, когда они вернутся».

Дальгард с готовностью лёг на песок в дальнем углу пещеры. Рядом спали три детёныша, обнимая друг друга; Дальгард ощутил покой, какого не испытывал с самого Хоумпорта.

Причудливый свет морских животных освещал центральную часть пещеры. Когда колониста разбудили, снаружи ещё вполне могла быть ночь. Неподалёку сидела группа водяных, их мысли прерывали друг друга. Все были очень возбуждены. Должно быть, вернулись разведчики.

Дальгард присоединился к группе, но юноша сразу почувствовал, что его встретили недружелюбно и открытость прежних часов исчезла. Как будто он снова попал под подозрение.

«Брат по ножу... — Дальгард понял, что Сссури не спроста использовал это обращение: его друг хотел подчеркнуть, какая между ними тесная связь. — Послушай слова Сссима, разведчика с острова, на котором отдыхают их корабли в пути», — тут Сссури жестом подозвал к себе колониста, и тот увидел молодого водяного, который круглыми глазами смотрел на разведчика колонии.

«Он похож — и не похож... — первая мысль ничего не сказала Дальгарду. — Новые незнакомцы носят множество покрытий на теле, как и они, и на головах тоже. Они больше ростом. И из их мыслей я узнал, что они не с этой планеты...»

— Не с этой планеты! — вслух воскликнул Дальгард.

«Вот! — разведчик водяных торжествовал. — Они тоже говорят не мыслью, а ртом, правда, звуки издают не те, что они. Да, новые похожи — и в то же время непохожи на этого».

«И эти незнакомцы летают в корабле, какого мы раньше не видели?»

«Да. Но дороги они не знают, их ведёт шар. И по крайней мере один из незнакомцев не доверяет им и хочет побыстрее вернуться к себе. Он проходил по камням возле моего укрытия, и я прочёл его мысли. Да, они с ними, но сами новые — не они».

«И теперь они ушли к городу?» — спросил Сссури.

«Туда улетел их корабль».

— Похожи на меня, — повторил Дальгард, и тут в сознании его вспыхнула яркая мысль. — Земляне! — выдохнул он. Можст, это люди Мира, которые разыскивают беглецов, сумевших уйти от них на Земле. Но как они сумели выследить колонистов? И зачем? Или это тоже беженцы, подобно колонистам? Очень многие све-

дения о прошлом колонии погибли во время Великой Болезни через двадцать лет после посадки. Тогда умерло три четверти из числа первых колонистов. Выжили только дети второго поколения и горстка ослабевших старейших. Было утрачено знание, ушло прежнее мастерство, исказились воспоминания. Но если здесь в городе появились новые земляне... Он должен знать, знать и предупредить своих. Ибо о тьме Мира они не забыли!

— Я должен их увидеть, — сказал он.

«Это верно. И только ты можешь сказать нам, кто они такие, — согласился вождь водяных. — Поэтому ты пойдёшь на берег с моими воинами, посмотришь на них — и скажешь нам правду. И ещё мы должны узнать, что они там делают».

Было решено, что отряд разведчиков отправится к берегу подводными путями, известными водяным, Дальгард поплыёт с ними в аппарате Других; разведчики выступят на следующий день и по реке проникнут на вражескую территорию.

12. Патруль чужаков

Раф прислонился к стене. Действия чужаков на складе давно перестали интересовать его: чужаки не позволяли рассматривать добычу и не отвечали на вопросы. Лабле продолжал ходить за офицером, тщетно стараясь понять его речь. А Хобарт расположился у верхнего выхода, сложив руки на груди. Пилот знал, что капитан записывает все действия чужаков скрытой на запястье камерой, надеясь что-нибудь понять позже.

Самому Рафу хотелось уйти отсюда и самостоятельно побродить по подземным коридорам. Простояв на месте довольно долгое время, он обнаружил, что чужаки считают его присутствие само собой разумеющимся, они проходили мимо, занятые своими делами, и не обращали на него никакого внимания. И он медленно начал продвигаться вдоль стены к выходу. Лишь однажды, когда

совсем рядом в сопровождении Лабле прошёл офицер, Раф застыл. Но потом сразу возобновил движение.

Ему вдобавок повезло. Когда он уже должен был нырнуть в дверь, на другом конце помещения началась шумная суэта, четверо чужаков под град приказов пытались сдвинуть с места какой-то громоздкий механизм.

Раф стремительно выскользнул в коридор и прижался к стене за дверью. Передвигающиеся лучи солнца подсказали ему, что уже полдень. Помещение было пусто, в нём только валялась туша животного и ни признака чужаков, отправившихся на разведку.

Землянин легко пробежал по проходу к другой двери, которая вела вниз, к арене. Углубляясь в тёмный коридор, он извлёк станнер, луч которого должен лишать сознания, но не убивать. Впрочем, Раф надеялся, что ему не придётся устанавливать, как подействует этот луч на гигантских ящеров. Время от времени он останавливался и прислушивался.

Звуки, вокруг раздавалось множество звуков. Регулярные шумы, похожие на шаги, на далёкий бег. Чужаки возвращаются? Или существо, на которое они охотились? Раф выбрался на солнечный свет, ярким потоком заливавший арену.

Впервые он внимательно рассмотрел это место и только теперь понял, для чего оно предназначалось. Здесь население города наблюдало за свирепыми кровавыми развлечениями. Это лишь подтвердило его мнение о чужаках и их образе жизни.

Изменение исследовать город было слишком сильно. Раф задумчиво разглядывал решётки. На них можно взобраться, он в этом уверен. Или лучше испробовать один из многочисленных ходов, выходивших с арены? Пока юноша колебался в поисках решения, сзади послышался шум. Не какой-нибудь неопределённый звук, а настоящий крик, полный ужаса и боли. Раф повернулся и, не задумываясь, побежал.

Но крик не повторился. Послышались новые звуки...вой... скрежет... царапанье...

Пробежав коротким коридором, Раф обнаружил, что попал в круглую комнату, со всех сторон окружённую решётками клеток. Лучи солнца пробили полумглу и осветили сплошную чёрную массу, выкатившуюся из одного прохода. Перед ней выбежал один из солдат-чужаков. Чёрные существа окружили его, они двигались стремительно, и солдат не мог попасть в них из своего оружия; они быстро зажали чужака в углу, другой чужак, неподвижный и беспомощный, лежал на полу.

Раф понял, что прицелиться в эти существа будет невозможно. Они двигались чрезвычайно быстро, как рябь на воде. Он поставил переключатель станнера в положение «рассеянный луч» и на полной мощности заряда начал стрелять в стаю.

Несколько секунд ему казалось, что лучи станнера не действуют на чуждый метаболизм животных; их стремительные движения не прекращались. Но вот они одно за другим начали отпадать от плотного клубка тел и неподвижно застывали на полу. Убедившись, что он может воздействовать на животных, Раф повернулся к тем, что окружали чужака.

Землянин снова послал рассеянный луч, и он подействовал. Когда последнее животное застыло, чужак двинулся вперёд и с рычанием начал сжигать подряд всех нападавших. А Раф подошёл к солдату, лежавшему на полу.

Помочь тому было невозможно: горло разорвано, уже наступила смерть. Раф отвёл взгляд от тела. Второй солдат методично уничтожал оглушённых животных. И в действиях его сквозила такая жестокость, что Рафу не хотелось смотреть.

Но когда он снова посмотрел, то увидел, что ствол оружия чужака нацелен на него. Не обращая внимания на мёртвого товарища, чужак приближался к землянину,

как будто видел в Рафе нового врага, которого необходимо сжечь.

Автоматически пилот начал действовать так, как его учили на многочисленных тренировках. Ствол станнера почти упёрся в оружие чужака. А тот за последние несколько минут, видимо, прониксяуважением к земному оружию, потому что опустил своё, словно и не пытался угрожать Рафу.

Пилот понятия не имел, что ему теперь делать. Возвращаться в склад он не хотел. Но считал, что чужак не позволит ему уйти одному. К тому же на замлянина весьма отрезвляющее подействовала свирепость животных, грудами валявшихся на полу. Эффективное предупреждение: не стоит одному гулять по подземным путям.

Дилемму разрешило появление из другой двери целой группы чужаков. При виде поля битвы они застыли, потом их предводитель подошёл к выжившему участнику за объяснениями. Тот сопровождал свой рассказ многочисленными жестами, которые Раф сумел отчасти понять.

Чужак со своим товарищем слишком далеко углубился в один из подземных ходов, когда на них началась охота; они сумели добраться только до этого места, прежде чем стая напала. По какой-то причине, оставшейся непонятной Рафу, чужаки предпочли бежать, а не сражаться. Но бежали они недостаточно быстро и оказались захваченными здесь. Красочно жестикулирующие руки описали участие Рафа в схватке.

Подойдя к землянину, офицер-чужак протянул руку и показал, что Раф должен отдать своё оружие. Пилот покачал головой. Неужели они считают, что он по простой просьбе останется безоружным? Особенно после действий этого солдата несколько минут назад. Он даже не стал убирать станнер в кобуру. Если попытаются отобрать силой, пусть только попробуют!

Предводитель чужаков, по-видимому, понял его решимость, потому что не настаивал на исполнении своего

приказа. Знаком он пригласил землянина присоединиться к отряду. У Рафа не было причин отказываться. Оставив мёртвых — и животных, и чужака — на месте, солдаты двинулись по другому подземному пути, который вывел их на улицу, ведущую к реке.

Здесь отряд растянулся, солдаты внимательно разглядывали мостовую, как будто кого-то выслеживали. Раф заметил в одном месте след ящера. Иногда попадались и другие, мысльшие следы, которые он не сумел опознать. Солдаты осматривали все эти следы, но, по-видимому, искали не их.

Они методично прочёсывали берега, и Раф, уже несколько привыкший к их поведению, понял, что предводитель недоволен и раздражён. Они должны были что-то найти. Этого здесь не было, но оно должно было найтись! И им обязательно следовало это найти, чтобы оправдать время, затраченное на поиски.

Солдаты безжалостно убивали любое существо, которого вспугнули их поиски. Множество маленьких зверьков, которых первыми увидел Раф при приземлении, осталось лежать на их пути, слабо дёргая лапками. Землянин не понимал причин такого бессмысленного уничтожения: ведь эти грызуны казались совершенно безвредными.

В конце концов солдаты отказались от поисков и вернулись на поле, где стояли шар и флиттер. Увидев свой флаер, Раф оставил отряд и побежал к нему. Сорики приветственно помахал ему рукой.

— Самое время одному из вас показаться. Что они там делают? Собираются погрузить полгорода в эту штуку?

Раф поглядел, куда он показывает. Несколько чужаков тащили тяжело нагруженную тележку к люку шара, а другая группа с пустой тележкой возвращалась к складу.

— Опустошают склад. Вернес, пытаются.

— Ну, действуют они так, будто само Старое Время прижигает им хвосты ракетным пламенем. Отчего такая спешка?

— Кто-то здесь побывал, — Раф быстро рассказал, что

видел в городе, закончив описанием охоты, в которой принимал невольно участие. — Я голоден, — закончил он и принялся рыться в припасах.

— Итак, кто-то попытался опередить наших раскрашенных приятелей, — задумчиво проговорил Сорики; Раф жевал концентраты, не имевшие ни вкуса, ни запаха свежей пищи. — Мохнатые?

— Чужаки нашли возле мёртвого ящера сломанное копьё, — заметил Раф. — А те, с острова, были вооружены копьями...

— Должно быть, хорошие бойцы. Копьём убить такого большого ящера, как ты поведал... Он ведь на самом деле большой, верно?

Раф посмотрел на город, держа в руке недоеденный концентрат. Да, это загадка. Не хотел бы он встретиться с таким чудовищем даже с бластером в руках. Но ящер мёртв, и разбитое копьё засвидетельствовало, как он был убит. И все остальные на арене тоже мертвые. Насколько большой отряд вторгся в город? И где он сейчас?

— Хотел бы я знать, как они это проделали, — пилот обращался скорее к самому себе, чем к связисту. — Никаких других тел...

— Их могли унести друзья, — предположил Сорики. — Но если они ещё здесь, надеюсь, они не поверят, что мы большее и лучшее издание раскрашенных парней. Не хотелось бы получить копьём в спину!

Раф невольно вспомнил лабиринт улиц и переулков. В зданиях сотни пресвосходных укрытий для нападения. А он с такой уверенностью и невежеством проходил там сегодня! Теперь он понял, почему нервничали чужаки. Если бы на какой-нибудь крыше пристроился снайпер с лазерным ружьём, никто из них не вернулся бы на поле. Даже несколько метких копейщиков легко сократили бы их численность вдвое или втрое. У Рафа вырабатывалось стойкое отвращение к городу. Он не собирался по доброй воле возвращаться в него.

Остальную часть дня он провёл с Сорики, наблюдая за

непрерывной деятельностью чужаков. Было ясно, что они собираются упратить в свой корабль всё, что смогут вынести со склада. Как будто хотели за один рейс увезти двойной груз. Может, потому что обнаружили присутствие других в своей сокровищнице?

Позже с одним из рабочих отрядов вернулись Хобарт и Лабле. Лабле был чрезвычайно возбуждён увиденным, строил догадки. А капитан оставался необычно молчалив и сдержан; оказавшись во флиттере, он тут же снял с запястья камеру и отдал Сорики.

— Сделайте копию, — приказал он. — Мне нужны два экземпляра записи, и поскорее!

Брови техника поднялись.

— Считасте, что одну мы можем потерять, сэр?

— Не знаю. Но подстрахуемся. Должно быть два экземпляра, — капитан взял пакет с рационом, который протянул ему Раф, но разворачивать его сразу не стал; он внимательно смотрел на шар, вороша каблуком почву, как будто размалывая что-то в порошок.

— У них полная готовность, — заметил он. — Словно в любую минуту могут стартовать...

— Они объяснили, что эту территорию захватил враг, — напомнил Лабле.

— Кто же этот загадочный враг? — спросил капитан.

— Животные с острова?

Раф хотел было сказать «да», но Лабле задал ему вопрос, и пилот коротко рассказал о своих приключениях, не забыв описать эпизод в помещении с решётками, когда только что спасённый чужак обратил против него оружие.

— Естественно, они подозрительны, — заметил Лабле, — но для тех, кто ещё не дорос до космических перелётов, они исключительно непредвзяты и готовы принять нас. Хотя мы должны казаться им очень странными.

— Копия сделана, капитан, — Сорики вышел из флиттера, камера была у него в руках.

— Хорошо, — но Хобарт не стал надевать камеру на

руку и не обратил внимания на слова Лабле. Очевидно, приняв какое-то решение, он повернулся к Рафу.

— Вы сегодня уходили с разведчиками. Как вы думаете, сможете ещё раз присоединиться к ним, если они куда-нибудь отправятся?

— Попытаюсь.

— Они могут только прогнать его назад, — усмехнулся Сорики. — А что вы о них думаете, сэр? Они хотят нас подорвать?

Но капитан не стал спорить со связистом.

— Мне нужна запись их похода, — он протянул камеру Рафу. — Надевайте и не забудьте включить, когда отправитесь. Не думаю, чтобы они вышли сегодня вечером. Им не нравятся пешие переходы в темноте. Вчера мы это заметили. Но утром следите за ними...

— Да, сэр, — Раф пристегнул камеру. Ему хотелось, чтобы Хобарт объяснил, чего ждёт, но капитан, кажется, посчитал, что объяснил уже всё. И ушёл вместе с Лабле к шару, словно говорить больше было не о чём.

Сорики потянулся.

— Я бы сказал, что за ними нужно наблюдать непрерывно, — медленно проворчал он. — Капитан считает, что в темноте они не выступят, но что мы о них знаем? Будем смотреть, и тогда ты всегда сможешь пуститься вслед...

Раф рассмеялся.

— Придётся. Не думаю, что получу приглашение, а если заблужусь...

Но Сорики покачал головой.

— Не заблудишься. Я собираюсь подготовить для тебя маяк. Поставлю в шлем.

Конечно, только связист может до такого додуматься! Небольшое приспособление во встроенных в шлем наушниках, и Сорики со своего устройства связи во флиттере всегда выведет его назад. Эффективно, как радар корабля. Теперь Рафу можно будет не опасаться заблудиться на улицах, если он потеряет тех, за кем будет следить.

— Хорошо придумано! — он снял шлем и взглянул на улыбавшегося Сорики.

— Ну, не такие уж мы космические бездельники. Когда-нибудь и сам поймёшь, приятель. Тебя ведь направили в полёт сразу после тренировочного курса?

— Да, — осторожно согласился Раф, не собираясь рассказывать о себе. В конце концов всё это есть в его документах, а их может на корабле прочесть любой. Да, он не ветеран; но все и так об этом знают.

— Когда-нибудь перестанешь быть подозрительным, — продолжал связист, — и поймёшь, что мир не так уж плох. Ну, попробуем, — он взял шлем Рафа, дастал из сумки на поясе наборчик инструментов, снял крышки наушников и принялся что-то переставлять внутри. — Вот так ты всё будешь слышать, и в то же время свист не разорвёт барабанные перепонки. Попробуй.

Раф надел шлем и двинулся в сторону от флиттера. В ушах его раздалось слабое жужжание, но сквозь него он хорошо слышал и все остальные звуки. И жужжание устойчиво сохранялось на любом направлении; он проверил это, сделав несколько петель вокруг флаера. Каждый раз, выходя на прямую, он бывал вознаграждён низким приглушённым гудением. Да, он хорошо слышал маяк, ведущий его к дому, и в то же время слышал все другие звуки.

— Неплохо! — отдал пилот должное сделанному. Но все же разговориться не смог. Слишком долго молчал. Что-то по-прежнему не позволяло принять открытое дружелюбие связиста.

Тени удлинялись. Никто из чужаков не приближался к флаеру. Перестали приходить отряды из города, большинство солдат ушло в шар и осталось там. Сорики заметил это.

— Они сами не очень-то уверенно себя чувствуют. Похоже, закрываются на ночь.

Действительно, раскрашенные подняли рампу и с грохотом захлопнули люк. Увидев это, связист рассмеялся.

— Теперь у нас двойная причина установить дежурство. Вдруг те, кого они опасаются, набросятся на нас? Похоже, наши друзья об этом не подумали.

Поэтому они распределили время: три часа дежурства, три часа отдыха. Когда пришла очередь Рафа, он не остался во флиттере слушать тяжёлое дыхание связиста. Вышел в ночь и прошёлся вокруг машины. Над головой мерцали звёзды, ярко и отчётливо. А в мёртвом городе не появлялось никаких огней. И Раф был уверен, что чужаки не остались там на ночь.

Он спал, когда Сорики разбудил его, тряхнув за плечо. Раф мгновенно пришёл в себя, этому он научился на полевых тренировках в половине Галактики отсюда.

— Мне кажется, они собираются выступить, — прошептал связист, склонившись к пилоту.

Начинало светать. Раф приподнялся и бросил осторожный взгляд на шар. В нём виднелось тёмное отверстие, чужаки тихо открыли люк. Раф быстро оделся, закрепил пояс с инструментами и оружием, надел шлем, обулся.

— Идут! — сообщил Сорики. — Один, два... пятеро... нет, шестеро. Направляются в город. Никаких тележек. Все вооружены.

Земляне, не высовываясь из машины, проследили, как патруль чужаков удаляется в сторону города. Судя по поведению, солдаты старались уйти незаметно. Раф выскользнул из флиттера. В сером предутреннем свете тёмная одежда делала его почти невидимым.

Сорики подбадривающее помахал рукой, пилот ответил быстрым салютом и двинулся вслед за чужаками.

13. *Пёс спущен с цепи*

Ноги Дальгарда коснулись дна; он осторожно побрёл к берегу, туда, где мост через реку отбрасывал густую тень. Водяные не сопровождали его. Как только колонист направился к городу-складу, Сссури повернул на юг, чтобы предупредить и подготовить племена родичей. А

водяные с островов установили связь от зарослей в двух милях от берега до своих пещер. Такая связь надёжнее легендарных коммуникаторов земных предков; мысли по цепочке улавливаются и передаются дальше своим товарищам.

Хотя в городе не видно было никаких признаков жизни, Дальгард двигался с такой осторожностью, словно входил в логово ящера-дьявола. В первые мгновения рассвета он установил контакт с мозгом прыгуна. Маленький зверёк был настолько перепуган, что почти не мог мыслить, и Дальгард провёл немало времени, успокаивая этот ужас. Наконец он кое-что узнал о происходящем.

Смерть — ужас прыгуна был близок к безумию. Убийцы спустились с неба, они жгут, жгут... Всё живое бежит от них. В это мгновение Дальгард понял, что из его плана окружить Других невидимым кольцом шпионов-животных ничего не выйдет. Придётся полагаться только на собственные глаза и уши.

Разведчик медленно продвигался вперёд, оставив позади последние посты водяных, тихо поднимался вверх по течению. Пока никаких следов пришельцев не было видно. Так как они точно не могли высадиться в своём корабле в густо застроенном районе у реки, их лагерь скорее всего расположился в пригородах мерополиса.

Наконец Дальгард выбрался из воды. Лук и стрелы он оставил у последнего водяного; теперь для защиты у него имелся только нож-меч. Но он приплыл сюда не для того, чтобы сражаться, а только ждать и наблюдать. Выжимая одежду, он крался вдоль берега. Если чужаки пользуются улицами, хорошо бы оказаться выше их. Войдя в город, разведчик задумчиво разглядывал ближайшие здания.

Два квартала Дальгард ещё держался уровня улицы, крадучись перебегая от одной затенённой двери к другой, прислушиваясь не только к звукам, но и к малейшим веяниям мысли. К тому же он был относительно уверен, что чужаки будут искать только водяных. Не обладая телепатическими способностями, как их прежние рабы,

Другие тем не менее в состоянии ощутить близкое присутствие водяных, и потому жители моря не рисуют обмениваться мыслями поблизости от чужаков, чтобы не выдать себя. Но он — другого вида, и, вероятно, его мысли чужаки обнаружить не смогут, Именно потому Дальгард и пошёл один в город.

Какое-то время юноша разглядывал здания впереди. Среди них выделялось коническое сооружение, возможно, основание башни, все этажи которой, начиная с третьего, рухнули. Здание украшало множество разноцветных барельефов, полос, которые служат чужакам письменностью. Это ближайший ответ на его проблему. Но разведчик искался с места, пока тщательно визуально и мысленно не изучил окружающую обстановку. Впрочем, внимание колодиста не дошло до места, где в двенадцати кварталах от него затаялся другой наблюдатель. Дальгард легко пробежал к зданию как раз в тот момент, как Раф переступил с ноги на ногу за парапетом, из-за которого наблюдал за группой чужаков внизу на улице...

Пилот следовал за ними с того самого раннего утреннего часа, когда его разбудил Серики. Но далеко не ушёл. Большую часть времени он наблюдал из укрытия, как сейчас. Вначале ему показалось, что чужаки что-то ищут, потому что они заходили в здания, потом выходили, совещались и заходили в новые. Но выходили они всегда с пустыми руками, поэтому он понял, что ищут они отнюдь не новые сокровища. К тому же передвигались чужаки много увереннее, чем накануне. Эта уверенность и заставила Рафа забраться наверх, чтобы наблюдать оттуда без риска быть обнаруженным.

Около полудня они наконец пришли в этот район. Если бы двое чужаков не остались на улице, Раф мог бы подумать, что они ускользнули, и что он, как кошка, караулит опустевшую мышиную нору. Но спустя долгое время чужаки всё-таки вышли, вынося что-то с собой.

Раф перегнулся через парапет, стараясь получше рассмотреть плоский, похожий на ящик предмет, который двое чужаков поставили на тротуар. Либо они пытались его открыть, либо он требовал каких-то приспособлений, только чужаки очень долго с ним возились. Пилот облизал пересохшие губы и подумал, что будет, если он просто спустится на улицу и подойдёт к ним. Он уже почти решился на это, когда группа внизу быстро расступилась, оставив ящик на месте; чужаки окружали его на некотором расстоянии.

Из ящика вырвался белый пар, послышался протестующий скрежет, и предмет начал рывками подниматься, как будто какой-то гигант неравномерно подтягивал его к себе в небо. Раф отскочил. Прежде чем он смог вернуться на место, предмет поднялся выше парапета, на пять-шесть футов выше головы разведчика и здесь повис. Больше он не поднимался; напротив, начал раскачиваться взад и вперёд и с каждой петлёй отходил всё дальше и дальше.

Вперёд и назад — от пристального наблюдения за ним у пилота закружила голова. Какова его цель? Для обнаружения, для слежки за ним? Раф положил руку на рукоять станнера. Он не знал, как подействует луч на ящик, но испытывал сильное желание проверить.

Но вот движения непонятно как взлетевшего чёрного ящика стали менее резкими, полёт — равномернее, словно двигатели этого механизма стали функционировать, как запланировано создателями. Ящик совершил широкие гладкие круги, будто исследуя воздушные потоки.

Ищет, он явно что-то ищет. И так же ясно, что не его, потому что присутствие Рафа на крыше было бы обнаружено немедленно. Но ведь солдаты на улице больше не видят эту машину. Как смогут они узнать, что она обнаружила? В ней должно быть какое-то встроенное сигнальное устройство.

Решив не терять его из виду, Раф перескочил с крыши на соседнюю, легко пробежал по ней, а спущенный с

цепи пёс, подскакивая и поворачиваясь, удалялся от хозяев, преследуя какую-то загадочную добычу...

Подъём, выглядевший с улицы довольно лёгким, оказался гораздо труднее, когда Дальгарду пришлось осуществлять его на деле. Часы плавания по реке, сон урывками ночью — всё это истощило силы юноши больше, чем он предполагал. Разведчик тяжело дышал, прижимаясь к стене, упираясь ногами в разноцветную рельефную полоску; прежде чем ступить на следующую, он намеревался передохнуть. Внешне город был совершенно безжизнен, но водяные уверили его, что корабль чужаков и его странный спутник приземлились где-то неподалёку. Если бы не уверенность, Дальгард решил бы, что ищет напрасно.

Закусив губу, разведчик мрачно продолжал карабкаться, пот струйками стекал со лба и рук. Он не стал больше останавливаться, но продолжал двигаться, пока не оказался на крыше низкой башни. Крыша была не плоская, а чуть вогнутая, как внутренность чаши, и в центре виднелось круглое отверстие — люк или дверь. Но разведчик слишком выдохся и мог сейчас только отдыхать.

Сам воздух был здесь какой-то сонный. Хотелось свернуться калачиком и уснуть, дать телу отдых, которого оно так жаждало. Дальгард расслабился, напряжение, охватившее его поначалу в этом злополучном месте, постепенно отпускало...

Дальгард вздрогнул, словно его поразила собственная отравленная стрела. Мысленный контакт с водяными, с прыгунами и бегунами был лёгок и знаком. Но сейчас его мысль обнаружила нечто иное. Словно касаешься чего-то холодного, как лёд, враждебного с самого рождения, такого, что невозможно понять. Дальгард мгновенно разорвал контакт и в панике съёжился в комок, глядя в бирюзовое небо, ожидая — чего именно, он и сам не знал. Может, того, что этот чуждый мозг отыщет его,

выдернет из убежища, вывернет наизнанку, вытянет всё, что знает и что надеется узнать колонист.

Но время проходило, чуждое сознание молчало, и Дальгард начал надеяться, что тот, другой, не ощущил контакта. Приободрившись, разведчик вновь послал ишущую мысль. Бессознательно, вслед за поиском, юноша поворачивался и сам. Вот оно!

При вторичном прикосновении он опять отступил, опасаясь быть обнаруженным. Но потом продолжал исследовать, готовый отступить при первом же намёке на обнаружение. Он явно столкнулся с существом, обладающим высокоразвитым разумом, существом, чуждым его умственным процессам, и это существо находилось где-то недалеко. И хотя попытки Дальгарда становились всё смелес, проникнуть сквозь барьер, отгораживающий другого, он не смог. Колонист всегда знал, что водяные общаются друг с другом на гораздо более высоком уровне, чем с ним; что они способны «говорить» с колонистами лишь потому, что уже много поколений обменивались мыслями с прыгунами и другими низшими существами. И водяные откровенно признавали, что хоть Другие и могут обнаружить их присутствие, читать их мысли они не способны. Поэтому его собственная волна, чуждая господствовавшим некогда обитателям Астры, вполне может остаться незамеченной.

Они... или он... или оно... — скрывалось в северном направлении; Дальгард был в этом уверен. Он посмотрел на северо-запад и впервые увидел примерно в миле от себя шар. Если странный флаер, о котором сообщали водяные, и стоял рядом, отсюда его не было видно. Но разведчик ощущал, что обнаруженный им мозг ближе.

И тут он увидел — чёрный предмет, рывками поднимавшийся в воздух, как будто кто-то его тащил. Предмет был слишком мал для фласра. Уже давно колонисты составили себе представление о физическом облике Других. В общих очертаниях и по размерам они походили на

людей. Нет, в том предмете не мог поместиться пассажир. Но тогда что это — или почему?

Предмет кружился по расширявшейся спирали. Дальгард продолжал скрываться за парапетом крыши. Ему почему-то сразу подумалось, что стоит поискать более надёжное укрытие, что тот летающий ящик опасен. Дальгард выбрался из убежища и направился ко входу в центре крыши. Потребовалась минута, чтобы просунуть пальцы в круглые дыры и потянуть. Упрямая крышка подалась, изнутри в лицо ударила затхлый воздух.

В сражении с люком Дальгард на время упустил из виду ящик и потому был захвачен врасплох, когда этот предмет с пронзительно высоким свистом, на самом пороге восприятия, неожиданно вынырнул из-за края крыши и устремился прямо к нему. Дальгард прыгнул в люк и, к счастью, приземлился на крутой рампе. Он потерял равновесие и заскользил в темноту, стараясь затормозить руками; в ушах продолжал звучать пронзительный вопль ящика.

В этой части комического здания царила полная темнота, и двумя этажами ниже входа, в который он так бесцеремонно влетел, Дальгард сильно ударился о стену. Лёжа в темноте и пытаясь восстановить дыхание, юноша продолжая слышать вопли ящика. А может, это призыв? Размышлять было некогда, следовало побыстрее уходить.

На четвереньках разведчик прополз по короткому коридору и обнаружил следующую уходящую вниз рампу, на этот раз не такую крутую; по ней он вполне мог спуститься стоя. Внизу было светлее, свет пробивался сквозь отверстия в декоративных полосах. Увидел он и дверь, закрытую на запор.

Дальгард даже не попытался открыть её, хотя и положил руку на засов. Ящик — это охотничья собака. Может, он уже привлек внимание хозяев к этому зданию? Вдруг он откроет дверь и встретится с опасностью, которой

должен избегать. Дальгард отчаянно попытался поискать мыслью. Но чуждой волны не нашёл. Может, охотники умеют контролировать свои мысли? Он так мало знал о Других, а водяные так ненавидят своих прежних хозяев, что скорее избегают, чем изучают их.

Шестое чувство разведчика говорило ему, что снаружи никто не ждёт. Но чем дольше он будет медлить, тем меньше будут его шансы. Он должен убраться отсюда — и быстро. Отведя в сторону запор, Дальгард чуть приоткрыл дверь и выглянул на пустынную улицу. В десяти футах дальше темнел проём ещё одной двери, где можно будет укрыться, ещё дальше — узкий переулок под балконом. Он отметил эти укрытия и вышел.

Вроде, всё тихо. Юноша побежал. И тут снова раздался разрывающий уши вопль, и летающий ящик устремился на него. Дальгард отскочил от двери и ушёл под балкон: он понимал, что должен уходить, но в укрытии, чтобы этот чёрный предмет не смог его ударить. Вот бы найти вход в подземные коридоры, наподобие уходящих от арены... Но теперь он даже не знал направления на арену, а подняться наверх, чтобы осмотреть местность, не мог.

Разведчик вновь соприкоснулся с чуждым умом! Он и шли к нему, по сигналам своего пса. Он не должен позволить им загнать себя. Дальгард подавил приступ паники и попытался справиться с напряжением, туто натянувшим нервы. Бежать бесконечно тоже нельзя. Наверно, именно это им и нужно. И вот он стоял под балконом и пытался не слышать пронзительного вопля, внимательно изучая переулок.

Это был узкий боковой путь, и он не очень мудро поступил, выбрав его: впереди гладкие стены окружали место, которое когда-то было садом. Дальгард не знал, нападёт ли на него ящик, если захватит на открытом месте... на проверять это глупо... не мог он и судить о скорости его движения.

Стены... Ветерок из переулка донёс запах реки. Возможно, переулок кончается у воды, а Дальгард считал, что если доберётся до воды, то сумеет запутать преследователей. Да и выбирать долго нельзя: чужаки приближались.

Дальгард легко пробежал под балконом, резко повернулся, достигнув конца защитной стены, и прыгнул. Пальцы его ухватились за резьбу на стене, он подтянулся и перекинул тело в узкий проход. Над ним по-прежнему нависал выступ строения. Послышался глухой удар: это ящик ударился о преграду. Значит, если у ящика появится возможность, тот действительно ударит его! Это стоило знать.

Разведчик заглянул за стену. Дальше тянулись густые заросли сада, превратившиеся за многие годы отсутствия ухода в сплошную чашу. Если он до неё доберётся, возможно, сумеет скрыться. Дальгард оценивающе взглянул на окно, на дверь, ведущую на балкон. Ножом открыл дверь, зашёл в дом и пробежал по комнатам на первый этаж, к выходу в сад.

На уровне земли колючая путаница ветвей выглядела устрашающе. Придётся прорубать дорогу. Сможет он это проделать и уйти от вопящего раскачивающегося в воздухе преследователя? Заброшенная тропа вроде бы давала слабый шанс на успех, а ещё Дальгард заметил, что кусты в основном начинают ветвиться в нескольких футах над землёй.

Решив попытать удачу, колонист отчаянно врубился в зелёную массу, сметая ножом преграды. И оказался в странном тусклом мире, где мёртвые и живые ветви переплетались, создавая крышу над головой, отгораживали от тепла и света солнца. С влажной поверхности, пачкавшей руки и колени, тянуло разложением и запахом потревоженного перегноя. Пришлось подождать, пока глаза не привыкнут к полутьме; только тогда он разглядел старую тропу, которую выбрал в качестве проводника.

К счастью, через несколько футов беглец обнаружил,

что тропа не так заросла, как он опасался. Толстый матрац вверху перекрывал солнечный свет и убивал ростки, и потому удавалось ползти без особых усилий. Дальгард слышал жужжение насекомых, но животных поблизости не водилось. Земля становилась всё более влажной, перегной стал похож на грязь. Разведчик не смел надеяться. Но либо река была уже близко, либо в саду протекал ручей, впадающий в неё.

Преследователь продолжал издавать пронзительные звуки, однако, хотя листва и искала звук, Дальгард считал, что ящик больше не кружит непосредственно над ним. Может, он сбил его со следа?

Вскоре он увидел ручей или, скорее, цепочку мелких заводей, над которыми сплошным покровом соединялась растительность. Ручей привёл беглеца к стене, там он уходил в дренажное отверстие, и Дальгард был уверен, что сможет в него проползти. Ему не хотелось погружаться в тёмную нору, но другого выхода он не видел. Протискиваясь в слякоти и грязи, чувствуя вокруг влажный камень, разведчик пополз в неизвестное.

Однажды ему пришлось остановиться и убрать камни, врезавшиеся в дно. По другую сторону этого опасного места можно было ползти дальше. Сможет ли ящик выследить его здесь? Он не знал принцип его действия; оставалось только надеяться.

Но вот он увидел впереди серый свет, пополз с новыми силами — и столкнулся с решёткой, за которой — открытый мир. Снова пошёл в ход нож, Дальгард энергично подкапывал преграду. Работал он долго, но наконец решётка рухнула в мутный ручей; Дальгард приготовился тоже погрузиться в него.

Лишь из-за своего опыта охотника он избежал смерти. Какой-то инстинкт заставил юношу увернуться, и чёрный ящик не разбил ему голову, а только скользнул по ней. Но даже от такого удара Дальгард потерял сознание и упал в мутную воду.

14. Пленник

Раф находился в двух кварталах от парившего широкими кругами ящика, когда заметил, как тот остановился и с резким высоким свистом по прямой линии устремился вниз. Через несколько секунд ящик снова поднялся, словно в замешательстве, тем не менее продолжая висеть над этим местом и испуская пронзительный вопль. Пилот перебрался на следующее здание, но всё ещё оставался в квартале от конического сооружения, над которым парил теперь ящик.

Раф в нерешительности остановился. Спуститься на улицу и расследовать? Но, не успев принять решения, пилот увидел передовую группу чужаков на улице внизу, они целеустремлённо двигались к коническому зданию, держа оружие наготове. Судя по их поведению, ящик загнал добычу, которую они так долго искали.

Но всё оказалось не так просто. Испустив ещё один душераздирающий вопль, машина снова взмыла в воздух и полетела над коническим зданием дальше, по-видимому, к улице за ним. Раф понял, что не должен пропустить конца этой охоты, и двинулся по крышам, чтобы занять удобный наблюдательный пункт. Наконец он оказался на крыше склада, выходящего прямо на реку.

Ниже по течению шла маленькая лодка. Два чужака гребли, третий сидел на носу. На некотором удалении по берегу продвигалась ещё одна группа чужаков; обе группы направлялись, по-видимому, к зданию слева от того, на котором укрылся Раф.

Пилот вновь услышал резкий вопль ящика и увидел, как тот подлетел к реке. Но в том направлении была только густая зелень. Конец странной охоты наступил совершенно неожиданно. Раф не был к этому готов, и всё кончилось, прежде чем он сумел как следует разглядеть добычу. Что-то показалось на берегу реки, и в то же мгновение ящик упал вниз, как хорошо нацеленное копьё. Ударил, и существо, которое только что выбралось —

насколько мог судить Раф, прямо из-под земли, — упало в воду. Вода сомкнулась над ним, а ящик опустился на берег. Лодка с чужаками устремилась прямо к тому месту, где погрузилось в воду выползшее из зелени существо.

Один из гребцов оставил своё место, перегнулся через борт и нырнул в маслянистую воду. Он сделал две попытки, прежде чем ему повезло и он вынырнул с грузом. Чужаки не пытались втащить пленника в лодку, только держали его голову над водой, и снова направились вниз по течению. Заплыв за край пирса, они исчезли из поля зрения Рафа; вторая группа на берегу подобрала ящик и тоже ушла.

Но Раф видел достаточно; на мгновение он застыл. Существо, которое выползло из земли, получило удар по голове и упало в воду, — он готов был поклясться, что это не мохнатое животное, каких он видел на морском острове. Гладкокожий, похожий по сложению на чужаков... Один из них, преступник, повстанец? На кого шла охота?

Мучаясь сомнениями, пилот перебирался с крыши на крышу, пытаясь установить, куда исчезла лодка, но река везде была пуста. Если чужаки где-то вышли на берег, они просто растворились в городе. Наконец Рафу пришлось воспользоваться своим маяком, и тот провёл его по пустому метрополису к полю.

У шара продолжалась лихорадочная деятельность; чужаки грузили предметы из склада; но Лабле и Хобарт стояли у флиппера. И когда пилот подошёл к ним, капитан пристально взглянул на него.

— Что случилось?

Раф почувствовал, что за время его отсутствия что-то изменилось. Хобарт ждал от него объяснений, которые помогут прояснить обстановку. Он коротко рассказал об охоте и её конце, о поимке незнакомца. Когда он закончил, Лабле кивнул.

— В этом причина. Можете быть уверены, капитан. Виной один из них.

— Виной чего? — хотел было спросить Раф, но это сделал за него Сорики.

Хобарт мрачно улыбнулся.

— Назад мы полетим вместе. Старт завтра рано утром. По какой-то причине нас чрезвычайно поспешно убрали из шара, практически вытолкнули полчаса назад.

Пока было светло, земляне наблюдали за шаром, потом помешала темнота. Они не видели, как пленника провели на борт. Но никто не сомневался, что это было сделано.

На следующий день едва рассвело, как шар поднялся, и Раф повёл за ним флиттер; они направились на запад, навстречу встречу с моря. Внизу никто не подавал никаких признаков жизни. Пролетели над пустынным городом террас, воротами охраняемой территории, пролетели над морскими островами. Раф поднялся выше, не желая видеть остров, на котором чужаки осуществили свою ужасную месть на пути к сокровищнице. И когда Сорики снова установил контакт с кораблём, все испытали огромное облегчение, хотя никто в этом не признался.

— Повернём на север, сэр? — предложил пилот. — Отсюда я смогу провести флиттер по направленному лучу корабля, нам больше не обязательно следовать за ними, — он очень хотел этого и с трудом удерживал руку, которая тянулась к приборам. И когда капитан сразу не ответил, Раф вдруг почувствовал прилив надежды, что капитан отдаст такой приказ и они уйдут от чужаков, которым больше никто не доверял.

Но опять дело испортил Лабле.

— Они нам дали слово, капитан. А одна антигравитационная установка, которую нам вчера показали...

Хобарт покачал головой, и флиттер покорно полетел за шаром через океан.

Проходили часы, но тревога Рафа только усиливалась. Теперь по причине, которую землянин не мог бы объяснить, его охватило странное непреодолимое желание следовать за шаром; это желание превзошло его недове-

рие и неприязнь к чужакам. Словно с того корабля исходил призыв о помощи. Раф начинал сомневаться в том, что пленник — один из чужаков.

Снова и снова пытался он восстановить в памяти картину пленения, которую видел с крыши здания — слишком далеко высоко, чтобы ясно всё рассмотреть. Он готов был поклясться, что упавшее в воду тело не покрывала шерсть. И одежда, да, на нём была одежда — причём, не бинты, в которые заворачиваются чужаки, — память неожиданно подсказала эту деталь. А разве не светлая была кожа? Может, на этом континенте живёт ещё одна раса, о которой им не сообщили?

Когда наконец они добрались до берега западного континента и прилетели в город чужаков, шар стремительно подлестал к своему месту стоянки, но не остался на крыше, а погрузился в само здание. Раф опустил флиттер на какую-то крышу как можно ближе к главному жилищу раскрашенных чужаков. Однако чужаки к ним не приходили. На землян вообще не обращали внимания. Хобарт расхаживал взад и вперёд по плоской крыше, а Сорики сидел во флаерсе, поддерживая тонкую нить, связывавшую их с кораблём во многих милях отсюда.

— Не понимаю, — голос Лабле звучал почти жалобно.

— Они так уговаривали нас полететь с ними. Готовы были поделиться своими сокровищами...

Хобарт развернулся.

— Что-то изменилось, — заметил он, — причём равновесие нарушено в их пользу. Всё бы отдал, чтобы побольше узнать о том пленнике. Вы уверены, что это было не одно из моих натяжных существ? — спросил он у Рафа, словно надеясь, что пилот своим ответом развеет его сомнения.

— Да, сэр, — Раф колебался. Должен ли он поделиться сомнением в принадлежности пленника к чужакам? Но какие у него доказательства? Всего лишь непонятно почему растущее убеждение.

— Мятежник, вор... — Лабле отмахнулся, как от чего-то неважного. — Естественно, они расстроены из-за

неприятностей. Но дело не в этом. Мы на краю новых открытий... Одна их антигравитационная установка стоит целого полёта. Представьте себе, что мы вернёмся на Землю с этим принципом!

— Представьте себе, что мы вернёмся на Землю с целыми шкурами, — шёпотом добавил Сорики. — Обладай мы здравым смыслом венерианской водяной гниды, мы бы стартовали так быстро, что с нами улетели бы и выхлопные газы!

Внутренне Раф соглашался с ним, но его не оставляло желание узнать хоть что-нибудь об этом загадочном пленнике. Вопреки своей обычной сдержанности, пилот испытывал непреклонимос желания действовать. Как будто — Раф отбросил эту диковинную мысль — как будто он услышал беззвучный крик о помощи, как будто в голове его на неизвестной волне заработал приёмник. Землянин злился на самого себя за столь фантастические предположения. И в то же время, подойдя к краю крыши, внимательно разглядывал здание, занятое чужаками, словно готовился переползти с крыши на крышу во второй разведочной вылазке.

Наконец космонавты решили, что Лабле и Хобарт попытаются снова вступить в переговоры с чужаками. После их ухода Раф открыл во флигтере отсек, о котором непрестанно заботился. Присев на корточки, он задумчиво осматривал его содержимое. Набор средств для выживания существенно различается в зависимости от местности, где им собираются пользоваться. Водная планета требует одного, замёрзшая тундра — другого. Но кое-что обязательно для любой местности. Эти предметы и держал сейчас в руках Раф. Разрывные бомбы, запечатанные в пексилодную оболочку, способны остановить любого преследователя, каких встречали земляне на всех исследованных планетах; всрёвка, чуть толще обычной нитки для вязания, но невероятно прочная и гибкая; флакончик с таблетками, которые держат человека на

ногах, когда кончаются запасы пищи и воды. Всё это Раф держал в особом отсеке.

Он долго сидел, разглядывая свой набор. Потом, словно кто-то другой сделал за него выбор, протянул руку. Верёвку юноша плотно обмотал вокруг пояса, и теперь её можно было обнаружить только при обыске; бомбы положил в закрытый карман на груди, а два плоских флакона с таблетками скрылись в сумке на поясе. Захлопнув дверцу, он выпрямился и увидел, что за ним внимательно следит Сорики. Лишь на мгновение Раф смутился. Он знал, что не сможет объяснить, почему это делает. У него не было объяснения. Сорики на несколько лет старше его, но по должности пилот ему не подчиняется. Он не обязан исполнять приказы связиста.

— Ещё один поход в неизвестность?

Пилот ответил кивком.

— Ну, парень, почему-то мне кажется, что я не смогу удержать тебя. К чему тогда напрягаться? В случае чего, воспользуйся маяком — и глазами!

Раф остановился. В предупреждении связиста прозвучало открытое дружелюбие. Он почувствовал искушение объяснить. Но как объяснить чувство, у которого нет разумного объяснения? Лучше промолчать.

— Не выкапывай больше, чем сможешь похоронить, — пословица напомнила ему о Земле, она была в ходу, когда они улетали. Раф улыбнулся. Но направился не к выходу с крыши, ведущему в глубь здания. Напротив, воспользовался способом, который испробовал в том, другом городе, — перебрался с крыши на соседнюю, удаляясь от населённой части здания. И только потом спустится на улицу.

Либо чужаки вообще не наблюдали за землянами, либо сейчас их интересовало нечто другое. Отойдя на три-четыре квартала от своей цели, Раф забрался в тихое давно заброшенное здание и через него вышел на улицу; ни одного раскрашенного чужака он не встретил. В ухе успокоительно жужжал маяк, привязывая его к флиттеру и тем самым к безопасности.

Раф знал, что в основном чужаки сосредоточены вокруг центрального здания, в котором он побывал. И считал, что пленника поместили либо в тот же дом, куда опустился шар, либо в центральное административное здание. Сможет ли он туда проникнуть? Пока Раф над этим не задумывался.

Но то, что притягивало его, было настойчиво, как гудение в наушниках. И тут землянину пришла в голову мысль. Если он подчинится этому странному призыву о помощи, может быть, тем самым отыщет то, что ему нужно? Единственная трудность — он не знал, как усилить восприимчивость к этому призыву. Ведь использовать его как компас он не мог.

В конце концов он просто решил двинуться к центру, предположив, что если пленника должны допросить предводители чужаков, его всё равно отведут к ним. Из укрытия пилот через площадь внимательно изучил центральное здание. Оно на несколько этажей возвышалось над соседними башнями; с этими зданиями его соединяли переброшенные через улицы мосты. Скрыто пройти по такому мосту невозможно: сразу заметят.

Насколько Раф мог судить, с улицы в здание вёл только один вход, широкий портал, перекрытый внушительными раскрашенными воротами. Если бы в его распоряжении был флиппер, он мог бы в темноте спрыгнуть с него на крышу. Но пилот был уверен, что капитан Хобарт не одобрит такое предложение.

Под землёй? В том, другом, городе была вырыта целая система подземных ходов; а сам город, хотя и меньше по размерам, был построен в целом по такому же общему плану. Эту мысль стоило проверить.

Юноша скрывался в нише подъезда башни, стоящей напротив административного здания. Дверь этой башни легко подалась, и Раф прошёл через три больших комнаты первого этажа, не обращая внимания на странную мебель; то, что он искал, нашлось в последней комнате — лестница, ведущая вниз.

Под землёй он сделал первое важное открытие. В городе они несколько раз видели наземные машины, некоторые ещё действовали, но Раф быстро понял, что их так мало и запасные части так редки, что машинами пользуются только в случае крайней необходимости. Здесь же использовался совершенно другой способ передвижения. Вдоль туннеля тянулась лента, достаточно широкая, чтобы на ней встали в ряд три-четыре человека. Она не двигалась, а когда Раф решился ступить на неё, лишь прогнулась под его тяжестью. И поскольку лента шла в общем-то по направлению к центру, юноша решил воспользоваться ею. Металлическая дорога чуть дрожала под его шагами, но пилот обнаружил, что может почти бесшумно бежать по ней.

В туннеле было не совсем темно, квадратные пластины в потолке испускали рассеянный фиолетовый свет. Однако впереди виднелось более яркое пятно света, причём расположенное сбоку от дороги. Ещё одна станция этого заброшенного пути? Пилот из осторожности замедлил шаг. Если он не ошибся в направлении, это либо сам центр, либо что-то близкое к нему.

Вторая станция оказалась перекрёстком, где встречалось несколько гибких дорог. Прежде чем выйти на открытое пространство, Раф, затаившись, некоторое время внимательно прислушивался. Но ничего не услышал и не увидел. Вероятно, чужаки сюда давно не спускались.

Увидев ведущую вверх рампу, пилот начал подниматься по ней, но под самым потолком подземного зала встретил препятствие. Пройти дальше здесь было невозможно. Ничего похожего на дверь или замок на гладкой поверхности перемычки. По-видимому, чужаки по какой-то причине отгородились от подземных уровней. Немало обескураженный, Раф вернулся к пересечению лент. Но он не собирался так легко отказываться от своих планов. Разведчик медленно обошёл платформу, разглядывая стены и потолок, и нашёл-таки выход —

вентиляционное отверстие; широкую шахту, уходившую в здание наверху.

Отверстие, правда, было закрыто решёткой и расположено довольно высоко, но...

Раф на глаз измерил расстояние и спланировал свои действия. Вход в туннель находился менее чем в двух футах от решётки. А под решёткой проходил карниз. Раф привёл в действие гравитационные пластины своих космических ботинок, предназначенных для облегчения передвижения в условиях невесомости. Но их притяжение могло помочь и здесь. И помогло! Он смог подняться на карниз и, балансируя на нём, сорвать решётку. А теперь...

Пилот посветил фонариком в тёмную шахту. Удача не покинула его! Вверх уходила цепочка скоб, расположенных через равные промежутки, должно быть, для удобства рабочих. Подниматься будет легко. Он проверил на прочность первую скобу и решительно протиснулся в шахту.

И действительно, подниматься не составило труда, тем более что в пути ему несколько раз встречались ниши, где механики чужаков работали или отдыхали. На каждом уровне стену шахты прорезали отверстия, забранные решётками, через них было хорошо видно, что находится снаружи:

Вскоре догадка разведчика подтвердилась: он узнал главный зал центральной башни; разглядев его сквозь решётку, Раф направился выше, туда, где, по его представлениям, находились помещения предводителей чужаков. Дважды он останавливался, увидев группы разговаривающих пёстро забинтованных и раскрашенных чужаков-штатских, но так как слов их не понимал, то надолго не задерживался.

Он поднялся на восемь этажей, когда случай, везение или тот загадочный призыв о помощи привели его в нужное место и в нужное время. Заметив очередную нишу, землянин забрался в неё и глянул сквозь решётку. В это же самое время дверь в противоположном конце

комнаты раскрылась и группа солдат ввела пленника.

Раф широко раскрыл глаза. Это несомненно был тот самый пленник, которого он искал. Но кто этот пленник?

Не покрытое шерстью полуживотное и не тощий раскрашенный чужак, как те, что сейчас держали пленника. С жертвой явно жестоко обращались и теперь он не шёл, его скорее тащили. Рафу на какое-то мгновение показалось, что это один из членов экипажа его корабля. Светлые выющиеся волосы, загорелое лицо под синяками и кровоподтёками — земные черты, тело, в щербах одежды — это человек, и сознание Рафа вначале не приняло факта, что человек этот ему не знаком. Но когда отряд подошёл ближе, Раф понял, что видит этого человека первый раз.

Впрочем, Раф был уверен, что это не кто иной как землянин. Может, на планету приземлился ещё один корабль? Один из тех ранних кораблей, которые превратились в легенду на Земле? Но кто?.. Когда?.. Почему?.. Раф прижался к решётке, внимательно наблюдая за пленником и его охраной.

15. Аренा

С каждым ударом сердца в голове прокатывались волны боли, невозможно было ясно думать. Но разведчик колонии, едва очнувшись, понял, что находится в корабле-шаре. А теперь он знал наверняка, что его перевезли через море, где-то далеко остались его континент и Хоумпорт, и что теперь у него нет надежды на спасение.

Своих похитителей он почти не видел, стражники, переводившие юношу из одного места заключения в другое, с ним не разговаривали, а сам он не пытался общаться с ними, так как вначале был слишком слаб и ошеломлён, потом осторожен. Это точно были Другие, а ему с самого рождения внушали не доверять прежним хозяевам Астры.

Дальгард окончательно пришёл в себя только когда его

привели в какую-то комнату, явно находившуюся в здании центра управления этой цивилизацией; значит, ему предстояла встреча с предводителями врага. Он с любопытством стал осматриваться, когда стражники провели его в дверь.

На возвышении, на высоких радужных подушках сидели, повернув ноги под немыслимым углом, три чужака. Один в чёрном, в таких же доспехах, как и стражники, но остальные двое в ослепительных разноцветных повязках, которые окутывали их тонкие конечности и раздувшиеся тела. Насколько позволял судить толстый слой краски, эти двое были старше офицера. Но ничто в них не свидетельствовало, что возраст их смягчил.

Дальгарда поставили перед этой тройкой, как перед трибуналом. Нож у него отобрали, пока он ещё был без сознания, руки завели назад и сковали своеобразными наручниками — стержнем с двумя петлями. Он явно не мог угрожать присутствующим, однако солдаты окружили его с оружием наготове и следили за каждым движением. Разведчик облизал потрескавшиеся губы. Совсем рядом скрывалось нечто, чем они не управляют и чему не могут помешать. Где-то недалеко его ждала помощь...

Но от водяных, нет, но тем не менее колонист был уверен, что вступил в контакт с сознанием друга, — уже с того момента, как он пришёл в себя на корабле-шаре и почти неосознанно послал призыв о помощи на волне, на какой обменивался мыслями с племенем Сссури. Именно тогда он и соприкоснулся с тёплой мыслью — не холодной мыслью чужака. Разведчик был уверен, что среди врагов находится его потенциальный спаситель, — может, на борту того странного флаера, который видели водяные, но которого сам он ещё не видел?

С того момента Дальгард напряжённо старался не утратить контакта с непонятным сознанием, продолжал звать на помощь, хотя и не мог свободно проникнуть в него, как со своими соплеменниками или с Сссури и его морским народом. И теперь, стоя в самом сердце вражес-

ких владений, полностью во власти чужаков, он сильнее, чем раньше, чувствовал присутствие мозга, в который не мог войти, но который каким-то странным образом воспринимал его призыв. Этот мозг был совсем близко. Дальгард всматривался в раскрашенные лица, пытался проникнуть за эти маски, но был уверен, что среди них нет того, кого он искал. Но — он должен был находиться здесь! Контакт так силён... Дальгард удивлённо посмотрел на стену за возвышением, тщетно пытаясь увидеть то, что чувствовал. Он готов был дать клятву ножа, что незнакомец рядом, его можно увидеть, услышать в эту минуту!

Пока юноша был занят этими мыслями, к нему приблизился стражник. Наручники с него сняли, но два чужака тут же перехватили руки и выставили их вперёд. Офицер с возвышения бросил одному из стражников металлическое кольцо.

Солдат, державший левую руку Дальгарда, грубо надел на неё кольцо и потянул его вверх, сколько позволяла рука. И тут разведчик вспомнил, что уже видел такое кольцо — только где? На передней лапе ящера, которого он застрелил!

Офицер взял второе кольцо и надел себе на руку таким образом, чтобы оно касалось кожи, а не обмоток. Дальгарду показалось, что он понял. Это приспособление для связи. И разведчик сразу насторожился. Впервые встретившись с водяными, его предки общались путём прикосновения, кладя ладонь на ладонь водяного. В последующих поколений, когда новая способность развилаась, физический контакт перестал быть обязательным. Однако здесь... Глаза Дальгарда сузились, линия рта затвердела.

Он всегда принимал оценку водяных: Другие — их древний враг, всевидящие и всезнающие, их умственные способности недоступны определению и описанию. И теперь разведчик ожидал грубого вторжения в свой мозг,

предполагая, что из него извлекут всё, что он знает, и что хотят знать враги.

И потому немало удивился, когда в его сознании прозвучали простые, почти детские слова. Но пока юноша готовился ответить, другая часть сознания смотрела и слушала, ждала нападения, в котором он был уверен.

«Ты... кто... что?..»

Он заставил себя выглядеть удивлённым. И не допустил ошибки, ответив мыслью. Если Другие не знают, что он умеет общаться мыслью, незачем сообщать им об этом.

— Я со звёзд, — медленно ответил он вслух, пользуясь языком Хоумпорта. Он уже давно не говорил вслух, и потому собственный голос непривычно и хрипло прозвучал в ушах. Дальгард не знал, какое впечатление эти архаически произнесённые звуки произведут на слушателей.

К удивлению колониста, его ответ не поразил спрашивавшего. Офицер-чужак словно этого и ожидал. Но прежде чем обратиться к своим соседям со щебечущей речью, он снял с руки кольцо. Его соседи что-то ответили, офицер продвинулся вперёд на дюйм и внимательно посмотрел на Дальгарда, снова надевая кольцо.

«Ты не похож... на других...»

— Не понимаю. Других, как я, здесь нет.

Один из штатских дёрнул офицера за рукав, очевидно, требуя перевода, но тот нетерпеливо отмахнулся.

«Ты пришёл с неба... сейчас?..»

Дальгард покачал головой, потом понял, что вряд ли его жест понятен.

— Давно. Пришли мои предки.

Чужак выслушал это, потом снова снял кольцо и обратился к своим соседям. Последовал оживлённый обмен щебетаниями.

«Ты шёл с зверями... — пока остальные продолжали щебетать, офицер выдвинул чёткое обвинение. — Тебя не смогли бы отыскать, если бы не воин зверя на тебе».

— Никаких зверей я не знаю, — твёрдо ответил Дальгард. — Морской народ — мои друзья!

Понять выражение этих раскрашенных лиц невозможно, но прежде чем офицер в очередной раз снял кольцо и прервал контакт, Дальгард ощутил его почти истерическое отвращение. По мнению чужака, колонист признался в самом невероятном преступлении. После того как он перевёл слова землянина, трое на помосте замолчали. Даже стражники отодвинулись от пленного, словно прикосновение к нему оскверняет. Один из штатских встал, что-то выразительно сказал и ушёл, словно больше не хотел иметь к этому отношения. Через одну-две секунды второй последовал его примеру.

Офицер повертел в пальцах кольцо, его тёмные глаза с узкими зрачками не отрывались от лица пленника. Потом он принял решение. Снова надел кольцо на руку, и слова, которые услышал пленник, прозвучали отчуждённо и холодно, словно его перестали считать разумным существом, но чем-то таким, чему нет места в организованной вселенности.

«Друзья зверей — к зверям. И как кончают звери, так кончиши и ты. Сказано».

Один из стражников сорвал браслет с руки Дальгарда, стараясь при этом не коснуться его тела. Тот, кто снова надел на него наручники, выразительно выпер руки о свои повязки.

Но перед тем, как они стволами своего оружия толкнули его к выходу, Дальгард наконец установил источник странного мысленного контакта, и не только установил, но и проник сквозь барьер между чужим и своим мозгом, вступил в контакт, такой же чёткий, как с Сссури. И возбуждение от этого открытия чуть не выдало его.

Землянин! Один из тех, кто путешествовал вместе с чужаками? Но он ясно ощущал недоверие этого человека к чужакам. Он скрывался от них, они не знали об его присутствии. Он не враг, и он не мог быть миротворцем, человеком Мира! Ещё один беглец с недавно ушедшего

корабля? Дальгард направил мысленное предупреждение. Если бы только он мог добраться до водяных! Это послужило бы поворотным пунктом во всём деле!

Уходя в окружении стражников, Дальгард отчаянно планировал, упрощал, пытался убедить в срочности и важности своего сообщения. Незнакомец был совершен-но сбит с толку, поражён появлением Дальгарда, его умением пользоваться мысленным контактом. Но если он будет действовать правильно, если только сможет... Разведчик из Хоумпорта не знал, что его ждёт, но теперь, когда другой человек узнал о нём и который не доверяет чужакам, у него появились слабые шансы. Дальгард оборвал контакт. Нужно подготовиться к любой возможности...

Раф смотрел, как удивительное привидение выводят из комнаты внизу. Он дрожал, но не от холода. Вначале шок от этой речи, знакомой, хотя и с необычным произноше-нием звуков, потом резкий контакт — мозг к мозгу. Его страстно предупреждали, чтобы он не выдал себя. Незна-комец — землянин, Раф готов был в этом поклясться. Значит где-то на этой планете существует колония зем-лян! Один из легендарных кораблей беглецов, которые ушли в космос во время правления Мира, благополучно завершил полёт и основал здесь поселение!

Одна часть сознания Рафа раскладывала по местам детали головоломки, сортировала сведения, другая занималась посланием незнакомца. Пилот понимал, что пленному грозит опасность. Он не мог понять всего происшедшего, этого разговора с чужаками, но у него сложилось впечатление, что пленного не только судили, но и приговорили. И он чувствовал себя обязанным ему помочь.

Но как? К тому времсни как он вернётся к флиттеру или отыщет Хобарта и остальных, будет уже поздно. Он должен действовать, и немедленно: очень уж настоятель-но прозвучала просьба незнакомца. Руки Рафа сами устремились к решётке, но он тут же понял, что отверстие для него слишком мало.

Возвращаться в подземные пути — потеря времени. Однако другого выхода он не видел. И что, если он не сумеет найти пленника? Как отыскать его в этом лабиринте под пустынным городом? Продолжая размышлять, пилот нашупывал скобы на обратном пути. Спустившись на два этажа, он увидел новое забранное решёткой отверстие, гораздо большее. Раф остановился, примерился и понял, что протиснется, если сумеет снять решётку.

Достав инструменты из сумки на пояске, он принялся сражаться не только с упрямым металлом, но и со временем. Странный умственный контакт оборвался. Но Раф был убеждён, что время от времени получает сигналы. Их как раз хватало, чтобы понять, что пленник ещё жив. И каждый раз, получая такой сигнал, Раф удваивал усилия в борьбе с прутьями. Наконец его решимость одержала верх, решётка выгнулась и с ужасным грохотом упала на пол.

Пилот просунул ноги в отверстие и принялся отчаянно извиваться, в любой момент ожидая увидеть привлечённый шумом комитет по встрече. Но когда он спрыгнул на пол, помещение оставалось пустым. Вскоре он понял, что тихо во всём здании, как будто все ушли из него. Тишина подействовала на него как шпоры.

Раф побежал по коридору, стараясь приглушить топот своих космических ботинок, и добрался до ведущей вниз лестницы. Тут он остановился, не зная, куда направиться. Но сразу заметил внизу группу чужаков. Они быстро, явно торопясь, уходили.

Эта небольшая группа, очевидно, шла на какое-то собрание. И тут землянин впервые увидел женщин чужаков. Вернее, он решил, что закутанные в покровы скользящие по полу существа — это и есть женщины чужаков. Их было четыре в группе, каждую сопровождали по двое мужчин, и высокие голоса звучали в коридоре, как пение птиц. Если повязки у мужчин были пёстрые, то многоцветие женщин просто поражало: опаловое облако с меняющимися цветами полностью скрывало их черты.

Голоса мужчин зазвучали грубее и настойчивей, вся группа пошла ещё быстрее, так что мягкое скольжение перешло в почти непристойную рысцу. Раф, вынужденный держаться далеко позади, чтобы не выдать себя шагами, кипел от нетерпения.

Чужаки, никуда не выходя, продолжали спускаться. К счастью, путь оказался недолог. Впереди посветлело, там выход.

Раф затаил дыхание, держась в удалении от чужаков. Во дворе, окружённом башнями и зданиями города, оказалась ещё одна арена, такая же, как та, с мёртвыми ящерами. Сверкающие ярко одетые чужаки рассаживались на ярусах сидений. Мест имелось по крайней мере на тысячу зрителей, занято же было меньше половины. Если это весь народ чужаков, он явно вырождается.

Раф спрятался в проходе между рядами сидений; непосредственно под ним находилось забранное решёткой отверстие — выход на покрытую песком арену. К счастью, поблизости не уселся ни один чужак.

К тому же все они внимательно следили за событиями внизу. Раскрылась дверь, ведущая на песок, в неё вытолкнули пленника. Либо чужаки ещё сохранили представление о честной игре, либо надеялись продлить удовольствие, только руки у пленника развязали, и он держал в них копьё.

Вспоминая древние легенды о суровом прошлом своей планеты, Раф понял, что пленнику предстоит сражаться за жизнь. Вопрос в том, с кем сражаться.

Раскрылось ещё одно отверстие на краю арены, оттуда вышло покрытое шерстью существо; на ходу оно пошатывалось, но чешуйчатая рука тоже сжимала копьё. Сделав шаг, существо остановилось, его круглая голова начала поворачиваться, из широкого рта капала слюна. Тело его покрывали многочисленные раны, во многих местах шерсть была сорвана; очевидно, оно долго подвергалось жестокому обращению или пыткам.

Зрители поощрительно завопили. Мохнатое существо

увидело человека в нескольких футах от себя. Оно застыло, отвело руку, нацелило копьё. Потом так же неожиданно опустило оружие, упало на песок и протянуло руки к пленнику.

Крики зрителей зазвучали угрожающе. Многие вскочили, показывая на двоих внизу. А Раф, воспользовавшись моментом, пробежал по проходу к решётке и увидел, что её легко открыть с его стороны. И тут послышался новый звук. Не крики зрителей, обманувшихся в своих ожиданиях, а свистящий кошмарный вопль.

Отверстие ограничивало поле зрения Рафа, но его хватило, чтобы увидеть часть чешуйчатой спины непосредственно под собой. Пилот выхватил из кармана бомбу и коснулся ботинками песка в тот момент, когда драма достигла кульминации.

Мохнатый лежал на песке, уже ни о чём не заботясь. Над его искалеченным телом, пригнувшись, стоял человек, нацелившись крошечным копьём в горло огромному ящеру. Рептилия не торпилась убивать. Шипя, она приподнялась, со злобным интересом рассматривая добычу. Но не было времени гадать, сколько ещё она будет воздерживаться от смертельного удара.

Раф зубами выдернул чеку и сильно бросил бомбу, так что она упала между массивными ногами ящера. Он заметил, как расширились глаза увидевшего его человека. А потом пленник упал, прикрывая своим телом мохнатого. В то же время ящер взмахнул лапой, но она пронеслась в воздухе, и прежде чем он смог ударить вторично, бомба взорвалась.

Разорванное взрывом на части, чудовище умерло мгновенно. А пленник не стал мешкать. Прежде чем изумлённые зрители поняли, что происходит, он вскочил на ноги и подхватил мохнатого. Почти неся на себе второго пленника, он побежал, но не в сторону Рафа, а к тому отверстию, через которое вышел на арену. И в то же самое время Раф получил мысленное послание:

«Сюда!»

Обежав части огромного тела, Раф подчинился этому приказу, несколькими шагами догнал двоих и подставил руку, принимая на себя часть тяжести.

— У тебя есть ещё эти вещи силы? — речь пленника звучала странно архаично.

— Ещё две бомбы, — ответил пилот.

— Может, придётся взрывать эти ворота, — пленник тяжело дышал.

Раф достал стэннер. Ворота уже открывались, клин ярко раскрашенных воинов высыпал из них, все держали оружие. Раф провёл лучом, широко и с максимальным зарядом. Один из чужаков всё-таки успел выстрелить, прежде чем ноги его подогнулись и он упал. Язык пламени задел плечо Рафа. Но тут сопротивление прекратилось, и двое с почти бесчувственным третьим, перепрыгивая через тела стражников, вбежали в коридор за воротами.

16. Неожиданное нападение

Столько всего случилось за последний час, что у Дальгарда не было возможности ни планировать свои действия, ни даже разобраться во впечатлениях. Он не догадывался, откуда появился незнакомец, который теперь принял на себя часть веса раненого водяного. Его одежда, шлем, прикрывающий голову, скорее походили на одеяния чужаков, чем колонистов. Но под этой одеждой находился человек, такой же, как и все люди колонии. Дальгард не верил, что это миротворец, человек Мира: всё, что этот человек сделал, противоречило легендам о тёмных днях прошлого Земли, легендам, которые Дальгард слышал с детства. Но откуда он взялся? Единственный ответ — ещё один корабль беглецов.

«Мы во внутренних путях, — они бежали по коридорам прочь от арены, и Дальгард пытался достичь сознания водяного. — Знаешь ли ты их?..» — у колониста промелькнула слабая надежда, что морской житель знает путь к спасению. Ведь он долго находился в плену.

«...вниз, на нижние уровни... — последовала медленная мысль, поддержанная слабеющей волей. — Нижние... уровни... дорога к морю...»

На это и надеялся Дальгард, на проход, ведущий к морю и к безопасности, такой, какой нашли они с Сссури в другом городе.

— Что мы ищем? — спросил незнакомец, и Дальгард понял, что тот не воспринял обмена мыслями. Слова незнакомца звучали странно, с необычным акцентом.

— Нижний путь, — ответил он на языке своего народа.

«Направо...» — водяной, преодолевая слабость, поднял голову и осматривался, словно искал знакомые приметы.

Направо уходило небольшое отвествление пути, и Дальгард решительно свернул в него, уводя за собой остальных двоих. Проход был узкий, дважды им встретились закрытые двери, а закончился путь глухой стеной. Незнакомец повернулся, держа в руках своё странное оружие: они услышали позади крики преследователей. Водяной же высвободился, опустился на пол и стал копать когтистыми пальцами.

«Открой здесь, — ясно послышалась его мысль, — и вниз!»

Дальгард опустился на одно колено и увидел люк. Но ведь его ещё нужно было поднять. Нож у него отобрали, копьё, которое ему дали на арене, разведчик выронил, когда потащил водяного. Он с надеждой посмотрел на незнакомца. У того тонкую талию обхватывал пояс со множеством карманов и сумок с инструментами, которых житель примитивной колонии не знал. Но был там и широкий нож, и Дальгард протянул к нему руку.

— Нож...

Незнакомец удивлённо взглянул на свой нож, словно забыл о нём. Затем одним быстрым движением выхватил его из ножен и протянул Дальгарду.

Шум позади усиливался. Разведчик колонии сосредоточился на работе, всунул лезвие в щель и принялся освобождать крышку люка. Как только позволило про-

странство, водяной присоединил свои усилия. Крышка поднялась и со звоном упала в сторону, открыв тёмную яму.

— Достал их! — крикнул незнакомец. Он нажал гашетку своего оружия. Там, где ответвление встречалось с главным коридором, послышались крики, потом наступила тишина.

«Вниз...» — водяной подполз к краю отверстия. Оттуда поднимался влажный гнилой запах. Теперь, когда шум в коридоре стих, Дальгард услышал снизу знакомый звук — плеск воды.

— Как спуститься? — спросил он у водяного.

«Глубоко, а лестницы нет...»

Дальгард распрямился. Что ж, прыжок вниз лучше, чем снова попасть в руки Других. Но готов ли он к такому отчаянному решению?

— Глубоко там? — незнакомец наклонился через край и всматривался в темноту.

— Он говорит: «да», — Дальгард кивком указал на водяного. — И скоб для спуска нет.

Незнакомец одной рукой порылся под одеждой, в другой он по-прежнему держал оружие, и извлёк конец верёвки. Дальгард с готовностью схватил её, рывком испытал первый фут. Никогда он такого не видел: верёвка была лёгкая и одновременно очень прочная. Его радость почувствовал и водяной, который сидел, посовы глядя на кольца верёвки; незнакомец продолжал вытягивать её из-под одежды.

Конец шнура привязали к крышке. Потом водяной обвязался другим концом, и Дальгард начал опускать его. Часть тяжести принимала на себя крышка. Второй конец верёвки уже опасно приблизился к пальцам разведчика, когда последовал условный рывок снизу и натяжение ослабло. Тогда Дальгард повернулся к незнакомцу.

— Иди. Я послежу за ними, — незнакомец указал оружием на коридор.

Дальгарду пришлось согласиться, что это разумно. Он

проверил привязь и нырнул в темноту. Юноша сорвал кожу на ладони, тормозя слишком стремительный спуск. И приземлился по колени в воду, от которой поднимался весьма неприятный запах.

«Всё в порядке! Спускайся!..» — он вложил в эту мысль, направленную вверх, всю свою силу. Когда незнакомец не послушался, Дальгард подумал, что придётся подниматься наверх и помочь ему. Может, чужаки прорвались и захватили его? Что там случилось? Но тут верёвка дёрнулась в его руках. Чуть позже сверху послышался голос:

— Очистите место! Спускаюсь!

Дальгард отошёл из-под отверстия, туда, где ждал водяной. Последовал всплеск: это незнакомец упал в ручей, они сразу потянули за верёвку, и та упала.

— Куда дальше! — послышался голос из темноты.

Чешуйчатые пальцы схватили правую руку Дальгарда и потянули. Тот в свою очередь взял за руку незнакомца. И вот, держась друг за друга, трое побрали по зловонной жидкости. Вскоре они вышли из первого туннеля в другой, более широкий, но здесь и вонь стала сильнее, от неё перехватывало горло, кружилась голова. Казалось, конца этим путям нет; Дальгард догадывался, что они пробираются по канализации древнего города.

Только водяной знал, куда они идут, хотя и он раз или два останавливался у боковых проходов, словно обдумывая направление. Так как человек с ареной принял этого проводника, Раф тоже полагался на него. Но всё же гадал, сумеют ли они когда-нибудь выбраться на поверхность.

Неожиданно землянин вздрогнул: ведущий больно сжал его руку. Они остановились, жидкость плескалась вокруг, и пилот подумал, сможет ли он потом очиститься. Когда беглецы снова тронулись в путь, пошли гораздо быстрее. Его спутники торопились, но Раф не был готов к зреющему, которое увидел в открывшейся перед ними высокой пещере.

Здесь было светло, свет странный, какой-то холодный, но Рафа поразил вовсе не свет. На карнизе над зловонным ручьём замерли ряды мохнатых воинов, все с копьями, с ножами на поясе, все молчат. Круглыми немигающими глазами смотрели они на троих вышедших из бокового прохода. Спасённый водяной выпустил руку Дальгарда и прошёл вперёд, прямо к ожидающим воинам. Ни он, ни они не издавали ни звука, но Раф догадывался, что у них какая-то другая форма общения, может, та же способность к телепатии, которую проявил удивительный человек рядом с ним.

— Они из его племени, — объяснил этот человек, чувствуя, что Раф не понимает. — Они пришли, чтобы спасти его, потому что он — Говорящий-За-Многих.

— Но кто они? И кто ты? — Раф задал два вопроса, которые мучили его с самого начала приключений.

— Они морской народ, наши друзья, наши братья по ножу. А я сам из Хоумпорта. Моё племя прилетело со звёзд на космическом корабле. Корабль не с этой планеты. И мы уже много лет живём здесь.

Теперь водяные зашевелились. Несколько вышли вперёд, приветствуя своего вождя, помогая ему подняться на карниз. Но когда Раф двинулся к карниzu, Дальгард удержал его.

— Подожди, пока не позовут... У них свои обычай. А это военный отряд. Это племя не знает моего, только по слухам. Подождём.

Раф разглядывал ряды воинов морского народа. Свет струился из шаров, которые нёс каждый двадцатый воин; в шарах плавали какие-то фосфоресцирующие существа. Копья у водяных были тонкие, с зазубренными наконечниками, ножи длиной с меч. Пилот вспомнил огнемёты чужаков и подумал, что водяным не победить.

— Конечно, нож против огня — неравная схватка!

Раф вздрогнул, поражённый и раздражённый тем, как легко были прочитаны его мысли.

— Но что ещё можно сделать? Нужно сражаться, даже если всё племя уйдёт в Великую Тьму. Нужно помешать им.

— О чём ты? — спросил Раф.

— Разве не правда, что Другие перелетели через море, чтобы разграбить забытое хранилище знаний? — ответил его спутник. Он говорил медленно, будто с трудом подбирая слова. — Сссури сказал, что они прилетели для этого.

Раф, вспомнив, что видел: опустошённые полки и столы, — мог только кивнуть.

— Значит, правда и то, что у них скоро появится нечто худшее, чем огонь, с которым они на нас охотятся. И они нападут не только на Хоумпорт, но и на вашу колонию. Водяные научили нас, что в природе Других господствовать, они успокоятся только тогда, когда всё живое на планете попадёт к ним в рабство.

— Наша колония? — Раф на мгновение отвлёкся. — Но я из экипажа космического корабля, у нас нет никакой колонии.

Дальгард посмотрел на незнакомца. Его догадка оказалась верной. Новый корабль, другой корабль пересёк космос и нашёл их. Он пересёк тёмные просторы, как это когда-то сделали первые старейши! Новые беглецы прилетели, чтобы построить себе новый дом. Это поразительная новость, сё нужно принести в Хоумпорт. Но она может и подождать. Морские люди приняли решение.

— Что они собираются делать? — спросил Раф.

Водяные не отступали, напротив, соскальзывая с карниза в воду, строились неровными рядами.

Дальгард ответил не сразу; вначале он послал мысль, не только спрашивая, но и подтверждая свою близость морскому народу. У них одна цель... Он повернулся к незнакомцу.

— Они выступили на войну с Другими. Тот, кто привёл нас сюда, тоже знает об их новых опасных знаниях. Если им не положить конец, прежде чем они смогут использовать эти знания... — колонист пожал плечами, — водяные

должны будут отступить в глубины. А мы не сможем уйти за ними... — он сделал быстрый жест, словно провёл ножом по горлу. — Какое-то время Другие становились только слабее, число их постоянно уменьшалось. У них мало детей, иногда проходят годы, прежде чем рождается новый. И они многое забыли. Но сейчас они снова могут возвыситься, не только знаниями и силой оружия, но и числом. Водяные следят за ними, они согласны были ждать, считая, что время само всё решит. Но теперь время не на нашей стороне.

Раф смотрел на мохнатых воинов, с их копьями и ножами. Вспомнил скалистый остров, на который чужаки вылили море огня. У этого отряда не будет никаких шансов.

«Но у твоего оружия будут, — землянин ясно понял эти слова, хотя они и не были произнесены вслух. Раф сунул руку в карман, где лежали ещё две бомбы. — И это не только наша битва, но и твоя».

Но это всё-таки не его битва. Дальгард зашёл слишком далеко. Раф ничем не связан с этим миром, РК-10 ждёт, чтобы унести его отсюда. Ввязываться в войну — да это противоречит всем приказам, всей его подготовке! Пилот опустил руку на пояс. Он не позволит втягивать себя в глупость, пусть даже «колонист» и читает его мысли.

Первые ряды водяных уже миновали их, направляясь в том направлении, откуда пришли пленники. На взгляд Рафа, никто из водяных не обращал внимания на людей, хотя, вероятно, они поддерживали умственный контакт с его спутником.

— В их глазах ты уже один из нас, — на этот раз Дальгард не забыл произнести слова вслух. — Когда ты пришёл к нам на выручку на арене, они поверили, что ты один из нас. Неужели ты думаешь, что сможешь спокойно вернуться и пройти по городу?.. Так вот оно что! — дыхание разведчика прервалось; он уловил мысль Рафа. — Вас здесь несколько! Но Другие уже приняли меры против них из-за того, что ты сделал!

Раф, уже собравшийся присоединиться к водяным, застыл на месте. Эта мысль не приходила ему в голову. Что случилось с Сорики и флиттером, с капитаном и Лабле, которые находились в самом сердце владений чужаков, когда он бросил им вызов? Вполне логично, что раскрашенные теперь их всех считают опасными. Он должен срочно вернуться к флиттеру, помочь тем, кого, сам того не желая, подверг опасности...

Дальгард поравнялся с ним. Он сумел отчасти прочесть мысли спутника, хотя в них было трудновато разобраться. Чем дольше он находился рядом с незнакомцем, тем лучше осознавал различия между ними. Внешне они кажутся принадлежащими к одному виду, но внутренне... Дальгард нахмурился. Об этом он должен подумать позже, когда будет время. Но он понял тревогу незнакомца. Действительно, Другие могут отомстить за деяния землянина его товарищам.

Они вместе присоединились к водяным. Никто не разговаривал, ничто не заглушало плеска воды. Раф заметил, что они идут не прежним путём. И сразу Дальгард ответил на его невысказанный вопрос.

— Мы ищем другой вход в город, это племя о нём давно знает.

Раф с охотой побежал бы, но он не мог двигаться быстрее своих проводников; те шли не очень быстро, но и не останавливались на отдых. Пилот решил, что канализационная сеть пронизывает весь город. Свернув в четвёртый по счёту туннель, они вышли из воды на сухое место; проход тянулся вдаль, иногда резко поворачивая.

От него, как корешки от основного корня, отходили боковые коридоры, и время от времени в них сворачивали небольшие группы водяных; уходили они без приказов и прощания. У пятого такого ответвления Дальгард взял Рафа за руку и повёл в сторону.

— Нам сюда, — разведчик напряжённо ждал ответа. Если незнакомец откажется, план, который составил Дальгард за последние полчаса, провалится. Но он по-

прежнему надеяся, что с помощью Рафа, с помощью того, что есть у Рафа, сумеет осуществить свой план и обеспечить не только свою безопасность и безопасность племени водяных. Вся Астра освободится от вечного страха, весь невинный морской народ, все его соплеменники в Хоумпорте. Если понадобится, он готов был заставить Рафа действовать. Колонист сознательно не использовал мысленный контакт: зная, что встретится с невысказанным негодованием. Если потребуется — руки Дальгарда сжались в кулаки, — он ударит незнакомца, отбросит у него... Разведчик быстро отбросил эту мысль. Возможно, теперь, когда мысленный контакт установлен, незнакомец сумеет её прочесть.

Однако, к счастью, Раф послушно свернул в боковой туннель в сопровождении шестерых водяных. Проход постепенно становился уже, вскоре пришлось ползти на четвереньках мимо грубых неотделанных стен, не то что в других туннелях. Водяные, меньшие по размерам, проходили без труда, но Раф дважды цеплялся поясом, и ему приходилось высвобождаться.

Один за другим они забрались в вентиляционную шахту, такую же, как в центре. Раф уловил объяснение Дальгарда.

«Мы сейчас в здании, где находится их небесный корабль».

— Я знаю это здание, — с готовностью ответил Раф, он был рад оказаться на знакомой территории. Цепляясь за скобы, которые освещал фонарь водяного, пилот упорно взбирался вверх; ему хотелось только одного — чтобы первый поднимался быстрее.

Сняв решётку вверху шахты, бойцы один за другим выбрались в пыльное, тускло освещённое помещение, полное бездействующих механизмов. Судя по их состоянию, уже давно никто этими машинами не занимался. Но водяные приближались к выходу из зала очень осторожно, и Раф подумал, что в соседнем помещении может быть не так.

Раф заметил, что его спутник-человек держит наготове один из ножей водяных, и сам достал свой станнер. Он никак не мог забыть огнемёты, которые в любой момент могут нацелить на них из-за этой двери чужаки. Возможно, они шли прямо в ловушку.

Он ожидал, что на его мысли отвстит Дальгард. Но разведчик решил не тревожить незнакомца. Тот обязательно должен был помочь нападающим. И Дальгард быстро шёл вперёд, на первый взгляд, позабыв Рафа.

Один из водяных уже работал у двери, используя древко копья в качестве рычага. Зал за дверью тоже наполняли механизмы. Но эти машины были живы; от их корпусов доносились слабое гудение. Водяные разбежались, отыскивая укрытия; люди повторили их маневр.

Пилот, оставаясь в укрытии, видел, как легко, словно тень, пробежал водяной, отвёл руку назад и бросил копьё. Раздался слабый свист оружия в воздухе. Послышался крик, водяной исчез в темноте и вернулся через несколько секунд, вытирая свое копьё. Остальные вышли из укрытий и собирались вокруг. Люди последовали их примеру.

Перед ними открылась ведущая вверх лестница, водяные быстро начали подниматься; их босые ноги производили слабый шелестящий звук, который заглушало звяканье ботинок Рафа. Отряд был настороже, готов к неприятностям, и пилот тоже не выпускал из рук станнер.

Однако внезапный маневр на самом верху подъёма удивил его. Землянин не слышал никакого сигнала, но все воины в один миг прижались к стене. Дальгард тоже привлёк Рафа к себе, мускулистая рука разведчика втолкнула пилота в узкую щель. Только один из водяных остался наверху. Он осторожно отодвинул дверь вбок и прополз в проём.

Остальные тем временем нацелили копья на дверь. Раф настроил оружие на максимально широкое действие, как тогда, в туннеле у арены.

Послышился крик, призыв на помощь, и первый смелый водяной вкатился назад. Но не один. За ним вбежали два солдата-чужака. Огненный язык коснулся водяного, прежде чем он смог увернуться. Раф выстрелил, не целясь. Оба часовых упали и неподвижно застыли на площадке.

Дальгард потащил Рафа.

— Путь открыт, — сказал он. В голосе его звучало возбуждение.

17. Свобода в разрушении

Раф ошеломлённо подумал, что они находятся теперь в самом сердце здания. Над ними возвышался шар корабля. У его люка валялись груды ящиков, которые он видел в складе на другом континенте. Разгрузка корабля чужаков была торопливо прервана.

Так как водяные и Дальгард не прятались больше, Раф решил, что они больше не опасаются нападения. Но едва отведя взгляд от корабля, пилот обнаружил, что не только разведчик колонии, но и большинство водяных собрались вокруг него, как будто ждали действий от него.

— В чём дело? — землянин каким-то образом чувствовал это, мысленное давление, желание побудить его что-то сделать. Но упрямое стремление к независимости заставило его сопротивляться. Он не позволит, чтобы его принуждали.

— Наконец-то... — Дальгард заговорил вслух, старательно избегая мысленного контакта, который вызывал такое противодействие Рафа. Как бы ему хотелось, чтобы тут оказался кто-нибудь из старейших Хоумпорта. Так мало времени... Но этот незнакомец практически без усилий может осуществить то, что они должны сделать. Если только удастся убедить его действовать. — Наконец-то мы оказались в сердце того, что осталось от цивилизации Других. Уничтожь его, и уже неважно, смогут ли они убить нас. Потому что мы лишим их будущего.

Раф понял. Поэтому его и привели сюда. Они хотят, чтобы он использовал свои бомбы. И частью сознания пилот уже определял места, куда лучше всего поместить бомбы, где они вызовут самое сильное разрушение. Эта часть сознания признавала логику рассуждений Дальгарда. Раф сомневался в возможности восстановить шар; он знал также, что большая часть снаряжения, которое привезли со склада, невосполнима. Бомбы не предназначались для такого использования. Это оборонительное оружие, так он его и использовал на арене против ящера. Но если их правильно разместить... Руки его уже невольно устремились к закрытому карману на груди.

Дальгард увидел этот жест, напряжение его начало спадать. Но тут незнакомец опустил руки и повернулся к разведчику, упрямо сведя брови.

— Это не моя борьба, — категорически заявил он. — Мне нужно вернуться к флигелю, на корабль...

В чём дело? Дальгард пытался понять. Если чужаки победят, незнакомец окажется в не меньшей опасности, чем и все остальные. Неужели он верит, что Другие позволят основать колонию на принадлежащей им планете?

— Тогда для тебя здесь не будет места, — разведчик заговорил медленно, из всех сил стараясь, чтобы тот понял. — Вам не позволят основать новый Хоумпорт. У вас не будет колонии...

— Вбей в свою тупую башку, — взорвался пилот, — что я не собираюсь основывать колонию! Мы можем улететь с этой проклятой планеты, когда захотим. Мы не собираемся оставаться!

Лицо Дальгарда даже под густым загаром побледнело. Это не корабль беглецов, прилетевший в поисках убежища, как бежало его племя от тирании. Его первые опасения оправдались! Это представитель Мира, несомненно, посланный на поиски потомков тех, кто сбежал от удручающей диктатуры. Стройный, странно одетый землянин может

быть той же крови, что и он сам, но он враг, такой же враг, как Другие!

— Мир! — он сам не понимал, почему произнёс это слово вслух.

Раф рассмеялся.

— Ты живёшь в прошлом. Мир мёртв уже два столетия. Я из Федерации Свободных Людей...

«Когда незнакомец использует свой огонь?» — вопрос сформировался в сознании Дальгарда. Водяные начинали терять терпение, и они были правы. Наступило время не разговоров, но действий. Можно ли убедить Рафа помочь им? Федерация Свободных Людей... свободные люди! Именно ради этого они и сражаются!

— Ты свободен, — сказал он. — Морской народ завоевал свободу, когда Другие воевали между собой. Моё племя пересекло пустоту в поисках свободы, оно заплатило за неё немалой кровью. Но это — это не оружие свободы, — разведчик указал на корабль-шар и на предметы вокруг него.

Водяные больше не ждали. Древками копий они начали разбивать всё, что поддавалось ударам. Но много ли ущерба можно нанести вручную и за короткое время... Раф и так не понимал, почему до сих пор не показалась стража. Вокруг громоздились тайны древней расы, расы, которая некогда владела всей планетой. Пилот бегло вспомнил о том, как жадно стремился к этим тайнам Лабле, о надежде Хобарта получить тут знания и привезти с собой. Но сдержат ли чужаки своё слово? Он больше не верил в это.

Почему бы не дать шанс этим варварам и колонистам? Разумеется, он нарушает самые строгие правила своей службы. Но, может, с исчезновением флиттера он никогда не доберётся до РК-10. Конечно, это не его война. Но он даст слабейшей стороне шанс.

Дальгард вслед за пилотом прошёл в корабль, поднявшись по лестнице в машинный отсек и с любопытством

наблюдал, как Раф осматривает двигатель, чтобы лучше расположить бомбы.

Они уже спускались по лестнице, когда корабль подпрыгнул под ними, выпятились плиты обшивки и огромная трещина разорвала три палубы. Раф безрассудно рассмеялся. Теперь, совершив проступок, он наслаждался разрушением.

— Теперь не скоро сумеют они подняться, — сообщил он Дальгарду, но тот не разделял его торжества.

— Они идут — мы должны поторопиться, — предупредил разведчик.

Выпрыгнув из люка, они обнаружили, что водяные тоже не теряли времени зря. Ящики и тюки беспорядочной грудой валялись среди обломков. Пол усыпало осколки сосудов, от луж поднимался едкий пар. Раф с сомнением посмотрел на лужи. Эти химикалии могут соединиться, и произойдёт взрыв...

Снова Дальгард прочёл его мысль и знаком велел водяным отходить к двери на лестницу. Раф встал у выхода, держа в руке бомбу. Он знал, что настало время сделать самый меткий бросок в жизни.

Пальцы метнули шар, тот чёрной пулей пролетел в туманном воздухе. Ударился о груду материалов. И весь мир скрылся в ослепительной вспышке.

Темно, абсолютно темно. И он раскачивается взад и вперёд в этой тьме. Он шар, он бомба, которую перебрасывают из рук в руки раскрашенные воины, они пронзительно смеются над его болью и продолжают швырять. Страх, такой страх, какого он никогда не испытывал, даже во время старта с Земли, заполнил вены Рафа, исходя из его перетруженного сердца. Он беспомощен в тьме!

«Не один... — слова приходили откуда-то извне, он не знал, то ли услышал, то ли каким-то странным образом почувствовал их. — Ты в безопасности... и ты не один».

Это принесло некоторое успокоение. Но он по-преж-

жнему висел в темноте и в то же время двигался, не мог заставить руки шевельнуться, но двигался. Его несли!

Флиттер... он во флиттере! Они в воздухе. Но кто ведёт машину?

— Капитан! Соринки! — он просил только успокоить его. И тут же понял, что не слышно знакомого гула мотора, отсутствует привычное давление воздуха; он к нему так привык, но лишь теперь осознал его отсутствие.

«Ты в безопасности», — снова слова притворного утешения. Раф попытался шевельнуть руками, повернуть тело, удостовериться, что он во флиттере. Но вот новая мысль, вначале смутная, потом всё более отчётливая, вызывающая панику... Он в шаре чужаков... Он пленник!

«Ты в безопасности!» — слова сформировались в сознании.

— Но где... где?.. — ему казалось, что он кричит во всю силу лёгких. Он должен выбраться из-под этого тёмного покрова, освободиться. Свободен! Свободные люди... Он Раф Курби из Федерации Свободных Людей, член экипажа космического корабля РК-10. Но что-то ещё связано со свободными людьми...

Он чрезвычайно болезненно пытался собрать обрывки картин прошлого, как будто складывая головоломку. Всё закончилось ослепительной вспышкой! Ослепительной...

Раф съёжился — мысленно, если не физически, мозг его ухватился за последнее слово. Ослепительная вспышка, потом бездна тьмы. Неужели он?..

«Ты в безопасности».

Может, и так, думал пилот, страх порождал гнев. Но что, если он — слеп? И где он? Что случилось с тех пор, как взорвалась его последняя бомба?

— Я ослеп, — еле выговорил он и замер, в то же время надеясь, что ему скажут: это неправда, это только твой страх.

«У тебя завязаны глаза», — тут же донёсся ответ, и на какое-то время это его успокоило. Но потом он понял, что это не отрицание его слов.

— Сорики? — попробовал он снова. — Капитан?
Лабле?

«Твои товарищи... — мгновенное колебание, потом правдивый ответ: — улетели. Их корабль поднялся в воздух, когда мы вторглись в центр».

Значит, он не во флилтере, подумал Раф. Значит, он с водяными, с молодым незнакомцем, который утверждает, что принадлежит к забытой колонии землян. Но товарищи не могли оставить его! Раф попытался освободиться, но его удержали.

«Спокойно! — это не уговор, но приказ, резкий, властный. — Ты ранен; мазь должна подействовать. Спи. Тебе нужно спать...»

Дальгард шёл рядом с носилками и пытался использовать всю свою мысленную энергию, чтобы успокоить незнакомца. Теперь он мало напоминал вчерашнего стройного гибкого инопланетянина. С него сняли обгоревшую одежду и покрыли всё тело целительной мазью водяных — это густое желе спасает их от болезней и ран; в гамаке из морских водорослей он напоминал теперь толстый свёрток. Разведчик видел, какие чудеса совершает эта мазь. Теперь оставалось только надеяться.

«Спи...» — снова и снова повторял Дальгард своё внушение, и незнакомец в конце концов расслабился, погрузился в сон. Теперь он должен проспать до завтра.

Они действительно видели, как необычная летающая машина поднялась с крыши. И никто из водяных, переживших битву, развернувшуюся в городе, не видел инопланетян среди живых или мёртвых чужаков. Возможно, посчитав Рафа погившим, они вернулись на свой корабль.

Теперь возникли новые, более настоятельные проблемы. Они сделали всё, чтобы спасти незнакомца, без которого не смогли бы нанести удар, обеспечивающий новое будущее для Астры.

Не все чужаки погибли, хотя многие пали от копий водяных. Гораздо больше морского народа стало жертвой

превосходящего оружия чужаков. Вообще-то, пока чужаки не обнаружили, что повреждён корабль-шар и его груз, они вполне могли считать, что одержали победу, потому что менее четверти напавших вернулось в безопасность подземных путей. Да, Другим это должно было показаться победой. Но... настало время второй чаши весов.

Дальгард сомневался в том, что шар когда-нибудь снова поднимется в воздух. А добыча из склада и вовсе не может быть восстановлена. Этим уничтожением напавшие обеспечили будущее и морского народа, и медленно растущего населения Хоумпорта.

Они уже далеско ушли от города, пробираясь по открытой местности вдоль скалистого хребта, хотя река и предлагала более удобную дорогу к морю. Дальгард пока не представлял себе, как преодолеет обширное водное пространство и вернётся к своим. Водяные, с которыми он штурмовал город, настроены дружелюбно, но он их племя не знает, а они сами связываются с восточным континентом только посланиями, проходящими через острова и глубины.

И ещё этот незнакомец... Дальгард знал, что корабль, который принёс Рафа на эту планету, сел где-то на севере. Возможно, когда раненый оправится, можно будет предпринять вылазку в том направлении. А сейчас просто хорошо быть свободным, чувствовать, как ласковый ветерок гладит кожу, медленно идти под солнцем, неся лишь небольшой узелок с принадлежащими незнакомцу вещами. На поясе снова нож, а вокруг друзья.

Но через четверть часа этот мир был нарушен. Дальгард услышал свист первым, его слух послужил отряду в области, где не помогло утончённое восприятие морских людей. Резкий свист... и он его узнал. По сигналу разведчика большинство водяных бросились в реку, превратились в плывущие тени под поверхностью воды. Только четверо с носилками остались на суше. Дальгард велел им спрятать ношу под каменным выступом и присоединиться к

товарищам. Пока угроза с неба не будет устранина, они не смогут идти в открытую.

Организована ли охота только за ним одним? Руководствуется ли охотник каким-то загадочным встроенным чувством? Дальгард увидел ящик, тот кружил над ущельем, готовый ринуться на добычу.

Если бы не землянин, разведчик мог бы скрыться в воде так же легко и быстро, как его спутники. Но пылota нельзя погружать в воду: пострадает густое покрытие из мази, которая лечит его ужасные ожоги. А Другие? Вышли они за своим механическим псом, как раньше, или нет?

Дальгард разослал ищащие щупальца мысли. Но нигде не встретил ничего, что свидетельствовало бы о близости Других. Похоже, они просто выпустили своего пса, чтобы он причинил как можно больший вред; может, наметил бы пути будущего нападения. Сейчас он кружил один. И Дальгард передал эту информацию водяным.

Если бы они смогли сбить пса... Рука Дальгарда непривычно коснулась шрама на голове, где ящик нанёс скользящий удар. Но как? Хотя водяные удивительно метко бросают копья, разведчик сомневался, что они смогут сбить пса. Его повороты и нырки слишком неожиданны. Что же тогда? Пока пёс летает здесь, они с незнакомцем заперты в ущелье.

Дальгард сел и положил рядом узелок с вещами землянина. Развязал обгоревшую ткань и внимательно осмотрел содержимое. Пояс с его сумками, ножами и инструментами. И оружие, которое незнакомец так эффективно использовал на арене. Дальгард взял пистолет. Лёгкий, укладывается в руку, словно сделан по мерке.

Разведчик прицелился в паривший в вышине ящик, нажал кнопку, как это делал незнакомец, но без всякого результата. Луч станнера, действующий на живые организмы, никак не повлиял на механизм пса. Дальгард отложил оружие. Бомб у них больше не было, да они и неэффективны против такой цели. Насколько он мог

судить, среди вещей Рафа не осталось ничего, что могло бы им сейчас помочь.

Одна из чёрных теней в воде направилась к берегу. Ящик нырнул и устремился к водяному, который побежал в укрытие. Второй последовал за ним, всего на несколько дюймов опередив нападение пса. Ящик гневно загудел.

Дальгард, уловив их мысли, заторопился на помощь. Они развязали гамак, в который был закутан землянин, и оставили раненого в повязках. Теперь в их руках оказалась примитивная сеть, сплетённая, как знал Дальгард, из водорослей. Они достаточно прочны, чтобы удержать чудовище, в десять раз больше ящика. Если только сумеют захватить ящик в сеть!

Дальгард не раз был свидетелем чудес, совершаемых охотниками-водяными, знал их мастерство во владении сетью и копьём. Но поймать летающий ящик — совсем другое дело.

«Нет, не так, — уловил он мысль. — Они и раньше охотились на нас с помощью таких ящиков. Мы считали, что их больше не осталось. Его можно поймать и сломать, иначе он будет охотиться, пока не перебьёт нас всех. Его невозможно сбить со следа. Пора...»

— Я помогу, — сказал разведчик. После первой встречи с псом ему не сильно-то хотелось выполнять задачу, которую придётся выполнить, но им нужна приманка. Ящик должен снизиться на расстояние броска сети.

«Встань и иди к тем скалам», — водяные сменили позицию, пальцы их сжимали сеть, утяжелённую камнями.

И Дальгард пошёл, стараясь не сгибаться и не торопиться. Он увидел тень летящей смерти и немедленно бросился на землю у камня, на который указали водяные. И откатился в сторону, удивлённый, что удар не последовал.

Пёс оставался в воздухе, однако сеть надёжно спеленала его; ящик рывками тщетно пытался подняться, но

камни в сети тащили его вниз. Можно было подумать, что это разумное существо. Водяные гурьбой выбирались из воды, хватая на ходу камни. Целый поток булыжников взвился в воздух, в то же время другие водяные ухватили сеть за концы и стали тянуть вниз.

В конце концов ящик разбили на куски, которые погребли под грудой камней. Потом снова осторожно уложили Рафа в сеть и отправились вниз по течению, торопясь добраться до моря. Дорогой Дальгард размышлял, когда Другис обнаружат, что стало с их псом. Или ящик поддерживал постоянную связь с хозяевами, и они уже знают, что их орудие уничтожено. В любом случае, теперь беглецам нечего было бояться, путь к морю лежал открытым.

На утро второго дня они увидели песок, а за ним волны, которые обещали безопасность и спасение водяным. Дальгард сел на серо-голубой песок рядом с Рафом. Морской народ заверил его, что незнакомец быстро поправляется, через несколько часов он сможет выйти из своего лечебного кокона.

Дальгард, прищурясь, смотрел на солнечные зайчики, плясавшие на волнах. Куда теперь? На север, где землянина ждёт космический корабль? Если то, что он прочёл в сознании Рафа, верно, тот хочет покинуть Астру, вернуться на планету, которая для Дальгарда только легенда, и при этом легенда страшная. Если бы здесь были старейшие, они смогли бы вступить в контакт с этими людьми с Земли... Глаза Дальгарда сузились. А стали бы они это делать? Новые мысли начали возникать в его голове за те часы, что он сопровождал незнакомца. Он почти пришёл к решению, которое показалось бы ему очень странным всего несколько дней назад.

Нет, привести сюда старейших невозможно, да и нельзя перекладывать на них тяжесть решения. Дальгард сжал подбородок рукой. Он попытался представить себе, каково это — закрыться в космическом корабле и слепо лететь от одной планеты к другой. Его предки проделали это, и

летели они в холодном сне, не зная, достигнут ли цели. Они были очень храбрыми или очень отчаянными людьми.

Но... Дальгард смотрел на небо, солнце, песок, на водяных, резвящихся в воде... Для него достаточно Астры. Ему ничего не нужно, кроме этой планеты, этого мира. Ничто не влечёт его назад. Ради землянина он постарается отыскать корабль: Астра в долгу перед Рафом. Но космический корабль теперь так же чужд Хоумпорту, как шар чужаков.

18. Пока ещё нет...

Раф лежал спиной на мягком песке, повернув лицо к небу. Последние капли растаявшей мази заполняли глаза, стекая по щекам. Он пытался заставить себя видеть. Жёлтый туман, который был днём, постепенно превратился в серый, а потом и в чёрный, о котором он боялся говорить. Где-то над ним сверкали ледяные точки звёзд, но он их не видел. Они далеко, но он ещё дальше от безопасности, от комфорта (сейчас космический корабль казался ему рабом), от современной медицины, которая может спасти ему зрение.

Вероятно, он должен был испытывать благодарность перед этим медленным голосом, который говорил с ним из тумана, перед успокаивающей мыслью, когда страх чуть не подводил его к грани срыва. Каким-то образом его увеличили от чужаков, лечили ожоги и раны, его вели, кормили, о нём заботились... Почему они не уйдут и не оставят его одного? У него всё равно нет шансов вернуться на корабль...

Он слишком хорошо помнил горы, непроходимые вершины, над которыми пролетал флиттер. Ни одного шанса из миллиона на то, чтобы преодолеть эти горы и обширные равнины за ними до поля, где стоит готовый к старту РК-10. К тому же экипаж должен считать его мёртвым. Раф сжал кулаки, и песок заскрипел у него между паль-

цев. Почему он не умер? Почему этот варвар утащил его сюда, зачем продолжает ухаживать за ним, сует пищу в руки? А руки — всего лишь смутные очертания, когда он подносит их к напрягающимся больным глазам.

— Всё не так плохо, как ты думаешь, — снова раздались слова из тумана; они звучали мягко, и эта мягкость буквально резала нервы Рафа. — Нельзя вылечиться за секунду, даже за день. Нельзя заставить вернуться силы...

Рука, тёплая, полная жизни, коснулась его лба, человеческая рука, а не холодная чешуйчатая рука мохнатого. Но и такие руки за последние дни прикасались к нему, поддерживали, вели, подавали еду и воду. И при уверенном знакомом прикосновении он почувствовал, как страх уходит, расслабился.

— Мой корабль... Они улетят без меня! — пилот ничего не мог поделать с собой, голос прозвучал жалобно, как и много раз раньше во время этого туманного кошмарного путешествия.

— Пока ещё не улетели.

Раф замахал руками, забился, гневно развернулся в сторону, где, как он считал, находился собеседник.

— Откуда ты знаешь?

— Пришло слово. Корабль ещё здесь, хотя маленький флаер вернулся к нему.

Эта уверенность — что-то новое. Опасения Рафа не устояли против этой спокойной уверенности. Он с трудом встал на ноги. Если корабль ещё здесь, его считают живым... Они придут за ним! У него есть шанс... настоящий шанс!

— Они ждут меня... За мной придут!

Пилот не видел, с каким серьёзным выражением лица слушает его Дальгард. Корабль сущё не улетел, это сообщение пришло на юг, его передали прыгуны и водяные. Но разведчик сомневался, что исследователи ждут возвращения Рафа. Он полагал, что они не улетели бы из города, если бы считали пилота живым.

А что касается похода на север... Он представил себе

местность впереди, вспомнил, что рассказывали морские люди. Это можно будет сделать, но не сейчас, когда нужно заботиться о Рафе, когда у Дальгарда нет даже шлюпки. Им потребуются дни, вероятно, недели, чтобы преодолеть расстояние до равнины, на которой стоит корабль.

Но он в долгу у Рафа, а сейчас лето, тёплое и спокойное время года. Пока что он не думал о возвращении в свои земли. Возможно, они оба обречены на изгнание. Пока не следует об этом думать. Ещё не всё испробовано. И потому он охотно сказал:

— Мы пойдём на север.

Раф снова сел на песок. Ему хотелось бежать, двигаться, пока ноги не смогут нести его дальше. Но он подавил этот безумный порыв и лёг. Хотя и сомневался, что сможет уснуть.

Дальгард смотрел на звёзды, строил планы на завтра. Им нужно будет идти вдоль берега, чтобы поддерживать контакт с морскими людьми; хотя здесь водяные селились не так охотно, как на восточном континенте: слишком долго жили они в страхе перед Другими.

Но с того времени, как отряд достиг берега, не последовало никаких попыток мести. Прошло уже несколько дней, и Дальгард считал, что теперь им нечего бояться. Возможно, удар, который они нанесли, оказался ещё сильнее, чем они надеялись. С того часа в ущелье он без устали вслушивался во все звуки, чтобы не упустить свист механических псов. Но так и не услышал. Может, то был их последний. Такая мысль подбадривала.

Наконец разведчик лёг рядом с инопланетянином, погружаясь в шелест мягкого плеска волн на песке, отдалённое жужжаниеочных насекомых. И последней его мыслью было желание вернуть свой лук.

Последовал новый день терпеливого продвижения, потом второй, третий. Раф, которого вели за руку, переводили через камни и другие препятствия, которые казались ему лишь тёмными пятнами, внутренне — а

иногда внешне — негодовал, сердился на медленность продвижения, на собственную беспомощность. Страх его с каждым днём рос, и он уже не мог поверить, что пятна постепенно становятся отчётыми, что он способен пересчитать пять пальцев на руке, когда отчаянно размахивал ладонью перед глазами.

Говоря о будущем, он никогда не произносил «если мы дойдём до корабля», всегда говорил «когда»; он отказывался признавать, что, возможно, они опоздают. И Дальгард, видя его беспокойство, пытался раздобыть новые известия с севера.

— Когда мы доберёмся до корабля, ты полетишь с нами на Землю? — неожиданно спросил пилот на пятый день.

Дальгард и раньше задавал себе такой вопрос. Но теперь он знал ответ.

— Мы **ещё не готовы**...

— Не понимаю, — голос Рафа прозвучал почти категорично. — Это ведь твой дом. Мира больше нет; Федерация радостно примет тебя. Подумай, что это значит. Земная колония среди звёзд!

— Земная колония... — Дальгард протянул руку, помогая Рафу идти по щебню. — Да, когда-то мы были земной колонией. Но... ты можешь сейчас поклясться, что я — землянин, **такой же, как ты?**

Раф посмотрел на смутную фигуру, пытаясь вспомнить черты лица. Разведчик был среднего роста, чуть миниатюрнее астронавтов, с которыми пилот прожил так долго. Волосы у него светлые, кожа тоже — под загаром. У него необыкновенно лёгкая походка и большая сила, которую испытал на себе Раф. Но всё перекрывали сбивающая с толку способность читать чужие мысли и другие отличия.

Дальгард улыбнулся, хотя пилот не мог этого увидеть.

«Видишь, — колонист сознательно использовал мысленный контакт, чтобы подчеркнуть своё отличие. — Мы происходим от одного корня, но теперь из этого корня выросли разные деревья. И нас нужно на время оставить

одних, прежде чем мы снова сольёмся. Мой прапрапрадед был землянином, но кто я?.. В нас есть нечто, чего нет у вас; и вы тоже за столетия разъединения выработали особенности сознания и тела, о которых мы не знаем. Вы живёте с машинами. А у нас не было возможности ремонтировать машины и строить новые, и потому мы двинулись в другом направлении. Пойти сейчас назад означает отказаться от тех тайн, которые мы ещё не исследовали до конца, отказаться от ещё не совершенных открытий. Для тебя я варвар, едва ли выше на шкале цивилизации, чем водяные...»

Раф покраснел, наверное, он попытался бы вежливо откреститься от этих слов, если бы не знал, что его мысли прочитаны. Дальгард рассмеялся. Он смеялся не над пилотом, скорее, приглашал его посмеяться вместе.

И Раф вопреки своему желанию тоже улыбнулся.

Но тут ему в голову пришёл довод, который собеседник не приводил.

— А что если вы так далеко зайдёте, что мы потеряем общую почву для понимания? — он даже забыл о собственных проблемах.

«Я не верю, что это может случиться. Возможно, мы изменимся физически: климат, пища, образ жизни — всё это действует на тело. Может измениться и мозг; с каждым новым поколением мы всё лучше слышим мысли, всё увереннее общаемся с водяными и животными. Но любое человечество, чьи предки родились на Земле, навсегда сохранит общее наследие. Наверняка есть и ещё найдутся другие затерянные колонии среди звёзд. Мы не единственные беглецы от Мира, к тому же до периода тирании предпринимались по крайней мере две галактические экспедиции.

И когда через тысячи лет незнакомец встретится с незнакомцем, если они сделают знаки мира и сядут рядом, то обнаружат, что понимание даётся легко, хотя один из них может показаться другому чудовищем. Однако сейчас мы должны идти своим путём. Мы — юноши,

ступившие на дорогу испытаний, а старейшие желают нам добра, но держатся в стороне».

— Ты не хочешь получить то, что мы можем предложить? — для Рафа это была новая мысль.

«А ты на самом деле хочешь получить то, что предлагали жители города?»

Слова отрезвляющие подействовали на пилота. Он очень хорошо вспомнил, какое нежелание, недоверие, даже страх испытывал по отношению к вещам, которые приносили со склада, как в глубине души надеялся, что Хобарт и Лабле не захотят получать знания чужаков. Если бы он не испытал такое отвращение, то не смог бы уничтожить шар и сокровища, нагромождённые вокруг.

— Но мы ведь не они! — гневно возразил он. — Мы многое можем для вас сделать.

«Неужели? — вопрос погрузился в сознание, как камень в пруд, оставив расходящиеся круги мыслей. — По-моему, тебе было бы неплохо побывать в Хоумпорте. Тогда ты легче бы всё понял. Конечно, ваше знание не разлагающее, оно не несёт с собой семена гибели, как знание Других. Но для нас принять его — слишком легко. Идти по лёгкому пути, забыть всё, чего мы достигли. Дай нам время...»

Раф прикрыл руками слезившиеся глаза. Ему так хотелось увидеть лицо Дальгарда, прочесть его выражение. И каким-то образом он смог его увидеть, серьёзное лицо, такое же искреннее, как мысли.

«Вы вернётесь, — уверенно заявил Дальгард. — И мы будем ждать вас, потому что ты, Раф Курби, сделал это возможным», — голос его прозвучал так торжественно, что Раф удивлённо взглянул на собеседника.

«Уничтожив сердце Других, ты предоставил нам шанс. Если бы ты не сделал этого, и мы, и водяные, и множество других безвредных счастливых жителей этой планеты погибли бы. И не было бы надежды на новое начало, только тьма и ужасный конец».

Раф мигнул; к его удивлению, фигура не заколебалась;

за гордо поднятой головой он увидел бирюзовое небо. Он различал цвета!

— Да, теперь ты сможешь видеть и глазами, и мозгом, — Дальгард заговорил вслух. — И если Дух, который правит космосом, будет добр, ты вернёшься к своим. Потому что ты хорошо послужил Ему.

И словно устыдившись своей торжественности, Дальгард закончил самым прозаическим вопросом:

— А не поесть ли нам моллюсков?

Бродя по мягкому песку, Раф чувствовал себя счастливее, свободнее, чем когда-либо раньше. Всё будет в порядке. Он видит! Он найдёт корабль! Пилот рассмеялся и услышал ответный смех, а потом торжествующий вопль: разведчик нашёл добычу.

А после еды Дальгард задал неожиданный вопрос, который поначалу не показался Рафу важным.

— У тебя есть близкий друг в экипаже корабля?

Раф чуть поколебался. Есть ли у него друзья на РК-10? Разумеется, не Вонстед, с которым он делил каюту. Его совершенно не беспокоило, увидятся ли они снова. Офицеры, специалисты, как Лабле, — одно за другим он вспоминал их лица и тут же отбрасывал. Сорики... Он не может утверждать, что связист его близкий друг, но по крайней мере они лучше узнали друг друга за последнее время.

Дальгард как будто прочёл его мысли — вероятно, так оно и было, но Раф ощутил лишь след прежнего негодования. Разведчик задал новый вопрос:

— А каков он? На кого похож?

Пилот не понимал, зачем это, но постарался ответить, вначале описав внешность связиста, потом, основываясь на догадках, постарался показать, что у того внутри.

Дальгард лежал на спине, глядя в зелёно-голубое небо. Но Раф знал, что разведчик внимательно слушает каждое слово. К ним тихо подошёл водяной, сел, скрестив ноги, рядом с разведчиком, как будто тоже слушая описание человека, которого никогда не увидит. Потом появился

второй морской житель, третий, и вскоре вокруг Рафа собрался молчаливый совет. Пилот продолжал говорить и только когда он закончил, Дальгард объяснил.

— Требуется много-много дней, чтобы добраться до твоего корабля. И прежде чем мы совершим это путешествие, твои товарищи могут улететь. Поэтому мы попробуем кое-что другое — с твоей помощью.

Раф невольно коснулся узелка со своими вещами. Нет даже шлема с наушниками.

— Нет, — Дальгард явно читал его мысли. — Твои машины для нас бесполезны. Мы испробуем свой способ.

— Как? — мелькнула дикая мысль о сигнальном костре... Но разве из-за гор его можно увидеть? Или какое-то импровизированное связное устройство...

— Я же сказал — свой способ, — на лице Дальгарда засияла улыбка, прояснившееся зрение помогло Рафу её увидеть. — Мы создадим машину другого типа, а они, — он указал на водяных, — они дадут нам энергию. По крайней мере, я на это надеюсь. Ложись, — Дальгард жестом указал на песок, — и думай только о своём друге на корабле — в его естественном окружении. Постарайся подольше удержать эту картину в сознании, пусть никакие другие мысли не мешают.

— Ты хочешь... послать мысленное сообщение? — недоверчиво произнёс Раф.

— А разве я не связался с тобой в городе... даже ещё ничего о тебе не зная? — напомнил разведчик. — Такая связь вдвойне возможна, если речь идёт о друзьях.

— Но мы тогда были близко друг от друга.

— Для этого и нужны они, — Дальгард снова показал на водяных. — Для них это естественная форма связи. Они подхватят твою мысль, усилят её и пошлют на север. И так как твой друг связист, будем надеяться, что он окажется чувствительным к этому методу.

Но Раф отнюдь не был убеждён, что способ подействует

ет. Хотя и вспомнил, что Дальгард действительно установил с ним контакт ещё до того, как они встретились. Именно тот молчаливый призыв о помощи и вовлёк Рафа в приключения. И теперь тот же способ должен помочь ему.

Он послушно вытянулся на песке и закрыл глаза, стараясь представить себе Сорики в тесной рубке связи; Сорики сидит на откинутом стуле, сидит неподвижно, расслабившись, внешне бездеятельно, как много раз приходилось видеть Рафу. Сорики — широкое лицо с плоскими скулами, большой улыбчивый рот, глаза с тяжёлыми веками. Представив себе лицо связиста, он вообразил, что стоит перед ним, и что они разговаривают.

— Приходи... приходи и забери меня... на юг... на берег моря... Сорики, приходи и забери меня! — слова превратились в нечто вроде песни, песня эта устремилась к знакомому лицу в знакомом окружении. — На юг... приходи и забери меня... — Раф старался думать только об этом, не позволяя другим мыслям прервать песню, потревожить картину, вызванную из памяти.

Пилот не мог сказать, сколько продолжались эти попытки установить связь, потому что постепенно от глубочайшей сосредоточенности перешёл ко сну, глубокому, без сновидений, и проснулся, чувствуя, что произошло что-то важное. Получилось ли?

Кольцо водяных исчезло, наступал рассвет, серый, холодный, в воздухе чувствовалось приближение дождя. Раф был на удивление спокоен. Зрение его вновь немногого улучшилось по сравнению со вчерашним днём. Но получилось ли у них? Он встал, отряхивая песок, и увидел выходящего из воды разведчика. У того на копьё была наколота рыба.

— Мы связались? — спросил Раф.

— Твой друг не может ответить мыслью, поэтому мы не знаем. Позже попробуем ещё раз, — Рафу показалось, что лицо Дальгарда осунулось, колонист имел измучен-

ный вид, словно недавно ему пришлось выполнить изнурительную работу. Разведчик брёл к берегу медленно, не той энергичной походкой, которую Раф привык с ним связывать. Садясь и начиная потрошить рыбу костяным ножом, Дальгард повторил: — Попробуем ещё раз!..

Но всего полчаса спустя, когда с моря пришёл дождь, Раф уже знал, что повторной попытки не потребуется. Он поднял голову, лицо его оживилось. Он так давно знал этот звук, что не мог ошибиться — гул мотора флиттера прорезал шорох падающей воды. Окружающие утёсы, должно быть, усилили этот звук, потому что самой машины он ещё не видел. Но она приближалась. Землянин повернулся к Дальгарду и увидел, что тот уже на ногах и поднимает копьё.

— Это флиттер! Сорики услышали... они идут! — потопился заверить колониста Раф.

И тут пилот в последний раз увидел медленную тёплую улыбку Дальгарда, увидел яснее, чем раньше. Потом разведчик повернулся и пошёл к окружавшим их скалам. Но прежде чем исчезнуть из виду, приветственно поднял копьё.

— Быстрого и благополучного пути! — так прощаются в Хоумпорте.

И Раф понял. Колонист говорил серьёзно. Он не хотел контакта с космическим кораблём. У Рафа он был в долгу, но теперь этот долг выплачен. И ещё не пришло время встречи людей Астры и Земли. Может, через сто лет — или тысячу... но пока ещё нет. Вспомнив, как он вызвал флиттер, Раф перевёл дыхание. Чего достигнут люди Астры за сто лет? Сравнятся ли когда-нибудь с ними жители Земли? Это вызов, и лишь он один знает об этом вызове. Хоумпорт останется его тайной. Его спасли и привели сюда водяные. А что касается РК-10 и его экипажа — для них Дальгард и его племя не существуют.

В последний раз испытал он близость мысленного контакта.

«Ты прав... брат!» — и тут же контакт прервался, а из туч показалась чёрная точка флиппера.

Из-за скал Дальгард смотрел, как пилот садится в необычную машину. На мгновение ему захотелось крикнуть, побежать туда, поддаться желанию увидеть этих людей, увидеть корабль, который пронес их через космос и принесёт, они в это верят, назад, на Землю, которая для него только легенда из прошлого. Но он подавил это желание. И всю оставшуюся жизнь будет он хранить свою тайну... у него хватит воли, чтобы в Хоумпорте никогда ничего не узнали. Время... им нужно время. Через сто лет... или тысячу... Но пока ещё нет!

Содержание

ЗВЁЗДЫ ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ! 3

Перевод Д. Арсеньева

РОЖДЁННЫЕ СРЕДИ ЗВЁЗД 193

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон
Астра

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов Ильгар

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.09.94 г. Подписано в печать 25.11.94 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 16,3.
Физ. п. л. 11,5. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2891.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Издательство «Зеленоградская книга»
103478, Москва, г. Зеленоград, корп. 448, к. 1
Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

